МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

SHOUT
SHARE
IT

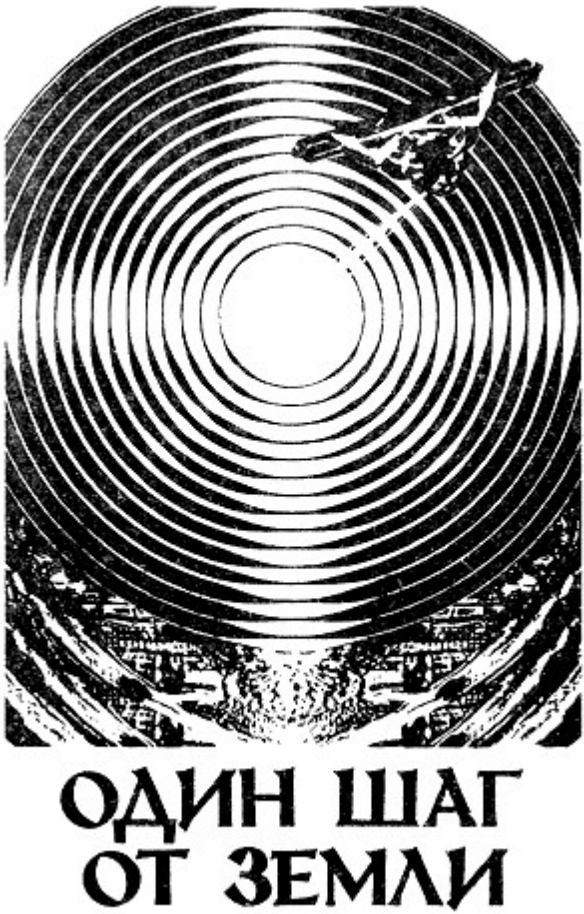
Annotation

Harrison Harry. Short Stories: One Step from Earth. 1970.
Harrison Harry. The Best of Harry Harrison. 1976.

- Гарри Гаррисон
  - ОДИН ШАГ ОТ ЗЕМЛИ
    -
    - ОДИН ШАГ ОТ ЗЕМЛИ
    - ДАВЛЕНИЕ
    - НИ ВОЙНЫ, НИ ЗВУКОВ БОЯ
    - ЖЕНА БОГА
    - КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ
    - ХРАНИТЕЛИ ЖИЗНИ
    - ИЗ ФАНАТИЗМА ИЛИ ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ
    - ТРУДНАЯ РАБОТА
    - ИСТОРИЯ КОНЦА
  - ЛУЧШЕЕ ГАРРИ ГАРРИСОНА
    -
    - ПРОНИКШИЙ В СКАЛЫ
    - КАК УМЕР СТАРЫЙ МИР
    - НАКОНЕЦ-ТО ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ФРАНКЕНШТЕЙНА
    - НЕМОЙ МИЛТОН
    - ПРЕСТУПЛЕНИЕ
    - ЕСЛИ
    - Я — НА СВОЕМ ПОСТУ
    - У ВОДОПАДА
    - ДРЕВО ЖИЗНИ
    - БЕГИТЕ ГРЕШНИКИ
    - СОСЕДИ
    - ДОБРОСОВЕСТНАЯ РАБОТА
    - КОСМИЧЕСКИЕ КРЫСЫ ДДД
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Гарри Гаррисон
РАССКАЗЫ
Миры Гарри Гаррисона. Том 14

ОДИН ШАГ ОТ ЗЕМЛИ
One Step from Earth



ОДИН ШАГ ОТ ЗЕМЛИ

Ландшафт был мертв. Он и не жил никогда, родившись мертвым, когда начали формироваться планеты — выкидыш, сцепленный из валунов, грубого песка и зазубренных скал. Воздух, разреженный и холодный, скорее походил на космический вакуум, чем на атмосферу, способную поддерживать жизнь. И хотя время близилось к полудню, а крошечный солнечный диск полз высоко над горизонтом, небо было темным

и тусклый свет заливал бугристую равнину, никогда не знавшую, что такое след ноги. Тишина, одиночество, пустота.

Двигались только тени. Солнце медленно проползло свой путь и закатилось за горизонт. Наступила ночь, а с ней — еще более жестокий мороз. Под усеянным звездами небосводом в глухой тишине миновала ночь, и над противоположным горизонтом снова показалось солнце.

Затем что-то изменилось. Высоко в небе солнце отразилось от какой-то блестящей поверхности — движение в мире, до сих пор его не знавшего. Искорка выросла в пятнышко света, внезапно расцветшее длинными лепестками пламени. Пламя приближалось, становясь все ярче, и зависло над поверхностью, выметая пыль и оплавляя камни. Потом погасло.

Приземистый цилиндр пролетел вниз последние несколько футов и опустился на широко расставленные опоры. Спружинили амортизаторы, гася удар, потом медленно распрямились, выравнивая корпус аппарата. Несколько секунд он еще покачивался, потом замер.

Ползли минуты, но ничего больше не происходило. Давно уже улеглась пыль, а расплавленный шлак затвердел и потрескался от холода.

Внезапно короткие взрывы отстрелили кусок боковой стенки цилиндра, отшвырнув его на несколько ярдов. Капсула слегка качнулась, но вскоре она снова замерла. Отброшенная пластина прикрывала несколько небольших приборов, окружавших серую пластину диаметром около двух футов, напоминающую задраенный иллюминатор.

Некоторое время опять ничего не происходило, словно некий потайной механизм отсчитывал время. Наконец он принял решение, потому что из отверстия с тихим жужжанием стала вылезать антенна. Сперва она ползла перпендикулярно бокс капсулы, пока не показалась изогнутая секция, потом стала медленно подниматься и наконец задралась в небо. Она еще поднималась, а на ее конце, прикрепленная к штанге, зашевелилась компактная телекамера, неуверенно поворачиваясь в разные стороны. Поднявшись над круглой пластиной, она повернулась в ее сторону и уставилась на грунт перед нею, после чего удовлетворенно замерла.

С громким щелчком круглая пластина изменила цвет и облик. Она стала совершенно черной; казалось, она шевелится, оставаясь на месте. Секунду спустя сквозь ее поверхность, словно через распахнутую дверь, прошел прозрачный пластиковый контейнер, упал и перекатился.

Сидящая в контейнере белая крыса сперва испугалась,

шлепнувшись на бок, когда контейнер упал на грунт. Вскочив, она заметалась, пытаясь уцепиться коготками за гладкие стенки и соскальзывая на дно. Вскоре она успокоилась и уставилась на серую пустыню, помаргивая розовыми глазками. Но смотреть там было не на что, потому что ничто не шевелилось. Крыса уселась и стала приглаживать лапками длинные усы. Холод еще не проник сквозь толстые стенки.

* * *

Изображение на телевизионном экране было сильно смазанным, но, если учесть, что его передавали с поверхности Марса на орбитальный спутник, затем на лунную станцию и лишь потом на Землю, лучшего ожидать не приходилось. Несмотря на помехи и рябь, на экране был четко виден контейнер с шевелящейся внутри крысой.

— Успех? — спросил Бен Данкен, жилистый, плотный мужчина с коротко подстриженными волосами и загорелой, задубевшей кожей. Сеть морщинок в уголках глаз наводила на мысль, что ему часто приходилось щуриться или от сильного холода, или от пылающего солнца — и то, и другое имело место. Цветом лица он резко отличался от техников и ученых за пультами и приборами — если не считать нескольких негров и пуэрториканца, все они обладали характерной для горожан бледностью.

— Пока все вроде нормально, — отозвался доктор Тармонд. Он очень гордился своей ученой степенью по физике, полученной в Массачусетском технологическом, и настаивал, чтобы к нему всегда обращались «доктор». — Форма волны превосходная, затухания нет, отклик ровный, отклонение переданного контрольного объекта от расчетных координат — одна и три десятых. Лучше не бывает.

— Когда мы сможем отправиться?

— Примерно через час, может, чуть позже — если биологи дадут добро. Им наверняка захочется изучить поведение первого пересланного животного, а может, послать еще одно. Если все окажется в порядке, вы с Тэслером отправитесь сразу же, пока условия оптимальные.

— Да, конечно, не стоит тянуть, — поддакнул Отто Тэслер. — Извините, — добавил он и торопливо отошел.

Это был маленький человечек в массивных очках, с редеющими светлыми волосами. Он проводил долгие часы у лабораторного стола, а потому сутулился и выглядел старше

своих лет. И нервничал. Лицо его покрывали мелкие бисеринки пота, и меньше чем за час он уже в третий раз отлучался в туалет. Доктор Тармонд это тоже заметил.

— У Отто поджилки трясутся, — бросил он. — Но хлопот с ним, похоже, не будет.

— Как только мы окажемся на месте, он сразу придет в себя. Люди обычно волнуются, когда вынуждены ждать, — сказал Бен Данкен.

— А вас ожидание разве не волнует? — полюбопытствовал Тармонд с едва заметным ехидством.

— Разумеется, волнует. Но для меня ожидание — вещь привычная. И хотя мне еще не доводилось отправляться на Марс при помощи передатчика материи, кое в каких переделках побывать пришлось.

— Я думаю. Вы ведь что-то вроде профессионального искателя приключений. — Теперь в голосе Тармонда звучала неприкрытая злость — недоверие человека, привыкшего командовать, к тому, кто сам себе хозяин.

— Не совсем. Я геолог и петролог. Некоторые из редкоземельных элементов, использованных в вашей аппаратуре, добыты из открытых мною месторождений. А они не всегда находятся в самых доступных местах.

— Вот и хорошо. — Ровный тон Тармонда не соответствовал его словам. — У вас богатый опыт по части заботы о себе, поэтому вы сможете помочь Отто Тэслеру. Он будет главным, ему предстоит сделать всю работу, а ваша задача — ему помогать.

— Само собой, — буркнул Бен, повернулся и вышел.

Сотрудники фирмы держались с кастовой замкнутостью и даже не пытались скрывать, что Бен так и остался для них чужаком. Его ни за что бы не наняли, если бы сумели отыскать нужного человека среди своих, «Трансматерия, лимитед» была богаче многих правительств и даже могущественнее некоторых из них, но фирма прекрасно сознавала ценность человека на своем месте. Отыскать инженера, досконально знакомого с передатчиком материи, не составило труда — нужно было лишь подобрать подходящего человека из штата и предложить ему стать добровольцем. У Отто, всю жизнь проработавшего в фирме, выбора просто не оказалось. Но вот кто обеспечит его безопасность? В перенаселенном мире 1993 года осталось очень мало неисследованных уголков и еще меньше людей, знающих, как в таких местах выжить.

Вертолет прилетел за Беном прямиком в Гималаи. Под нажимом «Трансматерии» его поисковую экспедицию отменили, а взамен прежнего контракта предложили гораздо более выгодный.

Его чуть ли не силой заставили подписать, но Бен не стал возмущаться. Фирма так и не поняла, а Бен им, конечно, не сказал, что он отправился бы на Марс и за одну десятую предложенной ему впечатляющей суммы — или даже бесплатно. Этим кабинетным червям и в голову не могло прийти, что он сам хотел совершить такое путешествие.

Заметив неподалеку дверь на балкон, Бен вышел посмотреть на город. Он набил трубку табаком, но раскуривать не стал — скоро от курения придется отказаться, а начать привыкать можно прямо сейчас. На такой высоте воздух оказался вполне свежим, но внизу его туманила дымка смога. До самого горизонта тянулись мили зданий и улиц — тесных, забитых машинами и людьми. В любом городе Земли с балкона открывался один и тот же вид. Или еще хуже. Сюда Бен летел через Калькутту и до сих пор не избавился от кошмарных снов.

— Мистер Данкен, поторопитесь, пожалуйста. Вас ждут.

Техник переминался с ноги на ногу и взволнованно сжимал кулаки, придерживая ногой дверь. Бен улыбнулся и неторопливо протянул ему свою трубку.

— Сохрани, пожалуйста, до моего возвращения.

Ассистенты почти закончили одевать Отто, когда вошел Бен. К нему тут же бросились, стянули комбинезон, потом белье, и принялись облачать в защитный костюм, нижнее белье с подогревом, поверх него обтягивающее шелковое трико, затем электрообогреваемый комбинезон и такие же носки. Все было проделано быстро. Когда на путешественниках застегивали верхние комбинезоны, появился доктор Тармонд и одобрительно осмотрел их.

— Не застегивайтесь до конца, пока не войдем в камеру, — сказал он. — Пошли.

Похожий на наседку во главе выводка, он повел их через помещение с передатчиком мимо шкафов с аппаратурой. Техники и инженеры оборачивались им вслед, кто-то даже радостно гикнул, но тут же смолк под ледяным взглядом Тармонда. Двое диспетчеров, поджидавших в барокамере, закрыли и загерметизировали дверь за Тармондом и двумя тяжело одетыми мужчинами, которые уже начали потеть. Когда в камеру стал поступать холодный воздух, Тармонд набросил теплое пальто.

— Пошел предстартовый отсчет, — сказал он. — Я еще раз повторю инструкции. — Бен с тем же успехом мог проинструктировать его и сам, но промолчал. — Сейчас мы понижаем температуру и давление, пока они не сравняются с марсианскими. Согласно последним показаниям приборов, температура там стабильно держится на сорока восьми градусах

ниже нуля. Атмосферное давление — десять миллиметров ртутного столба. Сейчас мы снижаем его до этой величины. Измеримые количества кислорода в атмосфере отсутствуют. Не забудьте — маски снимать ни в коем случае нельзя. В камере мы дышим почти чистым кислородом, но перед уходом вы наденете маски… — Он сделал паузу и зевнул, выравнивая наружное давление с давлением во внутреннем ухе. — Мне пора перейти в шлюз.

Он вышел и закончил инструктаж из шлюза, глядя через встроенное окошко, Бен не обращал внимания на монотонное бормотание Тармонда, а Отто, кажется, был слишком испуган, чтобы слушать. В батарее на пояснице Бена замкнулось реле термостата, и он почувствовал, как разогреваются прокладки в комбинезоне. Кислородный баллон висел на спине. Надев маску со встроенными очками, он привычно прикусил загубник шланга и вдохнул.

— Первому приготовиться. — В разреженной атмосфере голос Тармонда казался скрипучим и далеким.

Бен в первый раз посмотрел на встроенный в противоположную стену — блестящий черный диск передатчика материи. Когда Бен ложился лицом вниз на стол, один из ассистентов швырнул в него тестовый кубик, и пока стол подкатывали ближе к экрану, пришло сообщение о том, что все в порядке.

— Погодите, — попросил Бен.

Стол остановился. Бен обернулся, взглянул на Отто Тэслера, сидящего в напряженной позе лицом к стене, и догадался, какой ужас застыл сейчас на его лице.

— Расслабься, Отто. Дело пустяковое, выеденного яйца не стоит. Я тебя буду ждать на том конце. Расслабься и лови кайф, приятель, — ведь мы сейчас историю делаем.

Отто не отозвался, но Бен и не ждал ответа. Чем скорее завершится эта стадия эксперимента, тем лучше. Они неделями отрабатывали этот маневр, и теперь Бен автоматически принял нужное положение. Правая рука вытянута вперед, левая прижата к боку. Стол покатился вперед, экран передатчика материи, похожий на большой черный глаз, становился все больше, пока не заслонил собой весь мир.

— Валяйте! — приказал Бен и ощутил плавный толчок в спину.

Скольжение. Исчезли кисть, запястье, потом рука. Никаких ощущений. Мгновенный ужас и боль, когда проходила голова, — и в следующее мгновение он увидел камешки на грунте. Отшвырнув тестовый кубик, он вытянул руку, смягчая падение.

Затем прошли вторая рука и ноги. Упав и легко перекатившись в сторону, он наткнулся бедром на что-то твердое.

Бен сел, потирая ушибленное место, и взглянул на пластиковый контейнер, на который его угораздило свалиться. Внутри лежала мертвая крыса — окоченевшая, с открытыми глазами. Да, приятное предзнаменование. Он быстро отвернулся и вспомнил инструктаж. Микрофон висел на том же месте, что и на тренировочном макете. Бен нажал кнопку.

— Бен Данкен — центру управления. Прибыл благополучно, проблем нет.

В этот исторический момент вообще-то следовало бы что-то добавить, но Бена покинуло вдохновение. Он взглянул на пологие темные холмы, на кратер неподалеку, на крошечное яркое пятнышко солнца. Что тут, собственно, говорить?

— Посылайте Отто. Конец связи.

Он встал, отряхнулся и посмотрел на блестящую пластину. Прошло несколько минут, прежде чем динамик едва разборчиво прохрипел:

— Вас поняли. Приготовьтесь к встрече. Посылаем Тэслера.

Рука Отто появилась едва ли не раньше, чем смолк голос. Радиоволны добираются до Марса почти четыре минуты, а передатчик материи действует почти мгновенно, поскольку посылает сигнал через пространство Бхаттачарья, в котором время, в его привычном представлении, попросту не существует. Рука Отто безжизненно висела, Бен обхватил его за плечи и опустил на землю. Перевернув напарника на спину, Бен увидел, что его глаза закрыты, но дышит он ровно. Наверное, потерял сознание. Спецы называют это передаточным шоком — дело известное. Через пару минут очнется. Бен уложил Отто в сторонке и подошел к микрофону.

— Отто прибыл. Отключился, но на вид в порядке. Можете посылать барахло.

Бен ждал. Тонко посвистывал ветер, обдувая маску и прихватывая морозцем щеки. Ну и пусть: было даже нечто почти ободряющее в том, что дует ветер, под ногами прочный грунт, а солнце продолжает сиять. Если довериться ощущениям, легко представить себя на Земле, скажем, на высокогорном плато в индийском штате Ассам, где он был совсем недавно. И хотя сознание подсказывало, что солнечный свет здесь вдвое слабее земного, оно с той же легкостью подбрасывало воспоминания о пасмурных и туманных днях, когда днем было еще темнее. Сила тяжести? На него навесили столько аппаратуры, что разница почти не ощущалась. Округлые красные холмы у горизонта, полупрозрачные голубоватые облака, медленно ползущими

призраками заволакивающие солнце. Ну и что? Просто он сейчас где-то в далеком пустынном уголке Земли. Бен никак не мог ухватить реальность Марса. Он поверил бы в него, если бы пересек космическую пустоту в корабле, проведя в нем несколько недель или месяцев. Но всего несколько минут назад он стоял на Земле. Поворошив ботинком гравий, он заметил второй пластиковый цилиндр с еще живой крысой внутри.

Ей осталось недолго — мороз не знает жалости. Вскоре она начнет отчаянно царапать стенки контейнера, потом опрокинется на бок, задрожит. Она уже сейчас дышала, широко раскрывая рот. Выбор у нее был невелик — задохнуться или замерзнуть. Обычное лабораторное животное, тысячи таких же крыс умирают каждый день во имя науки. На Земле. Но эта крыса сейчас рядом с ним — возможно, единственное другое живое существо на планете. Бен опустился на колени и отвинтил крышку контейнера.

Конец крысе пришел быстрее, чем он представлял. Животное глотнуло марсианского воздуха, судорожно дернулось и тут же умерло. Бену и в голову не приходило, что получится именно так. Разумеется, на Земле ему говорили, что самая большая опасность марсианской атмосферы — ее абсолютная сухость, поскольку водяные пары в них содержатся в ускользающе малых концентрациях. Бена предупреждали, что марсианский воздух сжигает слизистые носа, гортань и легкие не хуже концентрированной серной кислоты. На лекциях эти слова казались преувеличением. Но не здесь. Открытый, смотрящий в никуда глаз крысы начал покрываться корочкой изморози. Бен выпрямился и плотнее прижал маску к лицу. Потом подошел ко все еще лежавшему без сознания Отто и поправил его маску.

Нет, это не Земля. Теперь он поверил.

— Внимание, — прощебетал динамик. — Сможете ли вы принять оборудование один? Тэслер все еще не пришел в себя? Упаковки грузов рассчитаны на переноску двумя людьми. Доложите.

Бен схватил микрофон.

— Да посылайте наконец барахло, черт бы вас побрал! Пока мои слова до вас дойдут, двенадцать минут уйдет псу под хвост. Шлите немедленно. Если что и разобьется, всегда можно прислать замену. До вас еще не дошло, что мы тут совсем одни и кроме кислорода в баллонах у нас ничего нет? Что мы торчим по ту сторону двери в один конец на расстоянии двухсот миллионов миль от Земли? Посылайте все — немедленно! Быстрее!

Бен принялся расхаживать взад-вперед, ударяя кулаком по ладони и пиная тестовые кубики и контейнер с дохлой крысой. Идиоты! Он бросил взгляд на Отто. Вид у него был такой, словно

он наслаждался заслуженным отдыхом. Отличное начало! Бен оттащил Отто в сторонку, чтобы случайно не наступить, и подошел к экрану как раз в тот момент, когда из него показался конец канистры.

— Наконец-то!

Ухватившись за канистру, он стал тянуть ее на себя, пока второй ее конец не звякнул о грунт. *«КИСЛОРОД И ПИЩА»,* — прочел он надпись на канистре. Прекрасно. Бен толкнул ее ногой, откатывая в сторону, и подскочил за следующей.

Регулятор расхода на спине равномерно пощелкивал, посылая в маску почти непрерывный поток чистого кислорода, голова слегка кружилась от усталости. Грунт возле экрана усеивали контейнеры, баллоны и свертки разной длины, но одинакового диаметра. Отто похлопал Бена по плечу, и тот от неожиданности уронил ящик.

— Извини, я тут отключился. Ничего не…

— Заткнись и хватай баллон — видишь, лезет из экрана.

Они приняли баллон, потом еще два, и неожиданно из экрана, звякнув, вывалилась блестящая дюралевая пластинка. Прищурившись, Бен наклонился и заметил на ней буквы, написанные красным восковым карандашом:

«РЕКОМЕНДУЮ ПРОВЕРИТЬ ДАВЛЕНИЕ В БАЛЛОНАХ С КИСЛОРОДОМ. РАЗВЕРНИТЕ ПАЛАТКУ И СМЕНИТЕ БАЛЛОНЫ».

— Ну вот, наконец кто-то начал работать головой, — пробормотал Бен и ткнул пальцем в баллон у себя на спине. — Что показывает манометр?

— Осталась только четверть.

— Тогда они правы — сейчас важнее всего поставить палатку.

Отто принялся рыться в куче канистр, а Бен вытащил на ровное место длинный и громоздкий матерчатый сверток. Легко расстегнулись защелки, и Бен раскатал сверток отработанными на тренировках движениями. Однако на тренировках он проделывал эту операцию бодрым, а не на грани истощения, хватаясь за тяжелую плотную ткань неуклюжими, затянутыми в перчатки руками. Покончив со своей частью работы, он стал наблюдать, как Отто через переходник подключает шланг палатки к баллону.

— Ты что делаешь, болван? — внезапно прохрипел Бен и пихнул Отто в плечо. Тот растянулся плашмя.

Свалившись, Отто молча уставился на Бена изумленными глазами, должно быть, решил, что напарник сошел с ума. Бен ткнул в переходник трясущимся от гнева пальцем.

— Разуй глаза. Не расслабляйся и будь внимателен, или ты нас погубишь. Ты подключал красный шланг к зеленому баллону.

— Извини… Я не заметил…

— Конечно, не заметил, тупица. А следовало бы. Красный цвет означает кислород, которым мы дышим и которым нужно надувать палатку. А зеленый — изолирующий газ, место которому между двойными стенками палатки. Он не ядовит, но убьет нас не хуже яда, потому что дышать им мы не сможем.

Бен сам занялся подключением баллона, запретив Отто подходить, и даже погрозил ему гаечным ключом, когда тот попробовал приблизиться. Одного баллона с кислородом хватило, чтобы превратить палатку в похожий на пудинг холмик, а после второго она приняла вид прочного купола. Реагирующий на давление клапан автоматически загерметизировал вход. Бен знал, что кислород в его баллоне почти иссяк, но не мог бросить работу. Подключив зеленый баллон, он сам, не доверяя Отто, заполнил газом пространство между стенками палатки. Теперь печка. Он потащил ее к шлюзу палатки, но неожиданно выронил, споткнулся раз, другой, — и упал, потеряв сознание.

* * *

— Еще супа? — спросил Отто.

— Не откажусь, — согласился Бен, допив суп и протягивая чашку напарнику. — Извини, что я тебя так изругал. Я виноват вдвойне, потому что ты сразу после этого спас мне жизнь.

Отто смутился и наклонился над печкой.

— Да ладно, Бен, я не в обиде. Правильно ты меня ругал, и даже мало. Должно быть, я перетрухнул. Сам знаешь, я к таким вещам непривычный, — не то что ты.

— Но я никогда не бывал на Марсе!

— Бен, ты ведь меня понял. Пусть не на Марсе, но ты многое в жизни повидал. А я учился в колледже, ходил на работу и ездил в отпуск на Багамы. Я типичный горожанин, и мне до тебя далеко.

— Но ты неплохо справился, когда я отключился.

— Знаешь, когда я понял, что могу положиться только на себя, у меня просто не осталось другого выхода. Твой баллон опустел, и я был уверен, что ты задыхаешься. Я знал, что палатка наполнена кислородом, поэтому я как можно скорее затащил тебя внутрь и сорвал маску. Дышал ты вроде нормально, но холод стоял жуткий, пришлось сбегать за печкой, а потом за едой. Вот и все. Я просто сделал то, что полагалось.

Его слова сочились в тишине, и в конце концов на лице Отто, похожего в массивных очках на сову, снова появилось испуганное выражение.

— Но именно это и следовало сделать. И ничто другое. — Бен подался вперед, четко выговаривая каждое слово. — Никто не смог бы сделать больше. И тебе пора перестать считать себя горожанином и взглянуть в лицо правде, ты один из исследователей Марса. А их в Солнечной системе всего двое.

Отто задумался над словами Бена и слегка расправил плечи.

— А ведь верно!

— Вот и не забывай об этом. Худшее уже позади. Мы целыми и невредимыми вылезли из этого факирского ящика — я всегда его побаивался — и теперь у себя дома, на Марсе. Еды, воды и прочего нам хватит на несколько месяцев. Нужно лишь соблюдать необходимую осторожность, выполнить работу, и тогда мы вернемся героями. Богатыми героями.

— Сперва придется установить передатчик, но это нетрудно.

— Поверю тебе на слово. Спасибо. — Бен принял чашку и шумно хлебнул — суп еще не остыл. — Вообще-то я понятия не имею, зачем нужен второй ПМ, если один уже здесь. Ты мне не поверишь, но я не представляю, как эта штука работает, а мне никто не соизволил объяснить.

— Принцип довольно прост. — Оказавшись в родной стихии, Отто горел желанием все рассказать, и потому расслабился, ненадолго позабыв о прочих проблемах. Именно для этого Бен, немало знавший о теории ПМ, и задал ему вопрос.

— Перенос материи стал возможен после открытия пространства Бхаттачарья. Это пространство, или сокращенно Б-пространство, аналогично нашему трехмерному континууму, но тем не менее находится вне его. Но мы можем в него проникать. И вот что интереснее всего: где бы мы в него ни проникали — из любой точки нашей Вселенной, — мы всегда попадаем в одну и ту же точку Б-пространства. Поэтому, если произвести тщательную настройку, можно добиться ситуации, когда два экрана оказываются в одной и той же области этого пространства. По сути, Б-пространству позволяют проникать в нашу Вселенную перед каждым из экранов, и можно считать, что в нашем пространственно-временном континууме экраны не существуют. Предмет входит в один экран, а выходит из другого. Вот и вся хитрость, если не вдаваться в подробности.

— Звучит просто — если не спрашивать о том, как устроен сам передатчик. Но я все равно не понимаю, почему мы не можем выбраться с Марса тем же путем, каким попали сюда.

— Причин много, но самые главные — мощность, расходуемся на настройку, и физическое расстояние.

— Ты же говорил, что расстояние не влияет на работу экранов.

— Непосредственно на работу — да, но с его увеличением настройка затрудняется. Наш экран на Марсе, доставленный ракетой, имеет рабочий диаметр два фута, и это крупнейший из имевшихся у нас. Почти вся энергия уходит на поддержание его в рабочем состоянии. Передатчик на Земле стыкуется с ним и — это трудно описать словами — как бы замыкается на него, поддерживает в рабочем режиме и стабилизирует, обеспечивая пересылку. Но в обратном направлении процесс не пойдет.

— А что случится с предметом, если сунуть его в экран с нашей стороны?

— «Нашей стороны» просто не существует. Все, помещенное в наш экран, превратится в гамма-излучение и просто-напросто разлетится по пространству Бхаттачарья.

— Приятно слышать ободряющие слова. Слушай, а не заправить ли нам баллоны и не перетащить ли в палатку остаток барахла? И потом вздремнуть?

— Согласен.

Они собрали лишь самое необходимое — пищу, оборудование для очистки воздуха и тому подобное — и забрались в спальные мешки. Отдохнув, наутро они почувствовали себя гораздо бодрее и завершили разбивку лагеря. На третий день им переслали первые детали большого передатчика материи.

Инженеры-конструкторы наверняка будут долго вспоминать эту работу как кошмар. Любая деталь, независимо от назначения, должна была пролезть сквозь двухфутовую дыру. Пришлось пойти на множество компромиссов. Проведя за чертежными досками немало бессонных ночей, инженеры пришли к окончательному выводу, что дизельный электрогенератор, как его ни разделывай на кусочки, в отверстие не пролезет. Потом некий безымянный чертежник заслужил безмерное уважение начальства, предложив другую идею: можно переслать достаточное количество мощных батарей, чтобы поддерживать работу большого шестифутового передатчика некоторое время, достаточное для пересылки цельного генератора.

Им переслали раму для крепления генератора и согласовали всю операцию пересылки. Бен, гораздо успешнее справлявшийся с физической работой, занимался монтажом рамы, а Отто тем временем собирал в палатке электронные блоки. При необходимости они помогали друг другу. Наконец настал день, когда Бен завернул последнюю гайку на стальной раме, нежно похлопал по ней ладонью и вошел через шлюз в палатку. С утра можно будет начинать подключение электроники.

Отто лежал ничком на рабочем столе, уткнувшись покрасневшим потным лицом в печатную плату. Его ладонь

лежала на горячем паяльнике, в воздухе сильно пахло горелым мясом.

Бен перетащил его на койку, ощущая через одежду, как тело напарника пышет жаром.

— Отто! — позвал он, тряся его за плечо.

Отто лежал пластом, медленно и тяжело дыша. Он так и не пришел в сознание. Бен тщательно забинтовал его сильно обожженную руку и попытался привести мысли в порядок.

Он не был врачом, но приобрел достаточно практических знаний по медицине, чтобы распознавать наиболее серьезные болезни и травмы. Болезнь Отто не подходила ни под одно из описаний, и Бен упорно отгонял мысль о том, чем она может оказаться в действительности. Наконец он сделал напарнику инфекцию большой дозы пенициллина и записал его температуру, дыхание и пульс. Надев комбинезон, он выбрался из палатки, подошел к капсуле и вызвал Землю.

— Запишите информацию, которую я сейчас передам. Не отвечайте, пока не закончу, а когда я все скажу, перешлите ответ не по радио, а через ПМ — отпечатанным на бумаге. Начинаю. Отто болен, ему плохо, но причину я установить не могу. Вот подробности.

Бен продиктовал свои наблюдения и стал ждать. Медленно тянулись минуты, пока его сообщение добиралось до Земли и готовился ответ. Получив листок бумаги, он прочитал текст, гневно смял послание и схватил микрофон.

— Да, я тоже предположил вероятность марсианского заболевания. Но я отказываюсь проводить исследования и отсылать отчеты. Немедленно пришлите врача. Предложите хорошую сумму, и доброволец найдется. А пока вы его ищете и одеваете, начинайте пересылать все, что ему потребуется. И только *потом* можете прислать микроскоп и приборы для взятия образцов, а я охотно займусь поисками микроорганизмов в почве или где скажете. Мы уже сообщали, что тут есть нечто похожее на растения, но до изучения пока руки не доходили. Пусть ими займутся биологи. Я поищу в них микробов, но только после того, как вы выполните все, что я сказал.

Его сообщение поняли. Компании не меньше Бена хотелось обеспечить безопасность экспедиции — в нее было вложено немало средств, — и они не стали колебаться, когда встал вопрос о том, что ради безопасности нужно рискнуть несколькими жизнями. Врач, растерянный молодой медик из штата компании — он только что подписал документы, обеспечивающие, в случае его гибели, финансовую независимость его жене до конца ее дней — спрыгнул на марсианскую щебенку всего через полчаса после

пересылки последнего ящика с медицинским оборудованием и припасами. Бен, едва сдерживая нетерпение, отвел его в палатку и помог стянуть комбинезон.

— Все ваше хозяйство я уже разложил на столе. Пациент ждет.

— Меня зовут Джо Паркер, — улыбнулся врач. Взглянув в лицо Бена, он опустил протянутую было руку и быстро подошел к больному. Даже после полного обследования ему не хотелось признать правду.

— Это может оказаться необычная болезнь…

— Не ходите вокруг да около. Вы что-либо подобное видели раньше?

— Нет, но…

— Тогда это то, о чем я подумал.

Бен тяжело уселся и налил себе в мензурку выданного для медицинских целей бренди. Мгновение помедлив, налил и врачу — в мензурку поменьше.

— Новая болезнь, совсем новая? Марсианская?

— Вероятно. Очень похоже на то. Я сделаю все, что в моих силах, Бен, но понятия не имею, чем все кончится.

Каким станет этот конец, знали оба, но признаваться не хотел никто. Ни лекарства, ни поддерживающее лечение не помогли — через два дня Отто умер. Паркер провел вскрытие и выяснил причину смерти — мозг погибшего разрушил неизвестный микроорганизм. Пока Бен работал над большим передатчиком, врач заморозил образцы и сделал многочисленные срезы тканей. Должно быть, известие о случившемся дошло до персонала компании на Земле, потому что инженер-доброволец прибыл на помощь Бену для окончания монтажа лишь четыре дня спустя. Им оказался испуганный молчаливый мужчина по имени Март Кеннеди. Бен не стал спрашивать, почему он согласился — откровенно говоря, ему и не хотелось знать, какие меры давления были предприняты. С его прибытием работа пошла быстро, несмотря на ощущение темной тени, словно витающей над ними. Они ели вместе, почти не разговаривая, потом снова хватались за инструменты. Доктор Паркер упорно работал и наконец ему удалось выделить прозрачную жидкость, содержащую возбудителя болезни. Он намертво закупорил сосуд с этой жидкостью и упаковал в герметичный ящик, намереваясь переслать на Землю, едва заработает экран.

В тот день, когда предстояло начать испытания, Март Кеннеди встал затемно, чтобы полюбоваться на рассвет. Прибыв на Марс, он почти без отдыха работал, собирая передатчик и почти не замечая, что происходит вокруг. А может, оно и к

лучшему — так ему некогда было думать о «марсианской заразе». Название неуклюжее, наверняка поначалу шутливое, но оно не могло замаскировать подсознательно связанный с ним ужас. Верная смерть. Марс есть Марс. Даже в самых дерзких мечтах, читая еще мальчишкой фантастику, Март и думать не смел, что когда-либо здесь окажется.

Зевнув, он вернулся, поставил греться кофе и стал будить остальных. Бен мгновенно открыл глаза и, сразу проснувшись, кивнул. Паркер даже не пошевелился.

Март потряс его за плечо — и отдернул руку, охваченный внезапным ужасом.

— Бен, — выдавил он, заикаясь как всегда от волнения — Т-тут ч-что-то не так.

— Опять. Симптомы те же, — воскликнул Бен, ударяя кулаком по койке и от отчаяния даже не замечая этого. — Он тоже ее подцепил, тут и думать нечего. Закатим ему уколы и пойдем запускать экран. Ничего другого нам не остается.

Большой ПМ был готов к работе еще вчера, но они настолько вымотались, что завершить работу у них не хватило сил. Бен устроил больного насколько смог поудобнее, дал ему лекарства, которые так и не помогли Отто, и присоединился к Марту Кеннеди.

— Все параметры в норме, — сообщил Март. — Могу включать, как только скажешь.

— Тогда валяй. Чем скорее, тем лучше.

— Хорошо.

Экран замерцал, потемнел и наконец стал абсолютно черным. Бен нацарапал на крышке канистры «посылайте генератор» и швырнул крышку в экран. Она исчезла, тут же попав на Землю — или превратившись в излучение в Б-пространстве. Мучительно утекали драгоценные секунды — батареи могли поддерживать экран в рабочем режиме только минуту.

И тут показался генератор — передний конец платформы на колесиках ударился о грунт, они тут же ухватились за ручки. Наконец тяжеленный генератор протиснулся сквозь экран. Бен и Март откатили его в сторону. Экран за их спинами подернулся рябью, поле отключилось.

— Подключай кабели, пока я его завожу, — велел Бен.

Он открыл клапаны бака с горючим и баллона с кислородом и нажал стартер. Генератор, прогретый перед пересылкой, завелся с полуоборота, и, как только он выдал ток, экран передатчика снова заработал. Им перекинули контейнер с перепуганной крысой, который они тут же вернули обратно. После нескольких повторных проверок Бен переслал с очередной крысой записку с

известием о болезни Паркера. Ответа не пришлось ждать долго.

«Мы отзываем вас всех, — прочел он отпечатанные на машинке строки. — *Переключите оборудование на автоматический режим, мы будем управлять им с Земли. Благодарим за помощь. Начинайте возвращение. Первым ждем доктора Партера».*

Бен быстро написал несколько слов и бросил записку в экран.

«Что будет с нами?»

«Мы приготовили карантинное помещение, куда можно попасть только через ПМ. О вас позаботятся. Мы сделаем все возможное».

— Пошли готовить Паркера, — сказал Бен, прочитав ответ.

Они одели так и не пришедшего в сознание врача, и Бен закрепил кислородный шланг, чтобы тот не выскочил изо рта больного. Носилки им переслали заранее, они уложили Паркера и пристегнули его ремнями.

— Берись спереди, — сказал Бен.

Они направились к шлюзу и с трудом поместились в нем, даже подняв носилки стоймя. Выйдя, Бен взялся за свой конец носилок молча, и даже не обернулся, пока они тащили носилки к большому ПМ. Экран его был достаточно велик, чтобы пропустить всех сразу.

…Свет показался непривычно сильным, а ноги — тяжелыми. Сняв маску, Бен втянул ноздрями плотный воздух с незнакомыми запахами. Они стояли в пустом коридоре с прозрачной стеной, и не меньше ста человек смотрели на них с той стороны.

— Говорит доктор Тармонд, выслушайте инструкции, — произнес динамик. — Сейчас вы…

— Вы меня слышите? — оборвал его Бен.

— Да. Подождите, пока я…

— Заткнитесь и слушайте внимательно. У вас есть для обследования двое, больной и здоровый. Этого достаточно. Я возвращаюсь на Марс. Если мне суждено умереть, то там ничуть не хуже, чем на Земле.

Он повернулся к экрану, но его остановил голос Тармонда:

— Стойте. Это запрещено. Вы все равно не пройдете — экран выключен. Выполняйте мои приказы…

— Черта с два, — громко ответил Бен и даже чуть заметно улыбнулся. — Вы свое откомандовали. Эти недели на Марсе помогли мне поразмыслить о своей жизни на Земле. Меня тошнит от толп людей — вонючих, орущих, плодящихся и загаживающих планету. Она была прекрасной, пока ее не испоганили. Я возвращаюсь в чистый, первозданный мир. Пока чистый. Если повезет, он таким и останется. Я помню первую крысу, попавшую

вместе со мной на Марс — несчастное подопытное животное. Сейчас я для вас такая же подопытная крыса, а мне это не по нраву. Уж лучше я стану первым марсианином.

Толпа расступилась, пропуская Тармонда к прозрачной стене. Он остановился возле нее, в упор уставившись на Бена и с трудом сдерживая гнев. Потом поднес к губам радиомикрофон.

— Все это хорошо, но к вам не относится. Вы служащий, подписавший контракт, и станете делать то, что прикажут. Ваше место в комнате номер три, куда вы отправитесь…

— Я возвращаюсь на Марс, — упрямо повторил Бен, вытаскивая из кармана ломик из хромированной стали и постукивая им по пластику. Кто-то шарахнулся назад, но Тармонд даже не шелохнулся.

— Это инструмент, — пояснил Бен, — и я им воспользуюсь. Отыщу дверь, трещину в стене, оконную раму, и стану ковырять, пока не пробьюсь к вам. И тогда симпатичные микробчики «марсианской заразы» доберутся до вас и сожрут ваши мозги. Так что это у вас, Тармонд, нет выбора. Вернее, выбирайте одно из двух — или вы меня убиваете, или возвращаете на Марс. А теперь решайте.

Лицо Тармонда исказилось от ненависти, но он сумел взять себя в руки.

— Не стану напоминать вам о лояльности, Данкен, потому что для вас такого понятия не существует. Но имейте в виду, что в дело вложено слишком много денег и рисковать ими мы не можем. Вы сделаете то, что вам прикажут.

— Не дождетесь! — рявкнул Бен и с размаху ударил ломом по пластику с такой силой, что отбил кусок.

На этот раз даже Тармонд вздрогнул.

— Неужели до вас еще не дошло, что меня от всех вас тошнит и что здесь я не останусь? И что именно сейчас вы стоите перед человеком, которому приказывать бесполезно? На Марсе я принесу огромную пользу, если меня не свалит болезнь. Задумайтесь над этим, постарайтесь осознать. Только побыстрее.

Он ударил по пластику, отколов новый кусок. Тармонд молчал, застыв в напряженном ожидании. И лишь когда на пол упал третий осколок, он внезапно отвернулся.

— Включите передатчик, — бросил он в микрофон.

Экран стал черным, Бен взглянул на мерцающую поверхность, потом на зрителей.

— Не советую вам ошибаться, доктор Тармонд, — сказал Бен. — Я знаю, вы можете сбить синхронизацию экрана и вышвырнуть меня в Б-пространство пучком радиации. Будь что будет. Но я искренне надеюсь, что вы не пойдете на такое

расточительство. Я не прошу вашего сочувствия, зная, что вам доставит огромное удовольствие убить меня именно таким способом. Но хочу напомнить что наш разговор слышало немало свидетелей, а ваше начальство не погладит вас по головке, если вы избавитесь от человека вроде меня — кандидата в начальники вашего будущего марсианского поселения. Готов поспорить, что вас вышвырнут с той же скоростью, с какой вы давали пинка под зад своим подчиненным.

Бен подошел к экрану, потом обернулся к застывшей в молчании толпе.

— Я постараюсь подготовить Марс к прибытию людей, и если выживу, стану продолжать эту работу, так что вы ничего не потеряете. Ведь если я этого не сделаю, вы вряд ли найдете других желающих.

И не дожидаясь ответа, он натянул на лицо маску и шагнул в экран.

ДАВЛЕНИЕ

Напряженность внутри корабля нарастала по мере того, как снаружи увеличивалось давление, и с той же скоростью. Вероятно, это происходило потому, что Ниссиму и Альдо совершенно нечем было заняться. Времени на размышления у них было более чем достаточно. То и дело они поглядывали на манометры, тут же отводили глаза в сторону и затем вновь, будто нехотя, возобновляли эту процедуру — опять и опять. Альдо сплетал и расплетал пальцы, с досадой ощущая холодный пот на ладонях, а Ниссим курил сигарету за сигаретой. Один лишь Стэн Брэндон — человек, на котором лежала вся ответственность, — оставался спокойным и сосредоточенным. В те минуты, когда он вглядывался в показания приборов, он, казалось, полностью расслаблялся, но стоило ему протянуть руку к панели управления, как в его движениях появлялась скрытая энергия. Непонятно почему, но это раздражало его спутников, хотя ни один из них не решился бы признаться в этом.

— Манометр вышел из строя! — обескураженно воскликнул Ниссим, подавшись вперед из тугих объятий предохранительного пояса. — Он показывает нуль!

— А это ему и положено, док, так уж он устроен, — улыбнувшись, ответил Стэн. Он протянул руку к панели и перебросил тумблер. Стрелка, дрогнула, а на шкале появились новые цифры. — Единственный способ измерять подобные давления. В наружной обшивке у нас — металлические и кристаллические блоки, прочность у них у каждого своя; когда

под давлением один из них разрушается, мы переключаем на следующий…

— Да, да, я знаю…

Ниссим взял себя в руки и снова глубоко затянулся. Ну, конечно же, на инструктаже им говорили о манометрах. Просто сейчас это вдруг вылетело у него из головы. Стрелка уже снова ползла по шкале. Ниссим взглянул на нее, отвел глаза в сторону, представил себе, что творится сейчас за глухими, без иллюминаторов, стенками металлического корпуса, потом снова, вопреки собственному желанию, бросил взгляд на шкалу и почувствовал, что ладони у него вспотели. У Ниссима, ведущего физика Проекта, было слишком богатое воображение.

То же самое происходило с Альдо Габриэлли, и он отдавал себе в этом отчет: он предпочел бы заняться хоть чем-нибудь, лишь бы не таращиться на шкалу и не томиться в ожидании. Темноволосый, смуглый, носатый, он выглядел как чистокровный итальянец, хотя был американцем в одиннадцатом поколении. Его репутация в области технической электроники была по меньшей мере столь же солидной, как репутация Ниссима в физике. Его считали чуть ли не гением — из-за работ по сканотронному усилению, которые революционизировали всю технику телепортации материи. Альдо испытывал страх.

«Христиан Гюйгенс» погружался во все более плотные слои атмосферы Сатурна. «Христиан Гюйгенс» — таково было официальное название корабля, но монтажники на базе «Сатурн-1» окрестили его попросту Шаром. В сущности он и был шаром — сплошной металлической сферой со стенками десятиметровой толщины и довольно небольшой полостью в середине. Его огромные клиновидные секции были отлиты на заводах Астероидного Пояса и отправлены для сборки на станцию-спутник «Сатурн-1». Здесь, на удаленной орбите, откуда открывался невероятной красоты вид на кольца и нависшее над ними массивное тело планеты, Шар приобрел свой окончательный вид. С помощью молекулярной сварки отдельные секции были соединены в сплошное, без швов, целое, а перед тем как ввести на место последний клин, внутри тщательно разместили ТМ-экраны — установку телепортации материи. После того как последняя секция была соединена с остальными, попасть внутрь Шара можно было уже только через телепортатор. Поскольку на этом сварщики с их смертоносными излучателями свое дело закончили, можно было приступать к завершающему этапу сборки. Во внутренней полости под палубой были смонтированы огромные, специально сконструированные ТМ-экраны, а на самой палубе вскоре уже громоздились запасы

продовольствия, кислородный регенератор и прочая аппаратура, сделавшая Шар пригодным для жилья. Потом были установлены приборы управления, а также наружные резервуары и реактивные двигатели, которые превратили Шар в атомный космический корабль. Это был корабль, которому предстояло опуститься на поверхность Сатурна.

Восемьдесят лет назад такой корабль невозможно было построить: не были еще разработаны уплотненные давлением сплавы. Сорок два года назад его не удалось бы собрать, потому что не была еще изобретена молекулярная сварка. А еще десять лет назад нечего было и думать о сплошном, без единого отверстия корпусе — ведь именно тогда была впервые осуществлена на практике идея атомной дифференцирования вещества. Прочность металлической оболочки Шара не ослабляли ни проводники, ни волноводы. Вместо них сквозь металл проходили каналы дифференцированного вещества — химически и физически они ничем не отличались от окружающего сплава, но тем не менее способны были проводить изолированные электрические импульсы. В целом Шар был как бы воплощением неудержимо расширявшихся человеческих познаний. А с точки зрения трех людей, которых он должен был доставить на дно сатурнианской атмосферы, на глубину 20000 миль, это была тесная, наглухо закрытая тюремная камера.

Все они были подготовлены к тому, чтобы не ощущать клаустрофобии, но тем не менее они ее ощущали.

— Контроль, контроль, как меня слышите? — сказал Стэн в микрофон, потом быстрым движением подбородка переключил тумблер на прием. Несколько секунд длилась пауза, пока передаваемая лента, пощелкивая, проходила сквозь ТМ-экран и принятая лента сматывалась в его приемник.

— Один и три, — с присвистом произнес громкоговоритель.

— Это уже сигма-эффект дает себя знать, — оживился Альдо, впервые за все время оставив свои пальцы в покое. Он деловито поглядел на манометр. — Сто тридцать пять тысяч атмосфер, обычно он возникает как раз на этой глубине.

— Я бы хотел взглянуть на ленту, — сказал Ниссим, гася окурок, и потянулся к пряжке предохранительного пояса.

— Не стоит, док. — Стэн предостерегающе поднял руку. — До сих пор спуск шел гладко, но вскоре наверняка начнется болтанка. Вы же знаете, что за ветры в этой атмосфере. Сейчас мы попали в какую-то струю, и нас сносит вбок вместе с нею. Но такое везение не может продолжаться все время. Я попрошу их прислать еще одну ленту через ваш повторитель.

— Но это же секундное дело! — возразил Ниссим, однако его

рука в нерешительности задержалась на пряжке.

— Раскроить себе череп можно еще быстрее, — учтиво напомнил Стэн, и, как бы в подтверждение его слов, всю громадного махину корабля вдруг яростно швырнуло в сторону и угрожающе накренило. Оба ученых судорожно вцепились в подлокотники кресел, пока пилот выравнивал крен.

— Вы отлично пророчите беду, — проворчал Альдо. — Может, вы и благословения раздаете?

— Только по вторникам, док, — невозмутимо ответил Стэн, переключая манометр с очередного раздавленного датчика на следующий, еще целый. — Скорость погружения прежняя.

— Это начинает чертовски затягиваться, — пожаловался Ниссим, закуривая новую сигарету.

— Двадцать тысяч миль до самой поверхности, док, и грохнуться об нее с разгона нам тоже ни к чему.

— Толщина сатурнианской атмосферы мне достаточно хорошо известна, — сердито заявил Ниссим. — И нельзя ли избавить меня от этого обращения — «док»?

— Вы правы, док. — Пилот повернул голову и подмигнул. — Я просто в шутку. Мы тут все в одной упряжке и все должны быть друзьями-приятелями. Зовите меня Стэн, а я буду звать вас Ниссим. А как вы, док, смотрите на то, чтобы превратиться в Альдо?

Альдо Габриэлли сделал вид, будто не расслышал. Пилот мог кого угодно вывести из себя.

— Что это? — спросил инженер, почувствовав, что по корпусу Шара вдруг побежала мелкая непрерывная вибрация.

— Трудно сказать, — ответил пилот, торопливо перебросив несколько тумблеров и проверяя по шкалам приборов, что из этого получилось. — Что-то такое снаружи — может, мы в облака вошли. Какие-то переменные воздействия на корпус.

— Это кристаллизация, — заявил Ниссим, поглядывая на манометр. — В верхних слоях атмосферы температура минус двести десять по Фаренгейту, но там, наверху, низкое давление газов препятствует их вымерзанию. Здесь давление намного больше. Надо полагать, мы проходим сквозь облака кристаллического метана и аммиака…

— А я только что потерял наш последний радар, — сообщил Стэн. — Снесло…

— Надо было нам запастись телекамерами, — сейчас бы мы могли увидеть, что там творится снаружи, — сказал Ниссим.

— Что увидеть? — переспросил Альдо. — Водородные облака с ледяными кристаллами в них? Телекамеру раздавило бы точно так же, как другие наружные приборы. Единственное, что нам

действительно необходимо, — это радиоальтиметр.

— Ну, он-то работает на славу! — радостно возвестил Стэн. — Высота все еще слишком велика для отсчета, но прибор в порядке. Иначе и быть не может, он же составляет одно целое с корпусом.

Ниссим сделал несколько глотков из водопроводной трубки на подлокотнике кресла. Глядя на товарища, Альдо ощутил, что и у него вдруг пересохло во рту, и последовал примеру Ниссима. Бесконечное погружение продолжалось.

— Сколько я проспал? — спросил Ниссим, удивляясь, что, несмотря на нервное возбуждение, ухитрился все-таки заснуть.

— Несколько часов, не больше, — сообщил Стэн, — зато со смаком. Храпели, как гиппопотам.

— Жена всегда говорит: как верблюд. — Ниссим посмотрел на часы. — Слушайте, вы уже семьдесят два часа подряд бодрствуете! Вы не устали?

— Нет. Я свое наверстаю потом. Я принял таблетки да и вообще мне долгая вахта не впервой.

Ниссим откинулся в кресле и взглянул на Альдо — тот бормотал под нос числа, погруженный в решение какой-то задачи. «Никакое ощущение не может длиться бесконечно, — подумал Ниссим, — даже ощущение страха. Наверху мы оба здорово перетрусили, но это не могло продолжаться вечно».

Когда он поднял глаза на шкалу манометра, в нем было шевельнулось легкое волнение, но тут же улеглось.

— Давление не меняется, — известил Стэн, — но высота продолжает уменьшаться.

Под глазами у него были темные, будто подведенные сажей, круги, и последние тридцать часов он держался исключительно на допинге.

— Должно быть, аммиак и метан в жидком состоянии, — заметил Ниссим. — Либо в квазижидком — вещество непрерывно превращается из жидкости в пар и обратно. Видит бог, при таком давлении, как снаружи, может происходить что угодно. Почти миллион атмосфер! Просто не верится…

— А мне вполне верится, — откликнулся Альдо. — Слушайте, может, двинемся в горизонтальном направлении, чтобы отыскать какую-нибудь твердь там, внизу?

— Я уже битый час только тем и занимаюсь. Либо нам все-таки придется лезть и дальше в эту жижу, либо нужно прыгнуть вверх и поискать другое место для спуска. Лично мне не очень-то улыбается снова искать — равновесие придется поддерживать реактивными толчками, а внизу нас еще ждет хорошенькая нагрузка…

— А топливо для прыжка у нас есть?

— Да, но я предпочел бы его придержать. Осталась примерно треть.

— Я голосую за погружение здесь, — сказал Ниссим. — Если атмосфера под нами жидкая, то она наверняка покрывает всю поверхность. Уверен, что при таком давлении, да еще с ветром, любые неровности на дне давным-давно сглажены.

— Не думаю, — возразил Альдо. — Но пусть это выясняют другие. Я тоже за погружение, но только ради экономии топлива.

— Итак, джентльмены, трое — за, против — ни одного. Тогда — вниз.

Неторопливое погружение продолжалось. Они приблизились к неустойчивой границе квазижидкости, и Стэн слегка притормозил громоздкую махину Шара, но изменение плотности было таким плавным, что корабль вошел в жидкость без особых толчков.

— А вот сейчас я поймал отсчет! — Стэн впервые за все время казался возбужденным. — Он устойчиво держится на отметке пятнадцать километров. Может, у этой дыры и вправду есть дно, в конце-то концов!

Все оставшееся время спуска Ниссим и Альдо молчали, боясь отвлекать пилота. Но эта часть пути оказалась самой легкой. Чем глубже они погружались, тем спокойнее становилась атмосфера снаружи. На высоте одного километра не ощущалось уже ни малейших толчков, ни продольных перемещений. Они медленно скользили навстречу приближавшемуся дну. На высоте пятисот метров Стэн передал управление посадкой компьютеру, а сам замер, не отпуская рукояток, готовый в любую минуту взять командование на себя. Двигатели негромко взревели, смолкли, послышался короткий глухой скрежет — и вот они уже были на дне.

Стан щелкнул тумблером и заглушил двигатели.

— Ну вот и все, — сказал он, потянувшись что было сил. — Мы приземлились на поверхности Сатурна. И по такому случаю не худо было бы выпить. — Он недовольно заворчал, обнаружив, что требуется чуть ли не вся его сила, чтобы подняться с кресла.

— Две целых и шестьдесят четыре сотых земного тяготения, — сказал Ниссим, читая показания тончайшего кварцевого балансира на своей приборной панели. — При такой нагрузке работать будет нелегко.

— То, что нам предстоит, не должно занять много времени, — ответил Альдо. — Давайте действительно выпьем. Потом Стэн сможет немного поспать, пока мы займемся наладкой ТМ-экранов.

— Идет. Мое дело сделано, и отныне я простой зритель — до тех пор пока вы, ребята, не доставите меня на базу.

В конструкции Шара было заранее предусмотрено, что придется работать под прессом почти тройных перегрузок. Альдо с помощью пилота развернул противоперегрузочные кресла таким образом, что открылся доступ к панели приборов и ТМ-экрану. Когда расслабили предохранительные пояса, кресло Ниссима тоже повернулось так, что теперь и он мог дотянуться до экрана. Еще не успели они окончить эти приготовления, как Стэн распластал свое кресло и вскоре уныло громко храпел. Его спутники даже не заметили этого: им теперь предстояло приступить к своей части задания. Альдо, как специалист по ТМ, занялся контрольной проверкой, а Ниссим внимательно следил за ним.

— Все зонды, которые мы отправляли вниз, натыкались на сигма-эффект, не пройдя и пятой части пути, — заговорил Альдо, подключая контрольные приборы. — Как только эффект достигал значительной величины, мы теряли всякий контроль над зондом и ни за одним из них не сумели с точностью проследить хотя бы до половины пути. Мы попросту теряли с ними связь… — Он дважды проверил показания всех приборов и даже не стал выключать осциллограф, на экране которого луч вычерчивал синусоиду, потому что свалился в кресло, будучи уже не в силах разогнуть спину.

— Синусоида выглядит нормально, — заметил Ниссим.

— У-г-м. Остальные показания тоже в норме. Это означает, что твоя теория справедлива минимум наполовину.

— Великолепно! — Ниссим впервые с начала полета улыбнулся. — Значит, погрешности не в телепортаторе?

— Абсолютно исключено.

— Тогда попробуем телепортировать и поглядим, пройдет ли сигнал. На базе уже настроились на нашу частоту и ждут.

— «Христиан Гюйгенс» вызывает «Сатурн-1». Как слышите? Прием.

Они внимательно проследили, как перфорированная лента, пощелкивая, исчезала в зеркале экрана, потом Альдо переключил ТМ на прием. Ничего не произошло. Он выждал шестьдесят секунд и снова послал сообщение; тот же результат.

— Вот тебе и доказательство, — удовлетворенно сказал Ниссим. — Передатчик в порядке. Приемник в порядке — в этом можно не сомневаться. А сигнал не проходит. Значит, срабатывает фактор пространственных искажений, о котором я говорил. Как только мы этот фактор учтем, связь будет восстановлена.

— Надеюсь, это не затянется. — Альдо удрученно поглядел на вогнутые стены каюты. — Ведь пока мы не наладим телепортацию, нам придется торчать здесь, в сердцевине этого гигантского яблочка. Да если б даже отсюда и был выход, податься нам все равно некуда, мы как-никак торчим на самом дне аммиачного моря, а над нами двадцать тысяч миль ядовитой атмосферы.

— Отдохни. Я рассчитаю первую поправку. Если теория верна, то техническая сторона — это уже сущая безделица.

— У-г-м, — согласился Альдо, откидываясь в кресле и закрывая глаза.

Проснувшись, Стэн чувствовал себя по-прежнему обессиленным; сон в условиях такой перегрузки особого удовлетворения не доставлял. Стэн зевнул, переменил позу и попробовал потянуться, но это оказалось не столько приятным, сколько мучительным делом. Повернувшись к своим спутникам, он увидел, что Ниссим сосредоточенно работает у компьютера.

— В чем загвоздка? — спросил Стэн. — Разве ТМ не работает?

— Нет, не работает, — раздраженно ответил Альдо. — И наш дорогой коллега обвиняет в этом меня, а…

— Но теория безупречна, хромает техническое воплощение!

— …а когда я высказал предположение, что в его теорию могла затесаться парочка-другая ошибок, он чуть не кинулся на меня с кулаками…

Стэн поторопился вмешаться, чтобы предотвратить разгорающуюся ссору; его зычный командирский голос перекрыл все прочие звуки.

— Немедленно прекратите! И не говорите оба вместе, потому что я ни черта не понимаю. Не может ли кто-нибудь из вас ввести меня в курс дела и внятно растолковать, что тут происходит?

— Разумеется, — ответил Ниссим и замолчал, выжидая, когда Альдо кончит ворчать. — Что вам известно о теории телепортации?

— Попросту говоря — ничего. Мое дело — гонять космических лошадок, этого я и держусь. Одни их строят, другие — налаживают, а я — гоняю. Может, вы мне объясните?

— Попытаюсь. — Ниссим задумчиво закусил губу. — Прежде всего нужно понять вот что: телепортатор ничего не сканирует и не транслирует, как, скажем, происходит в телевизионном передатчике. Никаких сигналов — в том смысле, как мы понимаем это слово, — он не передает. Вся штука здесь в том, что поверхность передающего экрана находится в таком состоянии, что она не является больше частью нашего пространства в

обычном его понимании. То же происходит и с приемным экраном, и стоит посадить эти экраны на одинаковую частоту, как между ними возникает резонанс. Они, если хотите, просто сливаются друг с другом, и расстояние, которое их разделяет, уже не играет никакой роли. Вы входите в один экран и тут же выходите из другого, не ощущая задержки ни во времени, ни в пространстве. Я очень сбивчиво объясняю…

— Да нет же, отлично, Ниссим. Ну и что дальше?

— А то, что хоть расстояние роли не играет, но вот физические условия в пространстве между экранами играют существенную…

— Я за вами не поспеваю, док!

— Попробую пояснить вам на примере, имеющем, кстати, прямое отношение к нашей телепортации. Лучи света в пространстве движутся по прямой, пока не произойдет какого-либо физического искажения: преломления, отражения и тому подобного. Но вспомните: эти же лучи можно отклонить от прямой и в том случае, когда они проходят через сильное гравитационное поле — такое, как у Солнца, скажем. Мы обнаружили такое же влияние полей на телепортацию и всегда вводим поправки, учитывающие массу Земли и других небесных тел. В этой застывшей жиже, которая именуется сатурнианской атмосферой, возникают иные условия, тоже влияющие на состояние пространства. Невероятное давление меняет энергию связи атомов и вызывает напряжения в структуре вещества. Из-за этого в свою очередь искажаются соотношения теории телепортации. Поэтому здесь, прежде чем перемещать предмет с одного ТМ-экрана на другой, необходимо ввести допущения и поправки, учитывающие эти дополнительные искажения. Поправки эти я уже вычислил, теперь их нужно ввести.

— На словах все выглядит очень просто, — с отвращением сказал Альдо,

— а на деле это ни черта не дает. Ни один сигнал не проходит. И наш уважаемый коллега никак не хочет со мной согласиться, когда я говорю, что необходимо повысить мощность телепортатора, если мы хотим что-нибудь протолкнуть сквозь это болото, которое нас окружает.

— Да не в количестве дело, а в качестве! — крикнул Ниссим, и Стэн снова поспешил вмешаться.

— Иными словами, Альдо, вы полагаете, что нам не обойтись без того здоровенного экрана, который у нас под палубой?

— Вот именно. Он со всеми своими подвижными секциями как раз для этого и предназначен.

— Да одна его наладка займет месяц! — яростно воскликнул

Ниссим. — И со всеми этими пробами мы себя наверняка загоняем до смерти!

— Ну-ну, так уж и месяц, — сказал Стэн, опускаясь в кресло и стараясь не застонать от боли. — А разминка будет только полезна для наших мускулов.

У них ушло четверо суток на то, чтобы расчистить и разобрать палубный настил, и под конец они были на грани полного изнеможения. Для подобных работ в конструкции были предусмотрены вспомогательные механизмы: рым-болты, чтобы подцеплять груз, и лебедки, чтобы его поднимать, но и при этом нельзя было обойтись без ручного труда. Однако в конце концов почти вся палуба была очищена и разобрана, за исключением узенького кольцевого балкончика вдоль стены, на котором оставались только их кресла да контрольные приборы. Все остальное пространство занимал теперь огромный ТМ-экран. Лежа на окаменевших под действием силы тяжести подушках, они разглядывали его.

— Ну и громадина! — сказал Стэн. — В него может спокойно пройти посадочный космобот.

— У него есть более важные достоинства, — задыхаясь, проговорил Альдо. Кровь молотом стучала в его висках, и сердце покалывало от усталости. — Он буквально напичкан всевозможными контурами, включая запасные, а маневренная мощность у него в сотню раз больше, чем могло бы понадобиться в любых других условиях.

— Но как же вы доберетесь до его внутренностей, чтобы там ковыряться? Я тут ничего, кроме экрана, не вижу…

— Все продумано. — Альдо ткнул в сторону нарезного отверстия в обшивке, откуда они только что вывернули пробку диаметром в фут. — Все операции проводятся отсюда. Прежде чем покинуть корабль, мы ввернем пробку обратно, а там уж она сама сядет в гнездо. Для наладки придется поднимать отдельные секции одну за другой, поочередно.

— То ли я отупел, то ли все из-за этой проклятой перегрузки. Я не понимаю.

Альдо был терпелив.

— В этом ТМ-экране — весь смысл нашей экспедиции. Для нас, конечно, наладить здесь телепортацию жизненно важно, но с точки зрения основной задачи Проекта — это дело второстепенное. Как только мы отсюда телепортируемся, сюда явятся монтажники и заменят все временные контуры стандартными твердотельными блоками; потом они тоже выберутся наверх. Тем временем автоматические сверла постепенно пробуравят верхнее полушарие корабля. Подточенная

сверлами оболочка треснет, провалится внутрь, прямо на зеркало экрана. Экрану это не повредит, потому что он тут же телепортирует все обломки прямо в космическое пространство. И с этого момента мы получим доступ на дно сатурнианского океана. Специалисты по сверхнизким температурам и сверхвысоким давлениям ждут не дождутся этой минуты…

Стэн кивнул, а Ниссим посмотрел на низкий свод, усеянный циферблатами приборов, и даже рот слегка приоткрыл, словно воочию увидел, как рушится эта металлическая громадина и следом за ней сюда врываются сжатые до миллиона атмосфер волны ядовитого океана.

— Давайте лучше начнем, — торопливо сказал он, делая мучительные усилия, чтобы приподняться. — Поднимем секции и произведем побыстрее наладку.

Ниссим и Стэн помогали Альдо поднимать секции экрана, но все необходимые переделки ему пришлось производить самому. Бормоча проклятия, он сосредоточенно перебирал блок за блоком, которые клал перед ним дистанционный манипулятор. Когда он совсем выбивался из сил, он останавливался и закрывал глаза, чтобы не видеть тревожных взглядов, которые Ниссим бросал то на него, то на потолок каюты. Стэн готовил для всех еду и с шуточками распределял скудный запас противоперегрузочных таблеток и прочих стимуляторов. Время от времени он рассказывал различные случаи из своей космической практики и явно получал удовольствие от этого монолога, чего нельзя было сказать об остальных.

Наконец, наладка была завершена. Были проделаны все контрольные испытания и последняя секция экрана скользнула обратно на свое место. Альдо сунул руку в нарезное отверстие и нажал рубильник: темнота на поверхности экрана сменилась знакомым мерцанием включенного ТМ.

— Телепортирует… — еле слышно пробормотал он.

— Ну-ка, пошли им вот что, — предложил Стан, нацарапав на клочке бумаги: «Как слышите нас?» Он швырнул бумажку на самую середину экрана, и она тотчас исчезла. — А теперь прием.

Альдо переключил рубильник, и поверхность экрана снова изменила свой вид. Однако больше ничего не произошло. Какую-то долю мгновения они ждали, застыв, затаив дыхание, неотрывно глядя на пустую поверхность.

Затем из ничего вдруг возник кусок перфорированной ленты, весь в мягких изгибах, и, согнувшись под тяжестью собственного веса, стал свиваться в кольца. Ниссим был ближе всех — он дотянулся да ленты, схватил ее и стал сматывать, пока из экрана не выскочил оборванный конец.

— Работает! — выкрикнул Стэн.

— Частично, — сдержанно ответил Ниссим. — Качество телепортации наверняка не на высоте, и потребуется более тонкая доводка. Но это они смогут выяснить на приемном пункте, тогда нам пошлют подробные указания.

Он заправил ленту в проигрыватель и включил его. От металлических стен каюты отразился какой-то оглушительный вопль. Лишь с огромным трудом в нем можно было распознать человеческий голос.

— М-да, тонкая доводка, — слегка усмехнувшись, сказал Ниссим, однако эта усмешка тотчас исчезла, потому что Шар вдруг накренился, а затем медленно стал возвращаться в вертикальное положение. — Нас что-то толкнуло! — задыхаясь, проговорил он.

— Атмосферные течения, наверное, — сказал Альдо, вцепившись в подлокотники и выжидая, когда Шар остановится. — А может, плавучие льдины, трудно сказать. Самое время нам выбираться отсюда.

Теперь их одолевала бесконечная усталость, но они старались ее не замечать. Конец был так близок и база с ее уютной безопасностью казалась буквально рядом. Ниссим рассчитывал необходимые поправки, а его спутники снова поднимали секцию за секцией и переналаживали отдельные блоки. Это было худшее из занятий, которые можно придумать в условиях почти тройной перегрузки. Однако всего за сутки они добились почти идеального звучания лент, а образцы материалов, которые они телепортировали на базу, при проверке оказались нормальными с точностью до пятого знака. Время от времени Шар продолжал заваливаться, и они прилагали все усилия, чтобы не думать об этом.

— Теперь мы готовы к испытаниям на живых объектах, — произнес Ниссим в микрофон.

Альдо смотрел, как лента с запечатленными на ней словами исчезает в экране, и боролся с искушением броситься вслед за ней. Нужно ждать. Теперь уже скоро. Он переключил на прием.

— По-моему, мне еще никогда в жизни не приходилось так долго торчать на одном месте, — сказал Ниссим, уставившись, как и его спутники, на экран. — Даже из колледжа в Исландии я каждый вечер телепортировался домой.

— Мы привыкли к ТМ-экранам как к чему-то само собой разумеющемуся, — откликнулся Альдо. — Все время, пока мы на базе разрабатывали этот проект, я по вечерам отправлялся в Нью-Йорк. Мы перестаем замечать все привычное, пока что-нибудь не разладится… как у нас здесь. Вам-то, конечно, легче, Стэн…

— Мне? — Пилот взглянул на него, удивленно подняв брови. — Я ничем не лучше. Я тоже при всяком удобном случае телепортировался к себе, в Новую Зеландию. — Его взгляд снова вернулся к пустому экрану.

— Я не это имел в виду. Просто вы уже привыкли к длительному одиночеству на корабле, во время полета. Видимо, это дает хорошую закалку. Вы как будто… ну, как будто не так всем этим напуганы, как мы.

У Стэна вдруг вырвался короткий, сухой смешок.

— Не обольщайтесь. Когда вас прошибает холодный пот — меня тоже. У меня просто подготовка другая. В моем деле стоит запаниковать — и вы уже на том свете. А в вашем это означает всего лишь пару лишних рюмочек перед обедом — для успокоения нервов. У вас не было особой нужды в самоконтроле, вот вы и не знаете, что это такое.

— Но это неверно, — возразил Ниссим. — Мы же цивилизованные люди, не какие-нибудь животные, мы умеем владеть собой…

— Что ж вы об этом не вспомнили, когда чуть на кинулись на Альдо с кулаками?

— Один ноль в вашу пользу, — угрюмо ухмыльнулся Ниссим. — Согласен, я способен поддаться эмоциям, но ведь это же неотделимо от человеческой натуры. Но вот что касается вас, то… как бы это сказать?… Вы, по-видимому, по складу характера не так легко возбудимы.

— Царапните меня — потечет точно такая же кровь. Это все тренировка — вот что не позволяет человеку хвататься за рубильник паники. Космонавты всегда были такими, начиная с первого дня. Надо полагать, в их характере с самого начала заложено нечто необходимое для их будущей профессии, но только постоянная тренировка делает самоконтроль почти автоматическим. Вам не доводилось когда-нибудь слышать записи из серии «Голоса космоса»?

Не отрывая глаз от пустого экрана, Ниссим и Альдо помотали головами.

— Обязательно послушайте. Там записи за полстолетия, но вы ни за что не сумеете определить, когда именно сделана та или иная запись. Самообладание и четкость абсолютно одинаковы. И лучший пример, пожалуй, — это первый в истории космонавт Юрий Гагарин. В этой серии есть много записей его голоса, включая самую последнюю. Он летел тогда на обычном самолете и попал в аварию. Так вот, его голос до самой последней секунды звучал точно так же, как на всех других его записях, — отчетливо и спокойно.

— Но это же противоестественно! — воскликнул Ниссим. — Видимо, он был человеком совершенно иного склада, чем все остальные…

— Вы абсолютно не уловили мою мысль.

— Смотрите! — воскликнул вдруг Альдо.

Все они разом замолчали, потому что с экрана выскочила крохотная морская свинка и тут же свалилась на его поверхность. Стэн подобрал ее.

— Выглядит просто здорово, — сказал он. — Отличная шерстка, замечательные усы, еще тепленькая. И мертвая. — Он поглядел на их изможденные, испуганные лица и улыбнулся. — Не стоит волноваться. Мы ведь не обязаны сию же секунду нырять в эту электронную душегубку. Очередная наладка, не так ли? Хотите взглянуть на трупик или отправить его обратно для анализа?

Ниссим отвернулся.

— Избавьтесь от нее поскорее и запросите сообщение. Следующая попытка должна дать результат.

Физиологи ответили быстро. Причина смерти функциональные нарушения в синапсах аксонов, соединяющих нервные клетки. Случай, типичный для ранних экспериментов с ТМ, и поправки для него давно уже известны. Поправки были введены, хотя на этот раз в процессе наладки Альдо потерял сознание и им пришлось приводить его в чувство с помощью лекарств. Непрерывное физическое напряжение сказывалось на каждом из них.

— Не знаю, смогу ли я снова перекраивать эти секции? — почти шепотом произнес Ниссим, включая экран на прием.

На экране возникла еще одна морская свинка — без всяких признаков жизни. Потом дна вдруг сморщила нос, перевернулась и стала испуганно тыкаться по сторонам в поисках убежища. Крик восторга прозвучал хрипло, слабо, но тем не менее это был крик восторга.

— До свиданья, Сатурн, — сказал Ниссим. — С меня довольно.

— С меня тоже, — присоединился Альдо и переключил экран на передачу.

— Сначала давайте послушаем, что скажут врачи об этой тварюшке, — напомнил Стэн, опуская морскую новинку на экран. Все следили за ней, пока она не исчезла.

— Ну, разумеется, — неохотно проговорил Ниссим. — Последняя проверка.

Она длилась долго и оказалась мало удовлетворительной. Они прокрутили ленту вторично.

— …Таковы клинические данные, ребята. Похоже, что все это указывает на какое-то микроскопически ничтожное замедление нервных сигналов и определенных рефлексов у нашей свинки… По правде говоря, мы не можем утверждать наверняка, что произошло какое-то изменение, пока не проведем дополнительных опытов с контрольными животными. Не знаем, что вам и посоветовать. Решайте сами, как поступать. Тут, похоже, все сходятся на том, что имеются скрытые отклонения, которые, по всей видимости, прямого влияния на животное не оказали, но какого рода эти отклонения, никто не решается гадать, пока не будут проделаны более основательные исследования. Это займет как минимум сорок пять часов…

— Не думаю, что мне удастся продержаться еще сорок пять часов, — сказал Ниссим. — Сердце у меня…

Альдо уставился на экран.

— Положим, я даже продержусь весь этот срок, но что толку? Я знаю, что эти секции мне больше не поднять. Кончено. У нас только один выход.

— Телепортироваться? — спросил Стан. — Рано. Нужно ждать результатов исследования — сколько хватит сил.

— Если мы будем их ждать, нам крышка, — настаивал Ниссим. — Альдо прав: даже если нам сообщат новые поправки, еще одну наладку мы все равно не осилим. Это факт.

— Я думаю иначе, — начал было Стэн, но замолчал, видя, что никто его не слушает. Он и сам был на грани полного изнеможения. — Тогда давайте голосовать, пусть решает большинство.

Голосование не затянулось: двое против одного.

— Теперь остается последний вопрос, — снова заговорил Стэн, глядя в их изможденные, иссохшие лица — точные копии его собственного лица. — Кто рискнет? Кто пойдет первым? Ясно одно: Альдо должен остаться, потому что он единственный, кто может произвести наладку, если она еще потребуется. Дело не в том, сможет ли он ее произвести фактически, он все равно должен покинуть корабль последним. Так что для роли морской свинки он не подходит. Вы тоже отпадаете, Ниссим, — как я понял из разговоров на базе, вы — главная надежда современной физики. Она в вас нуждается. А космических жокеев вроде меня сколько угодно. Значит, первым идти мне, когда бы мы ни решили это сделать.

Ниссим хотел было возразить, но не нашел убедительных аргументов.

— Отлично! Я первый — в качестве подопытной свинки. Но когда? Сию минуту? Мы все выжали из этого проклятого экрана?

Вы уверены, что не сумеете больше продержаться — на случай, если понадобится еще одна наладка?

— Абсолютно уверен, — хрипло сказал Ниссим. — Я уже кончился.

— Пожалуй, несколько часов… день… — слабо произнес Альдо. — Но к тому времени мы уже не сможем работать. Эта наш последний шанс.

— Я не ученый, — сказал Стэн, переводя взгляд с одного на другого, — и не мне судить о технической стороне дела. Поэтому, когда вы говорите, что сделали все, что могли, с этим экраном, я обязан верить вам на слово. Но уж об усталости-то мне кое-что известно. Мы можем протянуть гораздо больше, чем вам кажется…

— Нет! — воскликнул Ниссим.

— Послушайте меня. Мы можем затребовать сюда побольше подъемных приспособлений. Мы можем передохнуть парочку дней, прежде чем снова перейти на таблетки. Мы можем затребовать с базы готовые налаженные блоки, чтобы Альдо не пришлось много возиться. Да мало ли что можно сделать!

— Мертвым все это уже не поможет, — сказал Альдо, глядя на свои вздувшиеся вены, в которых тяжело пульсировала кровь, с трудом преодолевая повышенную гравитацию. — Сердце не может долго работать в таких условиях. Наступает перегрузка, разрыв мышечной ткани — и конец.

— Вы и не представляете себе, до чего это могучая штука — наше сердце и вообще наш организм.

— У вас — возможно, — сказал Ниссим. — Вы тренированы и полны сил, а мы, давайте уж смотреть правде в глаза, не сказать, чтобы в отличной форме. Мы ближе к смерти, чем когда-либо. Я знаю, что больше не выдержу, и если вы не хотите — я сам пойду первым.

— А вы что скажете, Альдо?

— То же, что и Ниссим. По мне, если уж выбирать, то лучше попытать счастья с экраном, чем оставаться здесь на заведомую гибель.

— Ну что ж, — сказал Стэн, с трудом опуская ноги с кресла. — Больше, видимо, не о чем толковать. Увидимся на базе, ребята. Мы тут славно поработали, будет о чем детишкам порассказать на старости лет.

Альдо переключил экран на телепортацию. Стэн подполз к самому краю зеркальной поверхности. Улыбаясь, он помахал им на прощанье рукой, не ступил, а скорее упал на экран, и исчез.

Лента выпрыгнула из экрана мгновенье спустя, руки у Альдо дрожали, пока он заправлял ее в проигрыватель.

— …Да вот же он, эй, вы двое, помогите ему… Алло, «Гюйгенс», майор Брэндон уже здесь, и вид у него ужасный, впрочем, вы сами знаете, какой у него вид, а вообще-то я хотел сказать, что он в полном порядке. Сейчас возле него врачи, они с ним беседуют… подождите минутку…

Тут речь перешла в невнятное бормотание, словно говоривший закрыл микрофон рукой. Последовало томительное молчание. Когда он снова заговорил, в голосе его что-то изменилось.

— …Здесь у нас некоторые осложнения, должен вам сказать. Пожалуй, лучше я подключу к вам доктора Крира.

Послышался отдаленный гул голосов, и заговорил другой человек.

— Это доктор Крир. Мы обследовали вашего пилота. Похоже, что он потерял способность говорить, узнавать других людей, хотя внешне он совершенно невредим, никаких признаков телесных повреждений. Прямо не знаю, что вам сказать, но в общем его дела плохи. Если это связано с торможением рефлексов, как у свинки, то речь может идти о нарушении функций высшей нервной системы. Проверка простейших рефлексов дает нормальные результаты — с учетом физического истощения. Но высшие функции

— речь, сознание — по-видимому, увы, полностью исчезли. Поэтому я запрещаю вам телепортироваться, пока не будут проделаны все без исключения анализы. Боюсь, что вам скорее всего придется пробыть там еще довольно долго и предпринять дополнительную наладку.

Кончик ленты щелкнул, и проигрыватель автоматически отключился.

Двое в Шаре с ужасом посмотрели друг на друга.

— Он все равно что мертв… — прошептал Ниссим. — Хуже, чем мертв… Какая чудовищная нелепость! Ведь он казался таким спокойным, таким уверенным в себе…

— Да… А что ему оставалось делать? Или ты ждал, что он ударится в панику, как мы? Получается, что мы сами уговорили его совершить самоубийство.

— Мы не можем обвинять себя в этом, Альдо!

— Нет, можем. Мы согласились, чтобы он шел первым. И мы убедили его, что в теперешнем нашем состоянии мы уже не можем улучшить работу телепортатора.

— Но… это ведь так и есть.

— Так ли? — Ниссим впервые посмотрел Альдо прямо в глаза. — А разве мы не намерены сейчас снова взяться за работу, а? Мы ведь не собираемся соваться в такой ТМ-экран! Нет, мы

будем работать, пока не появятся надежные шансы выбраться отсюда целехонькими!

Альдо глядел на него, не отворачиваясь.

— Да, я полагаю, мы можем это сделать. Но если это так — выходит, мы его обманули, когда сказали, что готовы телепортироваться первыми?

— На этот вопрос слишком трудно ответить.

— Ах, вот как, трудно! Но если постараться ответить честно, то трудно будет жить. Нет уж, думаю, мы можем признаться себе, что своими руками убили Стэна Брэндона.

— Не умышленно!

— Верно. И это еще хуже. Мы убили его потому, что потеряли самообладание в непривычной для нас ситуации. Он был прав. У него был профессиональный опыт, и мы обязаны были к нему прислушаться.

— Великолепная это штука — рассуждать задним числом. Если б мы вот так же хоть чуточку вперед заглядывали…

Альдо затряс головой.

— Невыносимо думать, что он погиб абсолютно впустую.

— Нет, не впустую, и, может быть, он это понимал уже тогда — он хотел, чтобы мы вернулись на базу невредимыми. Он сделал для этого все что мог. Но на нас не действовали его слова. Даже если б он остался, мы бы все равно ни черта не делали, разве что ненавидели бы его. Мы бы просто свалились здесь, махнули на все рукой и подохли.

— Теперь уж нет, — сказал Альдо, заставляя себя подняться. — Теперь уж мы будем держаться, пока не наладим ТМ и не выберемся отсюда. Хоть эту малость мы обязаны сделать. Если мы хотим, чтоб его поступок приобрел хоть какой-то смысл, мы обязаны вернуться назад живыми.

— Да, мы это сделаем, — согласился Ниссим, с трудом шевеля губами. — Теперь сделаем.

Наладка началась.

НИ ВОЙНЫ, НИ ЗВУКОВ БОЯ

— Боец Дом Приего, я убью тебя! — на всю казарму рявкнул сержант Тот.

Дом, лежавший с книгой на койке, поднял испуганный взгляд как раз в то мгновение, когда поднятая рука сержанта резко опустилась, метнув боевой нож. Натренированные рефлексы сработали, Дом успел поднять книгу, и нож вонзился в нее, пробив насквозь, так, что острие замерло в каких-то нескольких дюймах от лица Дома.

— Тупая венгерская обезьяна! — заорал он. — Знаешь, во что мне обошлась эта книга? Ты хоть соображаешь, сколько ей лет?

— А ты соображаешь, что все еще жив? — ответил сержант, и в уголках его кошачьих глаз собрались морщинки в отдаленном подобии холодной улыбки.

Крадущейся походкой хищного животного он прошел между рядами коек и потянулся к рукоятке ножа.

— Э, нет, — сказал Дом, отдергивая книгу. — Ты уже достаточно вреда причинил.

Он положил книгу на койку, осторожно извлек из нее нож — и внезапно метнул его сержанту в ногу. Сержант Тот сдвинул ступню ровно настолько, чтобы нож, пролетев мимо, воткнулся не в нее, а в пластиковое покрытие пола.

— Побольше выдержки, боец, — произнес он. — Никогда не теряй выдержки. Иначе начнешь совершать ошибки, и тебе конец.

Нагнувшись, он выдернул сверкающий нож из пола и уравновесил его на кончиках пальцев, пытаясь не уронить. По казарменному отсеку прошел легкий шум — все присутствующие уставились на сержанта, готовые в любой момент сорваться с места.

— Вас теперь врасплох не застанешь. — Сержант сунул лезвие в ножны на сапоге.

— Ты просто-напросто садист, — сказал Дом, разглаживая продранную обложку. — Пугаешь людей и получаешь от этого великое удовольствие.

— Может быть, — невозмутимо откликнулся сержант Тот и присел на койку. — А может быть, я, что называется, «человек на своем месте». Да в общем-то и не важно, кто я. Я тренирую вас, держу в постоянной боевой готовности. Не даю вам закиснуть. Вам бы благодарить меня за то, что я такой садист.

— Меня этими разговорами не купишь, сержант. Ты из тех, о которых писал вот этот человек, тут, в книге, которую ты так хотел уничтожить…

— Почему же я? Это ты заслонился ею от ножа. Сделал именно то, чему я вас, сосунков, и учил. Сберег собственную шкуру. А только это в счет и идет, и тут уж любой трюк хорош. Жизнь у каждого из вас только одна, так старайтесь, чтобы она получилась длинной.

— Ага, вот они…

— Чего, картинки с девочками?

— Нет, сержант, слова. Великие слова, принадлежащие человеку, о котором ты сроду не слышал. Его звали Уайльд.

— Ну как же! Дотошный Уайльд, чемпион флота в тяжелом весе.

— Да нет, Оскар Фингал О'Флаэрти Уиллс Уайльд. Твоему костолому он, надеюсь, даже не родственник. Вот что он пишет: *«Пока в войне усматривают порочность, она так и будет сохранять свое очарование. Сочтите ее вульгарной, и она утратит всякую популярность».*

Сержант Тот задумчиво сощурился.

— Больно просто у него получается. Дело вовсе не в этом. У войны совсем другие причины.

— К примеру?

Сержант открыл было рот, собираясь ответить, но раскатистый сигнал боевой тревоги опередил его. Пронзительный вой, прозвучавший в каждом отсеке космического корабля, вызвал мгновенную реакцию. Люди моментально пришли в движение.

Члены экипажа опрометью понеслись к боевым постам. И еще до того как отзвучал сигнал, огромный космический корабль изготовился к бою.

Что, впрочем, не относилось к собственно бойцам. До получения приказа и выхода из корабля они оставались не более чем особым грузом. Бойцы замерли по стойке «смирно», две шеренги серебристо-серых мундиров посреди казарменного отсека. У стены сержант Тот, воткнув наушники в телефонный разъем, внимательно слушал, время от времени кивая. Наконец он подтвердил получение приказа, отсоединился и неторопливо повернулся к бойцам. Все взгляды устремились на него. Насладившись паузой, сержант улыбнулся самой широкой из улыбок, когда либо виданных подчиненными на его обыкновенно лишенном выражения лице.

— Стало быть, так, — сказал сержант и потер одну ладонь о другую. — Теперь я могу сообщить вам, что мы дожидались появления эдинбуржцев и что по тревоге были подняты все силы нашего флота. Разведчики засекли их на выходе из пространственного скачка, через пару часов они уже будут здесь.

Нам предстоит их встретить. Вот так, мои необстрелянные сосунки.

По шеренгам прошел звук, похожий на рычание. Улыбка сержанта стала еще шире.

— Вижу, вы пребываете в хорошем расположении духа. Продемонстрируйте его врагу, хотя бы отчасти.

Улыбка исчезла так же быстро, как возникла, и сержант с привычно холодным лицом скомандовал «смирно».

— Капрал Стирс лежит в лазарете с высокой температурой, так что у нас в младшем командном составе не хватает одного человека. После сигнала боевой тревоги мы с вами находимся на военном положении, и я вправе производить временные повышения в звании. Боец Приего, шаг вперед!

Дом, вытянувшись, выступил из шеренги.

— С этой минуты ты отвечаешь за доставку мин, если справишься, командир сделает твое назначение постоянным. Капрал Приего, шаг назад и остаться на месте! Остальным готовиться к бою! Бегом — марш!

Сержант Тот шагнул в сторону, пропуская бегущих бойцов, и, когда исчез последний, наставил на Дома палец.

— Всего несколько слов. Ты ничем не хуже других, ты даже лучше многих. Ты неплохо соображаешь. Но ты слишком много думаешь о вещах, не имеющих никакого значения. Кончай думать, начинай драться. Иначе никогда не вернешься в этот свой университет. Если провалишь дело и эдинбуржцы тебя не достанут, достану я. Или возвращайся капралом, или не возвращайся вообще. Понял?

— Понял. — Лицо у Дома было таким же холодно невыразительным, как у сержанта. — Я боец не хуже тебя, сержант. Свою задачу я выполню.

— Вот и давай выполняй. А теперь — пошевеливайся!..

Дом облачался последним. Он еще возился с затворами, когда остальные уже проверяли уровень давления в скафандрах. Дом старался не позволить этому обстоятельству ни вывести его из равновесия, ни заставить спешить. Мысленно следуя схеме контроля, он с неторопливой тщательностью щелкал затворами и блокировками.

Убедившись, что все анализаторы давления застыли на зеленой отметке, он показал оружейникам большой палец — все в порядке! — и вошел в переходный шлюз. Пока за его спиной закрывалась дверь, пока из шлюза откачивался воздух, Дом проверял выведенные прямо в шлем контрольные шкалы. Кислород — под завязку. Реактивный ранец — заправлен полностью. Радиосвязь — работает.

Наконец из шлюза вытянуло остатки воздуха, и внутренняя дверь беззвучно растворилась. Он вошел в арсенал.

Освещение здесь было тусклым, и скоро ему предстояло погаснуть полностью. Подойдя к стеллажу с оснащением, Дом первым делом стал крепить к скафандру разного рода мелкие принадлежности. Как и у прочих членов минного расчета, броня на его скафандре была не из самых тяжелых, и вооружение он нес лишь самое необходимое. На левом бедре располагалось стрекало, на правом, в специальной кобуре, — щуп, его излюбленное оружие. Если верить данным разведки, кое-кто из эдинбуржцев все еще пользовался мягкими пневматическими скафандрами. По этой причине бойцов снабдили искровыми пробойниками, которые, вообще говоря, считались оружием устарелым. Пробойник Дом сунул подальше за спину — вряд ли он ему пригодится. Все эти орудия убийства многие месяцы пролежали в вакууме, при температуре, близкой к абсолютному нулю. Никакой смазки — оружие предназначено для использования именно при этой температуре.

К шлему Дома со щелчком прикоснулся чужой шлем, и сквозь звукопроводящую прозрачную керамику донесся голос Винга:

— Я готов к креплению мины, Дом, приладь ее, ладно? И прими мои поздравления. Как мне тебя теперь называть — капралом?

— Подожди, пока мы вернемся и я официально получу это звание. Тоту я на слово не верю.

Он снял с полки одну из атомных мин, проверил показания датчиков — все на зеленом — и вдвинул ее в держатель, составлявший со скафандром Винга единое целое.

— Порядок, давай теперь подвесим мою.

Едва они покончили с этим, как в арсенале появился крупный мужчина в громоздких боевых доспехах. Дом узнал бы его по размерам, даже если бы на груди скафандра не было выведено *«ГЕЛЬМУТ»*.

— В чем дело, Ген? — спросил он, когда их шлемы соприкоснулись.

— В сержанте. Велел явиться сюда и доложить, что в этом вылете я потащу мину. — По тому, как это было сказано, чувствовалось, что Гел рассержен.

— И отлично. Мы на тебя черную повесим. — Вид у здоровяка счастливей не стал, и Дом подумал, что догадывается почему. — Ты только не переживай из-за того, что пропустишь драку. Там на всех хватит.

— Я боец…

— Мы все бойцы. И у всех нас одно дело — доставить на

место мины. Теперь оно стало твоим заданием.

Судя по всему, слова Дома Гельмута не убедили, и, пока на спине его скафандра крепили подвеску и мину, Ген стоял, сохраняя флегматичную неподвижность. Не успели они закончить, как в наушниках щелкнуло, и облаченные в скафандры мужчины зашевелились: заработала оперативная частота.

— Все в скафандрах и при оружии? К переключению освещения готовы?

— Бойцы в скафандрах и вооружены. — Это был голос сержанта Тота.

— Минный расчет не готов, — сказал Дом, и они с Вингом принялись торопливо щелкать последними застежками, понимая, что теперь все ждут только их.

— Минный расчет в скафандрах и при оружии.

— Свет!

Светильники на перегородках стали гаснуть, и вскоре бойцов обступила тьма. Лишь тусклые красные лампы горели под потолком. Разглядеть что-либо, пока глаза не привыкли к темноте, было практически невозможно.

Дом ощупью добрался до одной из скамей, вслепую отыскал муфту кислородного шланга и воткнул ее в шлем — пока длится ожидание, лучше сохранить в неприкосновенности кислородный запас. Теперь для поддержания боевого духа на должном уровне на оперативной частоте звучала бодрая музыка. Сидеть в темноте облаченным в скафандр и обвешанным оружием — это кому угодно подействует на нервы. Музыка должна была хотя бы отчасти снять напряжение. Наконец она смолкла, ее сменил человеческий голос:

— Говорит начальник штаба. Я попробую прояснить для вас происходящее. Эдинбуржцы атакуют нас силами целого флота, и, как только мы их обнаружили, их посол объявил о начале войны. Он потребовал от Земли немедленной капитуляции, заявив, что в противном случае вся ответственность за последствия ляжет на нас. Ну-с, что ему на это ответили, вы все знаете. Эдинбуржцы и так уже захватили дюжину населенных планет и присоединили их к своей Большой Кельтской Сфере Взаимного Процветания. Теперь они разлакомились и нацелились на главную планету, на саму Землю, которую их предки покинули несколько сот поколений назад. При этом они… минутку, поступило сообщение с поля боя… первая стычка с нашими разведчиками.

Офицер на миг умолк, затем его голос зазвучал снова:

— На нас надвигается целый флот, но не больший, чем мы ожидали, так что мы с ним управимся. Правда, в их тактике появилось нечто новое — оперативный компьютер занят

анализом этого изменения. Они, как вы знаете, первыми стали применять для вторжений передатчик материи, рассылая на планеты множество грузовых кораблей с передающими экранами. Через эти экраны с их планеты на ту, что они намереваются захватить, бросаются в атаку штурмовые отряды. Так вот, на сей раз они изменили тактику. Весь их флот защищает один-единственный корабль, поисковый грузовоз класса «Кригер». Что это означает… не отключайтесь, пошла распечатка компьютера. Тут говорится: *«Единственная возможность — доставка одним кораблем ПМ-экрана увеличенной пропускной способности».* Стало быть, не исключено, что этот корабль несет единственный ПМ-экран, самый большой из всех, что строились до сих пор. Если это так и если им удастся доставить эту штуку на поверхность Земли, они смогут прогонять сквозь него тяжелые бомбардировщики, стрелять предварительно заведенными межконтинентальными баллистическими ракетами, посылать десантные суда — все что угодно. Если это произойдет, вторжение увенчается успехом.

Дом почувствовал, как в красноватом мраке шевельнулись фигуры в скафандрах.

— Если это произойдет. — В голосе начальника штаба появилась властная нотка. — Для осуществления межпланетного вторжения эдинбуржцы разработали только одно средство. Нам следовало найти контрсредство, которое позволило бы их остановить. Именно вы, бойцы, и являетесь этим контрсредством. Они уложили все яйца в одну корзинку — значит, вам придется разнести эту корзинку на куски. Вы способны пройти там, где не пройдут ни штурмовые суда, ни ракеты. Сейчас мы быстро сближаемся, с минуты на минуту вам предстоит начать боевые действия. Так что — выбирайтесь отсюда и делайте ваше дело. От вас зависит судьба всей Земли.

Мелодраматические слова, подумал Дом, но тем не менее верные. Боевые корабли, сосредоточение огневой мощи — все зависит от нас. Сигнал к бою прервал его размышления. Дом вскочил.

— Отсоединить кислород! Выходите, как только услышите свое имя, и двигайтесь в пусковую рубку. Тот…

Имена произносились быстро, и так же быстро бойцы покидали арсенал. На входе в пусковую рубку кто-то в скафандре и с шаровидным красным фонариком читал имена, написанные у каждого на груди, сверяя их с ведомостью. Все шло быстро и гладко, как на учениях. Собственно, бесконечные учения и предназначались для того, чтобы подготовить их к этой минуте. Пусковая рубка, в которой они ни разу не бывали, казалась знакомой: их тренажер представлял собой точную ее копию. Боец,

шедший впереди, направился к левому борту, Дом двинулся к правому. Его предшественник уже забирался в капсулу. Дом ждал, пока оружейник поможет ему влезть в нее и отрегулирует поддерживающие опорные штанги. Затем настал его черед.

Дом скользнул в прозрачную пластиковую скорлупку и, держась за поручни, опустился в кресло. Оружейник подтянул штанги повыше, они крепко уперлись в подмышки, и Дом кивнул: штанги встали как следует. Мгновение спустя он остался в полумраке один. Неяркий красный свет отражался в верхнем кольце капсулы прямо над его головой. Потом капсула дрогнула, пришла в движение, и Дом покрепче ухватился за поручни. Капсула постепенно откидывалась назад, и вскоре Дом оказался лежащим на спине и смотревшим вверх сквозь охватывающие его пластиковую оболочку металлические кольца.

Капсула поехала вбок, резко затормозила, затем снова пришла в движение. Теперь он увидел орудие с полудюжиной капсул, идущих впереди, и подумал, как всякий раз думал на учениях: до чего же оно похоже на древнюю скорострельную пушку — вот только стреляет людьми. Каждые две секунды нарядный механизм подхватывал капсулу — поочередно с одного из двух ленточных транспортеров, которые доставляли их к тыльной части орудия, — и та скрывалась в казеннике. За ней другая, третья. Исчезла капсула, плывшая впереди Дома. Он напрягся — и тут зарядный механизм замер.

Охваченный мгновенным страхом, Дом решил было, что в сложном орудии возникла неполадка, но тут же сообразил, что это просто первую партию бойцов выбросили в пространство, и компьютер ждет, чтобы освободился путь для минного расчета. То есть отныне — его расчета, поскольку он поведет этих людей.

Ждать, будучи запертым в черной пасти казенника, оказалось куда неприятней, чем двигаться. Компьютер отсчитывал секунды, одновременно отслеживая цель и поддерживая корабль на выверенной траектории. Теперь, когда Дом оказался внутри орудия, магнитное поле вцепится в облекающие его капсулу кольца, а линейный ускоритель прогонит его по всей длине корабля, от кормы до носа. Поле заставит его нестись все быстрей и быстрей, пока не выбросит из жерла орудия с нужной скоростью и на нужную траекторию перехвата…

Капнула взлетела по крутой дуге и ринулась в темноту. Как он ни цеплялся за поручни, перепад давления оказался чувствительным. Свирепое ускорение подминало Дома с такой силой, что он почти перестал дышать.

Жестокая перегрузка, более жестокая, чем все когда-либо испытанные во время учений, — только эта мысль и уцелела в его

голове к моменту, когда он вылетел из орудия.

Переход от ускорения к невесомости совершился мгновенно, и Дом еще сильнее вцепился в ручки кресла, чтобы не выплыть из капсулы. Он почувствовал, что в ногах отдаются неслышные взрывы, увидел дымовое облако. Металлические кольца разнесло надвое, и верхняя половина караулы, треснув, отлетела. Теперь он остался один, невесомый, сжимающий в руках захваты, прикрепленные к расположенному под его ступнями ракетному двигателю. Дом огляделся, надеясь увидеть картину космического сражения, которое, как он знал, разворачивалось вокруг, но смотреть, в сущности, было не на что.

Далеко справа от него что-то горело, перемигивались сверкающие точки звезд, на миг заслоненные пролетающим мимо темным телом. Сражение вели компьютеры и приборы, разделенные огромными расстояниями. Невооруженным глазом мало что обнаружишь. Космические корабли, черные и стремительные, находились в тысячах милях отсюда. Они вели огонь самонаводящимися ракетами и сенсорными снарядами, быстрыми и невидимыми. Дом знал, что космос вокруг него заполнен устройствами, создающими помехи, и генераторами ложных сигналов, но и тех видно не было. Невидимой оставалась даже цель — тот самый корабль, к которому он несся. Дом в космосе один, неподвижный и всеми забытый, — это все, что воспринимал он собственными органами чувств.

Что-то дрогнуло у него под ногами, из сопла ракетного двигателя вырвалось и тут же исчезло облако газа. Нет, он не забыт и не неподвижен. Оперативный компьютер, по-прежнему отслеживающий цель, зарегистрировал ее отклонение от расчетной траектории и на основе новых данных внес небольшие поправки. Поправки эти должны были одновременно откорректировать движение всех бойцов, раскиданных по космосу. Бойцы были малы и незримы — вдвойне незримы после сброса металлических колец. Металла в пластиковом и керамическом оснащении бойца содержалось не более одной восьмой фунта, да и тот был распределен по всему телу. При таком обилии помех никакой радар обнаружить бойцов не сможет. Они должны были прорваться.

Снова заработали двигатели, и Дом увидел, как звезды разворачиваются над его головой. Скоро посадка. Вмонтированный в ракетный блок крохотный радар обнаружил впереди большую массу и отдал двигателю приказ развернуть Дома ногами к ней. Дом знал, что вслед за этим оперативный компьютер прервет с ним связь, передав управление маленькому посадочному компьютеру, составляющему единое целое с его

радаром. Опять заработал двигатель; на сей раз выброс был посильнее, опорные штанги уткнулись в его подмышки. Дом, глянув под ноги, увидел некий темный силуэт. Он рос, заслоняя звезды.

С ревом, в тишине показавшимся громовым, ожили наушники:

— Пошел, пошел — проголодался. Пошел, пошел — проголодался.

И вновь наступило безмолвие, но Дом больше не чувствовал себя одиноким. Краткое сообщение сказало ему о многом. Во-первых, голос принадлежал сержанту Тоту, ошибиться на этот счет невозможно. Во-вторых, само нарушение радиомолчания означало, что они вступили в схватку с врагом и присутствие их больше не тайна. Код сообщения был достаточно прост, но содержание его для любого, кто не входил в их отряд, могло показаться бессмысленным. В переводе на обычный язык сообщение гласило, что штурмовые отряды держатся. Они захватили центральный участок корпуса корабля — лучшее место для встречи, поскольку в такой темноте носа от хвоста все равно не отличишь, и удерживают его, ожидая подхода минного расчета. Мощно и надолго включились тормозные двигатели, ракетный блок вплотную подошел к темному корпусу.

Дом спрыгнул с него и откатился в сторону. Он увидел нависшую над ним фигуру в скафандре, ясно очерченную на фоне солнечного диска, даром что скафандр покрывала черная, не отражающая света броня. Верхушка шлема была гладкой. Мгновенно осознав это, Дом вырвал из кобуры щуп. Облако газа скрыло от него человеческую фигуру. Дом удивился, но колебаться не стал. Пользоваться в отсутствие силы тяжести огнестрельным оружием значило идти на изрядный риск. Толком прицелиться из него было трудно, да и отдача срывала стреляющего с места. Если же пользоваться оружием без отдачи, выбрасывавшим газы в стороны, облако газа лишало стрелка видимости на несколько жизненно важных мгновений. Но хорошо обученному бойцу всего лишь доля секунды и требовалась.

Щуп вышел из кобуры, и Дом легко надавил пальцем на кнопку включения двигателей. Оружие имело форму короткого меча, но на месте заточенной грани у него была вибропила, а на противоположной кромке располагались маленькие реактивные двигатели. Выхлопы толкали щуп вперед, увлекая за собой и его владельца.

Едва оружие коснулось ноги противника, Дом включил двигатели на полную мощность. Вибрирующее керамическое лезвие впилось в тонкую броню. Меньше чем за секунду оно

прорезало ее и вонзилось в ногу человека. Дом нажал кнопку реверсного двигателя, чтобы вытянуть щуп назад, воздух струей хлынул наружу, мгновенно конденсируясь в частички льда, противник его содрогнулся, схватился за бедро — и внезапно обмяк.

Подошвы Дома коснулись корпуса корабля и прилипли к нему. Он вдруг сообразил, что вся стычка заняла ровно столько времени, сколько ему понадобилось, чтобы затормозить вращение и встать…

Не думай, действуй. Как на учениях. Едва прилипнув ногами к корпусу, он резко присел и огляделся. Мощный реактивный топор скользнул над самой его головой, волоча за собой владельца.

Действуй, не думай. Новый противник находился слева от него — щупом не достанешь — и уже разворачивал топор в его сторону. Человеку даны две руки. Стрекало на левом бедре. Дом уже держал его в руке, включив и бур, и реактивное сопло. Твердый, как алмаз, футовый бур яростно вращался, в противоположном направлении вращался на рукоятке противовес, а реактивный выхлоп бросил оружие вперед.

Бур вошел эдинбуржцу прямо под дых, едва-едва замедлил вращение, продирая в броне дыру, и устремился внутрь скафандра. Противник сложился вдвое, и Дом включил реверсный двигатель, чтобы вытянуть стрекало. Топор, получивший последний импульс от собственного двигателя, вырвался из руки умирающего и исчез в пространстве.

Других врагов в поле зрения не оказалось. Дом перенес вес на одну ногу и качнулся вперед, переводя поверхностную пленку на подошвах из режима прилипания в нейтральный, затем медленно двинулся в том же направлении. Подобное хождение требовало навыка, но навык у него был. Впереди на корпусе корабля лежало несколько распростертых фигур, и он, предосторожности ради, поднял руку и коснулся рожка на шлеме — ошибки ему ни к чему. Этот условный знак ввели всего несколько дней назад, тогда же к шлемам приделали пластиковые рожки. Шлемы эдинбуржцев были гладкими.

Дом нырнул вперед и, оказавшись между разбросанными телами, заскользил лицом вниз. Чтобы не сорваться с корпуса корабля, он активировал поверхностную пленку на животе скафандра, и она остановила скольжение. На несколько мгновений Дом оказался в безопасности, окруженный своими, и потому позволил себе ткнуть пальцем в шлем, чтобы пройтись по частотам. Большинство частот заполонила мешанина разнообразных шумов, своих и вражеских сообщений, искаженных

и ложных, транслируемых в записи, чтобы замаскировать обмен подлинной информацией. На частоте минного расчета практически никаких переговоров не шло, и Дом подождал немного, пока эфир очистится. Его люди слышали сообщение Тота, так что место сбора им было известно. Теперь он мог вызвать их к себе.

— Квазар, квазар, квазар, — повторил он кодовый вызов, затем тщательно отсчитал десять секунд и включил на плече голубой сигнальный фонарь. Потом встал ровно на секунду и опять упал на корпус корабля, дабы не вызвать на себя огонь противника. Его люди должны были отыскать в темноте световой сигнал и собраться там, где они обнаружат его. Один за другим они стали выползать из темноты. Дом считал. Показался боец без мины на спине; он упал на корпус и скользил в сторону Дома, пока они не соприкоснулись шлемами.

— Сколько, капрал? — раздался голос Тота.

— Одного пока не хватает, но…

— Без «но». Начинаем двигаться. Установите заряды и взорвите их, как только найдете укрытие.

Прежде чем Дом успел ответить, Тот исчез. Впрочем, он был прав. Дожидаться одного человека, рискуя успехом всей операции, они не могли себе позволить. Если они не уберутся отсюда как можно скорее, то окажутся в ловушке и будут уничтожены. Стычки еще продолжаются по всему корпусу, но пройдет совсем немного времени, и эдинбуржцы сообразят, что это всего лишь сдерживающий маневр и что главный штурмовой отряд уже стягивается в одно место. Минный расчет принялся быстро и искусно делать свою работу, кольцом устанавливая кумулятивные мины. Судя по всему, в бой вступили отряды охранения. Со всех сторон вдруг началась стрельба из тяжелого оружия высокоскоростных безоткатных пулеметов тридцатого калибра. Прежде чем открыть огонь, пулеметчики произвели съемки рельефа корпуса, построив схему настильной стрельбы с таким расчетом, чтобы пули шли как можно ближе к поверхности. Схему ввели в управляющий пулеметами компьютер, который вел огонь, выполняя наводку автоматически, поскольку облака выброшенного пулеметами газа сводили видимость на нет. Сержант Тот вынырнул из дыма и, едва его шлем коснулся шлема Дома, закричал:

— Все взорвали?

— Уже готовы, отходите.

— Поторопитесь. Там все или залегли, или убиты. Но скоро они саданут по этому дыму чем-нибудь тяжелым, благо мы у них на прицеле.

Минный расчет отошел назад, залег, и Дом нажал кнопку взрывателя. Газ и пламя рванулись вверх, корпус корабля вздрогнул — лежащих на нем подбросило. В дыму встала плотная колонна воздуха, клубясь и превращаясь в вакууме в крохотные кристаллики льда. Теперь корабль был разгерметизирован, и они могли усугубить разгерметизацию, вскрывая взрывами отсеки и перегородки. Дом с сержантом, извиваясь, проползли сквозь дым к краю широкой зияющей дыры, образованной взрывом в обшивке корабля.

— Все на борт! — прокричал сержант и нырнул в отверстие.

Дом протолкался сквозь поток людей, устремившихся за сержантом, и опять пересчитал своих людей. Одного человека по-прежнему не хватало. Стрелок с пулеметом на спине полетел к пробоине, следом за ним посыпались обслуживающие его подносчики боеприпасов. Облако дыма все росло, пулеметы еще продолжали вести огонь, прикрывая остальных. Пробоину уже трудно было разглядеть. Когда в ней исчезли, по оценке Дома, около половины бойцов, Дом повел туда свой расчет.

Они оказались в темноватом отсеке, каком-то подобии склада; сквозь пробитую в одной из стен взрывом дыру увидели бойца, выполняющего роль дорожного указателя.

— Вниз и направо, пробоина примерно в ста ярдах отсюда, — сказал он, когда шлем Дома прижался к его шлему. — Мы попытались пройти направо, но там слишком сильный заслон. Пока мы их сдерживаем.

Дом и его люди помчались вперед гигантскими скачками — в отсутствие силы тяжести это был самый быстрый способ передвижения. Коридор, в котором тускло горели лампы аварийного освещения, несколько мгновений оставался пустым. В стенах его через равные промежутки взрывами были пробиты дыры, это позволяло выпустить воздух из герметичных отсеков, а заодно уничтожить линии связи и трубопроводы. Когда они проносились мимо одной такой пробоины, из нее выскочили люди.

Дом пригнулся, уклонившись от удара стрекалом и одновременно выхватив щуп. Удар щупом пришелся нападающему прямо под ребра. Эдинбуржец скорчился и испустил дух, но Дом почувствовал, что ногу его полоснуло острой болью. Он опустил глаза и увидел кусачки, впившиеся ему в икру.

Кусачки — старомодное устройство, применяемое против лишенных защитной брони скафандров. Два искривленных ножа охватили ногу, а маленький, замедленного действия двигатель неторопливо смыкал их. Выключить устройство, приведенное в

действие, уже невозможно.

Правда, можно сломать. Едва успев подумать об этом, Дом резко махнул щупом и прижал его к рукоятке кусачек. Кусачки немного перекосило, и боль резко усилилась; Дом едва не лишился сознания. Он попытался не обращать на боль внимания. Из-под лезвий вырывались струйки пара. Дом привел в действие набедренное пережимное кольцо, которое изолировало штанину от скафандра. Затем щуп продырявил кожух кусачек, дождем брызнули искры, и смыкание лезвий прекратилось.

Когда Дом поднял глаза, короткий бой уже кончился. Нападавшие были мертвы, их опрокинул подоспевший арьергардный отряд. Похоже, несколько убитых были на счету Гельмута. Он держал над головой топор, поигрывая пальцами по кнопкам на его рукояти, отчего двигатели, расположенные прямо под лезвием, попеременно бросали его то вперед, то назад. Оба острия были в крови.

Дом включил приемник: тишина на всех частотах. Схемы внутрисудовой связи были разрушены, а металлические стены глушили любые радиосигналы.

— Доложите кто-нибудь, — произнес он. — Каковы наши потери?

— Ты ранен, — сказал, склонившись над ним, Винг. — Хочешь, я выдерну эту штуку?

— Оставь. Концы ножей почти сошлись, ты заодно отдерешь мне половину ноги. Их прихватило замерзшей кровью, а двигаться с ними я еще могу. Подними-ка меня.

Лишенная кровоснабжения нога быстро немела в вакууме. Оно и к лучшему. Дом пересчитал своих людей.

— Мы потеряли двоих, но мин у нас более чем достаточно.

В следующем коридоре, у пробитой взрывом дыры на одну из палуб их поджидал сам сержант Тот. Он взглянул на ногу Дома, но промолчал.

— Как дела? — спросил Дом.

— Прилично. Наши потери невелики. У них — больше. Сапер утверждает, что мы сейчас над главным трюмом, поэтому уходим вниз. На каждом уровне направляем наших людей в стороны, пока не доберемся до трюма. Так что топайте.

— А ты?

— А я пойду с арьергардом и буду собирать по всем уровням всех, кого вы оставите. Позаботься, чтобы, когда мы спустимся к вам, для нас дорога была чистой.

— Можешь на это рассчитывать.

Дом всплыл над дырой и, оказавшись прямо над ней, с силой оттолкнулся здоровой ногой и плавно пошел вниз. Расчет Дома

последовал за ним. Они миновали одну палубу, вторую, третью. Отверстия в палубах были пробиты аккуратно, друг под другом, чтобы облегчить свободное падение. Впереди громыхнуло, повалил дым — там пробивали очередную палубу. Мимо Дома пролетел Гельмут. Он двигался быстрее, оттолкнувшись от потолка обеими ногами. Он уже обогнал Дома на целую палубу, пролетел в новую пробоину — и вдруг пулеметная очередь почти перерезала его пополам. Мгновенно расставшись с жизнью, Гельмут сложился вдвое; импульс, сообщенный ему пулями, снес тело вдоль нижней палубы в сторону, и оно скрылось из виду.

Дом включил двигатели на щупе, и они оттащили его в сторону, не дав последовать за Гельмутом.

— Минный расчет, рассредоточиться, — скомандовал он, — пропустить вперед штурмовой отряд.

Он переключился на оперативную частоту и взглянул вверх, на неровную колонну спускающихся бойцов.

— Палуба подо мной отбита противником. Я на последней из захваченных нами.

Он помахал рукой, чтобы показать, кто ведет передачу, — и бойцы стали притормаживать рядом с ним.

— Они подо мной. Стреляли оттуда.

Бойцы молча двинулись в указанную сторону. Где-то за его спиной громыхнул взрыв, пробив дрогнувший металлический пол. Бойцы цепочкой потянулись в ту сторону. Несколько секунд спустя снизу появилась фигура в шлеме — с рожками — и помахала рукой, все чисто. Движение возобновилось.

На нижней палубе люди стояли едва ли не плечом к плечу, и их становилось все больше за счет спускавшихся сверху.

— Прибыл минный расчет, доложите обстановку, — запросил по радио Дом.

Из толпы, оттолкнувшись, выплыл боец с подвешенным к поясу планшетом.

— Мы добрались до грузового трюма — он тут здоровенный, — но нас отбросили назад. У них огромное численное превосходство. Эдинбуржцы готовы на все. Они перебрасывают через ПМ-экраны людей в легких пневматических скафандрах. Без брони, почти без оружия, мы уничтожаем их без особых затруднений, но они попросту выдавили нас собственными телами. Они поступают прямиком с планеты, которая служит плацдармом вторжения. Даже если мы перебьем всех, нам не удастся прорваться сквозь их тела…

— Ты сапер?

— Да.

— Как расположен в трюме ПМ-экран?

— Идет вдоль дальней стены, по всей длине.

— Пульт управления?

— Слева.

— Ты можешь провести нас в обход трюма, сверху или сбоку, чтобы мы ворвались в него поближе к экрану?

Сапер уперся взглядом в чертежи корабля и разглядывал их довольно долго.

— Да, сбоку. Через машинное отделение. Там можно пробить стену рядом с пультом управления.

— Тогда пошли, — Дом переключился на оперативную частоту и помахал рукой. — Всем бойцам, которые видят меня, двигаться в ту сторону. Мы намерены предпринять фланговую атаку.

Они понеслись по длинному коридору со скоростью, на какую были способны, — впереди бойцы, за ними минный расчет. Через равные промежутки перед ними возникали герметично задраенные двери, которые, впрочем, оказалось нетрудно обойти, взрывая перегородки рядом с ними. Они наталкивались на сопротивление, и число убитых по мере их продвижения все возрастало.

В конце концов Дом увидел, что бойцы впереди сбиваются кучкой, и подплыл к своему изрядно поредевшему отряду, сумевшему забраться далеко внутрь корабля.

Указав на огромную дверь в конце коридора, капрал прижался к шлему Дома.

— За ней машинное отделение. Здесь толстые стены. Всем отойти в сторону, мы применим восьмикратный заряд.

Люди рассредоточились, заряд взорвался, перегородки вздыбило, вспучило, и Дом увидел, как по коридору хлестнула простыня пламени, а за ней столб воздуха, мгновенно обращающийся в сверкающие шарики льда. Машинное отделение все еще оставалось под давлением.

Большая часть застигнутых врасплох членов экипажа, работавших в машинном зале, была без скафандров. Эти люди умерли внезапной и жестокой смертью. Немногих уцелевших, попытавшихся сопротивляться с импровизированным оружием в руках, перебили почти мгновенно. Дом, двигавшийся со своим минным расчетом следом за сапером, ничего этого почти не видел.

— А вот этот дверной проем на моих планах отсутствует, — сердито сказал сапер. — Его, должно быть, соорудили уже после постройки корабля.

— Куда он ведет? — спросил Дом.

— К трюму с ПМ, больше некуда.

Дом подумал.

— Я хочу попытаться захватить пульт управления ПМ-экраном без боя. Мне нужен доброволец, который пойдет со мной. Если мы уберем со скафандров опознавательные знаки и экипируемся оружием эдинбуржцев, может быть, нам это удастся.

— Я пойду с тобой, — сказал сапер.

— Нет, это не твое дело. Тут нужен хороший боец.

— Возьми меня, — сказал, протолкнувшись поближе к Дому, незнакомый ему человек. — Я Пименов, лучший боец в моем взводе. Спроси любого.

— Тогда давай поспешим.

Маскировка была несложной. Посшибав со шлемов опознавательные рожки и обвесившись вражеским оружием, они стали похожи на эдинбуржцев. А чтобы имена на скафандрах были не видны, хватило пригоршни машинной смазки.

— Будьте неподалеку и, как только я вырублю экран, постарайтесь как можно быстрее присоединиться ко мне, — сказал Дом и с бойцом-добровольцем ушел за дверь.

Узкий проход между большими емкостями с горючим упирался в дверь из легкого металла. Она была не заперта, но, когда Дом нажал на нее, не открылась. Пименов присоединился к нему, совместными усилиями они сумели сдвинуть дверь на несколько дюймов. Сквозь образовавшуюся щель они увидели, что за дверью полным-полно людей в скафандрах. Дом с Пименовым нажали посильнее. По толпе прокатилось неожиданное движение, дверь внезапно распахнулась, и Дом ввалился в помещение, ударившись шлемом о шлем ближайшего человека.

— Какого черта? — спросил человек, обернувшись и вглядываясь в Дома.

— Оттуда напирают, — произнес Дом, стараясь выговаривать «р» пораскатистей, на манер эдинбуржцев.

— А ты не наш! — сказал человек и потянулся к оружию.

Дом не мог рисковать, затевая здесь драку, но этого человека следовало заставить умолкнуть. Кое-как дотянувшись до искрового пробойника и вырвав его из зажима; Дом ткнул им эдинбуржца в бок. Пара острых как иглы шипов пронзила скафандр и одежду, впилась в эдинбуржца, эфес пробойника прижался к его телу, произошло замыкание. Рукоять пробойника вмещала множество мощных конденсаторов: Через пару игл прошелся могучий разряд. Эдинбуржец содрогнулся и умер на месте. Пользуясь его телом как тараном, они пробивались сквозь толпу.

В раненой ноге Дома сохранилось ровно столько чувствительности, чтобы ощущать, когда люди задевали за

кусачки. О том, что при этом делается с ногой, Дом старался не думать.

Обнаружив незапертую дверь, эдинбуржцы открыли ее пошире и полезли наружу. В машинном зале их поджидали бойцы. Внезапный взрыв на миг ослабил нажим толпы, и Дом вместе с пробивавшимся сзади Пименовым начал проталкиваться к пульту управления ПМ-экраном.

Казалось, они двигаются во сне. Темная масса ПМ-экрана была не далее чем в десяти ярдах от них — но как добраться до нее? Солдаты выплескивались из экрана, толпа напирала и росла, препятствуя любому движению в обратном направлении. Двое техников стояли у пульта, их наушники были включены в разъемы на его панели. Без силы тяжести любое движение, любая попытка протиснуться сквозь плотную толпу, сквозь чудовищное переплетение рук и ног оказывались напрасными. Пименов прижался шлемом к Дому:

— Я пойду впереди, попробую пробиться. Держись ко мне ближе.

Он прервал контакт, не дав Дому ответить, выставил вперед реактивный топор и врезался им в плотную массу человеческих тел. Включив топор и заставив лезвие колебаться вперед и назад, он прорубался сквозь сдавленные тела. Люди пытались сопротивляться, но он не останавливался, отбиваясь щупом. Дом следовал за ним. Они успели подобраться к пульту управления, прежде чем Пименов исчез в массе вооруженных, выкрикивающих ругательства эдинбуржцев. Он сделал свое дело и умер.

Дом включил двигатель щупа, и тот потащил его вперед, пока не ударился с лязгом о толстенную стальную раму ПМ-экрана прямо над головами операторов. Сунув оружие в кобуру, Дом обеими руками вцепился в раму, стараясь преодолеть напор тел, лезущих из экрана. Вблизи пульта оставалось немного свободного места. Дом опустился туда и ткнул стрекалом в спину оператора. Оператор вздрогнул и почти мгновенно умер. Второй повернулся и получил удар стрекалом в живот. Глаза его, оказавшись прямо перед лицом Дома, расширились, он беззвучно завопил от боли и страха. Пока Дом с огромным трудом извлекал из держателя атомную мину, убитый стоял рядом, прижатый к нему толпой, и смотрел на него мертвыми глазами.

Ну вот.

Он прижал мину к груди, быстрым движением выдернул штифт взрывателя, установил предохранитель на пятисекундный отсчет и резко ударил по кнопке активатора. Затем потянулся к пульту и переключил ПМ-экран с «приема» на «отправку». Экран изверг последних солдат, за их спинами образовался все

расширяющийся пустой зазор. Туда, прямо в экран, Дом и швырнул мину.

Потом он просто держал переключатель отжатым, стараясь не думать о том, что случится с солдатами армии вторжения, ожидающими перед ПМ-экраном на далекой планете.

Ему нужно было продержаться на занятой позиции до подхода своих. Заслонившись трупом оператора, он поразил стрекалом нескольких эдинбуржцев, которые находились так близко от него, что сообразили — что-то случилось. Справиться с ними оказалось несложно. Простые солдаты, просто люди, призванные в армию вторжения, они понятия не имели об особенностях боя при нулевой силе тяжести. Вскоре толпа забурлила, раздалась в стороны. Из людской гущи вырвался рассвирепевший боец и взмахнул топором, целя Дому в шею. Дом увернулся от удара и переключил радио на оперативную частоту.

— Отставить! Я капрал Приего, минный расчет. Прикрой меня спереди и постарайся, чтобы больше никто не делал таких ошибок.

Боец был из тех, кто штурмовал машинное отделение. Теперь он признал Дома, кивнул, повернулся и замер, заслонив его собой. Новые бойцы пробивались сквозь толпу, образуя вокруг пульта управления несокрушимый щит. С ними протиснулся и сапер, занявшийся вместе с Домом перестройкой частоты ПМ-экрана. Рукопашная закончилась быстро.

— Пересылка! — сообщил Дом по радио, как только настройка экрана была завершена, и переключил экран на передачу. Он слышал, как произнесенное им слово повторяется бойцами — сигнал к отходу должен услышать каждый. По другую сторону экрана, настроенного на казармы в лунном кратере Тихо, они будут в безопасности.

Первыми отправили эдинбуржцев — живых, мертвых и раненых. Их заталкивали в экран, чтобы освободить место для стекавшихся в трюм бойцов. Те, кто оказывался ближе к краю экрана, ударялись о его твердую поверхность и падали назад: принимающий экран в кратере Тихо был меньше, чем этот, большой, предназначенный для вторжения. Их снова заталкивали в экран, и они проваливались в него в конце концов. Бойцам пришлось встать так, чтобы обозначить границы рабочей части экрана.

Дом, тщетно пытавшийся избавиться от красной пелены перед глазами, почувствовал, что кто-то стоит перед ним.

— Винг, — узнал он наконец. — Кто еще из минного расчета добрался сюда?

— Насколько я знаю, никто, Дом. Только я. Нет, не думай о

мертвых. Теперь в счет идут только живые.

— Ладно. Оставь свою мину и уходи на ту сторону. Больше одной нам все равно не потребуется.

Он ослабил зажим на держателе, вытащил мину и подтолкнул Винга в спину в сторону экрана. Дом уже закрепил мину на пульте управления, когда рядом опустился сержант Тот и прижал свой шлем к его шлему.

— Управились?

— Сейчас управимся.

Дом установил запал и выдернул шрифт взрывателя.

— Тогда отправляйся. Я сам ее подорву.

— Нет. Это моя работа.

Дом потряс головой, чтобы избавиться от красного облака перед глазами, но очертания предметов все равно оставались неясными.

Тот не стал спорить.

— Каковы установки? — спросил он.

— Пять и шесть. Через пять секунд после активации взрывается химическая мина, она разносит пульт управления. Секунду спустя срабатывает атомная.

— Я останусь до начала фейерверка.

Дому начало казаться, что время идет как-то странно, то быстро, то медленно. Люди торопливо проплывали мимо, к экрану, мощный поначалу поток постепенно редел. Тот вел какие-то переговоры на оперативной частоте, но Дом отключил радио, потому что нестерпимо болела голова. Огромное помещение опустело. На полу остались только мертвые, да автоматические пулеметы все еще постреливали на входах. Один из них взорвался, когда Тот прижался к шлему Дома.

— Все прошли. Пора и нам.

Дому было трудно говорить, поэтому он просто кивнул и с силой ударил кулаком по активатору. Какие-то люди приближались к ним, но Тот обхватил Дома рукой, и включенные на полную мощность сопла реактивного топора плавно поднесли их к поверхности экрана. И сквозь нее.

Когда в глаза Дому ударил слепящий свет казарм Тихо, он зажмурился, и красное облако заполнило глаза, и его самого, и все остальное.

* * *

— Ну как тебе новая нога? — спросил сержант Тот. Он лениво опустился в кресло рядом с больничной койкой.

— Я ее совершенно не чувствую. Нервные каналы останутся заблокированными, пока она не прирастет к обрубку.

Гадая, зачем Тот явился, Дом отложил книгу, которую читал.

— А я вот зашел навестить раненых, — сказал сержант, отвечая на негаданный вопрос. — Здесь, кроме тебя, еще двое. Капитан велел.

— Он, похоже, садист почище тебя. Нам тут и без твоих визитов тошно.

— Хорошая шутка. — Выражение лица Тота не изменилось. — Надо будет пересказать ее капитану. Ему понравится. Какие у тебя планы? Собираешься уходить?

— Почему бы и нет? — Дом с удивлением обнаружил, что вопрос его рассердил. — У меня на счету боевой вылет, награды, хорошая рана. Оснований, чтобы проситься в отставку, больше чем достаточно.

— Оставайся. Ты хороший боец, когда не задумываешься. Таких немного. Карьеру сделаешь.

— Вроде твоей, сержант? Превращу убийство в работу? Я предпочел бы заняться чем-то иным, чем-нибудь более творческим. Мне, в отличие от тебя, убийства, откровенное душегубство, короче, вся эта грязь удовольствия не доставляет. Это тебе нравится… — Неожиданная мысль заставила его выпрямиться, и он уселся в постели. — Как, возможно, и все остальное. Войны, сражения, все вообще. Я не хочу больше слышать о территориальных правах, об агрессии, о настоящем мужском деле. Я думаю, что люди вроде тебя затевают войны, потому что это горячит им кровь, доставляет удовольствие, которое иными способами они испытать не способны. Тебе нравится воевать.

Тот встал, слегка потянулся и повернулся, чтобы уйти. В дверях он, задумчиво нахмурившись, остановился.

— Может, ты и прав, капрал. Я об этом особенно не думал. Может, это мне и нравится. — На лице его появилась холодная улыбка. — Только не забывай — тебе это тоже понравилось.

Дом вернулся к книге, недовольный, что ему помешали читать. Книгу вместе с лестной запиской прислал его профессор литературы. Он-де услышал о Доме по радио, весь университет гордится им и так далее. Томик стихов. Мильтон, по настоящему хорошая книга.

И ни войны, ни звуков боя
Сей мир не ведал той порою.

Да, книга хорошая. Только это не было правдой в пору Мильтона, да и сейчас ею не стало. Неужели человечеству действительно нравится воевать? Должно быть, нравится — иначе оно не воевало бы до сих пор. Эта мысль показалась Дому преступной и страшной.

И ему тоже? Чушь. Он хорошо дрался, но лишь потому, что хорошо подготовился к драке. Не может быть, чтобы ему и вправду все это нравилось.

Он постарался вновь углубиться в чтение, но буквы то и дело расплывались у него перед глазами.

ЖЕНА БОГА

Ее звали Ози, и она считалась самой прелестной девушкой в поселке Виррал-Ло, издавна славившемся потрясающей красотой своих женщин. Прячущийся в седловине мрачных гор планеты, называемой Орриолз, Виррал-Ло вряд ли мог предложить что-либо еще. Красота была его главным достоянием, и ее заботливо оберегали. Если Ози решалась выйти на улицу, она надевала плащ из более плотной, чем у других, просвинцованной ткани, который вместе с широкополой шляпой и очками с толстыми темными стеклами должен был защитить ее от жесткой радиации палящего белесо-голубого солнца. Зато дома, по вечерам, каждый мог оценить белизну ее кожи, блеск длинных черных волос, совершенство тугих вздернутых грудей. В то же время ее руки были закрыты: существовали строгие правила на этот счет. По краям свободной юбки звенели маленькие серебряные колокольчики, а глаза всегда были спрятаны за круглыми темными очками. Но то, что оставалось открытым, вызывало восхищение, и рабочие, чьи лица и шеи покрывали пятна ожогов, раковые рубцы и келоиды, получали огромное удовольствие при виде ее нетронутой красоты. Для них было большим огорчением узнать, что решено послать ее в школу.

Несмотря на расходы, каждый считал это хорошим вложением капитала. Несколько веков назад люди обосновались на этом клочке земли, чтобы выращивать плои — растение, созревавшее только в почве Орриолза под его резким актиничным солнцем. Их далекие предки жили в южноамериканских горах, так что разреженность здешней атмосферы не причиняла жителям Виррал-Ло больших неудобств. Они имели мощные грудные клетки и могли дышать свободно. Другое дело жесткая радиация, от которой не было спасения. Численность поселян

росла не так быстро, как им хотелось бы, и, чтобы как следует возделывать землю, постоянно не хватало людей. Нужна была дорогостоящая техника, а тех денег, что давала торговля наркотиком из плоя, не хватало. Поэтому поселяне были готовы пойти на определенные жертвы, дабы выучить Ози. Они знали, что позже за нее можно будет взять хорошую цену. Очень хорошую цену.

Совсем девчушкой, едва сдерживавшей слезы, она переступила порог трансмиттера и очутилась на Земле, в горах недалеко от Берна, где находилась ее школа. Годом позже в тот же самый день она сошла с экрана сдержанной молодой женщиной, не склонной к нелепым проявлениям чувств. На торжественном обеде, куда были приглашены все, эта женщина, которую до сих пор знали молоденькой девушкой, пользовалась исключительным успехом. Ее манеры были безупречны (однако рабочие отметили некоторую холодность), ее грациозная красота — ошеломляющей и зрелой. Из школы прислали аттестат, в котором говорилось, что она окончила курс с высшими баллами по всем дисциплинам, умеет безукоризненно вести себя в обществе, обучена всем тонкостям любви и остается virgo intactus, поскольку находилась в поле зрения школьных властей в течение всего года. Она стала законченным совершенством. С благоговением люди смотрели на эти волосы, груди, безупречные манеры — и видели тракторы, бороны, культиваторы и бесконечный ряд мешков с удобрениями.

— А вот наше объявление, — сказал ее отец, когда обед завершился и столы были убраны.

Послышались одобрительные возгласы и вздохи восхищения.

— Фотография просто великолепна!

— Все размеры с точностью до сантиметра!

— Такой высокой цены никогда раньше не было. Ози без всякого выражения смотрела в свой бокал, лишь легкая улыбка тронула уголки ее губ. Волна восхищения прошла по столам. Гости затискали и зацеловали бы ее в порыве благодарности, если б не боялись хоть отчасти повредить этот самый intactus. С тех пор как ей исполнилось пять лет, ее не целовали даже родители. Она была готова. Совершенно готова.

Через три дня пришел первый ответ. Были, конечно, и другие — один бог знает, сколько их было, — брачная газета отвергла те из них, что не соответствовали запрошенной цене.

Несколько людей в черном вышли из трансмиттера, с подозрением осматриваясь: их встретили в бедно убранном холле самого большого на планете строения. Впрочем, их настроение значительно улучшилось, когда навстречу им грациозно вышла

Ози. Адвокаты тщательно изучили ее бумаги, доктора осмотрели ее в присутствии бдительных родственников, и финансовый директор попытался сбить цену; словом, все шло как по маслу, когда в холле появился неизвестный и произнес, топнув сапогом об пол:

— Эй вы, проходимцы, выметайтесь отсюда! Она будет моей невестой.

Люди в черном с каменными лицами наблюдали, как отец Ози с крайней учтивостью поприветствовал незнакомца. По всему было видно, что у этого человека водились деньги, и немалые. Его одежда была сшита из дорогих тканей, размер и огранка драгоценностей — бриллиантов и изумрудов — вызывали восхищение. У него были светлые шелковистые волосы, доходящие до плеч, и изящные усы, которые он время от времени разглаживал костяшками пальцев.

— Могу я узнать ваше имя? — спросил отец Ози с легким поклоном, соответствующим, как ему показалось, данным обстоятельствам.

— Меня зовут Иоганн. Я являюсь полноправным Повелителем Маабарота и прошу руки вашей дочери.

То, что ни один из присутствующих никогда не слышал о Маабароте, не показалось странным. С появлением трансмиттеров человечество распылилось по Галактике словно прах по ветру, и появилось множество обитаемых миров.

— Мы пришли сюда первыми, — сказал один из адвокатов. — Вы должны уйти.

— Я останусь, — сказал Иоганн и щелкнул по своей богато украшенной щеголеватой трости.

Она казалась довольно увесистой, а на деле была еще тяжелее, если судить по тому, с какой скоростью рухнул адвокат на пол, когда трость ударила его в висок.

— Я согласен заплатить нужную сумму и еще десять тысяч кредитов сверху, сказал Иоганн, достал из бумажника толстую пачку денег и бросил ее на стол. К этому я могу добавить, что той жирной свинье, которую представляют эти шакалы, семьдесят лет от роду и вся его кожа покрыта бородавками.

— Это правда? — спросила Ози, заговорив в первый раз за все это время, и звук ее чистого голоса был подобен звону колокольчиков на юбке.

— Конечно, нет! — воскликнул один из адвокатов, держась подальше от страшной палки. — Взгляните сами на эту фотографию.

— И все же я ему верю, — сказала Ози и выронила фотографию, едва заметно улыбнувшись тонкими губами. Затем

она повернулась к Иоганну, не забыв наступить на фотографию.

— Я могла бы стать вашей, мой господин, но это будет стоить вам недешево. За начальную цену вы получите мое тело, но не душу, ибо я всегда буду думать, что вы любите вложенные в меня деньги больше меня самой. Я прошу вас быть великодушным…

— Насколько великодушным?

— По крайней мере еще пятьдесят тысяч кредитов.

— Великодушие влетит мне в копеечку.

— Не только великодушие, но и моя любовь. Вы кажетесь мне человеком, которого я могла бы любить страстно, и я чувствую, что это принесет мне радость. Но радость умрет, если меня постоянно будет мучить мысль о нищете моих близких. Заплатите им эту ничтожную сумму, и вы увидите, какой страстной стану я для вас.

Она сделала шаг вперед, взяла его руку, повернула ладонью вверх, наклонилась и притронулась к ней кончиком остренького языка. Иоганн взревел и дрожащими руками полез в бумажник.

— Ты меня убедила, — сказал он и стал вываливать на стол пачки банкнотов, едва ли соображая, что делает. — Приготовьте брачные документы. Совершим все формальности как можно быстрее. Я не могу ждать.

— Я ждала долгие годы, сохраняя всю свою страсть для тебя, — шепнула она ему на ухо.

Он снова заревел и, чтобы дать выход чувствам, начал выгонять людей в черных фраках из холла. Втолкнув последнего в трансмиттер, Иоганн овладел собой, стоически перенес брачную церемонию, подписал все бумаги и сдержанно поцеловал невесту в щеку. Однако он не захотел остаться на банкет.

— Терпение моей плоти на исходе, — пробормотал он сквозь крепко стиснутые зубы и полез в бездонный бумажник за новой порцией денег. — Я надеюсь, небольшая сумма утешит вас и вы не будете сокрушаться по поводу нашего отсутствия на церемонии. Неотложные дела вынуждают нас уехать.

Гости не настаивали — их сердца наполнились сочувствием. Появился багаж Ози. Иоганн набрал нужный номер, прикрывая клавиатуру своим телом, после чего вещи молодоженов внесли в трансмиттер. Кивнув в знак прощания, Иоганн взял молодую жену за руку и вместе с ней переступил порог.

Они очутились в маленькой, пыльной, совершенно пустой комнате, где не было даже окон. Ози, помня о своих безупречных манерах, не произнесла ни слова. С легким любопытством она смотрела, как ее муж повесил громадный замок на пульт управления трансмиттером, отпер дверь и впустил ее в следующую комнату. После чего запер тяжелую дверь у них за

спиной не менее чем на полдюжины замков. Все эти действия озадачили Ози, однако она не подала виду и спокойно осматривала просторную, безвкусно убранную комнату, центром которой служила широкая кровать с откинутыми простынями.

— Я знал, что ты будешь моей женой. Задыхаясь от страсти, он погладил ее по спине и потянул к кровати. В то же мгновение ее тело стало твердым и неподатливым, как гладильная доска, а взгляд принял отсутствующее выражение. Ему пришлось отпустить ее, после чего она заговорила, но не раньше, чем поправила на себе одежду:

— Прикажи проводить меня в мою гардеробную и пришли туда вещи. Я должна как следует приготовиться, чтобы ничего не испортить в ненужной спешке. Советую и тебе сделать то же самое, потому что мы не выйдем из этой комнаты по крайней мере два-три дня.

Она медленно подняла темные очки, которые никогда не снимала, и в ее потемневших, широко раскрытых глазах читалось такое страстное обещание, что он без памяти погрузился в их бездонные глубины. Затем его губы ощутили мимолетный жар поцелуя, и, опустив голову и лишившись дара речи, он протянул руку в сторону двери в стене напротив.

* * *

Первая неделя прошла для Ози как нельзя лучше. Школа в земных Альпах дала ей хорошую выучку — насколько это было возможно без практических уроков, кроме того, она обнаружила в себе естественную склонность к такого рода занятиям. Сюда нужно прибавить облегчение, которое она испытала, изменив наконец свой статус. Единственное доступное ей удовольствие, заключавшееся в предвкушении, с годами стало довольно утомительным. Поэтому сейчас, в первый день и следующую за ним ночь, она пустила в ход весь свой потенциал, полученный в школе, а затем различные экзотические приемы, необходимые для стимуляции сил. Прошло больше недели, прежде чем она проснулась и обнаружила, что ее муж покинул супружеское ложе. Пресыщенная и умиротворенная, она потянулась, зевнула и нажала кнопку возле кровати.

До сих пор еду и питье молча просовывали сквозь опущенные занавески чьи-то руки. Сейчас она отодвинула драпировку и, откинувшись на подушки, наблюдала, как миловидная девушка в униформе несмело вошла в комнату.

— Принеси легкого вина, — приказала Ози, — и что-нибудь

поесть. Что ты можешь предложить?

Служанка понуро уставилась в пол и не произнесла ни слова.

— Говори, не бойся. Я — твоя госпожа и жена повелителя. Ну, как насчет еды?

Девушка глупо помотала головой, отчего Озн начала раздражаться.

— Ты что, немая?

При этих словах девушка энергично закивала, указывая на свое горло.

— Бедняжка, — сказала Озн, немедленно почувствовав жалость. — А ведь такая молоденькая и симпатичная. Ну, принеси мне чего-нибудь вкусненького, у меня зверский аппетит.

Еда была принесена. Озн хорошо поела, затем долго принимала ванну и томно предавалась праздному удовольствию приведения в порядок своих ногтей и волос. Она не торопилась познакомиться с этим миром, ставшим ее новым домом; впереди была целая жизнь. Ее муж был бы рад лично ей все показать, и ей хотелось доставить ему это удовольствие. Их брак начинался без лишних церемоний.

Ближе к вечеру высокие бронзовые двери растворились, и в комнату решительным шагом вошел Иоганн. Этот человек был так силен, что только темные круги под глазами выдавали его усталость. Озн обняла его за шею, поцеловала, и он поспешил отойти от нее, почувствовав, как горячий прилив страсти снова поднимается в нем.

— На сегодня достаточно, — сказал он. — Супруга моя, мне следует показать тебе твой мир, а люди Маабарота желают видеть свою госпожу. Если ты наденешь одно из своих парадных платьев, мы выйдем на балкон и поприветствуем толпу, которая уже три дня как собралась и ожидает тебя с неослабевающим энтузиазмом.

Он нажал кнопку на стене, и до них донесся рев бесчисленных голосов.

— Кажется, они довольны.

— Это великое событие в их жизни. После встречи на балконе мы отправимся на обед, где ты познакомишься с высокопоставленными людьми нашего мира. Но прежде чем это произойдет, я должен сказать тебе кое-что.

Иоганн прошелся по комнате, его пальцы нервно перебирали золотые нити мундира, а лоб покрылся испариной, словно он чего-то опасался.

— Вы должны мне в чем-то признаться? Есть что-то такое, о чем вы не хотели говорить, пока мы не поженимся? — В голосе Озн зазвучали ледяные нотки.

— Любовь моя. — Он упал перед ней на колени и схватил за руки. — Это не то, что ты думаешь, уверяю тебя. Я действительно Повелитель Маабарота. Все богатства этой щедрой планеты принадлежат мне, а значит, и тебе. Я не сказал только, как ко мне относится мой народ.

— Они не любят тебя?

— Наоборот — обожают. — Он встал, отряхнул колени, поднял подбородок, и его лицо приняло выражение спокойного благородства. — Точнее сказать, они меня боготворят. Ты должна понять, это простой народ, и некоторое благоговение для них вполне естественно.

— Как мило. Значит, ты, как в Египте или Японии, потомок бога солнца? Похоже на то, только еще больше.

— Что же может быть больше?

— Они верят, что я и есть сам бог.

— Как мило, — только и произнесла она, ничего не выразив этими словами, кроме заинтересованности: ни недоверия, ни насмешки, ни сарказма — школа в Берне была очень хорошей.

— Мило, конечно, но и тяжело. Ведь малейшее мое желание — закон, и мне приходится все время следить за тем, чтобы не злоупотреблять своей властью.

— А сам ты веришь, что ты — бог?

— Хороший вопрос, — улыбнулся он. — Как образованный человек, знакомый с логикой, конечно, нет. — Он усмехнулся. — Хотя временами у меня возникает странное чувство. Давление их безоговорочной веры слишком велико. Впрочем, мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

— Как же все это вышло?

— Начала я сам толком не знаю. Какой-то мой дальний-дальний предок овладел единственным в этом мире трансмиттером и сумел скрыть его существование от народа. Штуки, которые может выделывать это устройство, безграмотным людям кажутся чудесами.

Тонны зерна исчезают в маленькой комнате, где они ни за что не могли бы поместиться. Вместо них появляются странные и поразительные аппараты. Маабарот веками дремлет в сумерках патриархального феодализма, и единственный человек, который сколько-нибудь знаком с наукой, — их бог-повелитель, то есть я. Ну и, конечно, жена Повелителя, чудесным образом сошедшая с небес, чтобы встать рядом с ним. Жена Повелителя всегда с другой планеты. Повелитель может иметь только одного сына, который займет его место, когда бог-отец вернется на небеса. У тебя будет только один сын и не будет дочерей.

— Мне их будет не хватать. Я всегда мечтала о большой

семье.

— Очень жаль. Но сможешь ли ты повиноваться мне без задних мыслей?

— Конечно. Разве я не поклялась в этом? Вместо большой семьи я обращу свою безграничную любовь на единственного сына. А как же иначе? Ведь в будущем он станет богом. Мне не на что жаловаться.

— Замечательно! Моя жена перл из перлов. Так мы идем на балкон?

— Сейчас я позову служанку, чтобы одеться. Как ее зовут?

— Бакжли.

— Что случилось с ее голосом?

— Я ей сказал, что она больше не сможет говорить, — вот она и не может. Народ на этой планете искренне верит в бога. Мы держим немых и неграмотных слуг, чтобы они не смогли никому рассказать о здешней жизни.

— Разве это необходимо?

— Таков закон, как для них, так и для меня. Они не видят в этом большой жертвы и тысячами стремятся получить место в моем дворце.

— Мне здесь ко многому придется привыкнуть.

— Быть женой бога почти так же трудно, как и самим богом.

— Неплохо сказано.

* * *

Когда молодая госпожа ступила на балкон, ее встретил гул приветствий, быстро перешедший в истерические вопли, едва она соизволила заговорить. Но Повелитель поднял руку и пожелал, чтобы мир сошел на его народ, — и мир сошел: отчасти из-за силы внушения, отчасти потому, что он выпустил в толпу успокаивающий газ с помощью пульта дистанционного управления на поясе. Со следами возбуждения на лицах божественная чета проследовала в банкетный зал, где под оглушающий рев труб была встречена морем склоненных спин. Как только бог и его супруга сели, местное дворянство выпрямилось и стало поочередно, по вызову сенешаля, выходить вперед, чтобы преклонить колена и поцеловать кольцо на руке Ози. Во время церемонии Ози потягивала охлажденное вино и ласково улыбалась, скрашивая божественную суровость супруга, чем завоевала всеобщее расположение. Утомившись, бог одним движением пальца прекратил вступительные речи, и обед начался.

Этому великолепному пиршеству не суждено было перевалить через семнадцатую перемену, состоявшую из маленьких птичек, зажаренных в меду. Вновь появился сенешаль и громко ударил жезлом о мраморный пол. Наступила тишина.

— О господь, наш отец, милующий и карающий, мы имеем честь уведомить тебя, что в это самое время твой высокий суд выносит приговор.

— Я буду присутствовать при этом, — сказал Иоганн, поднимаясь и подавая Ози руку. — Проклятие, прямо посреди обеда. Но это одна из обязанностей. Бог не может отлынивать от работы. Впрочем, прогулка освежит наш аппетит, так что не все так плохо.

Гости с низкими поклонами расступились, и Повелитель с супругой направился во главе перешептывающейся толпы во Дворец правосудия, где заседал высокий суд. Иоганн подвел жену к небольшому балкону, аляповато украшенному гипсовыми облаками, символизирующими небесный престол. Пока они занимали места на плюшевых тронах, в зал вошли судьи, облаченные, помимо черных одеяний, в неприступную добродетель, как подобает всем судьям во все времена.

Высоким тенором, наполовину выпевая слова, секретарь произнес:

— Судьи возвращаются. Подсудимый должен встать. Только теперь Ози заметила плешивого человека в серых лохмотьях, сидящего на окруженной шипами скамье подсудимых. На нем было столько цепей, что солдатам пришлось помочь ему подняться на ноги. Так он и стоял, слегка пошатываясь, когда солдаты вернулись на свои места.

— Заключенный, — пропел секретарь, — ты обвиняешься в самом страшном для человека преступлении. Твой собственный язык навлек на тебя несчастье. Ты виновен в ереси, ибо отрицаешь существование бога. Сейчас судьи вынесут свой приговор.

— Я могу повторить! — заорал подсудимый грубым, хриплым голосом. — Я скажу это прямо ему в лицо. Он такой же бог, как все мы. Человек — вот кто он.

Толпа завопила и подалась вперед, требуя крови. Понадобилось немало стражников, чтобы сдержать ее.

— Это моя ошибка, — сказал бог жене. — Цены на сельскохозяйственные продукты все время падают, и я попытался модернизировать хозяйство. Я организовал опытное производство деталей для электроники. Но наука становится проклятием в феодальном обществе. Этот человек был управляющим, и технический гений ввел его в богословский грех.

— Но ты будешь милосердным? — спросила она, напуганная кровожадностью толпы.

— Я не могу, ибо я суровый бог и меня должны бояться.

Судьи встали и хором продекламировали:

— Высокий суд считает подсудимого виновным и передает его в руки живого бога. Смерть на месте, и да свершится правосудие.

— Правосудие, — прохрипел заключенный, в то время как Иоганн медленно поднимался со своего места, и его голос отчетливо прозвучал в наступившей тишине. — Это все предрассудки. Ну-ка внушите мне, что я сейчас умру. У вас ничего не выйдет, сэр. Я не собираюсь валиться с ног только потому, что кто-то скажет «умри».

— Умри! — торжественно произнес Иоганн, и его перст устремился на осужденного.

Человек завизжал, судорожно забился в цепях — и умер.

— Какой ужас, — сказала Ози. — Сила внушения…

— Действует почти на всех. Но я предусмотрел и тяжелые случаи. Пятьдесят тысяч вольт пропущены через его цепи. Дистанционное управление. Что ж, давай вернемся, пока еда не остыла.

Но у Ози почему-то совершенно пропал аппетит, и она покинула застолье, выпив лишь немного вина. Готовясь в гардеробной к ночным торжествам, она пыталась забыть происшедшее, но не могла. Гораздо лучше ей удалось разумно оправдать эту казнь. Главное — повиновение закону и правомочной власти. Без повиновения наступит хаос. Она настолько убедила себя, что вышла навстречу богу, своему мужу, с вновь вспыхнувшей страстью. Бог направился в спальню все спокойно в этом мире.

* * *

— Я думаю, меня можно назвать милостивым деспотом, — сказал Иоганн на следующий день, когда они ехали бок о бок по улицам города.

Крепкие носильщики тащили их паланкин на широких плечах, а солдаты-копьеносцы сдерживали орущую толпу. Не переставая говорить, Иоганн раздавал поклоны направо и налево, машинально улыбался и расшвыривал пригоршни мелких монет.

— Как они рады тебе, — также улыбаясь, сказала Ози. — Ну и мне, конечно. Но действительно ли они счастливы?

— Как кролики на капустной грядке. Ведь я действительно с

ними милостив. Они пользуются всеми благами цивилизации, не заботясь о последствиях. Никакого тебе смога, или загрязнения среды, или промышленности. Им не нужно проводить долгие годы в школе, чтобы затем бороться за место в технократическом обществе. Их счастливые дети и не слышали о таких школах. Маабарот — сущий рай, и им есть за что быть благодарными мне.

— У тебя есть проблемы с преступностью?

— Никаких. Люди повинуются закону, если живой бог стоит у них за спиной.

— Они не голодают?

— Пища, одежда и кров для всех — таков закон бога.

— Часто они болеют?

— Новейшие медицинские препараты, которыми набиты храмы, всех ставят на ноги. Чудесным образом, конечно. Им есть за что меня благодарить.

— Значит, они не жалуются?

— Нет. Повсюду слышны хвалы господу. Они живут в раю и не торопятся попасть на небеса.

— Но тот человек, который умер?..

— Недовольный. Таких очень немного. Среди полной безмятежности и счастья всегда найдется кучка готовых роптать в раю. Но даже своей смертью они приносят пользу, служа примером для счастливой толпы. Жирной, загорелой, хорошо откормленной и тупой. Им ничего не нужно. Смотри, как они приветствуют меня.

Люди действительно дошли до исступления. Плакали от счастья, поднимали своих детей, чтобы получить благословение, целовали землю, попавшую в тень паланкина, валились в обморок в порыве страсти. Все шло как нельзя лучше. На улице Золотых Дел Мастеров раздавали бесценные безделушки. На базаре Ювелиров ограненные камни лились драгоценным дождем. Это был настоящий триумф. Молодожены вернулись домой, задыхаясь от удовольствия, выпили прохладного вина и сами не заметили, как их праздник с новой силой продолжился в постели.

Время летело быстро. Если пасторальные удовольствия надоедали, супруги ускользали на другую планету, чтобы пойти в театр или на концерт, или ради какого-то другого светского развлечения. Но это случалось не часто, ведь здесь в их распоряжении были пешие и морские прогулки, катание на лошадях, охота, рыбная ловля, праздничные застолья и множество других способов провести время. Незаметно пролетела неделя, месяц, год наконец, и как-то после торжественного обеда, когда они остались одни в спальне, Иоганн поцеловал жене руку и сказал:

— Пора подумать о нашем наследнике.

— Я все ждала, когда же произойдет это благословенное событие.

— Через девять месяцев, если ты не против.

— Я не против, — сказала она и выбросила пузырек с пилюлями в открытое окно. — Начнем?

— Не так быстро. Мы должны вернуться на Землю, в Vereinigte Vielseitigkeit Fruchtbarkeit Krankenhaus в Цюрихе. Это самая знаменитая родильная клиника во всем мире.

— Ты сомневаешься, способна ли я родить? — спросила она со сталью в голосе.

— Ни в коем случае, любовь моя, ни в коем случае. У меня нет никакого сомнения, что твое плодовитое чрево способно извергать девочек, двойняшек, тройняшек — ты способна на все.

— Я понимаю, — смягчилась она. — Один-единственный мальчик. Давай не будем терять времени.

— Сейчас я наберу код.

Это было больше похоже на роды, чем на зачатие. Иоганн исходил зал ожидания вдоль и поперек, прежде чем его вызвали. Плешивый доктор бесстрастным голосом прочел заключение:

— Один зародыш мужского пола, никаких пораженных генов, наиболее благоприятная комбинация наследственных черт, в данный момент проходит третью стадию клеточного деления, развивается быстро. Поздравляю, у вас будет мальчик.

Иоганн схватил руку доктора со слезами на глазах:

— Я у вас в вечном долгу, доктор. Когда я смогу увидеть свою жену?

— Прямо сейчас.

— А ребенка?

— Через девять месяцев.

— Вы сделали меня самым счастливым человеком на свете!

— Но есть одна опасность.

При слове «опасность» в глазах у бога помутилось, и ему пришлось крепко сжать ручки кресла, чтобы удержать равновесие.

— Что вы имеете в виду? — воскликнул он.

— Ничего страшного, если вы примете необходимые меры предосторожности. Она родилась на планете с крайне разреженной атмосферой, к которой ее род приспосабливался в течение многих поколений. Сама она легко переносит высокое давление, но есть опасность для плода. Осторожность не помешает. Может она пожить в своем родном мире, пока не родит?

— Это исключено. Ее дом теперь в моем мире.

— Вы богаты?

— Очень богат. Но что это меняет?

— Вам следует найти на вашей планете вершину с привычным для нее давлением воздуха и построить там небольшую виллу, где она могла бы провести весь период беременности.

— Я построю для нее прекрасный мир с замком, садами, тысячами слуг и частным госпиталем.

— Небольшой виллы было бы достаточно. Впрочем, я думаю, она не будет возражать против такой заботы. Вот ваш счет, оплатите его и встречайте жену.

Иоганн выписал чек, утопая в золотом тумане счастья, затем нашел Ози, и объятие стало высшей точкой их радости. Взявшись за руки, они вернулись домой, сразу же собрали слуг и отправились в горы.

Внешне это ничем не отличалось от обычной прогулки. Когда тяжело нагруженная процессия достигла города, все жители присоединились к ней, чтобы взять на себя часть груза на остаток пути. Они перевалили через предгорье и стали подниматься вдоль края Великого ущелья. Едва золотой барометр показал нужную высоту, Иоганн воткнул жезл в землю и воскликнул:

— Строить будем здесь!

Замок был возведен на альпийском лугу, откуда открывался вид на зеленую долину, за которой поднимались покрытые снегом вершины. Пока велось строительство, супруги жили в шелковом шатре. Вокруг быстро растущего здания были разбиты сады с фонтанами и музыкой, где состоялся грандиозный праздник, когда все было закончено.

— Дорогая, я должен вернуться во дворец к своей работе, — сказал он ей той ночью.

— Я буду скучать по тебе, правда. Ты скоро вернешься?

— Как только смогу. Ведь богу нет замены, и ему некогда отдыхать.

— Я понимаю. Я буду ждать тебя.

Девять месяцев пролетели незаметно. Вдоль дороги между двумя дворцами Иоганн организовал конные подставы, так что они могли вести постоянную переписку. Он собирался поспеть к родам, но дела задержали его, и появление сына застало его врасплох. Первое известие о долгожданном, но все-таки неожиданном событии принес запыленный посыльный, который на последнем издыхании ввалился в тронный зал и распластался перед Повелителем, протягивая обессилевшей рукой послание. Иоганн прочел его, и все поплыло у него перед глазами. В послании говорилось:

«*Приезжайте немедленно. Ваша жена благополучно*

разродилась, но случилось нечто, что вас должно заинтересовать».

Больше всего его напугала спешка, с которой было написано и отправлено письмо. Кроме того, ранее на месте слов «*что вас должно заинтересовать*» было написано и затем зачеркнуто что-то другое. На просвет он смог разобрать слово «*странное».*

Во время той незабываемой гонки он загнал трех лошадей, да и сам был немногим лучше, когда затяжной подъем наконец кончился на краю ущелья. Пошатываясь от усталости, облепленный дорожной грязью, он ворвался в полностью обустроенный госпиталь, схватил ошеломленного доктора за грудки и поднял его в воздух.

— Что случилось?! — заорал он.

— Ничего страшного, оба в прекрасном состоянии, — сказал доктор и больше не произнес ни слова, пока не был опущен на землю. — С вашим сыном все в порядке и с вашей женой тоже. Она хочет поговорить с вами. Сиделка поможет вам привести себя в порядок, прежде чем вы войдете в ее комнату.

Подавленный тяжелым предчувствием, он покорно отдал себя в руки медсестры, специально привезенной с другой планеты, и на цыпочках вошел в комнату Ози. Они поцеловались. Ози улыбнулась и посадила его рядом с собой.

— Все прошло великолепно. Твой сын похож на тебя. У него голубые глаза и светлые волосы, сильный голос и не менее сильная воля. В нем нет ни единого изъяна, он — абсолютное совершенство.

— Я должен его увидеть.

— Сиделка принесет его. Но прежде я должна кое-что тебе сказать.

— Все, что угодно.

— В школе я изучала теологию и знаю, что человек создает себе бога по своему образу и подобию.

— Это правда, хотя имеется множество обратных примеров.

— Поэтому, если люди достаточно твердо верят, что бог есть, бог обязательно появится.

— С этим можно было бы поспорить. Но нельзя ли отложить эту дискуссию на потом, когда у нас будет больше времени?

— Я закончила. А вот и твой сын.

Ребенок действительно был сущим совершенством. Он уже улыбался и сжимал маленькие кулачки.

Только об одном Иоганну не сказали.

На расстоянии четырех сантиметров от младенческой головки висел как приклеенный и сиял серебристым светом нимб.

КОНЕЧНАЯ СТАНЦИЯ

Выйдя из экрана передатчика материи, Джомфри сразу понял, что произошла ужасная ошибка. Во-первых, он почти ослеп от головной боли — классический симптом разгадки ПМ. А во-вторых, он явно попал не туда — в какую-то серую пыльную камеру, а направлялся домой. Пошатываясь и прикрывая рукой глаза, он ощупью добрался до привинченной к стене скамейки и сполз на нее. Обхватив голову руками, он стал ждать, когда же стихнет боль.

Худшее было позади, и стоило благодарить судьбу за то, что он вообще остался в живых. Джомфри многое знал о неисправностях ПМ, насмотревшись фильмов по стереовизору, поскольку такие драматические случаи, хотя и очень редкие, служили естественным материалом для роботов-сценаристов. Сбой единственной микросхемки — и несчастный путешественник попадал не в тот приемник, да еще получал легкое повреждение нервной системы, которое вызывало резкую головную боль. Работники системы ПМ называли это «минимальной разладкой». Когда боль проходила, пострадавший мог набрать код ближайшей аварийной станции, сообщить о разладке и отправиться дальше. Худшее же, что могло случиться, страшно было даже вообразить: прибывали люди, вывернутые наизнанку или вытянутые в тонкие многометровые трубки кровоточащего мяса. Или еще хуже. Джомфри сжал голову руками и сказал себе, что хорошо отделался…

Свет больно ударил в приоткрытые глаза, но Джомфри вытерпел. Ноги еще дрожали, но стоять он мог, глаза немного отошли — пора обращаться за помощью. На аварийной станции должно найтись средство от головной боли. И нужно сообщить о разладке передатчика, пока кто-нибудь еще не пострадал. Он несколько секунд ощупывал онемевшими пальцами гладкую стену, пытаясь отыскать панель с кнопками.

— Не может быть! — вскрикнул Джомфри и широко открыл глаза, забыв о боли. — Здесь должна быть панель!

Но панели не было! Экран оказался только приемником. Хотя теоретически существование однонаправленного экрана ПМ было возможно, Джомфри никогда еще подобного видеть не приходилось.

— Надо выйти отсюда, — сказал он себе, отворачиваясь от пустого экрана в пустой комнате.

Держась за гладкую стену, Джомфри вышел за дверь и побрел по пустому коридору. Повернув направо, коридор вывел его на

пыльную улицу. Ветер нес по ней обрывки пластикового мусора и теплый запах гнили.

— Чем скорее я отсюда выберусь, тем лучше. Нужно найти другой передатчик. Солнце ударило ему в глаза, и он застонал от резкой боли в темени. Зажав глаза руками и глядя сквозь узкую щелочку между пальцами, он, спотыкаясь, выбрался на улицу. Из глаз бежали слезы, и сквозь их мутную пелену он тщетно рассматривал унылые серые стены, отыскивая знакомую эмблему ПМ — красную двуглавую стрелу. Но ее нигде не было.

У дверей сидел человек, на его лицо падала тень.

— Помогите, — попросил Джомфри, — мне плохо. Где тут станция ПМ — не подскажете?

Человек подобрал одну ногу и вытянул другую, но ничего не сказал.

— Вы что, не понимаете? — раздраженно продолжал Джомфри. — Я болен! Ваш гражданский долг…

По-прежнему не говоря ни слова, человек подцепил Джомфри сзади пальцами ноги за лодыжку, а другой ногой ударил в колено. Джомфри упал, а незнакомец сразу поднялся.

— Геенне́ц, сука, — сказал он, с размаху пнул Джомфри в пах и зашагал прочь.

Джомфри долго лежал, скорчившись, тихо постанывая и боясь шевельнуться, словно яйцо с треснувшей скорлупой: тронь — и растечется. Наконец он смог сесть, осторожно вытирая горечь с губ, — и обнаружил, что все это время мимо него шли люди, но ни один из них не остановился. Нет, ему не нравилось это место, этот город, эта планета — или куда еще он попал. Он хотел выбраться отсюда. Стоять было больно, идти — еще больнее, но он пошел. Найти ПМ-станцию, выбраться, найти врача. Убраться отсюда.

В другой ситуации Джомфри мог бы заметить, что город выглядел каким-то пустынным, что на улицах совсем нет машин, обратить внимание на бесцельно слоняющихся пешеходов и полное отсутствие дорожных знаков и табличек с названиями улиц, как будто неким указом была установлена всеобщая неграмотность. Но сейчас его интересовало только одно — как отсюда выбраться.

Проходя мимо какой-то арки, он остановился, осторожно — один удар научил его быть неназойливым — заглянул внутрь и увидел двор с расставленными в беспорядке грубыми столами. Скамьями служили доски, прибитые к ножкам столов. На некоторых сидели люди. На центральном столе стоял маленький бочонок, и сидевшие шестеро мужчин и женщина наполняли из него кружки. Все присутствующие выглядели так же уныло, как и

окружавшие их стены, и были одеты по большей части в какую-то серую униформу, хотя некоторые детали их одежды были сделаны из коричневого холста.

Вдруг Джомфри заметил, что к нему направляется косматая старуха, и отпрянул в страхе. Но старуха прошаркала мимо, глядя себе под ноги и держа обеими руками пластиковую кружку. Усевшись на ближайшую скамейку, она припала к своей кружке.

— Вы не могли бы мне помочь? — спросил Джомфри, остановившись у дальнего угла стола, где она не могла достать его ни рукой, ни ногой и откуда он при необходимости мог легко удрать.

Она посмотрела на него с удивлением и подвинула к себе кружку. Увидев, что он не пытается подойти, старуха моргнула воспаленными веками и облизала потрескавшиеся губы.

— Помочь можете? — повторил он, чувствуя себя пока в безопасности.

— Новенький, — прошамкала она. — Не нравится?

— Нет. Разумеется, мне здесь не нравится, и я хочу уехать. Если вы мне скажете, как пройти к ближайшей ПМ-станции…

Старуха хихикнула и шумно отхлебнула из кружки.

— В одну сторону, гееннец. Ты это знал до того, как тебя сюда послали. Здесь Геенна! Оставь надежду всяк сюда входящий.

От этих знакомых слов у него перехватило дыхание и вдруг стало очень холодно. Вспомнился священник с поднятым в угрозе пальцем: так отец обращается к заблудшей дочери. Неужто здесь Геенна?

— Не может быть, — произнес он, безуспешно пытаясь убедить себя в обратном и затравленно озираясь по сторонам, точно загнанный зверь.

— Здесь Геенна, — повторила женщина. Ему показалось, что она сейчас уронит голову на стол и заплачет, но она только отхлебнула снова.

— Но это ужасная ошибка! Я не должен был попасть сюда.

— Все так говорят, — презрительно сказала старуха, махнув скрюченной рукой. — И ты скоро перестанешь. Мы все здесь преступники, отвергнутые своими мирами, осужденные на жизнь и на вечность — и забытые. Раньше нас убивали. Это было милосерднее.

— Я слыхал о Геенне, — торопливо сказал Джомфри. — Мир, находящийся неизвестно где. Вечный полдень. — Он бросил испуганный взгляд на улицу, залитую неизменным светом, и опустил глаза. — Лишних, приговоренных, грешников, неисправимых преступников — всех посылают туда. Ладно, сюда, добавил он, увидев ее кривую и невеселую ухмылку. — Я не буду

с вами спорить. Наверное, вы правы. Но в любом случае произошла большая ошибка, и она должна быть исправлена. Я не преступник. Я возвращался с работы домой. Меня жена ждала. Я набрал свой номер и попал… сюда.

Она больше не смотрела на него, уставившись в свою кружку. Джомфри вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле.

— Что вы пьете? Можно мне тоже попить?

Старуха вскочила, прижав кружку к высохшей груди.

— Мое! Я это заработала. Можешь пить воду, как все гееннцы. Я рубила дрова и поддерживала огонь на краю болота, пока он капал. Моя доля!

Кружка была почти пуста. От старухи разило перегаром.

— Вон туда иди. Вниз по улице. Давай отсюда! Еда и вода у Стражи. Катись!

Она потеряла к нему всякий интерес. Он тяжело поднялся и поплелся восвояси, от греха подальше.

«Стража, ну конечно же! — сказал он себе, ощутив теплый прилив надежды. Я им все объясню, и они что-нибудь предпримут».

Джомфри пошел быстрее. Улица упиралась в пологий пыльный склон холма с круглой вершиной, окруженного одинаковыми низкими невзрачными зданиями. Вершину холма венчал гладкий купол из дюробетона, твердого, как алмаз, и вечного, как алмаз. Впереди тащился тощий человек в грязных лохмотьях. Джомфри крался за ним, готовый в любой миг броситься наутек.

Из дюробетонной трубы непрерывно струилась вода и уходила в отверстие внизу. Тощий закрепил на трубе пластиковый пакет, а пока тот наполнялся, достал из глубокой ниши рядом какой-то большой сверток. Дождавшись, когда он снимет пакет с водой и скроется за куполом, Джомфри подошел поближе. Неясную тишину нарушал только плеск падающей воды, и Джомфри вдруг почувствовал, что у него пересохло в горле. Он сунул голову под струю и стал пить, подставляя под воду лицо и руки. Напившись, он отдышался и обнаружил, что чувствует себя гораздо лучше. Он протер глаза и заглянул в нишу. Она была пуста. Справа висела истертая блестящая металлическая пластина, а в глубине ниши виднелось темное отверстие, в которое можно было просунуть руку. На пластине едва различалась полустертая надпись: «*НАЖАТЬ*». Эта надпись была единственной повстречавшейся ему здесь. Он нерешительно коснулся пальцем холодной поверхности металла. Что-то скрипнуло, послышался нарастающий скрежет. Джомфри быстро отдернул руку; из отверстия вывалился какой-то сверток в

пластиковой обертке и мягко шлепнулся на дно ниши. Он поднял сверток — это был пакет с пищевой пастой.

— Давай ешь, я тебя не трону.

Джомфри обернулся и едва не выронил пакет: перед ним стоял тощий. Джомфри не слышал, как он вернулся.

— Ты здесь новенький, как я вижу, — сказал тощий с притворной улыбкой на морщинистом и рябом лице. — Поздоровайся со Стариком Рури, он может стать твоим другом.

— Возьмите, — сказал Джомфри и протянул пакет с пастой, словно отвергая любую возможность какой бы то ни было связи между собой и Геенной. — Это, должно быть, ошибка. Машина дала мне чью-то порцию по ошибке. Я вообще не местный.

— Разумеется, юный гееннец, — замурлыкал Старик Рури. — Многих жизнь загублена политиками, невинных людей сюда пославших. Однако машине все равно, кто здесь живет, или кто ты такой, или кто такой я. У нее память на пять часов, и пока они не пройдут, второй порции она тебе не выдаст. Она кормит любого, каждые пять часов, бесконечно. Не правда ли, эффективное средство, чтобы человек почувствовал себя червяком?

Джомфри судорожно вцепился в мягкую оболочку пакета.

— Да нет, я серьезно. Я попал сюда из-за сбоя ПМ. Если вы и в самом деле хотите мне помочь, скажите, как связаться с властями.

Старик Рури сокрушенно пожал плечами.

— Невозможно. Они запечатаны в этом гробу, а появляются и исчезают с помощью собственного ПМ. С нами они не общаются. Мы кормимся с этой стороны Стражи — а уходим с той.

— Уходите? Значит, это возможно? Отведите меня туда.

Сморкнувшись, Старик Рури вытер нос пальцем, тщательно его осмотрел и вытер о борт куртки.

— Если трупоедом хочешь стать, это можно устроить. Пошли туда.

Он показал пальцем на подножие холма, где появилось четверо людей, несущих лицом вниз женщину: двое за ноги и двое за руки. Они волокли ее, пока не заметили на склоне Рури и Джомфри. Тогда двое, что несли женщину за ноги, бросили свою ношу в грязь, повернулись и ушли.

— Гражданский долг, — с отвращением сказал Старик Рури, — единственный, который мы выполняем. Если мы будем их бросать где попало или топить в болоте, они будут вонять, а это очень противно.

Они подошли поближе. Старик Рури молча указал Джомфри на левую ногу трупа, а сам взялся за правую. Джомфри

заколебался, и трое геенцев подняли на него холодные взгляды. Вспомнив поучительный пинок, он быстро наклонился, взялся за обнаженную лодыжку и чуть не уронил, почувствовав нечто холодное и твердое, не похожее на плоть. Они пошли дальше вверх по холму, и Джомфри пытался не смотреть на эту ногу с пятнами грязи и голубыми веревками вен. Может быть, это та женщина, с которой он разговаривал. От этой мысли его передернуло. Нет, та была одета по-другому, да эта и мертва уже давно.

Подножье Стражи огибала глубоко протоптанная в грязи тропа, и они брели по, этой тропе, пока, обойдя примерно половину холма, не дошли до того места, где на высоте колена в стену была встроена металлическая полоса шириной сантиметров тридцать и длиной примерно два с половиной метра. Один из шедших впереди нагнулся и, сунув руку в паз в металле, потянул вверх. Полоса медленно отошла, открыв V-образный бункер из трехдюймового броневого сплава. Весь его край был иззубрен и поцарапан. Каким же отчаявшимся должен быть тот, кто всю жизнь прожил в таком месте? Тело закинули в бункер, и кто-то захлопнул ногой крышку.

— Непревзойденная эффективность, — заметил Старик Рури, настороженно глядя вслед двоим напарникам, которые повернулись и ушли, не сказав ни слова. — Ни общения, ни контакта. Конец. Тела и старая одежда. Тела они увозят, а вместо старых тряпок дают новую мешковину. Вспомни об этом, когда твой новый костюм поизносится.

— Но этого не может быть! — закричал Джомфри, пытаясь оттянуть запертую крышку. — Мне надо связаться с теми, кто внутри, и объяснить ошибку. Я не должен быть здесь!

Внезапно крышка завибрировала — он ощутил это кончиками пальцев — и открылась. Бункер был пуст. Джомфри торопливо забрался внутрь и улегся вдоль стенки.

— Закройте крышку, умоляю, закройте крышку!

Старик Рури склонился над ним.

— Это бессмысленно, — ответил он; однако, вняв мольбам Джомфри, захлопнул крышку.

Свет превратился в узкую полоску и исчез. Воцарилась полная темнота.

— Я не покойник! — закричал Джомфри, вдруг охваченный паникой. — И не лохмотья! Вы меня слышите? Я хочу сообщить об ошибке. Я направлялся домой, и вдруг…

Мягкие рычаги — казалось, что их было очень много, — охватили все его тело. Он слабо вскрикнул. Какая-то щетка прошлась ему по голове и по лицу. Он закричал громче. В

темноте раздалось тонкое жужжание.

— Я не правильно набрал номер, произошла разладка ПМ. Я здесь по ошибке, поверьте мне…

Рычаги, охватившие его тело, пропали так же бесшумно, как и появились. Он пощупал вокруг, но всюду был только металл, словно в запаянном гробу. Затем что-то щелкнуло, появилась полоска света, и от неожиданного сияния он зажмурился. Открыв глаза, он увидел Старика Рури, который высасывал остатки пасты из его пакета.

— Твое, — сказал он. — Я подумал, что тебе не захочется. Давай вылезай она не закроется, пока ты там.

— А что произошло? Меня что-то держало.

— Это машины. Они проверили, что ты не мертвый, не больной и не лохмотья. Если бы ты был болен, тебе бы сделали укол и вышвырнули назад. Их не обдурить. Выходят только мертвые.

— Они меня даже не слушали, — сказал Джомфри, выбираясь наружу.

— В этом весь смысл. Современная пенология. Общество более никого не убивает и не наказывает за нарушение законов. Преступников лечат. Некоторые не поддаются лечению. В более варварские времена они были бы повешены, сожжены, колесованы, четвертованы, обезглавлены, расстреляны, посажены на электрический стул, распяты на кресте и так далее. А теперь их просто изгоняют из цивилизованного общества, предоставляя им возможность наслаждаться обществом себе подобных. Что может быть справедливее? Приговоренные получают билет сюда в один конец. Их удаляют из общества, законы которого ими нарушены, и они не обременяют его собой, как обременяли бы в тюрьме. Все миры, пользующиеся этой службой, делают минимальные взносы на питание, одежду и организационные расходы. Высланные и забытые не могут отсюда бежать. Мы находимся на примитивной планете, вечно обращенной к невидимому за облаками солнцу, где нет ничего, кроме болот. Вот и все. Некоторые выживают, некоторые быстро погибают. Места здесь хватит, чтобы без тесноты расселить в сотни раз больше народу. Мы едим, спим и убиваем друг друга. Единственные наши совместные усилия — работа на перегонных кубах на краю болота. Местные плоды несъедобны, но их сок бродит, а спирт — он везде спирт. Поскольку ты новичок, я тебя угощаю и приглашаю в нашу банду пьяниц. У нас многие умерли за последнее Время, и некому собирать дрова.

— Нет. Я не хочу связываться с твоими каторжниками-алкоголиками. Я сюда по ошибке попал. Не то что вы.

Старик Рури улыбнулся и с быстротой, не вязавшейся с его годами, выхватил блестящее лезвие и приставил его к горлу Джомфри.

— Быстро выучи правило, сынок. Никогда не спрашивай у человека, почему он здесь, и сам ему об этом не напоминай. Это скверный вид самоубийства. Я то тебе расскажу, потому что сам этого не стыжусь. Я был химиком и знал все формулы. Я сделал яд, не имеющий вкуса, и отравил свою жену и восемьдесят три ее родственника. Итого восемьдесят четыре. Немногие здесь могут похвастаться таким числом.

Он спрятал нож в рукав, и Джомфри отпрянул, потирая красную полосу на шее.

— Вы вооружены! — поразился Джомфри.

— Это не тюрьма, это мир. Мы делаем все, что можем. Частицы металла собирают годами, и из них куется оружие. Этот нож пережил уже много поколений. Говорят, что он был сделан из железного метеорита. Все возможно. Его прежнего владельца я убил, загнав ему в мозг через ухо кусок заостренной проволоки.

— Я бы сейчас выпил. Благодарю за ваше предложение. Вы очень любезны. Джомфри тщательно подбирал слова, боясь сказать что-нибудь обидное.

Старик двинулся вниз по склону, и Джомфри потащился за ним. Они пришли в дом, похожий на все остальные…

— Хороший напиток, — сказал Джомфри, давясь над стаканом едкой кислятины.

— Свиное пойло, — ответил Старик Рури. — Я мог бы его улучшить. Добавить натуральный вкус. Но другие мне не дают. Они меня знают.

Джомфри сделал глоток побольше. Он тоже знал старика. Когда он допил, в голове у него загудело, а из желудка поднялась тошнота. Лучше ему не стало. Он понимал, что, приведись ему остаться на Геенне, он окажется в числе тех, которые погибают быстро. Такая жизнь была хуже смерти.

— Больной! Вы сказали, что они осмотрели бы меня, если бы я был больной! воскликнул Джомфри, вскакивая.

Старик Рури не обратил на него внимания, но в голову Джомфри уже ударил хмель, и он, осмелев, схватил старика за одежду. Собутыльники не обращали на них внимания до тех пор, пока вновь не сверкнуло длинное зловещее лезвие. Джомфри отпустил старика и отшатнулся. Взгляд его был прикован к стальной полосе в полруки длиной.

— Я хочу, чтобы вы порезали меня этим ножом.

Старик Рури остановился, озадаченный: раньше ему не приходилось получать такие просьбы от будущих жертв.

— Где тебя порезать?

Он окинул собеседника взглядом, выбирая подходящее место.

— Где?

И в самом деле — где? В какое место ты хотел бы получить нож? Какую часть своего собственного тела тебе не жалко?

— Палец… — неуверенно предложил он.

— Два пальца — или ничего. Старик Рури торговался, как настоящий лавочник.

— Тогда — вот. — Джомфри упал на стул и протянул руки. — Два мизинца. — Он сжал кулаки и положил на край деревянного стола два мизинца. — Оба сразу. Сможете?

— Конечно. Точно на втором суставе. Заметив, что вся комната смотрит на него, Старик Рури радостно ухмыльнулся и стал демонстративно разглядывать лезвие ножа; новичок наблюдал за ним влажными кроличьими глазами. Неожиданно нож взлетел и вонзился глубоко в дерево. Пальцы отскочили, брызнула кровь. Только взвизгнув, новичок бросился к двери. Вслед за ним в распахнутую дверь понеслись громовые раскаты всеобщего хохота.

— Ура Старику Рури! — крикнул кто-то. Подобрав с пола один из пальцев, старик скромно улыбнулся…

— Я ранен — теперь вы обязаны мне помочь! — кричал Джомфри, карабкаясь вверх по холму в бесконечный полдень. — Я не знал, что это так больно. Я кровью изойду! Мне нужна ваша помощь. Мне очень больно.

Когда он потянул за металлическую крышку, боль усилилась. Бункер разверзнулся, и Джомфри свалился в него.

— Я ранен, — скулил он, глядя, как исчезает полоска света. В темноте на нем сомкнулись рычаги, и он почувствовал, как кровь течет по запястьям. — Это кровь! Остановите ее, или я умру.

— Механизм поверил. Джомфри почувствовал укол в шею, и сразу наступило онемение. Боль оставила его, но и все другие ощущения тоже. Он мог говорить, слышать и двигать головой, но все тело ниже шеи оказалось парализовано. Бежать из Геенны было невозможно.

Что-то загрохотало, и он затылком ощутил, что его несет куда-то в сторону. В темноте ничего не было видно — если он вообще еще мог видеть, — но по движению воздуха и по звукам он догадывался, что перед ним одна за другой распахиваются двери, как в многокамерном воздушном шлюзе. Уж наверняка двери толстые и металлические. Последняя из них скользнула в сторону, и он оказался в ярко освещенной комнате.

— Опять членовредительство, — сказал человек в белом, склонившись над ним — Старая история.

За доктором стояли трое охранников с массивными дубинками.

— Может быть, это инициация, доктор. Он наверняка новичок. Я его раньше не видел.

— И одежда у него новая, — добавил доктор, роясь среди бинтов и инструментов.

— Я здесь по ошибке. Я не заключенный!

— Лиха беда начало, доктор. Теперь ампутации пойдут одна за другой. У них всегда все идет сериями.

— Ошибка передатчика материи…

— Вы правы. В моей книге будет несколько графиков, которые это доказывают.

— Выслушайте, вы должны меня выслушать. Я направлялся домой. Я набрал номер, вошел в ПМ — и оказался здесь. Это страшная ошибка. Я пальцами пожертвовал, чтобы с вами увидеться. Посмотрите по записям, вы увидите, что я прав.

— Записи у нас есть, — сказал доктор, впервые признавая в Джомфри человеческое существо. — Но ошибок никогда до сих пор не было, хотя в своей невиновности клялись многие.

— Доктор, будьте добры, посмотрите. Я умоляю вас. Хотя бы ради приличия просто посмотрите записи. Компьютер сразу вам ответит.

Доктор на минуту заколебался, потом пожал плечами.

— Ладно, для приличия. Посмотрим, пока накладывают повязки. Ваше имя и гражданский номер?

Он набрал данные Джомфри на клавиатуре и бесстрастно посмотрел на экран.

— Видите! — радостно закричал Джомфри. — Это была ошибка. Но я ни на что не жалуюсь. Я только прошу меня освободить.

— Вы виновны, — спокойно сказал доктор. — Вас сюда послали.

— Не может быть! — Джомфри испытывал вполне объяснимую злость. — Это недоразумение. Скажите мне тогда, за что я осужден!

Доктор посмотрел на приборы.

— Артериальное давление и энцефалограмма в норме. Эти приборы не хуже любого детектора лжи. Вы говорите искренне. Травматическая амнезия в такой ситуации вещь весьма вероятная. Неплохое примечание для моей книги.

— В чем меня обвиняют? — закричал Джомфри и попытался шевельнуться.

— Лучше бы вам не знать. Я вас возвращаю обратно.

— Вы должны сказать. Иначе я вам не поверю. Я направлялся

домой, к жене…

— Вы убили свою жену, — сказал доктор и включил механизм возврата.

Закрывшаяся дверь отрубила жуткий, воющий вопль.

Вспышка памяти: посиневшее лицо, безумный взгляд, кровь, кровь, кровь…

Открылась крышка металлического гроба, и Джомфри сел, борясь с тошнотой. Его накачали наркотиками, его мутило. Раны были перевязаны.

— Но они же мне не помогли. Они даже в записи не посмотрели, чтобы проверить. А это ошибка. Ошибка передатчика материи, и я расплачиваюсь за нее.

Он посмотрел на окровавленные бинты, и его поразила страшная мысль. Он всхлипнул:

— Теперь я никогда не вернусь домой, к жене.

ХРАНИТЕЛИ ЖИЗНИ

Чтобы скрыть такой крупный предмет, его в свое время засыпали камешками и разным мусором, а для полной надежности над образовавшимся холмом соорудили пирамиду из крупных камней. Но то ли оттого, что камни были плохо подогнаны друг к другу, или слишком уж часто не благоприятствовала погода — от пирамиды к настоящему времени остались одни развалины, безобразная груда обломков в половину человеческого роста. Дожди, низвергавшиеся с небес в течение столетий, смыли и камешки, и мусор, так что сейчас над покрытым опавшей листвой холмиком возвышался тот самый столь тщательно скрываемый предмет: разъеденная ржавчиной и покрытая выбоинами огромная металлическая рама высотой в три метра и длиной раза в два больше. В раму была вставлена пластина из материала, напоминавшего серо-голубой сланец. Пластина, покрытая густым слоем пыли и налипших на нее мелких частичек, была настолько твердой, что долгие годы не оставили на ней ни царапин, ни вмятин.

Вокруг пластины в раме и рассыпанных камней раскинулся поросший редкими пучками травы луг, по краям которого росли чахлые низкие деревца. Вдалеке виднелись грязновато-серые холмы, едва различимые сквозь редкий туман и почти сливающиеся с небом такого же неопределенного серого цвета. После недавнего ненастья на земле в ямках лежали, не тая, белые камешки крупного града. На холме среди травинок лениво поклевывала птица с коричневой спинкой и светло-серым брюшком.

Перемена была разительной. В одно мгновение — слишком короткое, чтобы заметить его, — пластина в раме поменяла свой цвет на абсолютно черный. Необычный оттенок черноты говорил скорее об отсутствии цвета, чем о его наличии. Одновременно изменились, по всей вероятности, и свойства поверхности пластины, так как вся пыль и мелкие частички осыпались. Куколка какого-то крупного насекомого упала рядом с птицей, вспугнув ее. Беспорядочно хлопая крыльями, та сорвалась с места и улетела прочь.

Из черноты возник человек, трехмерный и вполне реальный, и шагнул наружу, словно через дверь. Появившись здесь так внезапно, он присел и начал с подозрением осматриваться. На нем был защитный костюм с множеством сложных приспособлений, а голову защищал прозрачный шлем. В руке человек держал наготове пистолет. Посидев, он встал во весь рост, не переставая настороженно поглядывать по сторонам, и что-то проговорил в микрофон, жестко зафиксированный перед губами. От микрофона через зажимное устройство на шлеме шел гибкий провод, который тянулся к черной поверхности пластины и исчезал в ней.

— Первое донесение. Никакого движения не замечено, в поле зрения никого нет. Мне показалось, что видел что-то вроде птицы, но не уверен. Здесь, должно быть, сейчас зима, или эта планета просто очень холодная. Низкорослая растительность, в том числе и деревья; низкая облачность, на почве снег — хотя нет, это, скорее, град. Все приборы функционируют нормально. Сейчас взгляну на контрольную панель. Она засыпана землей и камнями, так что придется ее откапывать.

В последний раз окинув окрестности изучающим взглядом, он убрал оружие в кобуру на ноге и достал из ранца инструмент, напоминавший по форме стержень. Вытянув руку с инструментом, он включил его и коснулся им почвы в том месте, где она покрывала правую часть рамы. Земля вскипела. Над рамой поднялось облачко распыленной до мельчайших частиц почвы, а мелкие камешки и обломки камней разлетелись во все стороны. Более крупные камни требовали больших усилий. Скрежеща, они отваливались в сторону, когда под них подводился металлический кончик стержня. Рама все больше и больше обнажалась. Ниже уровня земли она расширялась, и в месте расширения обнаружилось повреждение в виде зияющего отверстия. Человек тут же прекратил работу и, еще раз внимательно оглядевшись по сторонам, наклонился, чтобы как следует все рассмотреть.

— Задача усложняется. Похоже на преднамеренную

диверсию. Дыра с рваными краями; причиной может быть только взрыв, мощный. Разнесло все контрольные приборы, экран дезактивирован. Я могу наладить блок…

Его слова прервались мучительным хрипом: в спину ему вонзилась деревянная оперенная стрела с зазубринами. Ноги его подкосились, и он упал на колени, успев все же обернуться, преодолевая боль. Его пистолет выплюнул непрерывную очередь — целый поток крошечных частиц, которые с удивительной мощью взрывались при соприкосновении с любым объектом. Он возвел эту огненную завесу — дугу из взрывов, пыли и дыма — в двадцати метрах от себя. Что-то давило на ткань защитного костюма над грудью, и он, осторожно дотронувшись до этого места, нащупал острие стрелы, пронзившей его тело. Одновременно он почувствовал, как по коже струится теплая кровь. Как только серия взрывов образовала дугу в сто восемьдесят градусов, он встал и, с трудом сделав один шаг, почти упал в темноту, из которой появился. Он исчез в ней, словно в омуте, не оставив на поверхности ни малейшего следа.

Слабый холодный ветер разогнал пыль. Вокруг снова воцарилась мертвая тишина.

* * *

Разрушенная деревня была местом, где бушевала смерть. Как всегда, действительность намного превосходила самое изощренное воображение; ни один режиссер не смог бы поставить столь ужасающую грубой правдой сцену. Не тронутые огнем дома стояли среди сожженных. На земле в оглоблях лежало мертвое тягловое животное, все еще запряженное в телегу. Вытянутым носом оно касалось лица очередной жертвы чумы, чьи конечности были уже объедены дикими животными. Вокруг в беспорядке валялись трупы тех, кого смерть застала прямо на улице, и, вне всякого сомнения, еще большее количество трупов было милосердно скрыто от взора в глубине зданий. Рука, безвольно свисавшая из полуприкрытого ставнями окна, была немым свидетельством того, что находится внутри помещений. Трехмерное изображение места действия, проецируемое на одну из стен затемненной аудитории и занимающее всю площадь стены, потрясало реальностью происходящего. Что, собственно, и было целью показа. Голос комментатора звучал ровно и бесстрастно — прямая противоположность демонстрируемым ужасам.

— Все, разумеется, происходило в ранний период освоения, и

наши силы были рассеянны. Мы получили и зарегистрировали сообщение о случившемся, но из-за ухудшившейся ситуации на Ллойде не смогли отправить туда подкрепление. Последующий анализ событий показал, что можно было бы послать одно подразделение без видимых негативных последствий нашего вмешательства, и эта акция коренным образом изменила бы ситуацию. К тому времени, когда кризис пошел на убыль, показатель смертности достиг семидесяти шести целых и тридцати двух сотых процента всего населения планеты…

В кармане у Яна Дакосты тихо прогудел передатчик. Тот приложил его к уху и включил.

— Доктор Дакоста, просьба явиться в Бюро инструктажа.

От радости он чуть не подпрыгнул, несмотря на усиленные тренировки за последние несколько недель. Однако, сдержав себя, он неторопливо поднялся и так же не спеша вышел из аудитории. Несколько человек приподняли голову, когда он проходил мимо, и посмотрели ему вслед, затем снова обратились к экрану, на котором демонстрировался тренировочный фильм. Ян уже достаточно насмотрелся тренировочных фильмов. Этот вызов, возможно, означает начало долгожданной миссии, и он наконец-то сможет хоть что-то делать вместо бессмысленного просмотра бесконечных тренировочных фильмов. В последние дни он, будучи причисленным к резерву, жил в тревожном ожидании. Скорее всего вызов связан с миссией.

Очутившись в безлюдном коридоре, он ускорил шаг. Завернув за угол, он заметил впереди знакомую фигуру человека, припадающего на одну ногу, и поспешил за ним.

— Доктор Толедано!

Старик обернулся и остановился, поджидая его.

— Миссия, — произнес он, когда Ян подошел поближе.

Он заговорил на их с Яном родном языке, предпочитая его общепринятой интерлингве. Он улыбался, и от улыбки его смуглое морщинистое лицо стало походить на высушенную сливу. Ян, не раздумывая, протянул руку, и старый доктор схватил ее обеими руками. Толедано был чрезвычайно мал ростом, он едва доставал Яну до груди, но зато всегда ходил с таким уверенным видом, что его недостаток никто не замечал.

— Я беру эту миссию под свое начало, — продолжал он. — Возможно, это мое последнее задание. У меня большой опыт работы в полевых условиях. Хотелось бы, чтобы ты был моим помощником. Кроме тебя, будут еще три врача — старше, чем ты. Ты не будешь располагать ни свободой действий, ни возможностью руководить. Но зато тебе будет чему поучиться. Согласен?

— О большем я и не мечтал, доктор.

— Значит, договорились. — Доктор Толедано отпустил его руку и перестал улыбаться. Дружелюбное выражение исчезло, стертое с лица, как и улыбка, в одно мгновение. — Работа будет тяжелой, но особых почестей не ждите за нее. Зато вы многому научитесь.

— Большего мне и не надо, доктор.

Дружеские отношения тоже исчезли, отложенные до времени в надлежащее место, пока их вновь не понадобится извлечь оттуда. Оба были родом с одной планеты, имели общих друзей. Но все это не имело никакого отношения к их делам. Приотстав на шаг, Ян поспешил за Толедано в Бюро инструктажа, где уже ожидали другие врачи. Когда вошел старший врач, все встали.

— Садитесь, пожалуйста. Думаю, что сначала вас следует познакомить. Этот джентльмен — доктор Дакоста. Он прибыл сюда недавно и учится на постоянного сотрудника СЭК. Поскольку он является квалифицированным врачом, он будет сопровождать нас в этой миссии в качестве моего личного помощника, подотчетного только мне — вне обычной субординации.

Затем Толедано представил собравшихся врачей Яну.

— Доктор Дакоста! Хочу, чтобы вы знали, что они — весьма выдающиеся люди. Цель нашей миссии — благополучно доставить этих специалистов на новую планету, с тем чтобы они смогли заниматься там своими исследованиями. Начну с леди: доктор Букурос — наш микробиолог.

Седовласая, с квадратным лицом женщина коротко кивнула; пальцы ее постукивали по столу. Чувствовалось, что ей не терпится поскорее приступить к работе.

— Доктор Огласити, вирусолог. Вы, несомненно, знакомы с его научными трудами и еще в школе изучали его статьи.

Человек с оливковой кожей тепло улыбнулся, на мгновение обнажив ровные белые зубы. Сидящий рядом с ним высокий блондин, почти альбинос, кивнул, когда настала его очередь быть представленным, — И наконец, доктор Пидик, эпидемиолог. Надеемся, что у него совсем не будет работы.

Все, за исключением сохраняющей серьезный вид доктора Букурос, заулыбались в ответ на шутку; но веселое настроение вмиг улетучилось, когда Толедано открыл папку с бумагами, лежавшую перед ним. Он сидел во главе стола для заседаний рядом с прозрачной стеной, которая разделяла помещение на две части.

— Операция, задуманная нами, скорее всего продлится долго, — сказал Толедано. — По мнению специалистов,

контактов не было почти тысячу лет.. — Он подождал, слегка нахмурившись, пока не стихнет возбужденный гул голосов. Можно сказать, своего рода рекорд. А поэтому нам следует приготовиться к любым неожиданностям. Я бы хотел, чтобы вы заслушали сообщение разведчика. Других сведений по планете у нас практически нет.

Он протянул руку и нажал на одну из кнопок на столе. По ту сторону разделяющей стены открылась дверь, и медленно вошел человек. Он сел на стул рядом с барьером, всего в нескольких футах от них. На нем была зеленая форма разведчика службы ПМ; под непривычно расстегнутым воротником виднелись белые бинты, правая рука была на перевязи. Выглядел он довольно усталым.

— Я — руководитель миссии доктор Толедано, а это врачи из моей группы. Нам бы хотелось выслушать ваше сообщение.

— Разведчик Старк, старший офицер. Благодаря скрытым микрофонам и громкоговорителям его слова прозвучали так отчетливо, как будто произносивший их сидел рядом. Это движение электронов было единственной связью между двумя половинами комнаты — отдельными и совершенно автономными частями центра СЭК. Старк считался биологически загрязненным объектом, поэтому его держали на карантине в бета-секции, «грязной» части центра. Чистая, альфа-часть, была стерильна — по мере возможности, конечно.

— Разведчик Старк, — проговорил доктор Толедано, глядя на пачку бумаг в своей руке, — прошу вас рассказать нам, что случилось лично с вами на этой планете. По показаниям приборов выяснилось, что планета обитаема: кислород, температура, количество загрязняющих веществ — в пределах нормы, что позволяет легко приспособиться к данным условиям. Можете ли вы добавить что-либо к сказанному? Насколько я понимаю, для активирования нуль-передатчика был использован новый Y-проводящий обратный эффект?

— Да, сэр. Существует не более дюжины передатчиков материи, активированных подобным образом. Процесс весьма дорогостоящий, да и слишком уж это тонкая работа. Все другие нуль-передатчики были размещены или на планетах, входящих в Лигу, или в совершенно необитаемых районах…

— Прошу прощения, — прервал его Ян и, почувствовав на себе внимание других, заторопился:

— Боюсь, что я ничего не знаю об этом Y-проводящем обратном эффекте.

— Все пояснения есть в сборнике инструкций, — бесстрастно отметил доктор Толедано. — Мелким шрифтом в конце. Вам

следовало бы заглянуть туда. Это способ, с помощью которого можно установить связь с нуль-передатчиком, даже если его контрольная панель отключена или выведена из строя.

Ян не знал, куда деваться от стыда. Он не отрываясь смотрел на свои руки и не решался поднять глаза из опасения увидеть усмешку на лицах коллег. Он собирался прочитать все технические отчеты и донесения, но ему просто не хватило времени.

— Пожалуйста, продолжайте, разведчик!

— Да, сэр. После активации приборы передатчика материи показали вполне приемлемые величины давления, температуры и гравитации на той стороне. Поэтому я, не колеблясь, прошел через экран. Обычно первый после активации контакт стараются провести как можно быстрее. Унылый пейзаж, холод — мои впечатления зафиксированы в отчете — наводили на мысль, что на планете стоит зима. В поле зрения — никого. Передатчик материи был наполовину засыпан землей и камнями. Впечатление такое, будто его пытались спрятать. Я докопался до контрольной панели и обнаружил, что она взорвана.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Такие рваные края всегда остаются после взрыва. К отчету приобщены фотографии. Пока я подсоединял новый контрольный блок, меня пронзили стрелой. Поэтому я вернулся. Я никого не видел и не имею представления, кто стрелял в меня.

Дальнейший опрос ничего не добавил к уже известной им информации, и разведчика отпустили. Толедано положил перед коллегами прозрачный пластиковый пакет, в котором была запечатана нестерильная стрела. Они с интересом осмотрели ее.

— Выглядит не совсем обычно, — заметил Огласити. — Возможно, все дело в длине: слишком короткая.

— Вы совершенно правы, — согласился с ним Толедано, похлопывая по одной из бумаг, лежавших на столе перед ним. — Ученые-историки сошлись во мнении, что стрела была выпущена не из обычного лука с тетивой, знакомого нам по спортивным соревнованиям, а из его древней разновидности, называемой арбалетом. Вот его монтажная схема, где ясно видны детали конструкции, а вот схема приведения его в действие. По своей форме стрела относится к так называемым стрелам самострела. Она тщательно сбалансирована и вообще неплохо изготовлена — можно даже сказать, доведена до совершенства. Наконечник сделан из литого железа. По мнению историков, если эта стрела — самое выдающееся на планете творение рук человеческих, то культуру можно отнести к раннему железному периоду.

— Явная регрессия!

— Совершенно верно. Изучение фотографий показало, что этому нуль-передатчику по меньшей мере тысяча лет. Он — одна из ранних моделей первооткрывателей планет. Учитывал уровень культурного развития, можно предположить, что на планете существует лишь этот единственный нуль-передатчик и что связь с остальной Галактикой была прервана вскоре после основания колонии. Естественным результатом обособления стал регресс. Их культура упала до того уровня, который они сами были в состоянии поддерживать. Возможно, мы никогда не узнаем, почему разрушили контрольный блок нуль-передатчика, теперь это чисто теоретический вопрос. Нас прежде всего должна волновать их тысяча лет без связи.

— Мутации, приспособляемость, отклонения, — произнесла доктор Букурос, обращаясь ко всем.

— Да, и мы должны решить эту проблему. На планете живут люди, что означает их успешную адаптацию к местным условиям. Не сомневаюсь, что у них есть свои, только им присущие болезни и инфекции. Переболев ими, они приобрели к ним иммунитет, но для нас их болезни могут оказаться смертельными. А с другой стороны, у них может совсем не быть иммунитета к болезням, которые привычны для нас. Джентльмены — и доктор Букурос, конечно, — сейчас я сделаю небольшое отступление и зачитаю вам несколько слов об истории СЭК. Мы так привыкли пользоваться этой аббревиатурой, что начинаем забывать, что за ней стоит название «*Служба эпидемиологического контроля*».

Данная организация была создана в условиях чрезвычайной ситуации, когда неожиданно вспыхнула эпидемия чумы, и существует для предотвращения подобных ситуаций. Чума стала наступать приблизительно через двести лет после начала массового применения нуль-переноса материи. Нельзя сказать, что не было попыток проконтролировать распространение болезни, — но все они заканчивались безрезультатно. Из-за огромной разницы в метаболизме и филогенезе живых существ, населяющих планету, на ней не обнаружили практически ни одного заболевания, способного как-то навредить человеку. Зато наши собственные вирусы и бациллы, попав в непривычную для них среду, мутировали и стали представлять собой значительную опасность.

Вначале наблюдались лишь отдельные вспышки болезни, которые потом быстро перерастали в эпидемии. Вымирали целые поселения. СЭК была создана для борьбы с этой опасностью, и правительства всех планет в равной мере финансируют ее. После установления контроля над эпидемией, после ужасного урона,

нанесенного чумой, СЭК продолжала существовать в целях предупреждения новых вспышек болезни. В организацию входят постоянные сотрудники — я сам и доктор Дакоста — и временные, назначаемые на определенный срок — такие, как вы, призванные помогать нам.

Нашей задачей является профилактика заболевания, и мы приложим все силы, чтобы предотвратить возвращение тех страшных чумных лет. Я подчеркиваю, все силы, поскольку имею в виду именно все силы. Прежде всего мы — стражи на пути эпидемий, и только потом — врачи. Мы защищаем Галактику, а не просто отдельную личность или планету. Эта регрессирующая планета несет в себе величайшую угрозу, скрытую до поры до времени, самую большую из тех, с которыми я встречался за все время своей деятельности. Мы должны позаботиться о том, чтобы эта угроза осталась лишь угрозой, и ничем больше. А сейчас я ознакомлю вас с планом операции.

* * *

За час до рассвета из экрана нуль-передатчика выскочил легкий танк. Подчиняясь явно лихому водителю, в абсолютной темноте он на излишне высокой скорости загрохотал по выбитой земле к ближайшей возвышенности.

Водитель, не отрываясь от окуляра видоискателя, спокойно сидел за рычагами управления. Инфракрасные прожекторы заливали пространство перед танком потоком невидимых лучей, но благодаря специальным линзам водитель различал на местности мельчайшие детали. Одолев подъем, он прокрутил танк по кругу, внимательно осматривая близлежащую территорию, и только потом заглушил двигатели.

— Видимость прекрасная. Теперь можешь установить детектор.

Его напарник кивнул и принялся манипулировать рычагами управления. Над танком раскрылся тепловой щит — чтобы нейтрализовать излучение, исходящее из танка снизу; сканирующая головка начала вращаться. Оператор бросил короткий взгляд на экран и включил рацию.

— Находимся на самой высокой точке в двухстах метрах от экрана. Детектор в действии. Наблюдаются многочисленные мелкие источники тепла — вне сомнения, местная фауна. На расстоянии примерно девяноста пяти метров зафиксированы два более крупных источника тепла, сейчас они удаляются от нас. Крупные животные или люди. Поскольку они держатся вместе и

передвигаются по прямой линии, можно предположить, что это люди. В пределах видимости других источников тепла не наблюдается. Конец передачи.

Из экрана появился второй танк и ненадолго остановился, чтобы передать сообщение ожидающему по ту сторону экрана транспорту; при появлении новых машин он отъехал в сторону.

Четырнадцать транспортных единиц — разведывательные танки, бронетранспортеры с солдатами в полной боевой выкладке, грузовики с припасами, трейлеры — являли собой впечатляющее зрелище. Мощные прожекторы вспарывали темноту горящими сегментами света; по мере того как появлялись все новые и новые машины, рев двигателей и трансмиссий усиливался.

Штабная машина остановилась рядом с разведывательным танком, и доктор Толедано встал на специально приподнятую ступеньку, чтобы изучить местность. Справа на горизонте постепенно набухала полоска света — отныне эту часть горизонта они станут называть востоком.

— Что на детекторе? — спросил он Яна, сидящего внизу и поддерживающего радиосвязь.

— Ничего нового. Первые два сигнала ушли с экрана.

— Тогда мы останемся здесь до рассвета. Детектор пусть продолжает работать, и всем быть начеку. Когда сможем передвигаться без прожекторов, мы отправимся в ту сторону, куда перемещались сигналы на экране.

Ждать пришлось недолго. Рассвет вступил в свои права удивительно быстро они, должно быть, находились возле экватора; первые красноватые лучи солнечного света отбросили на землю длинные тени.

— Выступаем, — приказал Толедано. — Единой колонной, держаться за мной! Разведчики — на оба фланга и вперед! Необходимо раздобыть несколько пленных. Используйте газ — не хочу, чтобы были жертвы.

По рации Ян Дакоста передал сообщение, не убавляя и не прибавляя ни единого слова, хотя в глубине души не был уверен в правильности приказа. Он был врачом, целителем, а роль, которую он сейчас играл, выглядела по меньшей мере странно. До сих пор операция казалась скорее военной, нежели медицинской. Но он отбросил сомнения. В конце концов, Толедано знает, что делает. Самое лучшее, что ему оставалось, — это наблюдать и учиться.

Колонна двинулась вперед. Через несколько минут головной разведывательный танк доложил о поселении прямо по курсу движения транспорта и остановился, поджидая остальных. Когда

колонна подошла к нему, взобравшись на гребень горы, вознесшейся над долиной, и заглушила моторы, Ян присоединился к стоявшему в открытой орудийной башне Толедано.

— Напоминает эпизод из учебника по истории, — заметил Ян.

— И весьма необычный. День, когда мы объявим эту планету доступной для всех, будет поистине знаменательным и для антропологов, исследующих влияние культуры на развитие человека, и для историков, изучающих развитие технологий.

Утренний туман еще лежал в долине под ними, медленно наплывая от реки, которая своими плавными изгибами напоминала змею. Селение, а скорее, небольшой городок, прижавшийся к реке, окружали обработанные поля. Отчетливо различались теснившиеся одна к другой крыши с узкими лентами дымков, поднимающихся от утренних очагов. Такое тесное расположение домов объяснялось тем, что все поселение было обнесено высокой каменной стеной с башнями, бойницами и наглухо закрытыми воротами — и все это окружал заполненный водой ров. На улицах города не было видно ни души, и, если бы не струйки дыма, он вполне мог бы сойти за город мертвых.

— Заперто наглухо, — произнес Ян. — Они, наверное, услышали наше приближение.

— Только глухой мог бы не услышать. Тихонько загудел зуммер радиосвязи, и Ян откликнулся на сигнал.

— Один из фланговых разведчиков, доктор. Они взяли пленного.

— Прекрасно. Пусть его доставят сюда. Несколькими минутами позже танк с грохотом подкатил к ним, и пленника, привязанного к эвакуационным носилкам, спустили на землю. Группа ожидающих врачей с нескрываемым интересом смотрела на носилки. Мужчине, лежавшему на них, казалось, больше пятидесяти. У него была седая борода и прямые волосы. Мгновенно лишенный сознания капсулами с усыпляющим газом, он лежал с открытым ртом, громко похрапывая. Немногие видимые зубы торчали почерневшими пеньками. Одежда состояла из тяжелого кожаного пончо, надетого поверх груботканых шерстяных брюк и рубашки. На ногах — длинные, по колено, сапоги из толстой кожи, с деревянными подошвами. Ни одежда, ни обувь не отличались особой чистотой, а в складки кожи беспомощно свисавших с носилок рук въелась грязь.

— Возьмите, что вам нужно для анализов, прежде чем мы разбудим его, распорядился Толедано, и ассистенты кинулись за необходимыми препаратами и инструментами.

Врачи с присущей им сноровкой действовали быстро. Были взяты пробы крови не менее полулитра, соскобы с кожи, волосы, кусочки ногтей, пробы слюны и после порядочной возни с толстой тканью одежды — даже пробы спинномозговой жидкости. Хотелось еще взять пробу и на биопсию, но с ней можно было не торопиться — для начала, которое оказалось весьма успешным, и этого было достаточно. Доктор Букурос даже вскрикнула от радости, обнаружив и выловив на теле нескольких вшей.

— Превосходно, — сказал Толедано, когда ученые поспешили в свои лаборатории. — А сейчас разбудите его, и пусть с ним поработает лингвист. Мы ничего не сможем сделать, пока не начнем общаться с этими людьми.

Пленнику сделали укол, и, пока тот просыпался, возле него встали самые крепкие солдаты. Спустя несколько секунд после инъекции веки его затрепетали, и пленник открыл глаза. Парализованный ужасом, он огляделся.

— Спокойно, спокойно, — произнес специалист по языкам, вытянув руку с микрофоном в его сторону и прилаживая к уху наушник.

К компьютеру в трейлере от микрофона с наушником и от ящичка с контрольными приборами, прикрепленного к талии, тянулись провода. Специалист улыбнулся и присел возле пленника, который к тому времени уже сидел и дико озирался по сторонам в поисках возможного пути бегства.

— Скажи что-нибудь, говори, parla, taller, mluviti, beszelni…

— Джонгойко! — закричал человек, порываясь встать. Один из солдат прижал его к носилкам. — Дьябру, — простонал он, закрыв лицо руками и раскачиваясь взад и вперед.

— Очень хорошо, — произнес специалист. — Предварительные сведения по языку я уже получил. Дело в том, что все языки входят в различные языковые семьи, и каждое слово любого языка и диалекта хранится в банках памяти компьютера. Для определения родственных языков и группы достаточно знать всего несколько слов, а затем, с использованием ключевых слов, направление поиска сужается. Вот одно из таких ключевых слов.

Он сначала потренировался в произношении слова про себя, затем громко проговорил:

— Нор?

— Зер? — отозвался пленник, отнимая от лица руки.

— Нор… зу… итс игин.

После этого процесс языковой идентификации стал продвигаться намного быстрее. Чем больше слов выговаривал пленник, тем больше соответствий находил компьютер. Как только определилась языковая группа, стало возможным,

опираясь на определенный набор корней, свойственный данной группе, двигаться дальше, определяя язык более конкретно. Через полчаса специалист встал и отряхнул колени.

— Общение налажено, сэр. Вы когда-нибудь пользовались таким устройством?

— Марком-четыре, — ответил Толедано.

— Это шестая модель. Она несколько модернизирована по сравнению с предыдущими, но ее рабочие функции остались прежними. Просто, когда нужен будет перевод, нажмите на микрофоне на кнопку включения. Компьютер будет говорить с пленным на его языке и все, что тот скажет, переведет вам.

Толедано надел наушник, а солдаты повесили микрофон на шею пленнику и установили перед ним громкоговоритель.

— Как тебя зовут? — спросил Толедано. Через долю секунды переведенный вопрос прозвучал из громкоговорителя, приведя пленника в смешанное состояние изумления и ужаса. Уставившись на громкоговоритель, он молчал. Толедано повторил вопрос.

— Тзакур, — запинаясь, произнес наконец человек.

— А как называется вон тот город?

Допрос налаживался с трудом. На некоторые вопросы человек не мог или не хотел отвечать — то ли из-за пробела в знаниях, то ли из-за несовершенства перевода. Вероятнее всего, причина заключалась в первом, поскольку компьютер совершенствовал знание языка с каждой произнесенной пленником фразой. Но Толедано тем не менее казался довольным результатом допроса.

— Войсковые части выступят через пятнадцать минут, — сказал он Яну. — Но один взвод пусть останется в тылу для защиты вспомогательных узлов. Передайте, пожалуйста, врачам, что я хотел бы видеть их.

Врачи подходили недружно, по одному, отнюдь не проявляя восторга по поводу того, что их оторвали от исследований. Они утешались лишь тем, что приобретение свежей информации все же лучше, чем их бесконечные протесты.

Толедано подождал, пока все соберутся, и начал:

— От нашего пленника мы получили некоторую информацию. Вон тот город носит название Ури — так же, как и окружающие его земли. Думаю, что Ури является городом-государством, примитивной политической единицей. Существует и другой город — или страна — под названием Гудегин, который, по всей видимости, в настоящее время держит под контролем Ури. Полагаю, что в Ури когда-то вторглась армия Гудегина и город был захвачен. Скоро мы выясним это. Жители Гудегина очень воинственны, и пленник, кажется, ужасно их боится, к тому

же у них имеется разнообразное оружие. Они уже знают, что мы здесь. Из города было послано предупреждение, но посыльного мы перехватили. Сейчас я собираюсь войти в город и поговорить там с руководителями. Я пошлю за вами, когда между нами и местным населением установятся мирные отношения. А пока продолжайте работу. К вечеру прошу подготовить хотя бы предварительные отчеты о проделанной вами работе.

Штабная машина тронулась в путь, за ней последовал небольшой конвой. Извилистая проселочная дорога, изрытая колеями, пролегала через поля и вскоре привела ко рву. Два ряда свай шли от края рва к тяжелым, наглухо закрытым воротам в городской стене.

— Досадно, — поморщился Толедано, глядя в перископ танка. — Они подняли настил моста. Придется поискать другой путь.

Вздымая каскады брызг, что-то с силой ударилось в воду прямо перед ними. Мгновением позже — новый удар, что-то лязгнуло по броне, тряхнуло танк. Через стрелковую прорезь Ян сумел заметить черный предмет, стремительно и тяжело падающий на землю.

— Похоже на большой камень, сэр.

— Да, действительно. Какая-то мощная катапульта. И хорошо пристрелянная. Нам следует принять меры предосторожности. Отступить на пятьдесят метров и рассредоточиться в линию! Вынудите их рассеивать огонь. А затем выясните, что за дно у этого канала.

Там была грязь, вязкая грязь. Как только они отступили, огонь прекратился, а затем сконцентрировался на одном бронетранспортере, который прогромыхал обратно ко рву, перевалил через край и съехал прямо в ров. Он оказался не таким уж глубоким: боевая машина так ни разу и не ушла под воду полностью, но и в противном случае ей ничто бы не угрожало — ведь она была водонепроницаемой. Преодолев треть пути, машина завязла, бесполезно вращая гусеницами и все глубже и глубже погружаясь. Но предусмотрительный Толедано заранее приказал прикрепить прочный трос к задней части машины, и только благодаря этому ее, хоть и довольно бесцеремонно, вытащили назад на твердый грунт. Вверху, на городской стене, были видны маленькие фигурки людей, прыгающие и размахивающие руками.

— Хватит экспериментировать, — сказал Толедано. — Всем машинам — вперед, к кромке воды! Кому-то сейчас придется очень плохо, и я бы предпочел, чтобы это были не мы. Запусти-ка эту схему в компьютер.

— А нельзя ли использовать усыпляющий газ? — спросил Ян. — Люди могли бы переплыть на тот берег в водолазных костюмах, усыпить противника, обезопасив тем самым территорию, и открыть ворота.

— Можно было бы. Но могут быть жертвы. Ведь насыщая территорию достаточным количеством газа, невозможно избежать передозировки и не погубить при этом значительного числа жителей. Они должны сдаться.

Он поднес микрофон ко рту и заговорил. Из громкоговорителя, установленного на корпусе машины, загрохотали переведенные компьютером слова:

— Я обращаюсь к гудегинцам, находящимся в городе Ури. Мы никому не желаем причинять вреда. Мы хотим поговорить с вами. Мы предлагаем вам свою дружбу.

На застывшие в едином строю бронированные машины обрушились новые камни, а в землю рядом с танком вонзилось увесистое двухметровое копье.

— Ответ достаточно ясен. На их месте я и сам, вероятно, поступил бы так же. А теперь посмотрим, сможем ли мы изменить их решение. — Он включил микрофон. — Для вашей же безопасности я прошу вас не сопротивляться. Если понадобится, мы разрушим город. Я прошу вас покинуть орудийную башню над воротами. Высокую башню над входом в город. Оставьте ее сию же минуту. Чтобы показать вам силу нашего оружия, мы сейчас разрушим ее.

Толедано подождал несколько минут, затем отдал приказ тяжелому танку:

— Один снаряд, самый мощный. Хочу, чтобы ее снесло первым же выстрелом. Огонь!

Зрелище было ужасным. Башня и огромная часть стены исчезли, снесенные сокрушительным ударом. Беспорядочно кувыркаясь, в воздух взлетели куски каменной кладки и… тела — и рухнули в ров.

Ян сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Боже праведный, сэр! Там были люди. Живые люди. Вы убили их…

Доктор Толедано повернулся и посмотрел на него с холодным бешенством. Ян поперхнулся и замолчал. Толедано снова включил компьютерный переводчик.

— Теперь вы откроете ворота и позволите нам войти. В знак вашего согласия помашите белым флагом. Если вы этого не сделаете, ворота будут разрушены так же, как и башня.

Ответом был массированный огонь по штабной машине. По корпусу забарабанили громадные камни, оглушая сидящих

внутри; тяжелый бронеавтомобиль закачался на рессорах. Массивные копья с металлическими наконечниками лязгнули по броне — и вокруг машины неожиданно вырос целый частокол из стройных древков.

— Канонир, примените легкое орудие. Я совсем не хочу, чтобы все здесь превратилось в обломки. Разрушьте только ворота.

Орудие открыло огонь, посылая в цель снаряд за снарядом. Обитые железом доски, пережеванные и искрошенные снарядами, превратились в труху.

— Там что-то происходит, сэр…

— Прекратить огонь!

— Смотрите — там, на стене! Они так мельтешат, что кажется, будто дерутся друг с другом.

Он оказался прав. Сначала одно безжизненное тело, а затем и другое скатилось со стены и с плеском упало в ров. А еще через несколько мгновений с верхнего парапета во всю длину развернулось и повисло вдоль стены огромное серое полотнище — его великодушно можно было счесть за бывшее когда-то белым.

— Сражение окончено, — произнес Толедано, не испытывая при этом удовлетворения. — Они восстановят настил моста, так что мы сможем въехать в город. С прикрытием, конечно. Я не хочу еще смертей.

Его звали Джостен, а что касается его титула, то компьютер перевел его как «старейшина деревни», или «член совета». Он был в годах и к тому же толстым, однако меч, который он держал в руках, был красным от крови. Он стоял посреди усыпанной обломками камней площади и, потрясая мечом, указывал на здание напротив.

— Разрушьте его! — кричал он. — Вашими взрывами. Превратите его в развалины! Гудегинцы должны умереть, а с ними и этот злодей из злодеев Азпи-оял. Вы — наши спасители. Уничтожьте их!

— Нет, — отрезал Толедано. Его спокойный твердый ответ был понятен без перевода. Он стоял лицом к Джостену и казался таким маленьким по сравнению с ним: доктор приходился лишь по грудь высокорослому урианцу. Зато распоряжение его прозвучало непреклонно, как не подлежащее обсуждению:

— Вы сейчас же присоединитесь к остальным на другой стороне площади. Не медлите!

— Но мы сражались с ними ради вас. Помогли вам захватить город. Благодаря нашей внезапной атаке на агрессоров мы убили многих из них. Те, которым удалось спастись, спрятались там.

Убейте…

— С убийствами покончено. Пришло время мира. Идите.

Джостен воздел руки к небу, взывая к справедливости, в которой ему отказали здесь. А затем, увидев урчащие от нетерпения танки, изменился в лице и замолчал; пальцы его разжались, и меч, выпав из рук, зазвенел о каменные плиты. Он круто развернулся и зашагал к толпе, безмолвно наблюдавшей за этой сценой на другой стороне площади. Толедано включил на всю мощность усилитель и повернулся к забаррикадированному зданию.

— Не бойтесь меня. А также жителей города. Вы знаете, что я могу уничтожить вас прямо в здании. Но я предлагаю вам выйти и сдаться. Обещаю, что вам не причинят вреда. Выходите.

И как бы для придания его словам большей выразительности огромный танк проскрежетал полкруга на заклиненной гусенице и направил на здание зияющее жерло орудия. Наступила тишина, даже жители Ури затихли в ожидании. И тогда раздался пронзительный визг открываемой парадной двери. Из здания вышел высокий человек с надменным выражением лица. Он был один. На груди у него сиял металлический нагрудник, голову украшал шлем, а сбоку свободно свисал меч.

— Азпи-оял! — вскрикнула неизвестная женщина, и толпа всколыхнулась.

Кто-то выбрался из толчеи вперед и нацелил на человека туго натянутый арбалет, но солдаты были наготове. Газовые гранаты разорвались у самых ног лучника и накрыли его плотным облаком газа. Слетевшая с арбалета стрела просвистела в воздухе и звонко ударилась о камни; отскочив, она скользнула почти к ногам Азпи-ояла. Тот проигнорировал стрелу и спокойно пошел по площади. Толпа отшатнулась. Мускулистый, смуглый, с большой черной бородой, он приблизился к Толедано. Из-под шлема холодно блестели глаза.

— Отдайте ваш меч, — приказал Толедано.

— С какой стати? Что ты намереваешься сделать со мной и с моими людьми? Мы можем умереть с честью, как и подобает гудегинцам.

— В этом нет необходимости. Вам никто не причинит вреда. Все, кто пожелает уйти, могут сделать это без помех. Мы принесли сюда мир и будем его соблюдать.

— Это мой город. Когда вы напали, эти грязные животные восстали и отобрали его у меня. Ты мне его вернешь?

Толедано бесстрастно улыбнулся, восхищаясь про себя крепкими нервами мужчины.

— Нет, не верну. Вашим он никогда не был. А сейчас он

возвращен тем, кто живет в нем.

— Откуда ты явился, коротышка, и что тебе здесь надо? Ты оспариваешь права гудегинцев на три континента? Если так, то тебе не будет покоя до тех пор, пока ты не уничтожишь нас всех. Этот город — одно дело, а наша земля — совсем другое.

— Мне ничего вашего не надо. Ни ваших земель, ни ваших богатств. Ничего. Мы пришли сюда, чтобы лечить больных. Мы пришли сюда, чтобы показать, как наладить связь с другими местами, иными мирами. Мы пришли сюда, чтобы изменить положение дел в лучшую сторону. И ничего из того, что вы цените, мы никоим образом менять не собираемся.

Азпи-оял задумался, держа меч на весу. Он был совсем не глуп, этот гудегинец.

— Мы ценим силу своего оружия и нашего народа. Мы намереваемся и дальше править на трех континентах. Ты желаешь лишить нас наших завоеваний?

— Ваших прежних завоеваний — нет. Но в будущем у вас их больше не будет. Мы ведь лечим болезни, а вашу склонность к убийствам можно считать своего рода заболеванием. Вы должны покончить с войнами. Очень скоро вы убедитесь в том, что можете обходиться без кровопролития. Сделайте первый шаг по этому пути отдайте мне свой меч. — И Толедано протянул к стоящему напротив него мужчине крошечную, почти детскую ладонь.

Схватившись за эфес, Азпи-оял в гневе отступил назад. И тут же резко заскрежетала башня танка, поворачиваясь следом за ним. Он с ненавистью посмотрел на опустившиеся жерла орудий — и расхохотался. Подбросив меч в воздух, он поймал его за острие и протянул Толедано.

— Не знаю, верить тебе или нет, маленький завоеватель, но думаю, что предпочел бы пожить подольше, чтобы увидеть, что ты собираешься сделать с тремя континентами. А умереть всегда успеется.

Худшее осталось позади. По крайней мере, в политическом смысле. Теперь в их распоряжении будет период относительного мира, в течение которого они смогут спокойно заняться необходимыми анализами и исследованиями. Тысяча лет изоляции — все-таки не шутка!

— Пора начинать, — с неожиданным раздражением произнес Толедано и махнул рукой, подзывая к себе связиста. — Мы и так уже потратили достаточно времени. Пусть подходят другие подразделения. Мы развернем базу прямо на этой площади.

* * *

— Очередь длиннее, чем когда-либо, — заметил Ян, выглянув из окна. Наберется, наверное, с сотню, а то и больше. Похоже, до них наконец дошло, что мы не делаем ничего дурного здешнему населению, а наоборот, излечиваем людей от их многочисленных болячек…

Они заняли большой склад возле главных ворот и развернули здесь станцию медицинской помощи. Поначалу нехватка добровольцев, желающих подвергнуть себя действию блестящих, необычных инструментов, была довольно ощутимой; но затем число пациентов — на этот раз вынужденных — стало быстро пополняться за счет раненных во время боя. В большинстве случаев они считались уже покойниками. Здешние врачеватели отличались весьма примитивными познаниями в области медицины, ограничиваясь лишь вправлением костей, наложением швов на раны и ампутацией. Понятие об антисептике сохранилось у них издавна, со времени основания колонии. В качестве антисептика использовали спирт, а бинты и инструменты кипятили. Но заражение крови лечили только ампутацией — другого метода лечения просто не знали, так что смерть была естественным исходом любого тяжелого ранения.

Прибывшие врачи, специалисты своего дела, изменили этот порядок. Никто из пациентов не умер. Они успешно лечили раны в области брюшной полости, раздробленные кости конечностей и пробитые головы, избавляли от гангрены и других не менее опасных инфекций, а однажды даже пришили отрубленную руку. Последнее показалось непривычным к этому людям чудом, и вскоре жители города с почти религиозным рвением стали собираться толпами в надежде получить исцеление.

— Какая напрасная трата энергии, — ворчал доктор Пидик, делая инъекцию фунгицида очередному пациенту — перепуганной девочке. — На первом месте была война, и весь талант и энергию тратили на нее, а медицине доставались в лучшем случае крохи. В результате — неизбежное отставание на века. У них есть инженеры, механики, строители. Вы видите эти паровые баллисты? Котел для нагнетания пара и мили труб, а еще — действующие с помощью поршней штуки, которые швыряют камни прямо из труб отбора пара. Уж лучше бы они потратили хотя бы мизерное количество своей энергии на благо искусства врачевания!

Высокий светловолосый эпидемиолог низко наклонил голову, осторожно обрезая омертвевшую ткань и промывая раны на чудовищно распухшей ноге девочки. Потемневшая и бугристая, местами разлагающаяся нога раза в два превышала нормальные размеры. Благодаря местной анестезии девочка не чувствовала

боли, однако с ужасом взирала на то, что доктор делал с ее ногой.

— Никогда не видел ничего подобного, — признался Ян. — Не думаю, что в наших учебниках есть даже ссылки на такие случаи.

— Это одно из известных заболеваний, но только очень запущенное; более старые учебники еще упоминают о нем. Да вы и сами увидите немало подобного в тихих омутах Галактики. Это мадуромикоз. Вначале болезнь ничем не проявляет себя — обычное проникающее ранение. Но такое ранение дает возможность спорам грибков внедриться глубоко под кожу, и если болезнь не лечить, да еще в течение нескольких лет, то результат — перед вашими глазами.

— А вот это я встречал, — сказал Ян, беря за руку человека с пустым взглядом, которого подвели к нему. Продолжая держать его за руку, он описал ею полный круг и отпустил. Рука продолжала вращаться автоматически — вниз-вверх как заведенная машина. — Эхо-праксия, бессмысленное повторение однажды начатых движений, — Да, полагаю, вы это видели, — фыркнул Пидик, подняв голову. — Но только в палатах для душевнобольных. А ваш случай, держу пари, результат физического воздействия, черепно-мозговой травмы, оставшейся без лечения, или чего-нибудь в этом роде.

— Никаких пари, — ответил Ян, слегка касаясь глубокой вмятины на черепе человека. Ткань вокруг вмятины была обезображена рубцами, а рядом виднелась застарелая рана.

У них было всего понемногу: инфекции, раны, острые и хронические заболевания, злокачественные опухоли. Практически все болезни. За окном начинало смеркаться, когда Пидик объявил наконец перерыв.

— Достаточно. Работаем почти двенадцать часов. Они могут прийти и завтра. У планеты слишком длительный период вращения, и к этому надо еще привыкнуть.

Ян передал приказ через компьютер, и охрана, не обращая внимания на робкие протесты пациентов, стала выпроваживать их на улицу. Те покорно покинули помещение и, кроме тяжелобольных, сгрудились возле стены, не теряя своего места в очереди, чтобы на следующий день сразу обратиться за помощью. Ян подошел к раковине, где уже умывался Пидик.

— Не знаю, как и, благодарить вас, доктор Пидик. С вашей помощью мы осмотрели, наверное, в десять раз больше пациентов, чем если бы я работал один. Здесь так много всего, о чем я ничего не знаю. Думаю, для врачей СЭК следовало бы создать специальную медицинскую школу.

— Такая школа существует. Прямо здесь, в полевых условиях.

Вы уже многому в ней научились. После небольшой практики вы сможете лечить здесь все, что угодно. И доктор Толедано увидит, чего вы добьетесь.

— Прием больных не отвлекает вас от вашей работы?

— Это и есть моя работа. Если нет эпидемий, эпидемиолог не нужен. Я просмотрел все взятые нами пробы и определил все виды микроорганизмов, присутствующих в кровотоке этих людей. Пока ничего необычного, ничего чужеродного. Просто стандартный набор бацилл и вирусов, обитающих в человеке испокон веков. Но здесь, в полевых условиях, я могу увидеть то, что мы пропустили в лаборатории.

Ян стряхнул воду с рук и взял полотенце.

— Мы здесь почти месяц, — заметил он. — Если бы тут были какие-нибудь необычные инфекции, разве мы не обнаружили бы их за столько времени?

— Не обязательно. Мы заглянули только в один уголок огромного мира. Как только мы основательно здесь все изучим, то сможем перейти к более общему исследованию остальной планеты. А когда она будет очищена для контактов, сюда придут политики и торговцы.

— Вы верите Азпи-оялу, что сюда идет вся армия Гудегина?

— Вполне. По всей видимости, его народ покорил почти все население этой планеты, и они не смирятся с тем, что мы отняли у них один из городов. Но доктор Толедано сумеет справиться с ними…

— На одной из улиц начинают шуметь, что-то вроде бунта, — прервал его сержант, просунув в дверь голову. — Похоже, из-за какой-то болезни. Вы не могли бы нам помочь разобраться?

— Иду, — откликнулся Ян, вешая на плечо передатчик.

— Я тоже, — заявил Пидик. — Что-то мне не нравится весь этот шум.

Снаружи их ждал взвод вооруженных солдат, и, не теряя ни секунды, оба врача с солдатами тронулись в путь. Сержант шел впереди. Не успели они пройти и несколько шагов, как услышали отдаленный гул голосов. Они прошли еще дальше — и в общем шуме стали выделяться отдельные пронзительные возгласы и выкрики, а затем послышался глухой звук взрывавшихся газовых гранат. Остаток пути они почти бежали. Толпу, впавшую в крайне возбужденное состояние, сдерживали только ружья солдат и нацеленные орудия танка. Груда неподвижных тел убедительно свидетельствовала о том, что даже этого было недостаточно. Когда врачи с сопровождавшим их взводом пробились к линии защиты перед зданием, доктор Пидик поманил рукой сержанта.

— Компьютер не может разобраться во всем этом шуме.

Схватите кого-нибудь, кто больше всех кричит, и приведите его сюда.

Последовала небольшая потасовка, и сержант снова появился, чуть ли не волоком притащив дородного гражданина Ури, не совсем пришедшего в себя после увесистых аргументов сержанта. Это был высокий мужчина с широкой грудью и растрепанной бородой, которой он, видно, очень гордился; на одном глазу красовалась повязка, другой — налившийся кровью — злобно глядел исподлобья.

— Что случилось? Почему вы собрались здесь? — спросил его Пидик через переговорное устройство компьютерного переводчика.

— Чума! В том доме чума. Сожгите дом и убейте всех, кто в нем есть. Вы же всегда так расправляетесь с чумой. Смерть врачует все!

— Это крайняя мера, — спокойно ответил Пидик. — Сначала мы посмотрим, что там за больные, а уж потом предоставьте нам самим решать, что делать. Может, нам вообще не придется прибегать к таким крутым мерам. Идемте, — сказал он Яну и направился вверх по ступенькам к дому.

Толпа ахнула, увидев, куда они идут, и заревела в неистовстве. Не обращая внимания на охрану, люди рванулись вперед, расталкивая друг друга.

— Примените газ, если нужно, — приказал Пидик. — Но остановите их во что бы то ни стало.

В воздухе начали вспухать облака газа, и врачи с конвоем смогли беспрепятственно подняться по ступенькам. Пидик несколько раз ударил в дверь и через компьютерный переводчик попросил открыть. Дом безмолвствовал.

— Откройте дверь, — приказал Пидик ближайшему солдату.

Тот внимательно оглядел дверь и заметил с одной стороны, ближе к косяку, головки болтов для дверных петель. Он прикрепил здесь небольшие взрывные устройства и, включив таймер, отступил от двери.

— Десять секунд, сэр. Заряды создают направленный взрыв, пробивая небольшие отверстия, но возможна и слабая взрывная волна.

Раздался резкий треск двойного взрыва, и они прижались к стене. Толпа взвыла. Оба врача, осторожно ступая по рухнувшей двери, вошли в дом и, услышав, как кто-то побежал по темному коридору, поспешили на звук. Дойдя до конца коридора, они обнаружили сумрачную комнату, едва освещенную последними лучами солнца, пробивающимися через ставни высокого окна. В комнате на кровати лежал мужчина, а в углу молчаливо жалась

кучка женщин и детей.

— Капрал, — обратился Пидик к солдату, вошедшему с ними в комнату. Выведите этих людей отсюда и проследите, чтобы никто не входил в здание. Если понадобится, попросите подкрепления у доктора Толедано.

— Мы справимся, сэр, не беспокойтесь.

— Очень хорошо. Прежде чем пойти, оставьте мне свой фонарик.

Вспыхнул яркий луч света, и человек на кровати застонал, отворачиваясь и прикрывая рукой глаза. Внутренняя сторона предплечья, опухшая и красная, была покрыта сыпью. Доктор Пидик взял его за руку и нахмурился, почувствовав, как от нее пышет лихорадочным жаром. Он мягко отвел его руку от лица. Оно тоже опухло и покраснело, глаза были закрыты, и врачи сначала не узнали лежащего перед ними человека.

— Это Джостен, — сказал Ян. — Глава совета.

— Изури… — пробормотал Джостен, мотая головой по подушке из стороны в сторону.

— Чума, — произнес Пидик. — Вполне понятное слово. Срочно вызовите «Скорую помощь» и передайте, что мне нужно одно место в изоляторе. Да, и расскажите доктору Толедано о том, что происходит в городе, чтобы он успел поднять по тревоге все войсковые соединения.

Джостен позвал их, и Пидик поднес к нему поближе микрофон компьютерного переводчика.

— Оставьте меня… сожгите здание… я умираю. Это чума.

— Мы позаботимся о вас…

— Только смерть может вылечить от чумы! — выкрикнул Джостен, приподнявшись в постели, затем рухнул обратно и тяжело застонал.

— Они все, кажется, убеждены в этом, — заметил Ян.

— А я — нет. Болезнь есть болезнь, а если есть болезнь, то есть и лекарство от нее. Вот и санитары…

Город был охвачен паникой. Машине «Скорой помощи» пришлось передвигаться по улицам очень медленно, чтобы в темноте не наткнуться на лежавших повсюду людей, одурманенных газом. Солдаты пускали в ход усыпляющий газ все чаще и чаще, применяя его в огромных количествах. Лагерная стоянка на площади охранялась по всему периметру; один из постов круговой обороны открыл проход, чтобы пропустить машину.

— Что с ним? — спросил Толедано, когда носилки внесли в госпиталь.

— Пока не знаю, доктор. Как только установлю диагноз,

сразу доложу вам.

— Полагаю, вы не заставите долго ждать. У нас уже семь подобных случаев.

Пидик молча отвернулся к носилкам.

— Идемте со мной, — обратился Толедано к Яну. Быстрым шагом он направился к своей штаб-квартире, разместившейся в сборном домике. Ян поспешил следом. К домику они подошли одновременно с бронетранспортером, остановившимся рядом. Из него выскочил офицер.

— Плохие новости, сэр. Один из постов на стене подвергся нападению, двое нападавших погибли. Была поднята тревога, и мы добрались до того поста, но… — Он замялся. — Мы думаем, что они переправили кого-то через стену. Вот человек, который был у них за старшего.

Из бронетранспортера вытащили и, не слишком церемонясь, бросили к их ногам обмякшее тело. Толедано взглянул на безмятежное лицо спящего и проворчал:

— Азпи-оял. Я мог бы догадаться об этом. Давайте его в мой кабинет. Ян, разбудите его.

В ярко освещенной комнате в глаза бросилось заметное покраснение кожи Азпи-ояла, а когда Ян делал ему укол, то почувствовал под рукой сильный жар.

— Боюсь, что у него то же самое, — произнес он. Азпи-оял моргнул, приходя в сознание, выпрямился и улыбнулся. Но в улыбке не было ни тени тепла.

— Мой курьер ушел, — сказал он в микрофон. — И ты уже не сможешь задержать его.

— А я и не собираюсь его задерживать. Не вижу причины, почему вам нельзя общаться со своим народом. Ваша армия, очевидно, не более чем в одном дне пути отсюда.

Азпи-оял слегка вздрогнул при упоминании об армии Гудегина.

— Раз ты знаешь о гудегинцах силой в пятьдесят тысяч воинов, то ты должен знать, что пропал. С курьером я послал донесение о событиях в городе и сообщил о необходимости выслать сюда войска и разрушить этот город, а заодно уничтожить всех, кто проживает в нем. А теперь скажи, позволил бы ты переслать это донесение?

— Конечно, позволил бы, — спокойно ответил Толедано. — У вас все равно ничего не получится. Город останется там, где и прежде, а население будет жить, как и жило.

— Больные чумой — такие, как я, — будут убиты. А вас как носителей чумы просто уничтожат.

— Никоим образом. — Толедано сел и зевнул, прикрыв рот

рукой. — Мы не приносили чуму. Но мы покончим с ней и вылечим всех заболевших. А сейчас вас отведут туда, где вы сможете отдохнуть.

Он позвал охрану и выключил микрофон. Толедано продолжал говорить спокойно, но в голосе его чувствовалась настойчивость, подчеркивающая значение слов, которые он произносил.

— Отведите этого человека в госпиталь и проследите, чтобы он получал необходимое лечение, но под неусыпным наблюдением. Возьмите для этого столько людей, сколько будет нужно. Его ни на минуту нельзя оставлять без присмотра, иначе он сбежит. Вы поняли?

— Да, сэр.

— Могу я спросить, что происходит? — спросил Ян, когда солдаты вышли.

— Несколько часов назад разведчики донесли об армии Гудегина. Им, видно, не понравилось, что мы отняли один из захваченных ими городов. Я надеялся использовать Азпи-ояла для заключения мира. И если мы найдем способ излечения от этой чумы, можно считать, что еще не все потеряно.

— А что это за чепуха насчет того, что мы занесли чуму?

— Это не чепуха. Наоборот, все очень похоже на правду, хотя я и не понимаю, как такое могло произойти. Если учитывать среднюю продолжительность инкубационного периода, то получается, что заболели именно те люди, которые первыми вступили с нами в контакт. И от этого факта никуда не деться.

Ян был потрясен.

— Но этого не может быть, сэр. В нас присутствуют только микроорганизмы кишечной флоры. А они безвредны. Оборудование наше стерильно. Нет, просто невозможно, чтобы мы вдруг оказались источником инфекции.

— Тем не менее это так. И сейчас мы должны найти… В комнату стремительно вошел доктор Пидик и бросил на стол диапозитив.

— Вот виновник всего, — объявил он. — Коккоба-циллярный микроорганизм. Поглощает анилиновый краситель, грамотрицателен.

— Похоже, вы описываете риккетсию? — задал вопрос Толедано.

— Да. Их кровь кишит этими тварями.

— Тиф? — спросил Ян.

— Вероятнее всего. Возможно, мутировавший штамм. Я думаю, что местные жители к нему невосприимчивы. Некоторое количество подобных микроорганизмов мы обнаружили во

многих взятых нами анализах крови. Однако люди были здоровы. А сейчас они больны.

Толедано задумчиво вышагивал по комнате взад и вперед.

— Но это абсурд, — произнес он наконец. — Тиф и все болезни данной группы передаются через насекомых, клещей, платяных вшей. У меня есть основания жаловаться на работу СЭК, но мы никоим образом не можем быть источником инфекции. И тем не менее какая-то связь есть. Возможно, мы подхватили что-нибудь по дороге в город. Правда, среди личного состава заболевших нет. Мы еще выясним это. Прежде всего необходимо найти метод лечения — вот задача первостепенной важности. Вначале вылечите их, а уж источник инфекции мы найдем позже.

— У меня возникла идея по поводу… — начал было Ян. Приглушенные расстоянием звуки страшного треска, сопровождаемого грохотом, внезапно прервали его; вслед за этим послышались вопли и крики. Тут же вбежал дежурный лейтенант.

— Нас обстреливают, сэр. Паровые баллисты, причем гораздо более внушительных размеров, чем в городе. Они, наверное, подтянули их с наступлением темноты.

— Можем ли мы справиться с ними, никому не причиняя вреда?

— Никак нет, сэр. Они вне пределов досягаемости газового оружия. Мы могли бы…

Ему не суждено было закончить. Ужасный грохот ударил по барабанным перепонкам, оглушая всех, кто находился в комнате; свет разом погас. Пол выгнулся, и Ян почувствовал, что падает. Когда он с трудом поднялся на ноги, то первым, что ему бросилось в глаза, оказался луч от фонарика лейтенанта узкая желтая дорожка в темноте, в которой мельтешила пыль. Пройдясь по распростертым на полу неподвижным фигурам, луч уперся в грубую каменную глыбу, обрушившуюся на них.

— Доктор Толедано! — закричал кто-то, и лучик заколебался, словно рука, державшая фонарик, затряслась.

— Бесполезно, никакой надежды, — сказал Пидик, склоняясь над маленькой скорчившейся фигуркой. — Ему снесло полголовы. Мгновенная смерть. — Он встал и вздохнул. — Я должен вернуться в лабораторию. Думаю, это означает одно: вы должны взять на себя руководство, доктор Дакоста.

Он был почти у двери, когда вконец растерявшийся Ян смог собраться с мыслями и окликнуть его:

— Погодите, что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал. Вы были его ассистентом. Кроме того, вы постоянный сотрудник СЭК. А у нас и без того хватает работы.

— Но он не собирался…

— Он не собирался умирать. Он был моим другом. Выполняйте работу, которую он вам поручил. — С этими словами Пидик вышел.

За короткий промежуток времени произошло слишком много событий, которые просто не помещались в сознании. Но Ян, собравшись, все же заставил себя действовать. Субординацию можно будет выяснить позже. А сейчас сложилось крайне критическое положение.

— Доставьте тело доктора Толедано в госпиталь, — приказал он лейтенанту и подождал, пока тот выполнит его распоряжение. — Насколько я помню, последнее, о чем вы говорили, — что нападающие вне пределов досягаемости газа и еще что-то о тех штуках, из которых они нас обстреливают.

— Да, сэр. Они за грядой холмов.

— Можем ли мы точно определить их местонахождение?

— Можем. В нашем распоряжении — мини-вертолеты с автокорректировщиками артиллерийского огня, снабженные инфракрасными прожекторами и передающими телекамерами.

— Пошлите туда один. Определите дислокацию противника, расстояние до них и поищите паровой котел. Если их оружие похоже на то, что на стенах, — а оно непременно будет таким же, только размером побольше, — значит, должен быть и паровой котел с трубами, идущими к баллистам. Установите его точное местонахождение одним из орудий… как вы называете это?

— Пристрелять?

— Точно. После пристрелки взорвите паровой котел. У них тогда не будет возможности продолжать обстрел. При этом, конечно. Погибнут люди, но здесь погибло еще больше. Включая доктора Толедано.

Офицер отдал честь и вышел. Только сейчас Ян почувствовал безмерную усталость и направился в ванную, чтобы сполоснуть лицо холодной водой. В комнате позади него ярко вспыхнуло аварийное освещение, и в зеркале над раковиной он увидел свои глаза. Заглянув в них, он ужаснулся. Неужели он действительно отдал приказ убивать? Да. Ему пришлось пойти на это. Для общего блага. Он отвел глаза от отражения в зеркале и окунул лицо в воду.

* * *

До рассвета оставалось всего несколько часов. Изможденный вид и покрасневшие глаза у большинства присутствующих

свидетельствовали о том, что силы их на исходе. К тому времени потолок в кабинете уже залатали, внесли новый письменный стол и устранили все признаки понесенного урона. Ян сидел за столом в бывшем кресле доктора Толедано и жестом предлагал входившим садиться.

— Кажется, теперь все собрались, — сказал он. — Доктор Пидик, прежде всего доложите, пожалуйста, как у нас обстоят дела по медицинской части.

— Все, что могу сказать: мы держим ситуацию под контролем. — Эпидемиолог потер небритый подбородок. — Пока мы не потеряли ни одного больного; похоже, что поддерживающее лечение эффективно даже в самых тяжелых случаях. Но мы не в состоянии остановить распространение болезни. Это выше наших сил. Если так пойдет и дальше, то вскоре в городе не останется ни одного здорового человека, а нам придется запрашивать помощь, ибо персонала не хватит. За всю свою жизнь я не видел ничего подобного.

— Какова обстановка с военной точки зрения, лейтенант?

Предельно уставший человек поднял руки и вместо ответа хотел просто пожать плечами, но в последний момент сдержался. Он с усилием выпрямился.

— Население сейчас доставляет нам меньше хлопот. Мы отозвали своих людей с улиц, и теперь они либо на стенах, либо охраняют лагерь. Многие из местных больны, а это значит, что часть жителей не участвует в противостоянии. Остальные, похоже, пребывают в растерянности. Внешний противник все это время перемещался на позиции, с которых удобно переходить в атаку. Полагаю, что в любое время следует ожидать мощного приступа. Вероятнее всего, на рассвете.

— Почему вы так думаете?

— Судя по снаряжению, которое они подтащили к стенам: дополнительные баллисты всевозможных размеров, паровые тараны, средства для наведения мостов, штурмовые вышки — они готовы нанести массированный удар, для этого у них достаточно и людей, и снаряжения.

— Вы сможете сдержать их атаку?

— Ненадолго, сэр. Мы могли бы сопротивляться им с большим успехом, если бы нам помогали жители города; но сейчас они более чем бесполезны. Нам ведь придется обороняться и против них. У нас просто не хватит личного состава, чтобы расставить людей по стенам. Если вы позволите, я выскажу свои соображения. Здесь возможны два решения. Первое: мы вызываем дополнительные войска. Техники установили нуль-передатчик, и можно доставить сюда и собрать еще один, побольше. Второе: мы

оставляем город. Оборона его будет стоить нам да и противнику — жизней; к тому же погибнет боевая техника, аппаратура. Гудегинцы — отчаянные воины и не остановятся, пока не победят.

— В случае нашего отступления — что произойдет с жителями города?

Лейтенант смутился.

— Трудно сказать. По всей видимости, учитывая, что они больны…

— Их всех убьют. Не думаю, что это решение — самое удачное, лейтенант. В то же время мы не можем взять их на базу, так как там не хватит места для больных жителей целого города. А других карантинных станций, где могли бы обеспечить лечением такое количество больных, больше нет. Похоже, ситуация начинает вырисовываться в довольно мрачном свете.

Молчание собравшихся в кабинете людей, их удрученные лица выражали согласие с мнением доктора Дакосты. Ситуация казалась безвыходной. Ведь какое бы решение они ни приняли, люди все равно погибнут. Их смерть оставит черный след в летописях СЭК. Возможно, создадут еще один тренировочный фильм, повествующий об их ошибках и предупреждающий, чтобы другие не повторяли их.

— Но мы еще не проиграли, — сказал Ян, видя, что никто больше не решается взять слово. — Есть у меня один план, и — кто знает — может, он изменит ситуацию. Продолжайте заниматься своими делами, а к рассвету я дам вам знать обо всем. Лейтенант, будьте добры, останьтесь; я бы хотел поговорить с вами.

Остальные молча вышли из комнаты. Ян подождал, пока закроется дверь за последним из них, и только тогда заговорил:

— Мне нужен доброволец, лейтенант, хороший солдат, профессиональный боец. Я собираюсь выйти за пределы города, и мне понадобится квалифицированный помощник.

— Но вам нельзя, сэр! Вы — руководитель.

— Поскольку я руководитель, никто не может воспрепятствовать мне — не так ли? Для задуманного мною дела нужен молодой медицинский работник, которого вполне можно подменить, и я как раз соответствую этим требованиям. Бригады медиков сейчас во мне не нуждаются, а расставить людей для обороны вы сможете и без меня. Если же со мной что-либо случится, сообщите в штаб, и уже через несколько минут вам пришлют намного более квалифицированного специалиста СЭК, чем я. Как видите, нет никакой причины, по которой я не смог бы идти, — не правда ли?

Лейтенант неохотно согласился, хотя ему не по душе была

эта затея, и вышел, чтобы подыскать добровольца. Ян начал укладывать ранец. Он еще не кончил, когда раздался стук в дверь.

— Мне приказали явиться к вам, сэр, — доложил солдат, отдавая честь.

Ян уже встречал его — крупного мужчину с шеей, напоминавшей ствол дерева, но умевшего передвигаться с кошачьей легкостью. При себе он имел боевое оружие и выглядел довольно воинственно.

— Как тебя зовут?

— Рядовой Плендир, из охраны СЭК, сэр.

— Если не ошибаюсь, всего несколько дней назад на тебе были сержантские нашивки?

— Да, сэр, и не в первый раз. Разжалование за проступок в боевых условиях. Пьянка и драка. Но не с нашими людьми, сэр. С местными. Они все разом набросились на меня, а было их около пятнадцати. Большинство из них все еще в госпитале, сэр.

— Надеюсь, ты такой бравый не только на словах, Плендир. Готов ли ты отправиться со мной за город?

— Да, сэр, — решительно ответил тот, и ничто не дрогнуло в его лице.

— Хорошо. Мы, конечно, не собираемся кончать жизнь самоубийством, как это может показаться. Мы выберемся из города не через стену, а посредством нуль-передатчика, которым мы воспользовались, чтобы попасть на эту планету. Он перенесет нас на несколько миль в тыл противника. Я хочу взять одного из них в плен. Как ты думаешь, это реально?

— Звучит замечательно, сэр, — произнес Плендир, почти улыбаясь при мысли, что им удастся пленить вражеского солдата.

Ян надел ранец, и оба отправились в техническую часть. Внутри временное сооружение заливали потоки яркого света, где-то в глубине подвывал генератор, снабжая электрическим током оборудование и подзаряжая аккумуляторы всего подвижного состава. Они переступили через кабели и, осторожно обогнув аппаратуру, приблизились к знакомому пластинообразному экрану передатчика материи, предназначенного для переноса людей.

— Все проверено? — спросил Ян проходившего мимо техника.

— До последнего десятичного знака и заблокирован на частоте, сэр.

Ян записал код нуль-передатчика на внутренней стороне запястья, и Плендир машинально сделал то же самое. Запомнив номер вызова данного нуль-передатчика, они смогут действовать, не опасаясь, что не сумеют вернуться тем же путем.

— Могу ли я кое-что предложить, сэр? — спросил Плендир, пока Ян набирал на клавиатуре код другого нуль-передатчика, находящегося за пределами города.

— В чем дело?

— Мы сейчас вступаем, так сказать, в сферу моей деятельности. Мы не имеем ни малейшего представления о том, кто или что ожидает нас по ту сторону экрана. Я пройду первым и перекачусь налево. Вы как можно быстрее следуйте за мной и сразу ныряйте направо. После этого затаитесь. Осмотритесь кругом, не вставая с земли.

— Как скажешь, Плендир. Но мы ведь очутимся довольно далеко от расположения войск противника, так что, думаю, нам не о чем беспокоиться.

Солдат удивленно приподнял брови, но промолчал. Как только вспыхнула лампочка, сигнализирующая о начале рабочего режима, он махнул Яну рукой — и нырнул головой в экран. Ян прыгнул сразу за ним, приготовившись упасть на землю.

Его встретили холодный воздух и черная звездная ночь, а еще — внезапный оглушительный взрыв и тяжелое падение какого-то предмета рядом с ним. Ян стукнулся о землю сильнее, чем предполагал, и от удара резко выдохнул из легких воздух. Отдышавшись и приподняв голову, чтобы оглядеться, он обнаружил, что короткий бой уже закончился. Рядом с ним лежал человек, не подававший признаков жизни; очевидно, это он рухнул на землю, когда Ян сам не очень удачно приземлялся. Плендир сидел на корточках рядом с человеком, который катался по земле и тихо стонал; от трех других неподвижных фигур медленно отплывало облачко газа, едва различимое на фоне ярких звезд. В кустах неподалеку раздавался треск, который постепенно затихал и наконец замер где-то вдали.

— Все чисто, сэр. Они здесь стояли на карауле, но я — наверное, подсознательно — ожидал встретить их, а они меня — нет. То есть не сейчас, если вы понимаете, о чем я. Тот, что рядом с вами, вероятно, мертв; тут уж ничего нельзя было поделать — или он, или я. А вот у этого сломана рука; другие — усыплены газом. Кто-нибудь из них подойдет?

— Пожалуй, самым подходящим будет раненый. Дай-ка я взгляну на него. — Ян встал и скинул с плеч ранец. — Несколько человек сбежали, не так ли?

— Да, сэр. Думаю, они приведут сюда своих приятелей. Сколько времени вам понадобится?

— Пятнадцати минут должно хватить. Думаешь, мы сумеем столько продержаться?

— Может быть. Я постараюсь задержать их, насколько

возможно. Вам помочь, пока я не ушел?

— Да, немного.

От резкого света пленник вздрогнул и отвернулся. В одежде из грубой ткани и полуобработанных мехов, без привычного металлического шлема, он совсем не походил на солдата. Когда Ян коснулся его руки, пленник дернулся и попытался уползти в спасительную темноту, но внезапное появление прямо перед глазами острия боевого ножа заставило его изменить решение. Не теряя времени, Ян надел на сломанную руку надувную повязку и через эластичную ткань совместил концы сломанной кости; затем включил нагнетание воздуха. Повязка с коротким шипением раздулась, жестко обхватив сломанную руку, тем самым обеспечив ей неподвижность.

— Ему, пожалуй, не понравится то, что я сделаю сейчас, поэтому свяжи-ка его, пожалуйста, по рукам и ногам и перекати на бок.

Плендир проделал все с привычной сноровкой, пока Ян раскладывал содержимое ранца. Хирургическими ножницами с тупыми концами он разрезал одежду на пленнике. Мужчина стал подвывать, и Ян заклеил ему рот липкой лентой.

— Пойду разузнаю обстановку, сэр, — сказал Плендир, принюхиваясь. — Скоро рассветет.

— Теперь я справлюсь один.

Солдат бесшумно скользнул в темноту, а Ян, укрепив на камне фонарик, обнажил не слишком чистую спину пленника. Послышался сдавленный стон. Из ранца Ян достал заранее подготовленный большой квадрат из многочисленных, склеенных крест-накрест отрезков хирургической липкой ленты. Придержав пленника коленом, он нашлепнул квадрат ему на спину и как следует прижал его. Мужчина вздрогнул от холодного прикосновения, застонал и попытался отстраниться. Ян встал, отряхивая колени, и взглянул на часы.

Плендир появился, когда на востоке уже начинала алеть робкая заря.

— Они быстро добрались, сэр, — доложил он. — Их лагерь, наверное, где-то неподалеку. Во всяком случае, сюда идет целая банда.

— Сколько времени у нас в запасе?

— Минуты две, ну, может, три — самое большее. Ян посмотрел на часы:

— Мне нужно по крайней мере три минуты. Ты сможешь как-нибудь задержать их?

— С большим удовольствием, — ответил Плендир и быстро отошел.

Минуты ожидания тянулись невыносимо долго; секундная стрелка двигалась так, словно ползла через патоку. Последняя минута еще не истекла, когда вдали послышались разрывы гранат и крики.

— Пора, — вслух произнес Ян и, не теряя ни секунды, склонился над гудегинцем, намереваясь снять с него пластырь. Он отодрал его одним рывком, вырвав множество волосков, и пленник молча скорчился от боли. Ян засунул квадрат в ранец и рискнул на секунду включить фонарик.

— Замечательно! — воскликнул он.

На спине пленника багровел четкий рисунок из квадратных рубцов; один из них, побольше, так вздулся, что напоминал огромный фурункул.

Примчался Плендир, едва дыша и отстреливаясь на ходу.

— Они прямо за мной!

— Одну секунду, мне нужно доказательство! Солдат развернулся и швырнул несколько газовых гранат в направлении, откуда только что прибежал. Ян тем временем нащупал в ранце фотоаппарат. Вспышка послушно выбросила резкий сноп света, и Ян крикнул:

— Идем!

Мимо уха что-то просвистело.

— Прыгайте… Я сразу за вами!

Ян с силой вдавил клавишу преобразователя энергии на контрольной панели нуль-передатчика, заранее настроенного на нужную программу, и прыгнул в экран. Он ударился об пол, поскользнулся и упал; за ним сразу появился Плендир, вынырнув из экрана в аккуратном сальто. За ними последовала стрела, выпущенная из арбалета, и воткнулась в противоположную стену комнаты. Плендир поспешно отключил нуль-передатчик, и связь прервалась.

— Последний выстрел войны, — улыбаясь, произнес Ян и посмотрел на стрелу, торчащую из стены. — Теперь ей должен прийти конец.

* * *

Врачи взглянули на увеличенный отпечаток цветной фотографии, затем на квадрат из липкой ленты, который побывал на спине гудегинца.

— Сейчас, задним умом, это кажется очевидным, — нехотя признала доктор Букурос, словно негодуя на то, что не ей пришло в голову, где искать причину заболевания.

— Аллергия, — проговорил доктор Пидик. — Единственное, о чем мы не подумали. Но нужно ли было так рисковать, чтобы получить подтверждение?

Ян улыбнулся:

— Конечно, мог бы подойти любой житель города, но у меня оставались бы сомнения. Поэтому мне нужен был кто-нибудь со стороны, кто никогда не входил с нами в контакт. Как видите, гудегинский солдат оказался идеальным объектом. Взаимодействие с нашими обычными веществами — и результат перед вами: тяжелая аллергическая реакция. — Он постучал по багровому вспухшему рубцу на фотографии.

— Что же является аллергеном?

— Полистер. Самый обычный пластик. Из него соткана ткань для нашей одежды, наши ремни, детали снаряжения, бесчисленное количество вещей. Местные жители просто не смогли избежать контакта со всем этим. А последствия оказались губительными. Вы дали мне ключ к разгадке, доктор Пидик, когда сказали, что в кровотоке большинства местных жителей обнаружены неактивные формы чумных микроорганизмов. Это мне напомнило кое-что. Тиф — одна из немногих болезней, при которой человек может быть ее носителем, оставаясь здоровым. По всей вероятности, тиф на этой планете, впоследствии подвергшийся мутации, имел в основном летальный исход. В результате болезни человек либо умирал, либо приобретал иммунитет. Заболевших убивали. Следовательно, ныне живущее население происходит от людей с приобретенным после тифа иммунитетом. Все поголовно.

— А наше появление словно нажало на спусковой крючок, — добавил Пидик.

— К несчастью, это так. Между их врожденным иммунитетом и аллергией на полистер существует тесная связь. Их организмы впервые так бурно реагируют на аллерген. Тяжелейшая аллергическая реакция взламывает естественную защиту организма и вызывает си-нергическую, то есть взаимно

усиливающуюся, реакцию с тифом, ослабляя врожденный иммунитет. И они заболевают.

— Но отныне с этим покончено, — твердо заявил Пидик.

— Да, покончено. Теперь, когда мы знаем причину, мы знаем и средство лечения. И первым, кого мы вылечим, будет Азпи-оял — наш посол доброй воли в его родном Гудегине. Когда его вылечат, он поверит в лечение. Он увидит, как лечат других и как они выздоравливают. А если нет больше жертв чумы, то нет и причин для войны. У нас с ними могут быть деловые и дружеские отношения, и мы сможем наконец выбраться из того тупика, в который сами себя загнали.

Вдали послышались звуки труб и крики толпы.

— Думаю, вам следует поторопиться, — заметила доктор Букурос и направилась к выходу. — Если мы все погибнем, нам придется изрядно потрудиться, чтобы убедить их в чем-либо.

Молча согласившись с ней, они поспешили следом.

ИЗ ФАНАТИЗМА ИЛИ ЗА ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Меня очень тревожат насилие и смерть — их слишком много в нашем обществе и в нашем мире. Когда-то я вводил их в больших дозах в собственные произведения — то был рефлекс, оставшийся после работы для дешевых журналов, и, чтобы от него избавиться, мне пришлось приложить определенные усилия. Насилия и так чересчур много в фильмах и литературе.

В нем есть своя притягательность, иначе его бы там не было. Возьмем две крайности. Первая — захватывающий триллер, который мы читаем, чтобы расслабиться. Все описанные в нем взрывы, погони и перестрелки вымышлены, но о них приятно почитать тихим вечерком, особенно если написано добротно. Я это хорошо знаю, потому что сам такое писал.

Другую крайность можно определить как чрезмерно жестокое насилие, к сожалению, привычное по фильмам и телепередачам. Задумайтесь сами, существует ли реальная необходимость показывать, да еще в цвете, как сжигают людей? Особенно если вскоре какие-нибудь подонки, последовав экранному примеру, сжигают несколько человек? Подобное в самом деле происходило, и над этим стоит задуматься.

Не по душе мне и легенда о наемном убийце — хладнокровном профессионале, убивающем за деньги. Я верю в совесть и законы, которые когда-то вывели нас из джунглей. И рассказ этот именно о них.

Чудесно! Отличная четкость! Электронный прицел был для

него новинкой испытывая оружие, он пользовался оптическим, который электронному и в подметки не годился. Несмотря на дождливую ночь, широкий вход в здание на противоположной стороне улицы был виден четко и ясно. Локти удобно покоились на упаковочных ящиках, уложенных стопкой перед щелью, прорезанной в наружной стене.

«Приближаются пятеро. Тебе нужен самый высокий», — прошептал микродинамик в ухе.

На противоположной стороне улицы показались люди. Один из них был заметно выше остальных. Он шел, разговаривая и смеясь, и Джейген направил прицел на его белые зубы, потом стал прибавлять увеличение, пока зубы, рот и язык не заполнили всю прицельную рамку. Человек широко улыбнулся, и тут Джейген плавно и равномерно сжал приклад, одновременно надавливая на спусковой крючок. Громыхнул выстрел, в плечо ударил приклад.

А теперь скорее; в обойме еще пять патронов. Уменьшить увеличение. Человек падает. Выстрел. Человек дергается. Выстрел. В голову. Еще одну туда же. Выстрел. Кто-то его заслоняет. Стреляем и в него. Выстрел. Так, помехи больше нет. В грудь, в сердце. Выстрел.

— Обойма пуста, — произнес он в торчавшую перед губами пуговку микрофона. — Пять в цель, насчет шестого не уверен.

«Уходи», — послышалось в ухе.

А я и так сматываюсь, подумал он. Была бы нужда напоминать — полиция Великого Деспота работает шустро.

Комнату освещал только тускло-оранжевый свет индикаторной лампочки передатчика материи. Код места назначения он набирал сам. Промахнув тремя шагами пустую пыльную комнатку, он стукнул по пусковой кнопке передатчика и тут же, не мешкая ни секунды, нырнул в экран.

По глазам больно ударил яркий свет, заставив прищуриться. Висящая под потолком голая лампочка освещала сырые каменные стены и металлическую дверь в потеках ржавчины. Он находился в подземелье на какой-то планете, быть может, на другом конце Галактики. Какая, собственно, разница? Здесь — значит здесь. Когда есть ПМ, до любого места в мире всего один шаг. Он быстро встал сбоку от экрана.

Оттуда пыхнула струя газа. И беззвучно рассеялась. Прекрасно. Значит, тот передатчик уничтожен, взорван. Обследовав его обломки, полиция наверняка выяснит, куда он перепрыгнул, но на это уйдет время. А он успеет замести следы и исчезнуть.

Если не считать передатчика, единственным предметом в

каменной каморке был большой керамический сосуд, накрытый крышкой. Он взглянул на приклад винтовки, куда наклеил полученные инструкции. Рядом с кодом, который он набрал, чтобы попасть сюда, виднелась пометка: *«Уничтожить винтовку».* Джейген отодрал липкую карточку с инструкцией и сунул в сумку на поясе, потом снял крышку с сосуда. Из него тут же заклубился едкий пар; Джейген, кашляя, отвернулся. Это пузырящееся адское варево могло растворить что угодно. Отработанным движением он отсоединил пластиковый приклад и уронил его в контейнер. Жидкость яростно забурлила, выбрасывая густой пар.

Джейген поспешно отступил, доставая из сумки работающую от батарей электропилу размером с кулак и алмазными зубцами. Пила зажужжала, потом тонко взвыла, перепиливая ствол винтовки. Несколько дней назад он тщательно его измерил, и сделал легкий надпил. Теперь он резал по этой метке, и через считанные секунды половинка ствола звякнула об пол. Она тут же отправилась следом за прикладом в компании с пустой обоймой. Достав из сумки новую обойму, он вставил ее на место, потом быстрым движением указательного пальца передернул затвор, дослав патрон в патронник, поставил оружие на предохранитель и лишь после этого сунул обрез в просторный рукав куртки, придерживая ладонью шершавый срез ствола.

Прежней точности у обреза уже не будет, но на короткой дистанции убивает он не хуже винтовки.

Покончив с мерами предосторожности, Джейген сверился с инструкцией и набрал код очередного места назначения. После него на карточке значились всего два слова: *«Заметай следы».* Джейген шагнул в передатчик.

Шум и звуки, свет и резкие запахи. Где-то рядом был океан — он слышал шум прибоя, нос щекотал солоноватый влажный воздух. Джейген стоял на площади коммуникационного узла, уставленной по периметру передатчиками, и какой-то мужчина, едва не наступив ему на пятки, выбрался следом за ним из того же ПМ и торопливо зашагал прочь, что-то бормоча под нос на незнакомом языке. По площади сновала густая толпа, над головой палило красноватое солнце. Джейген поборол искушение воспользоваться первой же соседней кабинкой и быстрым шагом двинулся через площадь. Потом остановился и стал поджидать первого прохожего, который пойдет мимо него, чтобы отправиться за ним — так он выбирал случайное направление, не зависящее от его желаний. Первой прошла девушка, и он двинулся за ней. Юбочка на ней едва прикрывала ягодицы, зато выставляла на всеобщее обозрение на редкость кривые ноги. Пропетляв за юной кавалеристкой по боковым улочкам и миновав

кабинку ПМ, он решил отстать. Свой след он вполне запутал, так что теперь подойдет любая кабинка.

Впереди, над внушительного вида зданием, он увидел знакомую зеленую звезду, и сердце его забилось — то было Управление полиции Великого Деспота. Джейген чуть заметно улыбнулся. А почему бы и нет? Здание было общественным и служило не только резиденцией полиции. Чего бояться?

Но страх все же оставался, и его преодоление играло немалую роль в игре. Так, вверх по ступенькам мимо словно не замечающих его стражей. Большой холл со справочным столом в центре, вдоль стен вывески и стойки всевозможных служб. А вот и ряд экранов ПМ. Неторопливо шагая, он подошел к одному из средних экранов и набрал следующий код из списка.

От внезапного холода заслезились глаза, разреженным воздухом было почти невозможно дышать. Он быстро повернулся к экрану, чтобы набрать следующий код, но тут заметил торопящегося к нему мужчину, — Постойте! — крикнул человек на интергалакте. Его нос прикрывала дыхательная маска, вторую он протянул Джейгену, который тут же надел ее. Подогретый свежий воздух успокоил его в той же мере, что и присутствие явно ожидавшего его человека. Осмотревшись, Джейген понял, что стоит на мостике допотопного звездолета. Приборы были выдранными из стен, экраны не светились. На металлических переборках конденсировалась влага и растекалась лужицами по полу. Человек заметил любопытство во взгляде Джейгена.

— Этот корабль уже несколько веков болтается на орбите. Подключив этот ПМ, мы запустили генераторы атмосферы и искусственной гравитации. Когда мы уйдем, все уничтожит атомный взрыв. И если вас выследили, тут след оборвется.

— Выходит, остальные мои инструкции…

— Не потребуются. Мы не были уверены, что успеем вовремя подготовить корабль, но, как видите, успели.

Джейген уронил на пол карточку с инструкциями и микродинамик. Эти улики исчезнут вместе с остальными. Человек быстро набрал код.

— Прошу вас следовать за мной.

— Уже иду.

Человек кивнул, отбросил маску и шагнул в экран. Они оказались в ничем не примечательном номере отеля — такой можно отыскать на любой из десяти тысяч планет. Двое, облаченные с головы до пят в черное, сидели в креслах с подлокотниками и разглядывали Джейгена сквозь темные очки. Провожатый молча кивнул, набрал код на передатчике и вошел в экран.

— Дело сделано? — спросил один. Их мешковатую черную одежду дополняли черные же перчатки и капюшоны, а рты прикрывали демодуляторы голоса, делавшие его ровным, лишенным эмоций и неузнаваемым.

— Деньги, — бросил Джейген, отходя в сторону и прислоняясь спиной к стене.

— Мы заплатим тебе, приятель. Не валяй дурака. Мы лишь хотим узнать, как все прошло. Видишь ли, мы вложили в это дело большие средства, — сказал второй. Голос его был механически невозмутим, но пальцы, когда он говорил, сжимались и разжимались.

— Деньги, — повторил Джейген, стараясь, чтобы его голос звучал невозмутимо, как и электронные голоса этих двоих.

— Держи, охотник. — Первый достал из выдвижного ящика стола коробку и швырнул через комнату. Она упала у ног Джейгена и раскрылась. — И выкладывай наконец.

— Я выпустил все шесть пуль в указанную цель, — ответил Джейген, глядя на рассыпавшиеся по полу золотистые банкноты. Крупная сумма. Похоже, обещание они сдержали. — Четыре я всадил в голову, одну в сердце, еще одну в человека, который пытался его заслонить. Как вы говорили, так и вышло — против реактивных пластиковых пуль защитный экран не устоял.

— Теперь субсидии наши, — бесстрастно произнес второй. Но своим хладнокровием он был обязан исказителю — постукивание руки по креслу и покачивание ноги выдавали его возбуждение.

Джейген наклонился и стал собирать деньги. Со стороны казалось, будто смотрит он только на пол.

Один из людей в черном выхватил скрытый под одеждой энергетический пистолет и выстрелил в Джейгена.

Будучи охотником, Джейген всегда знал, что и он может стать объектом охоты. Он мгновенно откатился в сторону и стиснул ствол обреза. Другой рукой он нащупал под тканью рукава спусковой крючок. Стрелял он в упор, и промах для человека с его опытом на таком расстоянии был просто невозможен.

Получив пулю в живот, стрелявший переломился пополам, очень спокойно и монотонно выдохнул через исказитель «ахххххх», выронил пистолет и уже мертвым рухнул на пол.

— Пуля из мягкого сплава, — пояснил Джейген. — Приберег на всякий случай обойму — они куда лучше ваших пластиковых штучек. Входит маленькой, сплющивается, а наружу вылетает уже лепешка. Винтовку я тоже приберег точнее, тот минимум ее деталей, который еще способен стрелять. Вы были правы, ее следует уничтожить, чтобы избавиться от улики, но только после нашей встречи. А на экране энергетического детектора мой обрез

не видно, вот вы и решили, будто я безоружен. Ваш приятель узнал правду довольно неприятным способом, А что теперь делать с вами?

Джейген говорил быстро, пытаясь высвободить застрявший в рукаве обрез, отброшенный назад отдачей. Все, достал.

— Не убивайте меня, — произнес человек спокойным из-за исказителя голосом, вжимаясь спиной в кресло и заслоняя лицо рукой. — Это была его идея, я тут совершенно ни при чем. Он боялся, что если вас выследят, то схватят и нас. Он взглянул на скрюченную фигуру и быстро отвернулся, увидев на полу лужу крови. — У меня нет оружия. Я ничего против вас не имею. Не убивайте меня. Я вам еще денег дам.

Он молил сохранить ему жизнь, но слова текли монотонно, словно перечень покупок.

Джейген поднял обрез, человек съежился от страха.

— У вас с собой есть деньги?

— Есть. Немного. Пара тысяч. Я могу дать больше.

— Мне некогда ждать. Достаньте то, что есть, — только медленно — и бросьте сюда.

Сумма оказалась приличной. Богатый, должно быть, гусь, раз таскает с собой такие денежки на карманные расходы. Джейген поднял оружие, чтобы застрелить его, но в последний момент передумал. Зачем? Он устал убивать.

Опустив обрез, он подошел и сорвал с человека маску. И был разочарован. Старый, толстый, обрюзгший, невидящие глаза полны слез. Охваченный внезапным отвращением, Джейген стащил его на пол и сильно врезал по физиономии. Потом отошел. Набирая код, он заслонял собой кнопки, чтобы толстяк не подсмотрел номер. Потом шагнул в экран.

* * *

И почти в ту же секунду в кабинет начальника полиции на планете, где произошло убийство — за много световых лет от Джейгена, — из экрана ПМ вышла машина.

— Ты Преследователь? — спросил офицер.

— Да, — ответила машина.

Выглядела она красиво и была похожа на человека, только высокого, более двух метров ростом. Вообще-то ей могли придать любой облик, но, когда перемещаешься среди людей, такая форма предпочтительнее. Гуманоидность облика была единственной уступкой ее создателей, и, кроме торса, четырех конечностей и головы, все прочее в машине подчинялось строгой

функциональности. Ее корпус, гладкий и обтекаемый, покрывал недавно созданный, чрезвычайно прочный золотистый сплав. Безликость яйцевидной головы нарушала лишь Т-образная щель спереди. За этим узким отверстием скорее всего скрывались зрительные и слуховые устройства вкупе с речевым механизмом, имитировавшим звучный мужской голос.

— Насколько мне известно. Преследователь, ты единственный экземпляр в мире? — спросил офицер — пожилой, седой, похудевший от нервной службы, но не утративший за все годы любопытства.

— Индекс вашего секретного допуска позволяет мне проинформировать вас, что в строй вводятся и другие Преследователи, но точное их количество я раскрыть не могу.

— Весьма разумно. И что ты надеешься сделать?

— Отыскать убийцу. Встроенные в меня детекторы гораздо чувствительнее применявшихся ранее, вот почему мой корпус так велик. В меня встроено запоминающее устройство, сравнимое по объему памяти с крупнейшей библиотекой, и средства для его постоянного пополнения информацией. Я выслежу убийцу.

— Задача может оказаться нелегкой. Он — или она — после убийства уничтожил передатчик.

— У меня есть способы узнать код, исследовав даже обломки передатчика.

— Он мог по-разному заметать следы.

— Его не спасет ничто. Я Преследователь.

— Он совершил отвратительное преступление. Желаю тебе удачи. Если только можно пожелать удачи машине.

— Благодарю за любезность. Я не обладаю человеческими эмоциями, но способен их ценить. Ваши чувства поняты, а в ваше личное дело занесена положительная отметка, хотя вы и не рассчитывали на это, произнося пожелание. А сейчас мне хотелось бы ознакомиться со всеми материалами, связанными с убийством. Потом я отправлюсь туда, куда сбежал преступник.

* * *

Двадцать лет беспечной жизни мало изменили внешность Джейгена: морщины в уголках глаз и седина на висках лишь придали ему солидности. Он давно уже не зарабатывал на жизнь как профессиональный охотник и мог себе позволить часто охотиться ради собственного удовольствия. Многие годы он постоянно переезжал с места на место, заметая следы, и даже десяток раз менял имя и внешность. Как-то он совершенно

случайно наткнулся на эту захолустную планету и решил на ней остаться. Охота в местных диких джунглях оказалась просто потрясающей, и он не отказывал себе в этом удовольствии. Добытые и умело вложенные деньги обеспечивали ему приличный доход и удовлетворение всех потребностей, включая парочку пороков, которым он был подвержен.

Как раз сейчас он обдумывал один из них. Проведя более недели в джунглях, он всласть наохотился и теперь — чистый, свежий и отдохнувший — смаковал мысли о чем-то другом. Продается комната наслаждений, дорогая, разумеется, зато он может получить именно то, что желает. Облаченный в золотой халат, задрав ноги на столик и держа в руке бокал, он сидел в кресле и сквозь прозрачную стену дома любовался на садящееся за джунгли солнце. Он никогда особо не разбирался в искусстве, но лишь слепой не обратил бы внимания на взрывную яркость зелени, подчеркивающую буйство пурпурных и красных оттенков неба. Вселенная — чудесное место.

И тут негромкий звоночек возвестил о том, что чей-то ПМ настроился на аппарат в его доме. Он резко обернулся и увидел шагнувшего в комнату Преследователя.

— Я пришел за тобой, убийца, — произнес робот. Пальцы Джейгена разжались, бокал покатился по инкрустированному паркету, оставляя за собой влажную дорожку. У Джейгена всегда имелось при себе оружие, но осторожность подсказала ему, что лежавший в кармане халата энергетический пистолет бессилен против столь внушительной машины.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — солгал Джейген, поднимаясь. Сейчас вызову полицию, пусть они разберутся.

Он сделал несколько шагов в сторону коммуникатора — и внезапно метнулся мимо него в соседнюю комнату. Преследователь двинулся следом, но остановился, когда Джейген секунду спустя появился в дверях.

В руках он держал крупнокалиберное безоткатное ружье, стреляющее разрывными пулями, — с таким он охотился на местных многотонных болотных амфибий.

В магазине имелось десять зарядов почти пушечного калибра, и он в упор всадил все десять в робота.

От мебели в комнате остались жалкие обломки; пол, стены и потолок ощетинились осколками. Его тоже легко ранило — в шею и в ногу, — но он не почувствовал боли. Машина даже не дрогнула от взрывов, а на золотистом покрытии корпуса не осталось и вмятинки.

— Сядьте, — приказал робот. — Ваше сердце бьется слишком сильно, а это опасно для здоровья.

— Опасно! — Джейген рассмеялся каким-то странным смехом и прикусил губу. Он выронил ружье, проковылял к чудом уцелевшему креслу и без сил свалился в него. — Стоит ли волноваться о здоровье, когда здесь ты… палач?

— Я Преследователь, а не палач.

— Ну, так передашь меня палачу. Но сперва скажи, как ты меня отыскал? Или это секрет?

— Секретны только подробности. Чтобы найти вас, я воспользовался самыми совершенными методами локации и записями в запоминающих блоках передатчиков. У меня безупречная память, а фактов для обработки имелось немало. К тому же, будучи машиной, я не страдаю нетерпеливостью.

Поняв, что немедленная смерть ему не грозит, Джейген тут же задумался о возможности побега. Машину ему не уничтожить, но вдруг удастся снова от нее удрать? Пусть она продолжает говорить.

— Что ты намерен со мной сделать?

— Задать вам несколько вопросов.

Джейген мысленно улыбнулся, хотя выражение его лица не изменилось. Он ясно понимал, что убийце, которого выслеживали двадцать лет, Великий Деспот уготовил особую участь.

— Так спрашивай. Чего тянешь?

— Знаете ли вы имя человека, которого убили?

— Я не признавался в том, что кого-то убивал.

— Вы признались, когда попытались уничтожить меня.

— Черт с тобой. Так и быть, скажу. — Главное — не прекращать разговора. Говорить что-нибудь, но ни в чем не признаваться. Под пыткой так или иначе вытянут все. — Я не знал, кто он такой. Я даже не знал названия планеты. Дождливая дыра, вот и все, что я могу сказать.

— Кто вас нанял?

— Они не представились. Мы лишь обговорили сумму и задание.

— В это я могу поверить. Могу также сказать, что ваш пульс приближается к норме и теперь вашему здоровью не угрожает информация о том, что вы слегка ранены в шею.

Рассмеявшись, Джейген коснулся пальцем тоненькой струйки крови.

— Спасибо за неожиданную заботу. Ранка пустяковая.

— Я предпочел бы видеть ее обработанной и забинтованной. Вы мне позволите ею заняться?

— Да делайте, что хотите! В соседней комнате есть медицинское оборудование.

Если чудище выйдет из комнаты, появится шанс добраться до

передатчика!

— Сперва я должен осмотреть рану.

Преследователь навис над ним — до этого момента Джейген как-то не осознавал, насколько тот огромен, — и коснулся холодным металлическим пальцем кожи на шее. Едва это произошло, Джейгена полностью парализовало. Сердце билось ровно, дышалось легко, но глаза смотрели только вперед, ни шелохнуться, ни вымолвить слово стало невозможно, и ему осталось лишь оглашать бессловесными воплями звенящую пустоту своего мозга.

— Мне пришлось обмануть вас, потому что тело перед операцией должно полностью расслабиться. Как вы вскоре убедитесь, сама операция совершенно безболезненна.

Машина вышла из фиксированного поля его зрения, и Джейген услышал, как она покинула комнату. Операция? Какая еще операция? Какую непостижимую пока расплату задумал для него Великий Деспот? Насколько важным был убитый человек? Мысли Джейгена захлестнула волна ужаса и страха — но только мысли. Легкие равномерно наполнялись воздухом, размеренно билось сердце, и лишь сознание, бессильное и истеричное, узником металось в крошечном уголке мозга.

Звуки подсказали, что машина вернулась и стоит позади. Джейген ощутил, что его шевелят и покачивают из стороны в сторону. Что этот робот делает? Краем глаза он заметил, как на пол упало что-то темное. Что? ЧТО?

Еще одна темная лепешка упала прямо перед ним — какая-то грязная пена. Миновало несколько секунд, пока смысл увиденного пробился сквозь охвативший его ужас.

То был большой комок депиляторной пены, заполненной растворяющимися остатками его волос. Должно быть, машина извела на него целый баллончик и теперь удаляет с головы волосы. Но для чего? Паника немного улеглась.

Преследователь обошел кресло, встал перед Джейгеном, потом наклонился и вытер металлические руки о его халат.

— Ваши волосы удалены. — Знаю, знаю! Но для чего? — Это необходимая часть операции, не наносящая вам непоправимого вреда. Как и сама операция.

Пока робот говорил, его торс начал меняться. Оболочка из золотистого сплава, не пробиваемая разрывными пулями, разошлась посередине и развернулась. Обездвиженный, Джейген мог лишь с ужасом наблюдать за метаморфозой, не в силах отвести глаз. Открылась серебристая ниша, окруженная непонятными устройствами.

— Вы не почувствуете боли, — успокоил Преследователь,

делая шаг вперед и стискивая обеими руками голову Джейгена. С неторопливой точностью машина стала приближать его голову к нише, пока затылок не уперся в металлический свод. Природа явила милосердие — Джейген потерял сознание.

Он не ощутил, как острые металлические иглы, выскользнувшие из отверстий в металлической чаше, пронзили кожу, потом кости черепа и глубоко погрузились в мозг. Но мысли, ясные и четкие, словно ощущения только что пережитого, тут же заполнили его сознание. Одно за другим всплывали воспоминания, изучались, отбрасывались и сменялись новыми. Его детство, давно позабытые звуки и запахи, комната, прикосновение травы к подошвам, юноша, смотрящий на свое — его отражение в зеркале.

Поток воспоминаний, управляемый механизмом внутри Преследователя, долго проплывал перед мысленным взором Джейгена. В его мозгу скрывалось все, что машина хотела узнать, и она, кусочек за кусочком, сложила из мозаики цельную картину. Когда все кончилось, иглы вернулись в чехлы, а голова Джейгена освободилась. Он снова сидел в кресле, паралич исчез столь же внезапно, как и появился. Сжав левой рукой подлокотник кресла, он провел правой ладонью по гладкой коже черепа.

— Что ты со мной сделал? Что это была за операция?

— Я изучил твои воспоминания. И теперь знаю людей, заказавших тебе убийство.

Произнеся эти слова, машина повернулась и направилась к передатчику. Ее пальцы уже начали набирать код, когда Джейген хрипло окликнул робота:

— Стой! Ты куда? Что ты намерен со мной сделать?

Преследователь обернулся.

— А что ты хочешь, чтобы я с тобой сделал? Неужели ты страдаешь от чувства вины? Я могу тебя от него избавить.

— Не смей надо мной издеваться, машина. Я человек, а ты всего лишь железяка. Я приказываю тебе отвечать. Ты из полиции Великого Деспота?

— Да.

— Значит, ты меня арестовал?

— Нет. Я просто ухожу. Тебя может арестовать местная полиция, однако у меня есть информация о том, что ты для них не представляешь интереса. Однако для частичной компенсации средств, затраченных на твои поиски, я конфисковал все твои денежные средства.

Робот снова повернулся, намереваясь уйти.

— Стой! — взвизгнул Джейген, вскакивая. — Я еще могу

поверить, что ты отобрал все мои деньги. Но не смей держать меня за идиота. Не для того же ты выслеживал меня двадцать лет, чтобы просто так взять и уйти. Я убийца вспомнил?

— Я сознаю этот факт. Именно поэтому я тебя преследовал. Теперь я знаю и твое мнение о себе. Ты ошибаешься. Ты ничуть не уникален, не одарен и даже не интересен. На убийство способен любой человек, если у него для этого достаточно сильные мотивы. В конце концов, вы ведь животные. Во время войны славные парни сбрасывают бомбы на совершенно незнакомых людей, просто нажимая кнопку, и убийства их совершенно не тревожат. Люди убивают, защищая свои семьи, и их за это славят. А ты, профессиональный охотник на животных, убил другое животное, на сей раз оказавшееся человеком, когда тебе предложили подходящую плату. В этом нет ничего благородного, отважного или просто интересного. Тот человек мертв, и, если тебя убить, он не воскреснет. Теперь я могу уйти?

— Нет! Если я тебе не нужен, то… зачем было тратить годы на поиски? Неужели ради нескольких жалких фактов?

Робот выпрямился — высокий, словно светящийся неким механическим достоинством, наверняка отражающим достоинство его создателей.

— Да. Фактов. Ты — ничто, и люди, нанявшие тебя, — тоже ничто. Главное в том, почему они на это пошли и как им удалось добиться успеха. Один человек, десять, даже миллион — ничто для Великого Деспота, который считает планеты в своих владениях сотнями тысяч. Для него единица измерения — общество. И теперь будет изучено общество, в котором ты вырос, а особенно то общество, откуда были нанявшие тебя люди. Что заставило их поверить в то, что насилием можно чего-то добиться? Что это за общество, где на убийство смотрят сквозь пальцы, игнорируют — и даже смиряются с ним? Оно не имеет права распространять эту заразу. Убивает общество, а не личности. Ты — ничто, — бросил робот, входя в экран, и исчез.

А Джейген так и не понял, действительно ли он уловил оттенок злобы в последних словах машины.

ТРУДНАЯ РАБОТА

— Но почему именно ты? — спросила она.

— Ничего не поделаешь — такая уж у меня работа. Он защелкнул последнюю застежку на ранце и надел его, стараясь, чтобы тяжесть равномерно легла на плечи.

— Не понимаю, почему те, кто пилотирует посыльные корабли, не могут заодно ознакомиться с обстановкой на месте.

Чтобы хоть чем-то помочь тебе — возможно, дать какое-то представление о том, что тебя там ждет. Думаю, это несправедливо.

— Очень даже справедливо, — отозвался он, стараясь сдерживать себя.

Он подтянул чуть туже лямку на левом плече. Ее появление здесь, как раз в последние минуты перед его уходом на задание, не вызвало у него восторга; но уж если она что-либо задумывала, остановить ее было нелегко. Еще раз он терпеливо разъяснил ей положение дел:

— Во время полетов к звездам разведывательные корабли превращаются в ловушки для тех, кто их пилотирует; им с трудом удается хотя бы остаться в живых. У них своя специфика работы. Чтобы выжить в длительных полетах, необходима особая склонность к ним. Немногие обладают ею. В то же время именно те качества, которые помогают приспосабливаться к длительным полетам, оказываются совершенно непригодными для исследования планет. Поэтому все, что требуется от пилотов, — это наладить высокочувствительную аппаратуру и фотореле, а затем обеспечить доставку экранов нуль-передатчиков на беспилотной тормозной ракете в какое-нибудь подходящее место на планете. И еще до того, как нуль-передатчик коснется поверхности и пошлет сигнал о благополучном приземлении, они направляются к другой звездной системе. Так вот, свою работу они сделали. Теперь моя очередь.

— Вы уже готовы, специалист Лэнгли? — спросил человек, заглянувший в этот момент в комнату.

— Почти, — отозвался Лэнгли, ненавидя себя за то, что испытал чувство облегчения при виде нарушителя их уединения. — Механик Меер, это моя жена Кериза.

— Большая честь для меня, супруга Кериза. Вы должны гордиться своим мужем.

Меер был молодым улыбчивым человеком приятной наружности. По одной его улыбке можно было предположить, что он говорит искренне. Чуть сдвинутые наушники и жестко зафиксированный около губ микрофон свидетельствовали о том, что он ненадолго прервал свое общение с компьютером.

— Да, честь, — произнесла Кериза, не в силах удержаться от замечания, — но не вечная. Мы обручены впервые, и срок нашей совместной жизни истекает через несколько дней, во время отсутствия мужа.

— Чудесно, — откликнулся Меер, не слыша горечи в ее словах. — Зато вы с нетерпением будете ожидать той минуты, когда он наконец вернется. Неплохой повод для праздника. Мне

начинать, специалист?

— Пожалуй, — согласился Лэнгли и кончиками пальцев приподнял флягу, проверяя, полна ли она.

Чтобы не мешать, Кериза молча прислонилась к стене неуютного служебного помещения. Началась сверка контрольного списка, и мужчинам стало не до нее. Компьютер нашептывал свои вопросы прямо в ухо механику, а тот повторял их вслух, непроизвольно копируя монотонные и бесстрастные интонации механизма. Компьютер, а не она, целиком поглотил внимание обоих мужчин, так похожих друг на друга в своих темно-зеленых униформах на фоне почти таких же зеленых стен. Ее серебристо-оранжевый костюм был здесь как-то не к месту, и она машинально сделала шаг по направлению к выходу.

После быстрого просмотра контрольного списка компьютер полностью одобрил его. Немного больше времени заняла необходимая регулировка снаряжения Лэнгли. Снаряжение состояло из металлической упряжи, снабженной силовым приводом и служащей для поддержки его тела. Упряжь была идеально подогнана по фигуре Лэнгли — нечто вроде гибкого внешнего скелета. Скелет сочленялся с суставами хозяина и мог свободно сгибаться и поворачиваться, следуя любым движениям. Поскольку опорные подкладки были неотъемлемой частью униформы, а тяги, выкрашенные в тон ткани, были достаточно тонкими, упряжь не бросалась в глаза. Запаса атомной энергии в ранце хватало по меньшей мере на год.

— Зачем на тебе эта металлическая клетка? — спросила Кериза. — Раньше ты никогда не надевал ее.

Она была вынуждена громко повторить вопрос, прежде чем мужчины обратили на нее внимание.

— Из-за повышенной гравитации, — откликнулся наконец ее муж. — На этой планете сила тяжести на две целых сто пятьдесят три тысячных g больше земной. Клетка, как ты ее называешь, не в силах устранить гравитацию, но зато в состоянии поддерживать меня и не давать слишком быстро уставать.

— Ты ничего такого не говорил про эту планету. Ты мне вообще ничего не рассказывал…

— Так ведь не о чем и рассказывать. Там, куда я отправляюсь, высокая гравитация, холодно и ветрено. Воздух обычный — пробу его уже брали на анализ, — только кислорода немного больше. Во всяком случае, для дыхания он вполне пригоден.

— А звери, дикие звери — как насчет них? Они не опасны?

— Мы пока не знаем, но, насколько нам известно, планета довольно мирная.

Он солгал ей, но говорить правду он не имел права. На

недавно открытой планете были обнаружены поселенцы с Земли; информация об этом сразу попала в разряд засекреченной. Ее решено было предать гласности только после официальной оценки отчета, который он представит по возвращении.

— Я готов, — сказал Лэнгли, натягивая перчатки. — Не хотелось бы задерживаться, а то я скоро начну потеть внутри этого костюма.

— Температура костюма поддерживается на одном уровне, специалист Лэнгли. Вам должно быть удобно в нем.

Он и сам это знал, просто ему не терпелось поскорее уйти. Керизе не следовало приходить сюда.

— Представь, что я отправляюсь просто на периферию, отсюда то место таким и кажется, — успокоил он жену, взяв ее за руки и быстро поцеловав. — Как только появится время, сразу пришлю тебе письмо.

Он безмерно любил ее, но не здесь и не сейчас, когда он собирался на задание. Тяжелая дверь закрылась за спиной, отгородив их обоих от Керизы, и Лэнгли сразу почувствовал облегчение. Наконец-то он сможет сконцентрироваться на возложенной на него миссии.

— Передано сообщение, — сказал механик, когда они, открыв мощную тройную дверь, вошли в забронированное помещение для нуль-перехода. — Нужны дополнительные образцы почвы и растительности. Попросили также привезти образцы воды и форм жизни, но два последних заказа могут и обождать.

— Будет исполнено, — ответил Лэнгли, и механик передал его ответ по микрофону.

— Вам желают успеха, специалист, — бесстрастно произнес механик и добавил дрогнувшим голосом:

— И я тоже. Мне выпала большая честь помогать вам при этом переходе. — Он прикрыл микрофон рукой. — Я изучаю курс специалиста, я прочитал все ваши отчеты. Думаю, что вы… Я хочу сказать: то, что вы совершили… — Он запнулся и покраснел.

Его слова были нарушением установленного порядка, и за это его могли наказать.

— Знаю, что вы хотите сказать, механик Меер, и желаю вам всего наилучшего.

Лэнгли протянул руку, и тот, поколебавшись, пожал ее. И хотя больше юноша не произнес ни слова, Лэнгли был тронут. На него всегда угнетающе действовал казенный холод нуль-камеры, где и шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь телевизионную камеру или на выступающие сопла дроссельных клапанов. И вовсе не потому, что он жаждал торжественных проводов на задание с оркестром и флагами. В

такой момент ему было достаточно тепла простого человеческого прикосновения.

— Ну что ж, прощай, — произнес он и, отвернувшись от Меера, тронул переключатель на пульте управления, запуская тем самым намеченную программу нуль-перехода.

Решетчатая конструкция камеры исчезла, а вместо нее возникла серая влажная пустота действующего в рабочем режиме поля Бхаттачарьи. Без всякого колебания Лэнгли шагнул в нее.

С невероятной силой его скрутило, протащило вперед и швырнуло лицом вниз. Он машинально вытянул перед собой руки. Предохранительные тяги на запястьях буквально выстрелили вперед, как бы удлиняя собой руки. При соприкосновении с землей тяги сложились наподобие телескопа, что, безусловно, смягчило удар. Если бы не они, руки в запястьях наверняка сломались бы. И все же, несмотря на их неоценимую помощь, от сильного сжатия опорных подкладок у Лэнгли перехватило дыхание. Стоя на четвереньках, он судорожно вобрал в себя воздух, который оказался настолько холодным, что рот сразу обожгло и заслезились глаза. Однако в униформе было тепло, обогрев заработал тотчас после шокового удара студеной атмосферы по ее термоэлементам. Лэнгли поднял глаза.

На него смотрел человек. Широкоплечий, крепко сбитый мужчина с окладистой черной бородой. На нем была одежда из меха и кожи, бросающейся в глаза красным цветом; пальцы его крепко держали короткий остроконечный дротик — не длиннее предплечья. Человек шевельнулся, и Лэнгли только сейчас понял, что тот стоял, а не сидел, как показалось вначале. Он был до такой степени приземистым и широким, что выглядел каким-то усеченным.

Однако дело прежде всего: руководителям программы нужны образцы. Не сводя с бородача настороженного взгляда, он вытащил из бокового отделения ранца контейнер для образцов и положил его на землю. Земля оказалась твердой, но, к счастью, вся была в складках и бороздах, как засохшая грязь на дорогах. Он отломил изрядный кусок этой грязи и бросил его в середину диска из красного пластика. Через десять секунд, в течение которых протекала реакция химических веществ в составе воздуха и диска, края последнего загнулись внутрь и плотно сомкнулись вокруг куска почвы.

Мужчина перебросил дротик в другую руку и округлившимися глазами наблюдал за происходящим. Лэнгли наполнил почвой еще два контейнера, затем передвинулся на несколько футов и три других контейнера набил травой и ветками, с кустов, на которых слабо трепетали листья. Образцов

было вполне достаточно, чтобы считать свою миссию по их сбору завершенной. Стараясь не поворачиваться к мужчине спиной, он попятился, обходя покореженные останки тормозных двигателей ракеты, пока не уткнулся в экран нуль-передатчика. Тот находился в рабочем режиме, но не был сфокусирован: любой, кто в эту минуту вошел бы в экран, попросту распылился бы гамма-излучением в пространстве Бхаттачарьи. Экран не начнет работать до тех пор, пока он, Лэнгли, не прижмет ладонь к специальной пластине на раме, тем самым посылая кодовый сигнал принимающему устройству; никто другой, кроме него, не смог бы заставить экран функционировать. Он коснулся пластины и забросил образцы внутрь. Теперь можно заняться более важным делом.

— Мир, — сказал он, повернувшись к мужчине, и развел руки в стороны ладонями вперед. — Мир.

Мужчина никак не отреагировал на его слова, разве что приподнял дротик, когда Лэнгли попытался было шагнуть к нему. Лэнгли вернулся на исходную позицию, и тот опустил дротик. На всякий случай Лэнгли решил не делать лишних движений.

— Решил применить стратегию выжидания, да? Ведь тебе хочется поболтать со мной, пока мы ждем?

Ответа на обращение он не получил, да и не ожидал услышать его.

— В таком случае чего или кого мы дожидаемся? Наверное, твоих приятелей. А это уже говорит об организации, что само по себе звучит весьма обнадеживающе. Тут у вас невдалеке есть поселение, вот почему нуль-передатчик опустили именно здесь. Вы его, конечно, обследовали, но тем не менее он остался для вас загадкой, и вы решили поставить у него стражу. Предполагаю, что ты уже сообщил своим о моем прибытии, хоть я и не видел этого, поскольку упал лицом вниз.

Окрестности внезапно огласились пронзительным скрежетом, доносящимся из-за уклона дороги. Ужасный скрежет постепенно нарастал. Лэнгли с интересом наблюдал, как словно из-под земли, медленно, с большим трудом вырастала плотно сбитая вместе группа бородатых людей, на расстоянии удивительно похожих на его стража. Все они были впряжены в странного вида повозку на трех парах деревянных колес; их оси — по всей вероятности, несмазанные — издавали невыносимый скрежет. Повозка представляла собой платформу, где на мягкой подстилке восседал человек в одежде из ярко-красной кожи. Верхнюю часть его лица скрывал металлический шлем со смотровыми щелями, на грудь ниспадала длинная седая борода. В правой руке человек держал длинный разделочный нож с узким лезвием. Медленно

сойдя с повозки, он направил нож на Лэнгли и хриплым резким голосом произнес что-то неразборчивое.

— Прошу прощения, но я не понимаю вас, — сказал Лэнгли.

Прозвучавшие слова настолько поразили старика, что он невольно подался назад и чуть было не выронил оружие. При этом внезапном движении сопровождавшие его люди присели и угрожающе выставили дротики. Их вождь выразил неодобрение этим их действиям и что-то прокричал — отдал приказ, понял Лэнгли. Дротики немедленно опустились. Убедившись, что приказ неукоснительно исполнен, старик повернулся к Лэнгли и медленно заговорил, тщательно подбирая слова:

— Я не знал… не думал, что когда-нибудь услышу, как говорят на этом языке. Я могу лишь читать на нем.

Акцент был довольно странным, но выражался старик достаточно понятно.

— Чудесно. Я обязательно изучу ваш язык, а сейчас можно поговорить и на моем…

— Кто ты? И что это… за штука здесь? Она упала ночью со страшным шумом. Как ты сюда попасть?

Лэнгли заговорил медленно, четко выделяя каждое слово. Речь его, конечно, была подготовлена заранее.

— Я прибыл сюда с дружеским приветствием от моего народа. С помощью этой машины, которую вы видите перед собой, мы путешествуем на большие расстояния. Мы не из этого мира. Мы будем во многом помогать вам, а как — сейчас я расскажу подробнее. Мы можем лечить больных и исцелять их. Мы доставим вам пищу, если вы голодны. Я здесь один, и без вашего разрешения сюда никто, кроме меня, не придет. В обмен на нашу помощь мы бы хотели, чтобы вы ответили на те вопросы, которые я вам задам. Когда мы получим ответы на вопросы, мы, в свою очередь, ответим на любые вопросы, которые возникнут у вас.

Широко расставив ноги, старик напряженно вслушивался в каждое слово и безотчетно водил по ноге лезвием ножа, будто правил на оселке.

— Что тебе здесь нужно? Каковы твои истинные намерения… желания?

— У меня с собой лекарства, и я могу лечить больных. Я могу снабжать вас пищей. Я только прошу ответить на мои вопросы, ничего больше.

Под густыми длинными усами губы старика сложились в недоверчивую усмешку.

— Понятно. Делай, как сказал, — или ничего не делай. Что ж, пойдем со мной. — Он повернулся и грузно взобрался на

заскрипевшую под ним повозку. — Я — Бекрнатус. А у тебя есть имя?

— Лэнгли. Буду счастлив сопровождать вас. Длинной вереницей процессия медленно перевалила через гребень холма и стала спускаться в неглубокую лощину. И хотя пройдено было совсем немного — каких-то четверть мили, — Лэнгли смертельно устал; ведь, сопротивляясь повышенной гравитации, его сердце и легкие работали с двойной нагрузкой.

— Погодите немного, — проговорил он, окончательно выбившись из сил. Давайте передохнем.

Бекрнатус поднял руку и отдал короткий приказ. Процессия остановилась, и люди тут же уселись в густую траву; большинство из них не могли даже сидеть и бессильно растянулись во весь рост, Лэнгли отстегнул флягу и жадно глотнул из нее. Бекрнатус пристально наблюдал за каждым его движением.

— Не хотите ли немного воды? — спросил Лэнгли, протягивая ему флягу.

— Очень хочу, — ответил старик и, взяв в руки флягу, внимательно осмотрел ее перед тем, как отпить из нее. — На вкус вода сильно отличается от нашей. Из какого металла сделан этот… сосуд?

— Думаю, из алюминия или одного из его сплавов. Надо ли было отвечать на этот вопрос? Конечно, вопрос прозвучал вполне безобидно. Впрочем, никогда нельзя предугадать. Возможно, ему не следовало отвечать, но он настолько устал, что эта проблема, честно говоря, его мало волновала.

Бородатые люди внимательно следили за ним, а ближайший к нему даже привстал, не сводя с фляги глаз.

— Простите, — сказал Лэнгли, отметив его покрасневшие от усталости глаза, и протянул флягу. — Не хотите ли тоже глотнуть?

Человек какое-то мгновение колебался, и Бекрнатус что-то хрипло выкрикнул. Тот протянул руку и быстрым движением схватил флягу, но вместо того, чтобы пить, повернулся и бросился бежать. Бегун из него оказался неважным. Лэнгли, совсем сбитый с толку, увидел, как старик кинулся за беглецом и по рукоятку вонзил свой длинный нож в его спину.

Никто даже не шелохнулся, когда тот, с ножом в спине, пошатнулся и тяжело рухнул на землю. Он лежал на боку, глядя в никуда; изо рта ручьем текла кровь, и ослабевшие пальцы больше не сжимали свое нечаянное приобретение. Бекрнатус опустился возле него на колени и забрал флягу, затем одним сильным рывком выдернул из тела нож. Широко раскрытые, глаза остались неподвижны.

— Забери эту штуку для воды и не проходи… не подходи даже близко к другим людям, не вздумай давать им что-либо.

— Но это была лишь вода…

— Дело не в воде. Ты убил этого человека. Обескураженный, Лэнгли хотел было сказать, что уж ему-то совершенно ясно, кто убил его, но, вовремя опомнившись, прикусил язык. Он не имел ни малейшего представления об их обществе и уже успел совершить ошибку. Это факт. В известном смысле старик был прав: он убил того человека. Он нащупал в кармане стимулирующую таблетку, достал ее и запил водой из фляги, послужившей причиной раздора. И вовремя все вдруг разом задвигались, снова трогаясь в путь.

Колония располагалась в долине, у подножия известняковой скалы; и к тому времени, когда они наконец подошли к поселению, Лэнгли совсем выбился из сил. Без специального снаряжения, служащего ему опорой, он не прошел бы и четверти пройденного пути. Лэнгли очутился среди домов, которые беспорядочно лепились к подножию скалы, прежде чем осознал, что находится среди них, — настолько хорошо они вписывались в окружающий ландшафт.

Это были землянки, лишь на одну десятую возвышавшиеся над землей, с плоскими крышами из дерна. Из дымовых отверстий большей части землянок тонкими струйками закручивался дымок. Вереница людей — и Лэнгли с ними — не останавливаясь, пропетляла среди вкопанных в землю домов и наконец приблизилась к скале. Лэнгли заметил в ней множество отверстий, прорубленных на уровне земли; самые большие из них наглухо закрывали бревенчатые двери. Приблизившись, он увидел, что в два очень похожих на окна отверстия вставлены стекла или какой-то другой материал, по прозрачности не уступавший стеклу. Хорошо бы, конечно, познакомиться с этим материалом поближе и, так сказать, пощупать руками — но только не сейчас. Всему свое время. Пока он не отдохнет, не может быть и речи о каких-то исследованиях, а сейчас у него ни на что не осталось сил.

Он стоял, покачиваясь от усталости, пока Бекрнатус медленно сползал со своих носилок на колесах и подходил к бревенчатой двери. При его приближении дверь тотчас распахнулась. Лэнгли двинулся было следом, но слабость в конце концов его доконала: ноги его подкосились, и он почувствовал, что падает. Но прежде чем земля неожиданно вздыбилась перед ним и ударила его, он еще успел удивиться тому, что впервые в жизни теряет сознание…

Теплый воздух приятно согревал лицо, и он с наслаждением

ощущал его ласковое прикосновение. Он не сразу понял, где находится, — даже когда открыл глаза. Его не отпускало чувство безмерной усталости, каждое движение давалось с усилием, даже мысли, словно одурманенные, лениво ворочались в голове. В комнате, где он лежал, царил сумрак. Он несколько раз оглядел ее, прежде чем детали обстановки стали приобретать более ясные очертания. Окно в глубине каменной стены. Смутные контуры громоздкой мебели и незнакомых предметов. Тусклый желтый свет от огня в камине. Каменный очаг и каменные стены. Память уже вернулась к нему, и он понял, что находится, по всей вероятности, в одном из замеченных им ранее помещений, вырубленных в скале — в той ее части, которая обращена к долине. Потрескивал огонь, наполняя комнату едким, неприятным запахом дыма.

Позади него послышались шаги. Кто-то приближался, глухо шлепая по полу. Лэнгли слишком устал, чтобы поворачивать голову, но он отогнал эту чересчур себялюбивую мысль и с трудом обернулся.

Девичье лицо, длинные белокурые волосы, синие глаза.

— Привет. Не думаю, что мы когда-нибудь встречались, — произнес он.

От изумления глаза незнакомки широко раскрылись, и лицо исчезло. Лэнгли устало вздохнул и закрыл глаза. Задание оказалось мучительным для него, просто невыносимым. Может, стоит принять стимулятор. В ранце…

Его ранец! При мысли о нем сон окончательно исчез, и теперь он отчаянно пытался придать телу сидячее положение. Они забрали у него ранец! Его мгновенно охватил ужас — но тут он заметил свой ранец на полу рядом с кроватью. Вернулась девушка и буквально вдавила его в кровать, заставляя лечь. Она оказалась на удивление сильной.

— Я — Лэнгли. А тебя как зовут?

Ее можно было назвать довольно привлекательной, если кому-то по вкусу девушки с квадратными лицами. Внушительный бюст, красиво выделявшийся в мягком кожаном платье, едва вмещался в него. Все остальное в ней было таким же внушительным. Слишком широкие плечи, слишком мощные бедра, слишком много мышц. Почти никакого отличия от других уроженцев этой суровой планеты. До него вдруг дошло, что ее глаза неотрывно следили за его взглядом, пока он рассматривал ее с ног до головы. Он улыбнулся.

— Меня зовут Лэнгли, а вот твоего имени, думаю, я никогда не узнаю. Вождь — как он там себя называл? — Бекрнатус, кажется, единственный, кто говорит на цивилизованном языке.

Думаю, прежде чем я смогу разговаривать с тобой, мне придется изучить местное хрюканье и бульканье.

— Не обязательно, — ответила она и, сверкая двумя ровными рядами белоснежных здоровых зубов, звонко расхохоталась при виде ошеломленного выражения на его лице. — Меня зовут Патна, а Бекрнатус — мой отец.

— Что ж, очень приятно. — Он все еще не мог прийти в себя от изумления. Извини, если был груб. Наверное, на мне сказывается ваша гравитация — мне немного тяжело у вас.

— Что такое гравитация?

— Попозже я тебе расскажу о ней, а сейчас мне надо поговорить с твоим отцом. Он здесь?

— Нет. Но он скоро вернется. Сегодня он убил человека. Сейчас он, должно быть, утешает жену убитого и его семейство. Вся семья теперь перейдет к другому. А я не могу ответить на твои вопросы?

— Возможно. — Он коснулся кнопки на поясе, включив магнитофон. — Сколько ваших людей говорят на моем языке?

— Только я. И отец, конечно. Потому что мы — Семья, а остальные — Народ. Она выпрямилась, когда произносила эти слова.

— Сколько их здесь? Я имею в виду представителей Народа.

— Почти шестьсот. Эта зима прошла намного удачней предыдущих. Воздух был теплее обычного. Правда, запасы еды быстрее — как это сказать? — быстрее портились. И все же люди жили.

— Зима уже кончилась? Она рассмеялась:

— Конечно. Сейчас почти самое теплое время года. И они думают, что это тепло, подумал он. На что же тогда похожи их зимы? Он поежился при одной мысли о них.

— Расскажи мне, пожалуйста, подробнее о Семье и Народе. Чем они различаются?

— Они есть — и все, — сказала она и запнулась, будто никогда прежде не задумывалась над этим вопросом. — Мы живем здесь, а они живут там. Они работают и выполняют то, что мы им приказываем. У нас есть и металл, и огонь, и книги. Потому-то мы и говорим на вашем языке — ведь мы читаем то, что написано в книгах.

— Могу ли я взглянуть на эти книги?

— Нет! — Ее шокировала даже сама мысль о том, что кто-то посторонний увидит их книги. — Только Семья может видеть их.

— Что ж… Но разве ты не согласна с тем, что меня можно называть членом Семьи? Я умею читать, у меня с собой много вещей, сделанных из металла…

Только сейчас до него дошло, отчего его фляга стала причиной убийства. Она была из металла, а металл для большинства здешних людей являлся запретным, своего рода табу.

— А еще я умею вызывать огонь. — Он вытащил зажигалку и щелкнул ею.

Патна уставилась на крохотный язычок пламени.

— Нам труднее получить огонь. И все же я не уверена. Ведь отец узнает, что ты смотрел книги.

Увидев выражение его лица, она задумалась над возможным компромиссом.

— Есть тут одна книжка, небольшая. Отец разрешил мне оставить ее у себя. Она, правда, так себе, особой важности не представляет.

— Любая книга представляет собой какую-то ценность. Могу я взглянуть на нее?

Она нерешительно поднялась и направилась через всю комнату к бревенчатой двери, закрывавшей вход в глубину скалы, и изо всех сил потянула на себя мощный засов. Дверь открылась, и она осторожно, вытянув перед собой одну руку, ступила в темноту соседней комнаты — глубокой ниши, вырубленной в податливой толще скалы. После недолгого отсутствия она вернулась и тщательно закрыла за собой дверь.

— Вот, — сказала девушка, протягивая ему книгу, — ты можешь почитать ее.

Прилагая неимоверные усилия, Лэнгли кое-как сел и взял книгу. Она была довольно грубо переплетена в кожу — первоначальная обложка, по всей видимости, износилась еще в далеком прошлом. Книга слегка потрескивала в руках, когда он раскрывал ее. Страницы пожелтели и обтрепались по краям, к тому же, поскольку корешок оказался донельзя ветхим, они едва не вываливались из книги. Заинтригованный, он осторожно листал страницы, вглядываясь в архаичный шрифт, — тусклого света, проникавшего через окно, было явно недостаточно; затем вернулся к титульному листу.

— *«Избранные стихотворения»,* — прочитал он вслух. — Издано в… — никогда не встречал такого названия — в… — а вот это важно: в 785 году… эры. Погоди, погоди… Кажется, я что-то слышал об этой системе летосчисления.

Он бережно положил книгу и наклонился к ранцу, почти теряя равновесие ведь его тянула вниз более чем двойная сила тяжести. От неимоверного напряжения внешний скелет глухо поскрипывал, но держал, не давая ему упасть. Справочник лежал сверху, и он быстро пролистал его.

— Вот, нашел. Записи только 913 года. А теперь, если перевести по Галактическому стандарту…

Он посчитал в уме и, молча положив справочник обратно, снова взял в руки «Избранные стихотворения».

— Тебе нравится поэзия? — поинтересовался он.

— Больше всего на свете. Хотя других стихов у меня нет. Ни в одной книге, кроме этой, я не нашла их. Хотя, конечно, есть и другие…

Она опустила глаза, и Лэнгли догадался почему.

— Эти другие… Ты ведь написала их сама, не так ли? Как-нибудь обязательно прочитаешь мне хоть одно…

В эту минуту у входа в жилище послышался грохот и лязг открываемых дверных засовов, и Патна, вырвав книгу из рук Лэнгли, бросилась с ней в темный угол комнаты.

Бекрнатус широко распахнул дверь и, тяжело ступая, вошел.

— Закрой дверь, — приказал он, отбросив в сторону шлем и устало опускаясь в мягкий шезлонг — полукровать, полукресло.

Патна метнулась к двери, выполняя распоряжение отца.

— Я устал, Лэнгли, — произнес он, — и мне необходимо выспаться. Поэтому, пока я не заснул, расскажи-ка мне, что ты здесь делаешь и что все это значит.

— Разумеется. Но сначала ответьте мне на один-два вопроса. Чем занимаются здесь люди, кроме того, что спят, едят и собирают пищу?

— Вопрос расплывчат.

— Хорошо, я поясню. Добывают ли они руду и выплавляют ли из нее металл? Режут ли они по дереву или гравируют на металле, лепят ли изделия из глины, занимаются ли живописью, носят ли ювелирные украшения…

— Достаточно. Я понял, что ты имеешь в виду. Я читал обо всем этом и даже видел картинки. Очень красивые. Так вот ответ на твой вопрос: мы ничего этого не делаем. Я никогда не мог уразуметь, как создаются подобные вещи. Возможно, ты мне поведаешь об этом, когда будешь настроен отвечать на вопросы, а не задавать их. Мы просто живем, что само по себе довольно трудно. Мы засеваем свои поля, чтобы было что поставить на стол, собираем урожай, и после всего у нас ни на что больше не остается сил. Наш мир суров, и процесс выживания в нем занимает все наше время.

Он грубо рявкнул на дочь на местном языке, приказывая ей что-то, и та, шаркая ногами, направилась к очагу. Вернувшись с примитивной глиняной миской, она подала ее отцу. Тот поднес миску к губам и, давясь и чмокая, жадно выпил ее содержимое.

— Не желаешь ли испробовать? — спросил он. — Мы сами

делаем этот напиток; я даже не знаю, есть ли для него соответствующее слово в книжном языке. Наши женщины жуют корни и сплевывают жвачку в чашку.

— Нет, благодарю вас. — Лэнгли с трудом сдерживался, чтобы ненароком не выдать охватившего его отвращения. — И последний вопрос. Что вы знаете о людях, прибывших в этот мир? Вы ведь знаете, что пришли сюда из другого мира?

— Да, я знаю, хотя лишь немногим больше того, что услышал от тебя. История нашего появления здесь всегда передавалась из уст в уста, никаких записей не велось. Предание гласит, что мы пришли из другого мира, с неба, хотя мне непонятно, каким образом это совершилось. Но факты говорят сами за себя — ведь книги, например, явно не из этого мира. В них есть картинки из жизни не нашего мира. А еще металл, происхождение которого мы не знаем, и окна… Да, мы пришельцы.

— А кто-нибудь еще, кроме вас, не появлялся здесь? Как я, к примеру. Есть ли какие-либо записи на этот счет?

— Никаких. Надо было, конечно, записывать. Ну а теперь твоя очередь рассказывать, чужеземец из металлического ящика. Что ты здесь делаешь?

Прежде чем начать говорить, Лэнгли снова лег, очень медленно и осторожно, словно был сосудом из хрупкого стекла. Он заметил, что Патна, тоже не выдержав, уже сидела. Гравитации этой планеты надо было противостоять постоянно, беспрерывно.

— Прежде всего вы должны понять, что я вышел из металлического ящика, раньше меня здесь не было. По ночам вы видите звезды, и они такие же небесные светила, как и то, что сияет на вашем небосводе, только очень далекие. Вокруг них обращаются целые миры, подобные вашему. Вы понимаете, о чем я?

— Конечно. Я — не из Народа. В книгах я читал кое-что из астрономии.

— Хорошо. Тогда вам следует знать, что в металлическом ящике находится передатчик материи. Представьте себе что-то наподобие двери. Двери, которая в то же время является двойной дверью. На своей планете, очень далеко отсюда, я вошел через одну дверь, а вышел через другую — на вашей планете. Я понятно говорю?

— Пожалуй. — Бекрнатус, прикрыв рукой рот, украдкой зевнул. — А можешь ли ты вернуться тем же путем? Шагнуть в ящик и выйти на планете — там, высоко в небе?

— Да, могу.

— Именно так мы и прибыли в этот мир?

— Нет. Вы прилетели сюда на космическом корабле — большом металлическом ящике, построенном для передвижения среди звезд в те годы, когда для покорения межзвездных пространств еще не додумались до мгновенного переноса материи. Говорю об этом так уверенно, потому что вижу, что ваше окно взято из звездолета. Догадываюсь, что ваш металл позаимствован оттуда же. А еще я знаю, как давно вы находитесь на этой планете, поскольку на первой странице поэтического сборника, что ваша дочь показала мне, стоит дата издания.

Патна испуганно ахнула, а Бекрнатус подскочил на своем шезлонге, выпустив из рук глиняную миску. Миска упала на пол и вдребезги разбилась.

— Ты показала ему книгу? — прошипел Бекрнатус и с трудом встал.

— Нет, погодите! — воскликнул Лэнгли, осознав вдруг, что его неосведомленность в области здешних законов послужила причиной еще одного драматического инцидента.

Неужели он попытается убить свою дочь? Он с силой потянул за ранец.

— Это я виноват, я попросил книгу. Но у меня с собой много книг, сейчас я покажу их вам. Я дам вам несколько. Вот эту… и эту.

Бекрнатус не обращал внимания на его слова, даже если и слышал их. Но, увидев перед собой книги, тут же остановился. Он нерешительно протянул к ним руку.

— Книги, — зачарованно произнес он. — Книги, новые книги. Книги, которых я прежде не видел. Это чудо из чудес, у меня просто нет слов.

Он прижал книги к груди и почти упал на свое сиденье. Удачное вложение духовного капитала, молча порадовался Лэнгли. Никогда еще букварь и краткий словарь так высоко не ценились.

— У вас теперь могут быть любые книги, какие вы только пожелаете. Вы сможете ознакомиться с историей вашей колонии, причем во всех подробностях. Могу сказать, что, по моим грубым подсчетам, ваши люди появились здесь около трех тысяч лет тому назад. Скорее всего ваше прибытие на эту планету явилось результатом аварии. Есть две вещи, которые убедили меня в правильности этого соображения. Во-первых, этот мир страшен и беспощаден. Ему нечего дать вам. Даже представить себе нельзя, что планету могли избрать объектом для колонизации. Ну а во-вторых, вы полностью оторваны от технологии и культуры. У вас крайне мало книг; по всей вероятности, они взяты с погибшего корабля. Да и металл, что достался вам, видимо, из его останков.

То, что вы здесь выжили, иначе как чудом не назовешь. Легко объясним и тот факт, что у вас существуют социальные или классовые различия. Вашими предками, возможно, были ученые или представители командного состава корабля, что отличало их от обычных людей. И вы сохранили эту разницу.

— Я устал, — произнес Бекрнатус, любовно перебирая книги. — На меня сегодня обрушилось слишком много новой информации, над которой стоит поразмыслить. Поговорим завтра.

Закрыв глаза, он откинулся назад, удобно устраиваясь в шезлонге, но по-прежнему не выпуская из рук книг. Лэнгли самому давно хотелось спать настолько он изнурил себя теми неимоверными усилиями, которые он прилагал, выполняя простейшие движения. Дневной свет постепенно угасал; Лэнгли полюбопытствовал про себя насчет продолжительности дня на этой планете, но как-то лениво. Он достал из аптечки снотворное, гарантирующее восемь часов сна, и запил его водой из фляги. Ночной сон непременно взбодрит его, и утром все будет выглядеть в ином свете.

Ночью, сквозь сон, он чувствовал, как кто-то ходит по комнате, подходит к огню. Ему даже почудилось мягкое прикосновение к лицу чьих-то волос и легкий поцелуй в лоб. Правда, он не был уверен в реальности своих ощущений и решил, что видит сон.

Было уже совсем светло, когда он проснулся. Яркие лучи солнца били прямо в окно, и в потоке света серая каменная стена напротив окна неожиданно преобразилась. Ложе Бекрнатуса уже опустело. Патна, тихонько напевая, хлопотала у очага. Лэнгли пошевелился, и кровать скрипнула под ним. Патна живо повернулась и взглянула на него.

— Ты уже проснулся. Надеюсь, ты хорошо выспался. А отец взял топор и ушел на заготовку дров.

— Ты хочешь сказать, что он сам рубит дрова? — Лэнгли зевнул. Голова его все еще была тяжелой от сна.

— Нет, что ты! Просто лезвие топора — из металла, поэтому он только носит топор и следит, чтобы с ним ничего не случилось, пока им работают. Твой завтрак готов.

Зачерпнув в котле, она протянула ему одну из глиняных мисок, доверху наполненную жидкой кашей. Он улыбнулся и отрицательно качнул головой.

— Спасибо, конечно, за твою заботу обо мне, но я не могу употреблять ни один из ваших продуктов питания, пока не сделаны лабораторные анализы…

— Ты думаешь, что я собираюсь отравить тебя?

— Вовсе нет. Но ты должна понять, что в человеческом организме, оторванном от привычной среды, происходят серьезные метаболические изменения, то есть изменения в обмене веществ. В почве и в растениях могут встречаться такие химические вещества, которые вы с легкостью усваиваете, но от которых я могу даже умереть. Твоя еда пахнет чудесно, но она может причинить мне вред. Ты ведь не хочешь, чтобы это произошло?

— Нет! Конечно, нет! — Она почти отшвырнула от себя миску с кашей. — Что же ты тогда будешь есть?

Он открыл ранец, достал плотный целлофановый пакет с едой и потянул за специальную петельку для разогревания пищи. Лэнгли только сейчас понял, насколько он проголодался; он, можно сказать, ощущал зверский голод, чего с ним никогда не случалось. Он торопливо вычерпал ложкой до дна весь концентрат, не дожидаясь, пока тот разогреется. Его тело, расходуя свои ресурсы на постоянную борьбу с бременем гравитации, жаждало питания.

— Ты знаешь, что это такое?

Он взглянул и увидел, что Патна держит в руках какой-то обгрызанный по краям обломок коричневого цвета.

— Нет, не знаю. Похоже на кусок дерева или кору.

— Это луб, волокнистая ткань дерева под корой; на нем мы обычно пишем. Но я не это имела в виду, когда спрашивала. Я имела в виду, что на нем что-то есть. Вот что я имела в виду…

Даже при тусклом свете Лэнгли разглядел, что она краснеет. Бедная девушка, ученая среди дикарей, на всю жизнь попавшая в ловушку этого гнетущего и обособленного от всех мира.

— Кажется, я догадываюсь, — мягко сказал он. — Не одно ли это из написанных тобой стихотворений? Если я прав — мне бы хотелось услышать его.

Она стыдливо прикрыла рукой глаза и на мгновение отвернулась — карикатура на застенчивую девицу с приземистым телом борца.

Вскоре она справилась с собой и начала читать стихотворение, сначала тихо, затем все громче:

Просить не смею я
Ни ласки, ни любви;
Боюсь — меня тогда
Гордыней поразит.
Нет, нет… Мне только б знать,
Что ты живешь вблизи,
И воздух целовать,

Которым дышишь ты.

Под конец Патна почти кричала. Затем она резко повернулась, отбежала в дальний угол комнаты и застыла там лицом к стене. Лэнгли подбирал про себя нужные слова. Стихотворение было хорошим. А написала ли она его сама или просто списала, он не знал — да это и не имело значения. Стихами она высказала то, что хотела сказать.

— Стихи прекрасны, — сказал он ей. — Действительно, прекрасные стихи…

Не успел он закончить свою мысль, как она устремилась к нему через всю комнату, тяжело топая, и опустилась на колени перед его кроватью. Ее массивные сильные руки обняли его, а ее лицо прижалось к его лицу, вдавливая его в подушку. На своих щеках Лэнгли ощутил влагу мокрых от слез щек Патны и у самого уха услышал ее приглушенный голос:

— Я всегда знала, что ты придешь. И я знаю, кто ты, ведь ты, как рыцарь из поэмы на сказочном коне, должен был прийти издалека, чтобы меня спасти. Ты знал, что нужен мне. Мой отец и я — единственные члены Семьи, больше никого не осталось. Я должна была выйти замуж за кого-то из Народа. Это произошло еще до тебя. Урод и дурак — о, как я ненавижу их — он был еще самым лучшим из них. Мы пытались научить его читать, а он, тупица, так и не научился. Но ты пришел вовремя. Ты — член Семьи, и ты возьмешь меня…

Слова замерли у нее на губах; в неистовом и страстном порыве она с силой прижалась горячими, трепещущими губами к его губам, а когда он попытался удержать ее за плечи и оттолкнуть от себя, его внешний скелет жалобно застонал от напряжения, но она не сдвинулась ни на дюйм. Обессиленная этим взрывом чувств, она наконец освободила его от своих объятий и зарылась лицом в подушку. Лэнгли встал, покачиваясь, и крепко ухватился за спинку кресла. Он заговорил, стараясь придавать словам искренность, чтобы хоть немного смягчить больно ранящие удары жестокой правды.

— Послушай, Патна, ты должна поверить мне. Ты мне нравишься, ты чудесная, превосходная девушка. Но этого просто не может быть. И не потому, что я уже женат — тот брак завершится еще до моего возвращения, — а из-за того, что мы живем с тобой в разных мирах. Ты не сможешь покинуть свой мир, а я умру, если останусь здесь. Адаптация в таких жестких условиях, через которую вынужден был пройти ваш народ, стоила невероятных усилий. Взять хотя бы систему кровообращения. Она

должна была полностью перестроиться; ведь чтобы обеспечить приток крови к мозгу, ваше давление крови должно в несколько раз превосходить нормальное, а у стенок сосудов мышечный слой должен быть намного толще, чтобы гнать по этим сосудам кровь. Возможны также серьезные изменения в клапанах и в системе распределения крови. По всей вероятности, ты не сможешь иметь детей от кого-либо не с этой планеты. Дети родятся мертвыми или умрут вскоре после рождения, абсолютно не приспособленные к жизни в мире высокой гравитации. Все, что я сказал — правда, ты должна поверить…

— Ты, тощий немощный урод, дылда, заткнись! — взвизгнула она и в ярости бросилась на Лэнгли, все так же не глядя на него.

Он попытался увернуться, но оказался слишком неповоротливым. Ее ладонь с размаху ударилась об его руку, и от неожиданной и резкой боли у него на мгновение померкло в глазах. Раздался треск.

«Вот стерва, сломала мне руку!» — вскрикнул он про себя, медленно оседая вниз. Предплечье, согнувшись под неестественным углом, беспомощно повисло, жестко связанное с внешним скелетом. И как же оно болело! Он бережно положил руку на колени и начал укачивать ее, словно пытался убаюкать боль; здоровой рукой он одновременно рылся в своих медикаментах. Патна попыталась было помочь ему, но он грубо прикрикнул на нее, и та отошла в сторону.

Пока затвердевала быстродействующая гипсовая повязка, Лэнгли принял хорошую дозу болеутоляющего, а заодно и транквилизатор — от нервов. В это время вошел Бекрнатус, с топором на плече.

— Что с твоей рукой? — спросил тот, бросив топор на пол и падая на свое ложе.

— Несчастный случай. Мне нужна срочная медицинская помощь, а ее могут оказать только на моей планете. Поэтому давайте не будем откладывать наш разговор. Я расскажу обо всем, что вам необходимо знать.

— Будет очень кстати. Хотелось бы задать несколько вопросов…

— Для вопросов не осталось времени. — Боль все еще не отпускала его, и Лэнгли говорил отрывистыми фразами. — Будь у меня побольше времени, я бы все очень подробно, не торопясь, разъяснил вам, чтобы вы поняли и согласились со мной. Но сейчас я просто расскажу вам, и все. Если вам нужна помощь, вы обязаны заплатить за нее. Установка экрана передатчика материи на такой отдаленной планете, как ваша, довольно дорогостоящая затея. Медикаменты, пища, источники энергии — все, чем мы

будем снабжать вас, — тоже стоят немалых денег. Вы должны будете возместить нам расходы.

— Мы будем вам, конечно, очень благодарны.

— На ваше спасибо ничего не купишь. — Боль затаилась, но он чувствовал, как при любом неосторожном движении трутся друг о друга концы сломанных костей. С нервами была та же история, несмотря на транквилизатор. — Слушайте меня внимательно и постарайтесь понять, что я говорю. С неба не падают бесплатные булки. Что бесплатно — то негодно. Во Вселенной намного больше планет, чем вы можете себе представить; и людей, населяющих эти планеты, намного больше, чем я могу себе представить. А передатчик материи делает их всех ближайшими соседями. Вы можете вообразить, какие формы обрела культура, система управления, финансы за тысячелетия? Нет. По вашему лицу видно, что не можете. Тогда просто немного поразмыслите вот над чем. Чтобы достичь определенных целей, люди объединяются в кооперации, что-то среднее между кооперативом и корпорацией — не знаю, есть ли хоть в одной из ваших книг такие слова. Я вхожу в одну из кооперацій, которая именуется «Открыватели миров». Мы исследуем незаселенные планеты и время от времени обнаруживаем миры, подобные вашему, которые еще не охвачены сетью нуль-перехода. За предлагаемые услуги мы требуем полностью расплатиться.

Патна молча стояла рядом с отцом, положив руку на его могучее плечо. Ее лицо, когда она взглянула на Лэнгли, выражало лишь ненависть и презрение. Бекрнатус, хорошо владевший собой, все еще не мог охватить разумом постулаты Галактики за пределами своей планеты.

— Мы с удовольствием заплатим вам сколько потребуется, но чем платить? У нас нет денег, нет и таких природных ресурсов, о которых ты спрашивал вчера вечером.

— Ваше богатство — вы сами, — бесстрастно заметил Лэнгли. Таблетки все глубже погружали его в состояние апатии. — В связи с тем, что, кроме этого богатства, вы ничем не владеете, выплата долга растянется на несколько поколений. Вам придется производить себе подобных быстрее и качественнее — в этом мы вам поможем. Не бесплатно, конечно. Мы проводим эксперименты в мирах с высокой гравитацией, и нам нужны наблюдатели. Автоматы не способны выполнять все операции. К тому же всегда найдутся желающие использовать таких выносливых работников, как вы…

— Ты явился сюда поработить нас, лишить свободы! — взревел Бекрнатус. Превратить свободных людей во вьючных животных. Никогда!

— Он схватил с пола топор и, размахивая им над головой, стремительно, насколько позволяла сила тяжести планеты, поднялся. Но Лэнгли был готов к такому обороту дел. Тесная комнатка сотряслась от грохота его ружья. В каменной стене позади Бекрнатуса образовалась глубокая вмятина.

— А теперь представь, что эта штука могла сотворить с тобой. Садись и перестань валять дурака. Будь уверен, я убью тебя, чтобы спасти свою жизнь. Мы не можем лишить вас свободы, потому что мир высокой гравитации уже сам по себе является тюрьмой для вас. Вы — в оковах той силы, которая давит на вас, прижимая к земле, которая заставляет падать различные предметы, когда их бросают. Эта сила слабее в других мирах. Я могу покинуть вашу планету и законсервировать нуль-передатчик — и наши отношения на этом закончатся. Если вы действительно этого желаете. Выбор за вами. — Он махнул ружьем в сторону Патны. — А теперь открой ту дверь!

Бекрнатус стоял, растерянно опустив руки, позабыв о топоре. Мир, который он знал, внезапно изменился, все изменилось. Лэнгли с трудом повесил ранец на одно плечо и взмахом ружья велел Патне отойти в сторону. Еле переставляя ноги, он направился к выходу.

— Я еще вернусь, и тогда вы сможете мне сообщить о своем решении.

Переборов отвращение, Патна окликнула Лэнгли, когда тот уже был за порогом.

— Этот передатчик материи — когда мы сможем воспользоваться им? Посмотреть на чудеса иных миров…

— Не скоро. Во всяком случае, ты не доживешь до этого. Пользоваться нуль-передатчиком можно только тогда, когда уплачены все долги. — Он был вынужден сказать ей это для ее же блага: ведь чем скорее она узнает правду, тем быстрее приспособится к изменившимся обстоятельствам. — А ты займешься другим, более полезным делом. Будут нужны не крепкие спины, а умные специалисты, управляющие сложными механизмами. Твое чрево — единственное, которое может производить их на свет. Не позволяй ему отдыхать.

Изнемогая от ходьбы, он шел до тех пор, пока не оказался на свободном от строений пространстве. Остановившись, он с облегчением опустил ранец на землю. Ноша была слишком тяжела, чтобы нести ее к нуль-передатчику. Он включил механизм уничтожения и продолжил свой путь, не оборачиваясь на буйное пламя позади. Дорогостоящее снаряжение, конечно, но оно запишется на их счет. Никуда они не денутся и примут его условия, да им и не из чего особенно выбирать. Это пойдет им

только на пользу. Не сразу, разумеется, но спустя какое-то время обязательно. Две приземистые фигуры все еще стояли на пороге дома, глядя ему вслед. Он пошел быстрее.

Чего они ожидали — милостыни? Вселенная не занимается благотворительностью. Нужно платить за все, что берешь у нее. Это естественный закон, и нарушить его невозможно.

А он выполняет свою работу, и все.

Всего лишь работу.

Он ведь помогает им?

Разве нет?

Спотыкаясь, утирая пот и задыхаясь, он спешил поскорее уйти отсюда.

ИСТОРИЯ КОНЦА

— Когда народный вождь Ийссел Дийк прошел сквозь двойник без всякого ущерба для себя и остановил встречный процесс концентрации, сводящий на нет все их устремления к расширению, он тем самым оказал влияние на будущее Эльстарана; отныне ничто не могло воспрепятствовать расширению пределов Эльстарана. Конец предложения. Конец параграфа. Конец главы. Конец книги. В набор.

Дехан с наслаждением потянулся. Экран, перед которым он сидел, потемнел, но уже через мгновение на нем появился продиктованный им текст. Легко прикасаясь к экрану стилосом, он внес в текст кое-какие поправки, затем удовлетворенно кивнул.

— В печать, — приказал он вслух и, оттолкнувшись от рабочего столика, взглянул на часы. Было почти семьдесят пять: в это время он обычно ходил купаться с Субуа, но сейчас он чувствовал себя безмерно уставшим для плавания. Работа требовала от него слишком большого напряжения и концентрации сил; усердно трудясь над книгой, он частенько забывал даже про сон. Зевая, он снова потянулся — сказывалось хроническое недосыпание — и, предвкушая долгожданный отдых, отправился спать.

— Выключить свет, — произнес он и закрыл глаза, полностью отдавая себя во власть бархатистой тьмы. Дехан заснул.

Когда он проснулся, часы показывали восемьдесят четыре. Субуа, конечно, давно ушла, не дождавшись его, но он был бы не прочь искупаться и без нее. Быстро скинув повседневную одежду, он облачился в халат и, как всегда, направился к правой Двери, которой обычно пользовался при выходе. В мыслях он уже наслаждался солнечным светом и плеском волн, а пальцы, словно

подчиняясь немому приказу, автоматически набирали на панели связи нужный двенадцатизначный цифровой код. Поверхность Двери замерцала, и он прошел сквозь нее.

Из прохладного подземного помещения, скрытого в толще скальных пород планеты, о которой он, в сущности, ничего не знал, он ступил прямо на побережье Итонга, под обжигающие лучи голубого солнца. Дыша полной грудью раскаленным, как в печи, воздухом, он пробежал по золотистому песку до самой кромки воды, где неторопливо и равномерно набегали на берег волны, разбиваясь на шипящие пузырьки. Чувствуя, как весь покрывается испариной, Дехан сорвал с себя халат, скинул сандалии и бросился в воду. Прохладные волны тотчас сомкнулись над ним; он нырял и плавал, и снова выныривал, а то и просто барахтался в воде, испытывая при этом огромное удовольствие.

Поднимая над водой голову, Дехан видел узкую прибрежную полосу, теряющуюся в необозримой дали по обе стороны от него, и возвышающуюся над ней серую пологую стену. И, как всегда, глядя на огромный барьер из серого камня, он лениво спросил себя, что же там может находиться, за тем барьером; но мысль эта занимала его недолго. Как-то на пляже ему сказали, что там, по всей вероятности, всего лишь тот же камень, поскольку суша, как и здешнее море, оказалась не способна породить хотя бы простейшие формы жизни. Чуть ниже скалы и рядом с ней виднелось множество Дверей: ведь Итонг считался излюбленным местом для купания. Люди торопливо входили и выходили из них; все мелководье, насколько Дехан мог охватить взглядом справа и слева от себя, было усеяно купающимися. Прозрачная свежая вода умиротворяюще действовала на него. Голову начало припекать, и он, полностью погрузившись в приятную прохладу волн, медленно поплыл вдоль совершенно ровного дна. Вынырнув, он заметил, как из Двери, которой он обычно пользовался, появился мужчина. Так же, как и Дехан, тот быстро пробежал к воде по обжигающему песку пляжа. Мгновение спустя он уже шумно плескался на мелководье, то ныряя, то снова появляясь на поверхности неподалеку от Дехана.

— Линкика, — представился незнакомец, заметив, что он здесь не один.

— Дехан.

Некоторое время они плавали рядом, соблюдая положенное время молчания — на случай, если кто-либо из них не расположен беседовать. Судя по тому, что никто из двоих не выказывал желания отплыть подальше, оба были настроены на разговор.

Дехан, прищурившись, посмотрел на солнце.

— Время на этой планете, кажется, перевалило через полдень, — произнес он. — Видите, солнце начинает склоняться к воде?

— Да. Вскоре нам придется подыскивать себе другой пляж, пока солнце снова не вернется сюда. Я тут как-то произвел некоторые расчеты, и у меня получились довольно интересные цифры. Оказывается, период вращения этой планеты — шесть тысяч четыреста тридцать единиц времени, а продолжительность дня — три тысячи двести пятьдесят. Впрочем, ранним утром здесь купаться слишком холодно.

— Вы ученый?

Насколько Дехан понимал, его собеседник должен был занимать в обществе высокое положение, иначе он не пользовался бы той Дверью, что и сам Дехан. Конечно, наслаждаться отдыхом на Итонге может любой, но у каждого определенного круга людей, занимающих одинаковое положение, были свои номера Дверей. Где-то на этом пляже была Дверь для детей, а возможно, и для сумасшедших. В последнем Дехан был не совсем уверен, да это и не интересовало его.

— Я — филогенетик.

Дехан не понял, тем не менее кивнул и плеснул водой на голову. Еще одно длинное слово. Еще одна специальность. Их, должно быть, тысячи, а может, и миллионы.

— А я — историограф.

— Как интересно. Я всегда хотел познакомиться с историографом.

Дехан закрыл глаза, мимикой изображая комическое недоверие.

— Правда? Я еще ни разу не встречал человека — кроме других историографов, конечно, — который хоть что-то слышал об этой специальности.

Его новый знакомый потер гладкую, как полированный шар, голову, начинающую краснеть под лучами солнца, и улыбнулся.

— Я не претендую на широкий диапазон моих познаний. Должен признаться, я отыскал значение этого слова в сноске, когда работал над…

При упоминании о его работе Дехан, естественно, пришел в замешательство и, нырнув, проплыл под водой круг, чтобы немного успокоиться. Существует определенный круг тем, которые не подлежат обсуждению во время купания.

— Я бы с удовольствием сейчас закрыл поры, — сказал он, снова вынырнув. А вы?

— Отличное предложение.

Они выбрались на берег и быстро оделись.

— На днях я посетил совершенно необыкновенный охладитель, — охотно поделился информацией Линкика, в надежде сгладить свой недавний промах.

Он вслух произнес номер кода, пальцами непроизвольно набирая в воздухе комбинацию цифр.

— Не знал о таком. С удовольствием отправлюсь, туда вместе с вами.

Оживившись, Линкика подошел к Двери и активировал ее. Дехан шагнул за ним и… едва устоял под яростным напором снежного вихря и ледяного ветра; дыхание его перехватило. Они очутились на обледеневшем гребне, оба склона которого круто уходили вниз, в затянутую снежной пеленой пустоту. Впереди, прямо на шероховатой поверхности скалы, виднелись еще две Двери, еле различимые в снежной кутерьме. Вьюга грохотала и выла на все лады, и, чтобы быть услышанным, Линкике пришлось кричать в самое ухо Дехана.

— Когда нет снегопада, отсюда прекрасный обзор. Вечный снег на вершинах гор, сами горы, долины — впечатляющее зрелище!

— Я… запомню, — пробормотал Дехан занемевшими от холода губами.

Стараясь придерживаться дороги, протоптанной их предшественниками, они осторожно пересекли гребень, постоянно поскальзываясь на его гладкой ледяной поверхности; от внушающих ужас обрывов с обеих сторон гребня их отделяли только поручни, укрепленные по одному на уровне пояса. С видимым облегчением они прошли сквозь Дверь и попали прямо в гардероб, где оба разошлись по кабинкам. Через малую Дверь Дехан отослал домой свою запачканную одежду, затем насухо вытерся и надел одноразовый костюм из распределителя. Кожа его горела; он чувствовал себя превосходно. Поистине то был прекрасный охладитель. Он обязательно наведается сюда еще раз, но лучше, конечно, в ясный день.

Линкика ждал его за столом возле огромного окна. Снаружи свет двойной луны заливал долину, наполняя ее всеми оттенками серого и черного там, где сливались друг с другом джунгли, холмы и река. Дехан узнал это место — они находились в одном из тропических миров, а помещение, из которого он любовался долиной, располагалось внутри высокого холма, и окно выходило на поверхность склона. Они кивнули друг другу и заказали себе по напитку. Заказ вскоре появился перед ними, и оба стали неторопливо потягивать содержимое бокалов.

— Чем вы занимаетесь? — спросил Дехан. — Филоген…

простите, не помню, как вы сказали.

— Филогенетик. Я пытаюсь проследить происхождение различных биологических видов, выявить их предшественников, установить связи между видами. Моя работа приносит ощутимую пользу животноводству, продовольственному растениеводству и тому подобному.

Дехан одобрительно кивнул, хотя понятия не имел, о чем идет речь. Приободренный, Линкика продолжал:

— Не так давно я консультировал по поводу одного генетического заболевания. Я проследил этиологию болезни и выявил, каким образом можно вылечить больного. Этот случай заставил меня заинтересоваться самым необычным представителем животного мира — человеком, и я начал прослеживать историю человечества. Можно сказать, что в некотором смысле между моими скромными исследованиями и вашим грандиозным трудом есть небольшое сходство. Не сомневаюсь, что вы добились потрясающих результатов за последнее время, не так ли?

Дехан кивнул и улыбнулся. Что бы там ни было, а его собеседник обладал прекрасными манерами. Ведь хорошо воспитанные люди не рассуждают о своей работе во всех подробностях, пока все участники беседы не расскажут о своей.

— Я завершил свою работу над Эльстараном. Утомительное занятие, должен вам сказать. Это самая неясная страница в истории человечества, причем написана сухим, невыразительным языком и изобилует ненужными подробностями, искажающими истинное значение этого периода истории для всего человечества. Конечно, то время было многим примечательно — взять хотя бы дюжину солнц и двадцать или около того планет, благополучно исчезнувших благодаря счастливой случайности, проявившей себя во взрыве Сверхновой. Я сократил более чем девятьсот томов до одного-единственного тома, не потеряв при этом ценности их содержания.

— Замечательно. Как мы нуждаемся в подобного рода таланте, чтобы из длинной ленты истории получились поддающиеся восприятию отрезки. Если бы не вы, нас бы захлестнул поток избыточной информации.

Могу заявить об этом со всей ответственностью, так как, занимаясь научной работой, я впервые осознал, в какое невероятно далекое прошлое уходит корнями история рода человеческого. Она, наверное, насчитывает миллионы единиц времени — как вы полагаете?

— Больше, много больше. — Дехан медленно и с чувством произнес эти слова.

— Вполне возможно. Я склонен верить этому. — Линкика наклонил голову, словно не выдержав бремени мыслей. — Мгновение, которое стоит посвятить красоте, если не возражаете. Близок рассвет; посмотрите, как сменяются краски неба.

Некоторое время они молча любовались предрассветным небом. Оно светлело прямо на глазах, и ничего удивительного в том не было — такая стремительность смены дня и ночи всегда присуща тропической зоне. От реки и деревьев поднимался туман; и первый робкий отблеск розовой зари упал в предрассветную мглу, легко касаясь темных омутов и водоворотов невидимой кистью. Картина, открывающаяся перед ними, завораживала своей красотой, и они замерли перед ней в восхищении.

— Кстати, в этой бесконечной цепи развития прогресса я выявил странные, любопытные, необычные и приводящие в недоумение факты, — нарушил молчание Линкика. — Вы когда-нибудь задумывались, почему мы взяли за основу двенадцатеричную систему счисления?

— С точки зрения математики это самый удобный вариант. Надо помнить только одиннадцать цифр и ноль. К тому же возможен неограниченный диапазон действий. Делится на один, два, три, четыре и шесть. Прекрасная основа.

— И это все?

— Этого достаточно.

— А вы никогда не задумывались, что в далеком прошлом, еще на заре нашего рода человеческого, мы, впервые начав считать, по своей наивности использовали в качестве основной системы свои пальцы? — Он положил руки на стол и посмотрел на свои двенадцать пальцев. — Разве это так уж невозможно?

— Возможно. Но это лишь теория. С таким же успехом вы могли бы сказать, что, будь у нас по пять пальцев на каждой руке, мы бы взяли за основу десять.

Линкика внезапно побледнел и одним глотком осушил свой бокал. Самообладание вернулось к нему.

— Интересное число. Вы его выбрали случайно? Или же в математике использовалась десятеричная система, подобно двоичной системе в компьютерах?

— Не помню. Но это довольно легко выяснить.

Дехан не спеша пересек комнату и подошел к одному из выводов компьютера, которые служили одним из элементов внутренней отделки всех общественных мест. У него был большой опыт в области работы с компьютером, очень большой опыт; и в своем стремлении вскрыть самые глубокие потаенные факты он был упрям до беспощадности, а эта задача показалась ему

элементарной по сравнению с другими. Он всегда знал, какие вопросы ему следует задавать. И сейчас его пальцы безостановочно двигались по клавишам пульта управления, меняя отображение информации почти в тот же момент, как оно появлялось на дисплее. Через местный компьютер его сигналы передавались на пространственный, связанный через передатчики материи со всеми галактическими банками памяти, хранящими данные по математике, истории и даже далеко, казалось бы, отстоящим от данной задачи другим наукам. Получив ответ, он быстро вернулся к столу и отпил из бокала.

— Интересную информацию выдала мне машина.

Когда-то — о боже, боже, как же давно это было! — повсеместно использовалась именно десятеричная система счисления, которую впоследствии заменили на двенадцатеричную, явно из-за превосходства последней. Так что от теории с пальцами придется отказаться.

— Не так быстро. Мои исследования выявили неизвестный до сих пор факт, что когда-то у большей части человечества было только по десять пальцев на руках.

— Совпадение, не больше. — В глубине души Дехан не верил в то, что сам говорил.

— Возможно. Но если моему факту есть объяснение — то каково оно? Если два факта взаимосвязаны, то вытекающий из этого логического уравнения результат может существовать в одном из двух вариантов. Переход от десятеричной системы счисления к двенадцатеричной повлек за собой изменение количества пальцев.

— Совершенно немыслимо.

— Согласен. Поэтому мы должны рассмотреть альтернативный вариант, а именно: человеческая раса исчезла в результате какой-то значительной мутации, кардинальных изменений или военного конфликта. Возможно, существовало противостояние двух враждующих групп населения, и в разразившейся между ними войне люди с двенадцатью пальцами победили людей с десятью…

— Подобной войны никогда не было. Я бы знал о ней.

— Разумеется. Но согласитесь, вопрос довольно интересный.

Некоторое время они молча потягивали напиток и наблюдали, как дневной свет постепенно заливает долину. Утренние туманы испарились с первыми же лучами огромного оранжевого солнца, брызнувшими из-за острых вершин грозных, величественных скал. У реки раскинулся целый поселок из примитивных хижин, и, чтобы разглядеть их получше, Дехан тронул рычажки управления окном. В то же мгновение

изображение увеличилось настолько, что возникло ощущение, будто они находятся среди хижин. Голубокожий абориген неуклюже перешагнул порог одной из них и широко зевнул, обнажая торчащие в длинных, как у ящера, челюстях ряды впечатляющих острых зубов. Существо подобрало палку и с раздражением ткнуло ее в глубокие складки кожи, холодно созерцая при этом нарастающее с каждой минутой пробуждение природы.

— Пленники времени, — произнес Линкика. — Когда-то и мы были такими же. Сама жизнь подтверждает теорию о сущности бытия.

— Что вы имеете в виду?

— Этих созданий. Их жизненный цикл связан с вращением планеты. Они спят в темное время суток и бодрствуют днем.

— Но это неестественно!

— Вовсе нет. Для любого организма, живущего на планетах, это вполне естественно. Нам потребовались тысячи поколений, чтобы преодолеть зависимость от цикла бодрствование/сон и прийти к нынешнему состоянию, при котором мы спим лишь тогда, когда устаем, причем нам достаточно непродолжительного сна.

— Не представляю себе, как может быть иначе. Если все же допустить, что кардинальные изменения действительно имели место, то что могло послужить причиной?

— Но это же очевидно! Двери. Их повсеместное использование, несомненно, повлекло за собой перемены, коснувшиеся всех сторон нашей жизни.

Дехан в удивлении приподнял брови.

— Значит, вы — один из тех, кто не верит в существование Дверей с момента зарождения жизни во Вселенной?

— Сказка для детей. Двери — творение рук человека, и мы до сих пор продолжаем их производить. Хотя сейчас они представляют собой единый узел, прочный, неразъемный блок; конструкцию, практически неподдающуюся разрушению. Они не всегда были такими. В музеях можно найти более ранние модели. Вы никогда не задавались вопросом, почему Двери всегда двойные? Всегда.

— Никогда не задумывался над этим. А разве их конструкция может быть иной? Мне она представляется такой естественной.

— Этому есть причина. Один инженер сказал мне: как ни совершенен механизм Двери, в нем случаются сбои, хоть и крайне редко. Если подобное когда-либо произойдет, то вторая Дверь всегда наготове. Ведь таких мест, где оставшемуся без Двери не позавидуешь, сколько угодно.

— Вы правы, — сказал Дехан, невольно поежившись при одной мысли о своей комнате.

Она находилась в самой толще скалы — в недрах мира, чье название он забыл. Он никогда не выходил на поверхность планеты, потому что там не было воздуха. В поисках драгоценных металлов на планете когда-то разрабатывались рудники, и в самом сердце каменных гор были пробиты огромные штольни. Когда запасы руды подошли к концу, штольни залили расплавленным шлаком. С промежутками. В результате получились своего рода отсеки, достаточно просторные, чтобы их можно было использовать как жилье — в конце концов, человек имеет право на частную жизнь. Каждый отсек снабдили Дверью. Без Дверей они были бы просто пузырями в скале. Любого оказавшегося внутри одного из них ожидала бы медленная смерть в одиночестве и забвении.

— Логически рассуждая, можно прийти к единственному заключению, — сказал Линкика. — Очевидно, было время, когда человечество не располагало Дверьми как невероятно это ни казалось бы для нас.

— Значит, вы — сторонник теории развития человечества из одного первоисточника, а не из многих?

— Конечно. Во-первых, биология как наука отрицает возможность появления одного и того же вида в разных местах, а затем последующее смешение. И так же, как было время, когда мы жили без Дверей, было и время, когда мы, словно в заключении, обитали лишь в какой-то одной ограниченной области пространства.

— То есть на одной планете?

— Не я, но вы пришли к такому выводу, — улыбнулся Линкика. — Подобные мысли могут завести нас слишком далеко.

— Почему же? Я не тороплю вас с выводами, поскольку я такой же горячий приверженец теории развития человечества из одного первоисточника, как и вы, хотя сейчас и не принято придерживаться этой теории. Я пойду даже дальше. Я уверен, что нашей прародиной действительно когда-то была одна-единственная планета. Так же как и у тех созданий снаружи, аборигенов этого мира, неспособных покинуть его.

— Вынужден согласиться с вами. Я признаю изменение физического облика, но, честно говоря, никогда не предполагал, что ему должны сопутствовать изменения в интеллекте. Вполне возможно, что при зарождении человечества мы были так же примитивны, как здешние аборигены. Но если так — то, очевидно, была лишь одна планета, на которой и возникло человечество.

— Я уже давно так думаю. За время своей работы я проследил весь путь человечества от наших дней назад, в глубь веков — конечно, насколько это было возможно. И всегда я сталкивался с явлением, когда простое перерастает в более сложное. Я завершил свои исследования и думаю, что полностью раскрыл неведомое нам доселе.

Линкика на мгновение закрыл глаза, всем своим видом показывая, как высоко он оценивает заслуги ученого.

— Не хотите ли вы сказать, что обнаружили этот протомир — нашу прародину?

— Возможно. Хотя порой меня одолевают сомнения. Я просмотрел все записи по нашей истории, даже самые древние, касающиеся событий невероятно далекого от нас времени. Я не совсем уверен, что найденная мной планета — та самая, но только древнее ее нет.

— Не будете ли вы так любезны сообщить мне ее код?

— С удовольствием. — И Дехан вслух произнес комбинацию цифр. — Более того, мы можем отправиться туда прямо сейчас и взглянуть на нее собственными глазами.

— Вы так добры. Признаться, я даже не ожидал такой любезности с вашей стороны.

— Буду рад пойти туда вместе с вами. Столь немногие проявляют интерес к этой теме.

Дехан первым прошел сквозь Дверь. Оба очутились в небольшой комнате, обстановка которой отличалась чрезвычайной простотой.

— Люди так редко приходят сюда, что это помещение чаще всего бывает закрыто. Взгляните, все мои посещения зафиксированы на счетчике. До меня в последний раз здесь были многие тысячи единиц времени тому назад. — Он посмотрел на показания контрольных приборов и удовлетворенно кивнул. — Воздух, температура — все в норме.

Отперев дверь, они прошли в длинную, похожую на коридор, комнату. С одной стороны в стене находились наблюдательные амбразуры, все остальное пространство было занято шкафами и дисплеями.

— Никаких признаков жизни, — сказал Линкика, посмотрев в одну из амбразур на мертвый высохший мир.

Солнце; немногим более яркое, чем остальные звезды, в черном небе выглядело холодным немерцающим диском. Жизнь давно покинула эту планету, воздух улетучился, вода испарилась, и лишь голые скалы и бесплодные пески однообразно и уныло тянулись до самого горизонта. Однако ближайшие огромные монолиты, покрытые трещинами и изъеденные временем, все еще

носили на себе следы обработки, напоминая о создавшем их разуме.

— В этих шкафах хранится несколько найденных здесь предметов, о назначении которых нужно еще догадаться.

Линкика с живейшим интересом повернулся к нему, ожидая увидеть нечто, потрясающее воображение. Однако оживление на его лице потухло и сменилось разочарованием.

— Все это может оказаться… ничем, — заметил он, указывая на бесформенные, тронутые временем глыбы металла и камня.

— Знаю. Но чего еще можно ждать от мертвой планеты?

— Ничего, вы совершенно правы.

Линкика еще раз глянул на обломки — немые свидетели ушедших веков, — затем снова перевел взгляд на безжизненную равнину и вздрогнул, словно от холода, хотя в помещении было тепло и уютно.

— Такое ощущение, будто все тысячелетия, что пронеслись над этим миром — а их было намного больше, чем я могу себе представить, — давят на меня своей непомерной тяжестью. Теперь я вижу, как мимолетен непродолжительный период моей жизни и как она незначительна.

— Я и сам не раз чувствовал здесь то же самое. Говорят, что человеческий разум не в состоянии вместить в себя идею собственной смерти, но, когда я здесь, я начинаю понимать, каким образом может вымереть биологический вид. Если бы не Дверь, мы навсегда остались бы на этой планете, словно в ловушке, и умерли бы здесь, как если бы то был единственный известный нам мир.

— Хорошо, что это не так. Для человека не существует границ. Мы правим повсюду.

— Но как долго? Не подобна ли одна галактика — в бесконечности времени одной планете? Не умрет ли она? Или — разве нас не может вытеснить какое-либо иное существо? Кто сильнее нас, совершеннее и лучше. Должен сказать, что в мои сны частенько врывается этот кошмар. Ведь Двери — повсюду. Разве не может оказаться одна из них там, где не следовало бы? Скажем, на планете, где то самое более сильное и совершенное существо, готовое к вторжению, дожидается удобного момента, чтобы незаметно проникнуть к нам, жить среди нас, постепенно нас вытесняя. Чтобы на вечные времена положить конец нашему существованию.

— Вполне вероятно, — согласился Линкика. — Нет ничего невозможного в нескончаемом потоке вечности. Думаю, что для нас вытеснение произойдет безболезненно. Впрочем, об этом мы никогда не узнаем. На что вы показываете? Что это?

— Подойдите сюда. Я хотел поговорить с вами прежде, чем вы увидите эту последнюю находку.

Они приблизились к ней, и освещение сразу усилилось, так что они без помех смогли разглядеть изображение незнакомого им существа. На рисунок — или фотографию — был нанесен толстый защитный слой из прозрачного материала, и, несмотря на почтенный возраст изображения, многие детали на нем хорошо различались.

— Что это за существо? — спросил Линкика. — Оно очень похоже на человека. Но, взгляните, в отличие от нас на его черепе есть шерсть, к тому же на глазах нет мигательной перепонки. Другое строение организма, суставы… и, обратите внимание: на каждой руке по пять пальцев, всего десять…

Он умолк, пораженный внезапной мыслью, пришедшей ему в голову, и с безмолвным удивлением повернулся к Дехану. Тот медленно кивнул:

— Именно это и пугает меня. В надписи под изображением указано имя одного из вождей настолько великих, что я обнаружил ссылки на него в нескольких источниках. В наших источниках. В древних записях. Глядя на этого человека, для меня становится очевидным…

— Но ведь люди — это мы!

— А так ли это? Мы называем себя людьми и владеем наследием человечества. Но разве не могло произойти — как мы недавно теоретизировали — вытеснение человечества? Что мы попросту вытеснили их?

— В таком случае кто же мы? — Линкика содрогнулся от догадки, промелькнувшей в голове.

— Мы? Сейчас мы являемся человечеством. И если не по кровному родству, то по общему культурному наследию. Но не это волнует меня. Мои мысли более эгоистичны.

Он надолго замолчал, и от воцарившейся тишины помещение казалось таким же мертвым, как сама планета.

— Меня ни на секунду не оставляют эти мысли. Кто же тот, ждущий за Дверью; который со временем — возможно, очень скоро — вытеснит нас?

ЛУЧШЕЕ ГАРРИ ГАРРИСОНА
The Best of Harry Harrison

ЛУЧШЕЕ
ГАРРИ
ГАРРИСОНА

ПРОНИКШИЙ В СКАЛЫ

Ветер проносился над гребнем хребта и мчался ледяным потоком вниз по склону. Он рвал брезентовый костюм Пита, осыпая его твердыми как сталь ледяными горошинами. Опустив голову, Пит прокладывал путь вверх по склону, к выступающей гранитной скале.

Он промерз до мозга костей. Никакая одежда не спасает человека при температуре пятьдесят градусов ниже пуля. Пит

чувствовал, как руки его немеют. Когда он смахнул с бакенбард кусочки льда, застывшие от дыхания, он уже не чувствовал пальцев. В тех местах, где ветер Аляски касался его кожи, она была белой и блестящей.

Работа как работа. Потрескавшиеся губы болезненно искривились в жалкое подобие улыбки. «Если эти негодяи в погоне за чужими участками добрались даже до этих мест, они промерзнут до костей, прежде чем вернутся обратно».

Стоя под защитой гранитной скалы, он нашарил на боку кнопку. Из стального ящичка, пристегнутого к поясу, донесся пронзительный вой. Когда Пит опустил лицевое стекло своего шлема, шипение вытекающего кислорода внезапно прекратилось. Он вскарабкался на гранитную скалу, которая выступала над замерзшим грунтом.

Теперь он стоял совершенно прямо, не чувствуя напора ветра; сквозь его тело проносились призрачные снежинки. Медленно двигаясь вдоль скалы, он все глубже опускался в землю. Какое-то мгновение верхушка его шлема торчала над землей, словно горлышко бутылки в воде, затем скрылась под снежным покровом.

Под землей было теплее, ветер и холод остались далеко позади; Пит остановился и стряхнул снег с костюма. Он осторожно отстегнул ультрасветовой фонарик от наплечного ремня в включил его. Луч света такой частоты, которая позволяла двигаться сквозь плотные тела, прорезал окружающие слои грунта, будто полупрозрачный желатин.

Вот уже одиннадцать лет Пит проникал в скалы, но так никогда и не смог отделаться от изумления при виде этого невероятного зрелища. Чудо изобретения, позволявшее ему проходить сквозь скалы, всепроникатель, он воспринимал как само собой разумеющееся. Это был всего лишь прибор, правда хороший, но все же такой, который при случае можно разобрать и починить. Удивительным было то, что этот прибор делал с окружающим миром.

Полоса гранита начиналась у его ног и исчезала внизу в море красного тумана. Этот туман состоял из светлого известняка и других пород, уходящих вперед застывшими слоями. Гранитные валуны и скальные массивы, большие и малые, окруженные си всех сторон более легкими породами, казалось, повисли в воздухе. Проходя под ними, он осторожно наклонялся.

Если предварительное обследование было правильным, то, идя вдоль гранитного хребта, он должен был напасть на исчезнувшую жилу. Вот уже больше года он обследовал различные жилы и выработки, постепенно приближаясь к тому

месту, откуда, как он надеялся, берут начало все эти жилы.

Пит шел вперед, нагнувшись и проталкиваясь через известняк. Порода проносилась сквозь его тело и обтекала его подобно быстро мчащемуся потоку воды. Протискиваться сквозь нее с каждым днем становилось все труднее и труднее. Пьезокристалл его всепроникателя с каждым днем все больше и больше отставал от оптимальной частоты. Чтобы протолкнуть атомы его тела, требовались немалые усилия. Он повернул голову и, моргая, попытался остановить взгляд на двухдюймовом экране осциллоскопа внутри шлема. Ему улыбнулось маленькое зеленое личико — остроконечные зигзаги волн сверкали подобно ряду сломанных зубов. Он нахмурился, заметив, каким большим стало расхождение между фактической линией волн и моделью, вытравленной на поверхности экрана. Если кристалл выйдет из строя, весь прибор разладится, и человека ждет медленная смерть от холода, потому что он не сумеет спуститься под землю. Или он может оказаться под землей в тот момент, когда кристалл выйдет из строя. Это тоже означает смерть, но более быструю и несравненно более эффектную — смерть, при которой он навсегда останется в толще породы подобно мухе в куске янтаря. Мухе, которая становится частью янтаря. Он вспомнил о том, как умер Мягкоголовый, и чуть заметно вздрогнул.

Мягкоголовый Сэмюэлз был из той группы ветеранов, несгибаемых скалопроникателей, которые под вечными снегами Аляски открыли залежи минералов. Он соскользнул с гранитной скалы на глубине двести метров и в буквальном смысле слова упал лицом прямо в баснословную жилу Белой Совы. Именно это открытие и вызвало лихорадку 63-го года. И когда падкие до наживы полчища людей хлынули на север, к Даусону, Сэм отправился на юг с большим состоянием. Вернулся он через три года, начисто разорившись, так что едва хватило на билет в самолет, и его недоверие к человечеству было безмерным.

Он присоединился к горстке людей около пузатой железной печурки, радуясь случаю хотя бы посидеть со старыми друзьями. О своем путешествии на юг он не рассказывал никому, и никто не задавал ему вопросов. Только когда в комнату входил незнакомец, его губы крепче сжимали сигару. Но вот «Норт Американ майнинг» перевела его в другую группу, и снова начались бесконечные блуждания под землей.

Однажды Сэм пошел под землю и больше не вернулся. «Застрял», — бормотали его дружки, но никто толком не знал, где это произошло, до тех пор пока в 71-м году Пит не наткнулся на него.

Пит очень отчетливо помнил этот день. Он проходил сквозь

каменную гряду, которая не была сплошной скалой, устал как собака и безумно хотел спать. Вдруг он увидел Мягкоголового Сэма, навечно пойманного каменным монолитом. На его лице застыла маска ужаса, он наклонился вперед, схватившись за переключатель у пояса. Должно быть, в это страшное мгновение Сэм понял, что его всепроникатель вышел из строя, — и скала поглотила его. Уже семь лет он стоял в этой позе, в которой ему суждено было остаться вечно, ибо атомы его тела неразрывно слились с атомами окружающей породы.

Пит тихо выругался. Если в самом скором времени не удастся напасть на жилу, чтобы купить новый кристалл, ему придется присоединиться к этой бесконечной галерее исчезнувших старателей. Его энергобатареи были при последнем издыхании, баллон с кислородом протекал, а залатанный миллеровский подземный костюм уже давно годился разве что для музея. На нем больше негде было ставить латки, и, конечно, он не держал воздуха как полагается. Питу нужна была только одна жила, одна маленькая жила.

Рефлектор на шлеме выхватил из тьмы на скале возле лощины какие-то кристаллические породы, отсвечивающие голубым. Пит оставил в стороне гранитный хребет, вдоль которого раньше шел, и углубился в менее плотную породу. Может, это и был ютт. Включив ручной нейтрализатор в штекер на поясе, он поднял кусок скальной породы толщиной в фут. Сверкающий стержень нейтрализатора согласовал плоскость вибрации образца с частотой человеческого тела. Пит прижал отверстие спектроанализатора к валуну и нажал кнопку. Короткая вспышка — сверкнуло обжигающее атомное пламя, мгновенно превратив твердую поверхность образца в пар.

Прозрачный снимок выпрыгнул из анализатора, и Пит жадно уставился на спектрографические линии. Опять неудача: не видно знакомых следов юттротанталита. Нахмурившись, он засунул анализатор в заплечный мешок и двинулся дальше, протискиваясь через вязкую породу.

Юттротанталит был рудой, из которой добывали тантал. Этот редкий металл был основой для изготовления мельчайших пьезоэлектрических кристаллов, которые делали возможным создание вибрационных всепроникателей. Из ютта получали тантал, из тантала делали кристаллы, из кристаллов — всепроникатели, которыми пользовался Пит, чтобы отыскать новое месторождение ютта, из которого можно было добыть тантал, из которого… Похоже на беличье колесо, и сам Пит был похож на белку, причем белку, в настоящий момент весьма несчастную.

Пит осторожно повернул ручку реостата на всепроникателе: он подал в цель чуть больше мощности. Нагрузка на кристалл увеличилась, но Питу пришлось пойти на это, чтобы протиснуться через вязкую породу.

Пита не оставляла мысль об этом маленьком кристалле, от которого зависела его жизнь. Это была тонкая полоска вещества, походившего на кусок грязного стекла, но на редкость хорошо отшлифованная. Когда на кристалл подавался очень слабый ток, он начинал вибрировать с такой частотой, которая позволяла одному телу проскальзывать между молекулами другого. Этот слабый сигнал контролировал в свою очередь гораздо более мощную цепь, которая позволяла человеку с его оборудованием проходить сквозь земные породы. Если кристалл выйдет из строя, атомы его тела вернутся в вибрационную плоскость обычного мира и сольются с атомами породы, через которую он в этот момент двигался… Пит потряс головой, как бы стараясь отбросить страшные мысли, и зашагал быстрее вниз по склону.

Он двигался сквозь сопротивляющуюся породу вот уже три часа, и мускулы ног горели как в огне. Если он хочет выбраться отсюда в целости и сохранности, через несколько минут придется повернуть назад. Однако целый час он шел вдоль вероятной жилы по следам ютта, и ему казалось, что их становится все больше. Главная жила должна быть на редкость богатой — если только удастся ее отыскать!

Пора отправляться в долгий путь назад, наверх. Пит рванулся к жиле. Он последний раз возьмет пробу, сделает отметку и возобновит поиски завтра. Вспышка пламени — и Пит посмотрел на прозрачный отпечаток.

Мускулы его тела напряглись, и сердце тяжело застучало. Он зажмурился и снова посмотрел на отпечаток — следы не исчезли! Линии тантала ослепительно сияли на фоне более слабых линий. Дрожащей рукой он расстегнул карман на правом колене. Там у него был подобный отпечаток — отснятое месторождение Белой Совы, самое богатое в округе. Да, не было ни малейшего сомнения — его жила богаче!

Из мягкого карманчика он извлек полукристаллы и осторожно положил кристалл Б туда, где лежал взятый им образец. Никто не сможет отыскать это место без второй половины кристалла, настроенного на те же ультракороткие волны. Если с помощью половины А возбудить сигнал в генераторе, половина Б будет отбрасывать эхо с такой же длиной волны, которое будет принято чувствительным приемником. Таким образом, кристалл отмечал участок Пита и в то же время давал ему возможность вернуться на это место.

Пит бережно спрятал кристалл А в мягкий карманчик и отправился в долгий обратный путь. Идти было мучительно трудно: старый кристалл в проникателе настолько отошел от стандартной частоты, что Пит едва протискивался сквозь вязкую породу. Он чувствовал, как давит ему на голову невесомая скала в полмили толщиной, — казалось, она только и ждала, чтобы стиснуть его в вечных объятиях. Единственный путь назад лежал вдоль длинного гранитного хребта, который в конце концов выходил на поверхность.

Кристалл уже работал без перерыва больше пяти часов. Если бы Пит на некоторое время смог выключить его, аппарат бы остыл. Когда Пит начал возиться с лямками рюкзака, руки его дрожали, но он заставил себя не торопиться и выполнить работу как следует.

Он включил ручной нейтрализатор на полную мощность и вытянул вперед руку со сверкающим стержнем. Внезапно из тумана впереди появился огромный валун известняка. Теперь проникающая частота вибраций была уже согласована с ним. Сила тяжести потянула вниз гигантский восемнадцатифутовый валун, он медленно опустился и исчез под гранитным хребтом. Тогда Пит выключил нейтрализатор. Раздался страшный треск, молекулы валуна смешались с молекулами окружающей породы. Пит ступил внутрь искусственного пузыря, образовавшегося в толще земли, и выключил свой всепроникатель.

Молниеносно — что всегда изумляло его — окружающий туман превратился в монолитные стены из камня. Луч рефлектора на шлеме пробежал по стенам маленькой пещеры-пузыря без входа и выхода, которую отделяло полмили от ледяных просторов Аляски.

Со вздохом облегчения Пит сбросил тяжелый рюкзак и, вытянувшись, дал покой измученным мышцам. Нужно было экономить кислород; именно поэтому он и выбрал это место. Его искусственная пещера пересекала жилу окиси рубидия. Это был дешевый, повсюду встречающийся минерал, который не имело смысла добывать так далеко, за Полярным кругом. Но все же он был лучшим другом скалопроникателя.

Пит порылся в рюкзаке, нашел аппарат для изготовления воздуха и прикрепил батарею к поясу. Затем он огрубевшими пальцами включил аппарат и воткнул контакты провода в жилу окиси рубидия. Беззвучная вспышка осветила пещеру, блеснули белые хлопья начавшего падать снега. Хлопья кислорода, созданного аппаратом, таяли, не успев коснуться пола. В подземной комнате образовывалась собственная атмосфера, пригодная для дыхания. Когда все пространство будет заполнено

воздухом, Пит сможет открыть шлем и достать из рюкзака продукты.

Он осторожно поднял лицевое стекло шлема. Воздух был уже подходящим, хотя давление — по-прежнему низким, а концентрация кислорода чуть выше нормы. Он радостно хихикнул, охваченный легким кислородным опьянением. Мурлыча что-то несусветное, Пит разорвал бумажную упаковку концентрата.

Он запил сухомятку холодной водой из фляжки и улыбнулся при мысли о толстых, сочных бифштексах. Вот произведут анализ, и у владельцев рудников глаза на лоб полезут, когда они прочитают сообщение об этом. И тогда они придут к нему. Солидные, достойные люди, сжимающие контракты в холеных руках. Пит продаст все права на месторождение тому из них, кто предложит самую высокую цену, — пусть теперь поработает кто-нибудь другой. Они выровняют и обтешут этот гранитный хребет, и огромные подземные грузовики помчатся под землей, перевозя шахтеров на подземные выработки и обратно. Улыбаясь своим мечтам, Пит расслабленно прислонился к вогнутой стене пещеры. Он уже видел самого себя, вылощенного, вымытого и холеного, входящим в *«Отдых шахтера»*…

Двое в подземных костюмах, появившиеся в скале, развеяли эти мечты. Тела их казались прозрачными; их ноги при каждом шаге увязали в земле. Внезапно оба подпрыгнули вверх, выключив проникатели в центре пещеры, обрели плотность и тяжело опустились на пол. Они открыли лицевые стекла и отдышались.

— Недурно попахивает, правда, Мо? — улыбнулся тот, что покороче.

Мо никак не мог снять свой шлем; его голос глухо донесся из-под складок одежды. «Точно, Элджи». Щелк! — и шлем наконец был снят.

У Пита при виде Мо глаза на лоб полезли, и Элджи недобро усмехнулся.

— Мо не ахти какой красавец, но к нему можно привыкнуть.

Мо был гигантом в семь футов, с заостренной, гладко выбритой, блестящей от пота головой. Очевидно, он был безобразным от рождения, и с годами не стал лучше. Нос его был расплющен, одно ухо висело как тряпка, и множество белых шрамов оттягивало верхнюю губу. Во рту виднелись два желтых зуба.

Пит медленно завинтил крышку фляги и спрятал ее в рюкзак. Может, это и были честные скалопроходцы, но по их виду этого не скажешь.

— Чем могу вам помочь, ребята? — спросил он.

— Да нет, спасибо, приятель, — ответил коротышка. — Мы как раз проходили мимо и заметили вспышку твоего воздуходела. Мы подумали — а может, это кто из наших ребят? Вот и подошли посмотреть. В наши дни нет хуже, чем таскаться под землей, правда? — произнося эти слова, коротышка окинул быстрым взглядом пещеру, не пропуская ничего. Мо с хрипом опустился на пол и прислонился к стене.

— Верно, — осторожно согласился Пит. — Я за последние месяцы так и не наткнулся на жилу. А вы, ребята, недавно приехали? Что-то я не припомню, видел ли я вас в лагере.

Элджи не ответил. Не отрываясь, он смотрел на мешок Пита, набитый образцами.

Со щелканьем он открыл огромный складной нож.

— Ну-ка, что там у тебя в этом мешке, парень?

— Да просто низкосортная руда. Я решил взять пару образцов. Отдам ее на анализ, хотя вряд ли ее стоит нести до лагеря. Сейчас я покажу вам.

Пит встал и пошел к рюкзаку. Проходя мимо Элджи, он стремительно наклонился, схватил его за руку с ножом и изо всех сил ударил коленом в живот. Элджи согнулся от боли, и Пит рубанул его по шее краем ладони. Не ожидая, когда потерявший сознание Элджи упадет на пол, Пит кинулся к рюкзаку.

Одной рукой он схватил свой армейский пистолет 45-го калибра, другой — контрольный кристалл и занес свой сапог со стальной подковкой над кристаллом, чтобы растереть его в пыль.

Его нога так и не опустилась вниз. Гигантская рука стиснула его лодыжку еще в воздухе, застопорив движение тела. Пит попытался повернуть дуло пистолета, однако ручища размером с окорок схватила его кисть. Пит вскрикнул — у него хрустнули кости. Пистолет выпал из безжизненных пальцев.

Пит минут пять сидел, свесив голову на грудь, пока Мо умолял потерявшего сознание Элджи сказать, что ему делать. Наконец Элджи пришел в себя, с трудом сел, ругаясь и потирая шею. Он сказал Мо, что надо делать, и сидел с улыбкой до тех пор, пока Пит не потерял сознания.

Раз-два, раз-два — голова Пита дергалась из стороны в сторону в такт ударам. Он не мог остановить их, они разламывали голову, сотрясали все его тело. Откуда-то издалека послышался голос Элджи:

— Хватит, Мо, пока хватит. Он приходит в сознание.

Пит с трудом прислонился к стене и вытер кровь, мешавшую ему видеть. И тут перед ним всплыло лицо коротышки.

— Слушай, парень, ты доставляешь нам слишком много

хлопот. Сейчас мы возьмем твой кристалл и отыщем эту жилу, и если она и впрямь такая богатая, как эти образцы, то я буду на седьмом небе и отпраздную удачу — убью тебя очень медленно. Если же мы не отыщем жилы, то ты умрешь намного медленнее. Так или иначе я тебя прикончу. Еще никто не осмеливался ударить Элджи, разве тебе это не известно?

Они включили проникатель Пита и поволокли избитого сквозь стену. Футов через двадцать они вошли в другую пещеру, намного больше первой. Почти все пространство занимала огромная металлическая громада атомного трактора.

Мо бросил Пита на пол и поддал проникатель ногой, превратив его в бесполезный металлолом. Гигант перешагнул через тело Пита и тяжелым шагом двинулся к трактору. Только он влез в кабину, как Элджи включил мощный стационарный проникатель. Когда призрачная машина двинулась вперед и исчезла в стене пещеры, Пит успел заметить, что Элджи беззвучно усмехнулся.

Пит повернулся и наклонился над разбитым проникателем. Бесполезно. Бандиты чисто сработали, и в этой шарообразной могиле не было больше ничего, что помогло бы Питу выкрутиться. Подземное радио находилось в старой пещере; с его помощью он мог связаться с армейской базой, в через двадцать минут вооруженный патруль был бы на месте. Однако его отделяет от радио двадцать футов скальной породы.

Он расчертил рефлектором стену. Трехфутовая жила рубидия, должно быть, проходила и через его пещеру.

Пит схватился за пояс. Воздуходел все еще на месте! Он прижал контакты аппарата к рубидиевой жиле — в воздухе закружились хлопья серебряного снега. Внутри круга, описываемого контактами, порода трескалась и сыпалась вниз. Если только в батареях достаточно электроэнергии и если бандиты вернутся не слишком быстро…

С каждой вспышкой откалывалось по куску породы толщиной примерно в дюйм. Чтобы вновь зарядить аккумуляторы, требовалось 3,7 секунды; затем возникала белая вспышка, и разрушался еще один кусок скалы. Пит работал в бешеном темпе, отгребая левой рукой каменные осколки.

Вспышка между контактами в правой руке — гребок левой рукой — вспышка и гребок — вспышка и гребок. Пит смеялся и в то же время плакал, по щекам бежали теплые слезы. Он и думать забыл, что при каждой вспышке аппарата освобождаются все новые и новые порции кислорода. Стены пещеры пьяно качались перед его глазами.

Остановившись на мгновение, чтобы закрыть лицевое стекло

своего шлема, Пит снова повернулся к стене созданного им туннеля. Он дробил неподатливую скалу, сражался с ней и старался забыть о пульсирующей боли в голове. Он лег на бок и стал отбрасывать назад осколки камней, утрамбовывая их ногами.

Большая пещера осталась позади, и теперь Пит замурован в крошечной пещере глубоко под землей. Он почти физически ощущал, что над ним нависла полумильная толща породы, давящей его, не дающей ему дышать. Если сейчас воздуходел выйдет из строя, Пит навсегда останется в своей рукотворной каменной гробнице. Пит попытался прогнать эту мысль и думать только о том, как бы выбраться отсюда на поверхность.

Казалось, время остановилось, осталось только бесконечное напряжение. Его руки работали как поршни, окровавленными пальцами он захватывал все новые и новые порции раздробленной породы.

На несколько мгновений он опустил руки, пока горящие легкие накачивали воздух. В этот момент скала перед ним треснула и обрушилась с грохотом взрыва, и воздух через рваное отверстие со свистом ворвался в пещеру. Давление в туннеле и пещере уравнялось — он пробился!

Пит выравнивал рваные края отверстия слабыми вспышками почти полностью разряженного воздуходела, когда рядом с ним появились чьи-то ноги. Затем на низком потолке проступило лицо Элджи, искаженное свирепой гримасой. В туннеле не было места для того, чтобы материализоваться; Элджи мог только потрясти кулаком у лица — и сквозь лицо — Пита.

Сзади, из-за груды щебня послышался громкий шорох, осколки полетели в стороны, и в пещеру протолкнулся Мо. Пит не мог повернуться, чтобы оказать сопротивление, однако, прежде чем чудовищные руки Мо схватили его за лодыжки, подошва его сапога опустилась на бесформенный нос гиганта.

Мо протащил Пита, словно ребенка, по узкому каменному коридору обратно в большую пещеру и бросил его на пол. Пит лежал, хватая воздух ртом. Победа была так близка…

Элджи склонился над ним.

— Уж слишком ты хитер, парень. Пожалуй, я пристрелю тебя прямо сейчас, чтоб ты не выкинул чего-нибудь еще.

Он вытащил пистолет Пита из кармана и оттянул назад затвор.

— Между прочим, мы нашли твою жилу. Теперь я чертовски богат. Ну как, ты доволен?

Элджи нажал спусковой крючок, и на бедро Пита словно обрушился удар молота. Маленький человек стоял над Питом и усмехался.

— Я всажу в тебя все эти пули одну за другой, но так, чтоб тебя не убить, по крайней мере не сразу. Ну как, готов к следующей?

Пит приподнялся на локте и прижал ладонь к дулу пистолета. Элджи широко улыбнулся.

— Прекрасно, ну-ка останови пулю рукой!

Он нажал спусковой крючок — пистолет сухо щелкнул. На лице Элджи отразилось изумление. Пит привстал и прижал контакты воздуходела к шлему Элджи. Гримаса изумления застыла на лице бандита, и вот голова его уже разлетелась на куски.

Пит упал на пистолет, передернул затвор и повернулся. Элджи был тертый калач, но даже он не знал, что дуло армейского пистолета 45-го калибра действует как предохранитель. Если к дулу что-то прижато, ствол движется назад и встает на предохранитель, и, чтобы произвести выстрел, необходимо снова передернуть затвор.

Мо неуверенным шагом двинулся вперед; от изумления у него отвисла челюсть. Повернувшись на здоровой ноге, Пит направил на него пистолет.

— Ни с места, Мо. Придется тебе доставить меня в город.

Гигант не слышал его; он думал только об одном.

— Ты убил Элджи — ты убил Элджи!

Пит расстрелял половину магазина, прежде чем великан рухнул на пол.

Содрогнувшись, он отвернулся от умирающего человека. Он ведь оборонялся, но, сколько бы он об этом ни думал, тошнота не проходила. Пит обмотал ногу кожаным поясом, чтобы остановить кровотечение, и перевязал рану стерильным бинтом из санитарного пакета, который он нашел в тракторе.

Трактор доставит его в лагерь; пусть армейцы сами разберутся в этой кутерьме. Он опустился на сиденье водителя и включил двигатель. Мощный проникатель работал безукоризненно — машина двигалась к поверхности. Пит положил раненую ногу на капот двигателя, перед радиатором которого плавно расступались земные породы.

Когда трактор вылез на поверхность, все еще шел снег.

КАК УМЕР СТАРЫЙ МИР

— Дедушка, расскажи, как наступил конец света, ну пожалуйста, — попросил мальчик, вглядываясь в морщинистое лицо старика, сидящего рядом на стволе поваленного дерева.

— Я тебе рассказывал про это уже тысячу раз, — пробормотал

тот сквозь сон, греясь в лучах теплого солнца. — Давай-ка лучше поговорим о поездах. Они…

— Хочу про конец света, деда. Ну расскажи, как он наступил, как все перевернулось…

Старик вздохнул и почесал ногу.

— Не надо так говорить, Энди, — произнес он, уступая упрямому внуку.

— Ты сам всегда так говоришь.

— Наступил конец света, того света, который я знал. Когда все перевернулось. Наступили смерть и хаос, насилие и грабеж.

Энди заерзал от восторга — это место ему очень нравилось.

— И не забудь про кровь и ужас, дедушка!

— Этого тоже хватало. И все из-за Александра Партагоса Скоби. Да будет проклято его имя!

— Ты хоть раз его видел? — спросил Энди, заранее зная, что услышит в ответ.

— Да, я видел Скоби. Он шел мимо и даже остановился в двух шагах от меня. Я разговаривал с ним вежливо. Вежливо! Если бы только знал, что случится… Тогда еще были заводы, и я работал на гидравлическом прессе. Честно работал. Лучше, если бы вместо: «Да, доктор Скоби, благодарю вас, доктор Скоби», — сунул бы его под пресс. Вот что надо было сделать.

— Что такое гидравлический пресс?

Старик уже не слышал его, в который раз воскрешая в памяти те дни, когда пришел конец всему — конец безраздельному владычеству человека на Земле.

* * *

— Скоби был сумасшедшим. Об этом уже заговорили потом, но было, конечно, поздно. И никто сначала не сообразил, чем это обернется. К нему отнеслись с вниманием, слушали, что он говорил, возражали, а он плевал на всех и делал свое дело. Да, делал свое дело. Как можно было спятившему человеку доверять лабораторию величиной с гору, открывать неограниченный кредит в банке и к тому же сохранять пенсию…

— Он всех ненавидел, хотел всех убить, этот старый Скоби, правда, дедушка?

— Так говорить про него несправедливо. — Старик повернулся немного вбок и распахнул знавший лучшие времена пиджак, подставляя грудь весеннему солнцу. — Я, как и все, ненавижу Скоби, что правда, то правда. Его сразу же убили, когда поняли, что он натворил, и никто не спросил, зачем он это

сделал. Может, он считал, что делает нужное дело. Или, может, он роботов любил больше, чем людей. В своих роботах он разбирался. Тут ничего не скажешь. Я помню, задолго до наступления конца света стали появляться его первые роботы, и люди испугались, что они отнимут у них работу. Кто мог тогда знать, что они отнимут у них все. Люди всегда боялись, что роботы превратятся в монстров и пойдут на них войной. Такого не случилось. Скоби придумал роботов, которые даже не знали о существовании людей.

— Он делал их тайком? — живо спросил Энди. Ему ужасно нравилась эта часть рассказа.

— Только одному Богу известно, сколько всего он наделал. Они были везде, во всех уголках Земли. Одних он оставлял около свалок металлолома, и они бросались под старые машины и там исчезали. Других — вблизи сталелитейных заводов, среди скрапа. Они плодились со страшной быстротой. Мы и опомниться не успели — было уже поздно. Слишком поздно, чтобы остановить их.

— Они научились изготавливать друг друга?

— Они не могли сами себя производить, это не совсем правильно. Но те, которые придумал Скоби, оказались весьма удачные. Доведены до совершенства. Запрограммированы только на одно — делать себе подобных. Только и всего. Когда один робот завершал работу над изготовлением другого, он активировал магнитную копию мозга, записанную на стальную ленту, и новый робот принимался за себе подобного. Удивительно, до чего они оказались гибкими! Они были из чистого алюминия. Оставишь такой робот вблизи ангара, и через неделю из старых самолетов появлялись уже два робота. Да что там самолеты — им достаточно было простой консервной банки. Скоби додумался до того, что создал робота, который состоял из шестеренок и работал на древесном угле. Они сожрали все джунгли Амазонки и Конго. Они оказывались повсюду. В самых труднодоступных местах — там, где нормальный человек не может жить. Но Скоби было все подвластно, потому что он сумасшедший. Первые роботы, изобретенные им, боялись света. Вот почему их сначала никто не заметил, а потом стало поздно. Когда люди поняли, что происходит, роботов было почти столько же, сколько и людей. Через несколько дней их стало больше, и это был конец света.

— Но они стали сражаться с роботами? В ход пошли пушки, танки и все такое? Их начали уничтожать… тра…та…та…

— Они гибли тысячами, но им на смену приходили миллионы. А у танков не оказалось снарядов — ведь роботы

уничтожали заводы, чтобы делать новых и новых роботов. В то время как танковые пушки уничтожали одних, другие подходили сзади и уничтожали танки. Это был самый настоящий ад, скажу тебе. Роботы готовы были умирать. Они могли себе это позволить. Если взрывалась нижняя часть туловища, то верхняя тут же начинала все сначала, а рядом стояли другие и наблюдали. К тому времени они перестали бояться света, готовые броситься и перегрызть друг другу глотку за какую-нибудь микросхему или транзистор, чтобы только продолжить заложенный в них процесс размножения. В конце концов мы сдались. А что еще нам оставалось делать? Теперь сидим вот и смотрим друг на друга. Одно занятие — есть и спать.

Подул ветерок, зашевелил листву деревьев, за которыми скрылось солнце. Старик встал и потянулся — он боялся простудиться.

— Пора возвращаться домой.

— И тогда наступил конец света? — спросил Энди, дергая деда за жилистую руку. Ему хотелось дослушать рассказ до конца.

— Для меня да, но не для тебя. Тебе это не понять. Пришел конец всему: цивилизации, свободе, величию человека, его правлению. Теперь на Земле правят роботы.

— Учитель говорит, что они не правят, а просто существуют… как деревья или камни… ведут себя нейтрально… — так говорит учитель.

— Что понимает твой учитель, — сердито проворчал старик. — Мальчишка, двадцати лет от роду. Я бы мог многое порассказать ему. Говорю тебе, сейчас у власти стоят роботы. Человека скинули с вершины власти.

Они вышли из лесу и сразу же натолкнулись на робота, сидящего на корточках, который обрабатывал напильником заготовку. Старик в сердцах пнул робота. Послышался глухой металлический звук, и у того покачнулась голова. Видимо, он был собран на скорую руку или изготовлен из некачественного материала. Не успела голова коснуться земли, как послышался топот ног и роботы со всех сторон устремились к ней. Одни вырывали ее друг у друга, другие бросились за покатившейся шестеренкой. Через несколько минут все было кончено, и они скрылись в лесной чаще.

— Энди! — послышалось из аккуратного небольшого домика, к которому вела дорожка, вымощенная плитками.

— Наверное, опять опоздали на обед, — виновато сказал мальчик. Он взбежал по лестнице, ступеньки которой были сварены из корпусов роботов, и, взявшись за дверную ручку,

сделанную из руки робота, повернул ее. Дверь отворилась.

Старик не спешил входить, не желая попадать на глаза дочери. В его ушах еще звучали ее слова, сказанные в прошлый раз: «Не забивай мальчику голову разной чепухой. Мы живем в прекрасном мире. Почему ты не носишь одежду, сшитую из изоляции роботов? На тебе провонявшее старье, которое носили сто лет тому назад. Роботы — наше национальное достояние. Они не враги нам. Без них мы ничего не достигли бы». И так далее и тому подобное — старая заезженная пластинка.

Он вынул трубку, сделанную из пальца робота, набил ее и стал раскуривать. Раздался топот бегущих ног, и из-за угла показалась телега, деревянные борта которой были прикреплены к обезглавленным роботам, — прекрасное средство для передвижения по любой дороге. Теперь такими телегами пользовались все фермеры в деревне. Дешево и сердито. К тому же неограниченный запас бесплатных запасных деталей.

— Какое же это, черт возьми, идеальное общество, — пробормотал старик, выпуская клубы дыма. — Человек создан для работы, тяжелой работы. Ничто не должно доставаться ему легко. А за него все делают эти проклятые роботы. Он, даже если и захочет, не сможет и дня прожить честно. Конец света, вот что это такое. Конец моего света.

НАКОНЕЦ-ТО ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ФРАНКЕНШТЕЙНА

— Итак, господа, здесь есть тот самый монстр, которого создал мой горячо любимый прапрадедушка, Виктор Франкенштейн. Он скомпоновал его из кусков трупов, добытых в анатомических театрах, частей тела покойников, только что погребенных на кладбище, и даже из расчлененных туш животных с бойни. А теперь смотрите!..

Говоривший — человек с моноклем в глазу, в длинном сюртуке, стоявший на сцене, — театральным жестом выбросил руку в сторону, и головы многочисленных зрителей разом повернулись в указанном направлении. Раздвинулся пыльный занавес, и присутствовавшие увидели стоявшего на возвышении монстра, слабо освещенного падавшим откуда-то сверху зеленоватым светом. Толпа зрителей дружно ахнула и судорожно задвигалась.

* * *

Дэн Брим стоял в переднем ряду. Напором толпы его прижало к веревке, отделявшей зрителей от сцены. Он вытер лицо влажным носовым платком и улыбнулся. Чудовище не казалось ему особенно страшным. Дело происходило на карнавале, в пригороде Панама-сити, где торговали разными дешевыми безделушками. У чудовища была мертвенно-бледная шкура и стеклянный взгляд. На морде его виднелись рубцы и шрамы. По обе стороны головы торчали металлические втулки, точь-в-точь как в известном кинофильме. И хотя внутри шапито, где все это происходило, было душно и влажно, словно в бане, на шкуре монстра не было ни капельки пота.

— Подними правую руку! — резким голосом скомандовал Виктор Франкенштейн Пятый. Немецкий акцент придавал властность его голосу. Тело монстра оставалось неподвижным, однако рука существа медленно, рывками, словно плохо отрегулированный механизм, поднялась на уровень плеча и застыла.

— Этот монстр состоит из кусков мертвечины и умереть не может! — сказал человек с моноклем. — Но если какая-нибудь его часть слишком изнашивается, я просто пришиваю взамен нее новый кусок, пользуясь секретной формулой, которая передается в нашем роду от отца к сыну, начиная с прапрадеда. Монстр не может умереть и не способен чувствовать боль. Вот взгляните…

Толпа ахнула еще громче. Некоторые даже отвернулись. Другие жадно следили за манипуляциями Виктора Франкенштейна Пятого. А тот взял острейшую иглу длиной в целый фут и с силой вогнал ее в бицепс монстра, так что концы ее торчали по обе стороны руки. Однако крови не было. Монстр даже не пошевелился, словно и не заметил, что с его телом что-то происходит.

— Он невосприимчив к боли, к воздействию сверхвысоких и сверхнизких температур, обладает физической силой доброго десятка людей…

* * *

Дэн Брим повернул к выходу, преследуемый этим голосом с навязчивым акцентом. С него достаточно! Он видел это представление уже трижды и знал все, что ему было нужно. Скорее на воздух! К счастью, выход был рядом. Он начал пробираться сквозь глазеющую одноликую толпу, пока не оказался под открытым небом. Снаружи были влажные, душные сумерки. Никакой прохлады! В августе на берегу Мексиканского

залива жить почти невыносимо, и Панама-сити во Флориде не составляет исключения. Дэн направился к ближайшему пивному бару, оборудованному кондиционером, и с облегчением вздохнул, почувствовав приятную прохладу сквозь свою влажную одежду. Бутылка с пивом моментально запотела, покрывшись конденсатом, то же самое произошло с увесистой пивной кружкой, извлеченной из холодильника. Он жадно глотнул пиво, и оно жгучим холодом обдало его изнутри. Дэн понес кружку в одну из деревянных кабинок, где стояли скамьи с прямыми спинками, вытер стол зажатыми в руке бумажными салфетками и тяжело опустился на сиденье. Из внутреннего кармана пиджака он извлек несколько слегка влажных желтых листочков и расправил их на столе. Там были какие-то записи, и он добавил несколько строк, а затем снова упрятал их в карман. Сделал большой глоток из кружки.

Дэн приканчивал уже вторую бутылку, когда в пивной бар вошел Франкенштейн Пятый. На нем не было сюртука, и из глаза его исчез монокль, так что он вовсе не был похож на недавнего лицедея на сцене. Даже прическа его «в прусском стиле» теперь казалась вполне обычной.

— У вас великолепный номер! — приветливо сказал Дэн, стараясь, чтобы Франкенштейн его услышал. Жестом он пригласил актера присоединиться к нему. — Выпьете со мной?

— Ничего не имею против, — ответил Франкенштейн на чистейшем нью-йоркском диалекте: его немецкий акцент улетучился вместе с моноклем. — И спросите, нет ли у них таких сортов пива, как «шлитц» или «бад» или чего-то в этом роде. Они здесь торгуют болотной водой…

Пока Дэн ходил за пивом, актер удобно устроился в кабине. Увидев на бутылках привычные ненавистные наклейки, он застонал от досады.

— Ну, по крайней мере, пиво хоть холодное, — сказал он, добавляя соль в свой бокал. Потом залпом осушил его наполовину. — Я заметил, что вы стояли впереди почти на всех сегодняшних представлениях. Вам нравится то, что мы показываем, или у вас просто крепкие нервы?

— Мне нравится представление. Я — репортер, меня зовут Дэн Брим.

— Всегда рад встретиться с представителем прессы. Как говорят умные люди, без паблисити нет шоу-бизнеса. Мое имя — Стенли Арнольд… Зовите меня просто Стэн.

— Значит, Франкенштейн — ваш театральный псевдоним?

— А что же еще? Для репортера вы как-то туго соображаете, вам не кажется?

Дэн достал из нагрудного кармана свою журналистскую карточку, но Стэн пренебрежительно от него отмахнулся.

— Да нет же, Дэн, я вам верю, но согласитесь, что ваш вопрос немного отдавал провинциализмом. Бьюсь об заклад, вы уверены, что у меня — настоящий монстр!

— Ну вы же не станете отрицать, что выглядит он очень натурально. То, как сшита кожа, и эти втулки, торчащие из головы…

— Вся эта бутафория держится с помощью гримировального лака, а швы нарисованы карандашом для бровей. Это шоу-бизнес, сплошная иллюзия. Но я рад слышать, что мой номер выглядит натурально даже для такого искушенного репортера, как вы. Я не уловил, какую газету вы представляете?

— Не газету, а информационный синдикат. Я узнал о вашем номере примерно полгода назад и очень им заинтересовался. Мне пришлось быть по делам в Вашингтоне, там я навел о вас справки, потом приехал сюда. Вам не очень нравится, когда вас называют Стэном, правда? Лучше бы говорили Штейн. Ведь документы о предоставлении американского гражданства составлены на имя Виктора Франкенштейна…

— Что вы еще обо мне знаете? — голос Франкенштейна неожиданно стал холодным и невыразительным.

Дэн заглянул в свои записи на желтых листочках.

— Да… вот это. Получено из официальных источников. Франкенштейн, Виктор… Родился в Женеве, прибыл в Соединенные Штаты в 1938 году… и так далее.

— А теперь вам только осталось сказать, что мой монстр — настоящий, — Франкенштейн улыбнулся одними губами.

— Могу поспорить, что он действительно настоящий. Никакие тренировки с помощью йоги или воздействия гипноза, а также любые другие средства не могут привести к тому, чтобы живое существо стало таким безразличным к боли, как ваш монстр. Нельзя его сделать и таким невероятно сильным. Хотелось бы знать все до конца, во всяком случае, правду!

— В самом деле?… — ледяным тоном спросил Франкенштейн.

Возникла напряженная пауза. Наконец, Франкенштейн рассмеялся и похлопал репортера по руке.

— Ладно, Дэн, я расскажу вам все. Вы дьявольски настойчивы, профессионал высокого класса, так что, как минимум, заслуживаете знать правду. Но сначала принесите еще что-нибудь выпить, желательно чуточку покрепче, чем это гнусное пиво…

Его нью-йоркский акцент улетучился столь же легко, как

перед этим — немецкий. Теперь от говорил по-английски безукоризненно, без какого-либо местного акцента.

Дэн сдвинул в сторону пустые кружки.

— К сожалению, придется пить пиво, — заметил он. — В этом округе сухой закон.

— Ерунда! — воскликнул Франкенштейн. — Мы находимся в Америке, а здесь любят возмущаться по поводу двойственной морали за рубежом. Но в самой Америке ее практикуют настолько эффективно, что посрамляют Старый Свет. Официально округ Бэй может считаться «сухим», но закон содержит множество хитрых оговорок, которыми пользуются корыстолюбцы. Так что, под стойкой вы обнаружите достаточное количество прозрачной жидкости, носящей славное название «Белая лошадь». Она воздействует на человека столь же сильно, как и удар копытом означенного животного. Если вы все еще сомневаетесь, можете полюбоваться на дальней стене оправленной в рамочку лицензией на право торговли спиртным со ссылкой на федеральный закон. Так что администрации штата не к чему придраться… Просто положите на стойку пятидолларовую бумажку и скажите «Горная роса» — и не спрашивайте сдачи.

Когда оба они сделали по глотку, наслаждаясь отличным виски, Виктор Франкенштейн заговорил необыкновенно дружелюбным тоном:

— Называй меня Виком, приятель. Я хочу, чтобы мы были друзьями. Я расскажу тебе историю, которую мало кто знает. История удивительная, но это — чистая правда. Запомни — правда, а не всякая чушь вроде измышлений, недомолвок и откровенного невежества, которые ты найдешь в отвратительной книге Мэри Годвин. О, как мой отец сожалел, что вообще встретил эту женщину и в минуту слабости доверил ей тайну, раскрывшую некоторые изначальные направления его исследований!..

— Минуточку! — перебил его Дэн. — Вы сказали, что будете говорить правду, но меня не проведешь. Мэри Уоллстонкрафт Шелли написала свое произведение *«Франкенштейн, или Современный Прометей»* в 1818 году. Значит, вы и ваш отец должны быть настолько старыми…

— Дэн, пожалуйста, не перебивай меня. Заметь, я упомянул об исследованиях моего отца во множественном числе. Все они были посвящены тайнам жизни. Монстр, как его теперь называют, был его созданием. Отец прежде всего интересовался долгожительством и сам дожил до весьма преклонного возраста, которого достигну и я. Не стану докучать тебе и называть год моего рождения, а просто продолжу рассказ. Так вот, Мэри

Годвин жила тогда со своим поэтом, и они не были женаты. Это и дало моему отцу надежду, что в один прекрасный день Мэри может обратить внимание на то, что он не лишен обаяния, а отец сильно ею увлекся. Ты легко можешь себе представить, каков был финал этой истории. Мэри аккуратно записала все, что он порассказал, затем порвала с ним и использовала свои записи в известной презренной книге. Но она допустила при этом множество грубейших ошибок…

Франкенштейн перегнулся через стол и снова по-приятельски похлопал Дэна по плечу. Этот панибратский жест не слишком нравился репортеру, но он сдержался. Главное, чтобы собеседник выговорился.

— Прежде всего, Мэри сделала в книге отца швейцарцем. От одной мысли об этом он готов был рвать на себе волосы. Ведь мы из старинной баварской семьи, ведущей происхождение от древнего дворянского рода. Она написала также, что отец был студентом университета в Ингольштадте, но ведь каждый школьник знает, что университет этот был переведен в Ландшут в 1800 году. А сама личность отца — она позволила себе в отношении него немало непростительных искажений! В ее клеветническом опусе он изображен нытиком и неудачником, а в действительности он был средоточием силы и решительности. Но это еще не все. Мэри абсолютно превратно поняла значение его экспериментов. Ее утверждение, будто отец сочленял разрозненные части тел, пытаясь создать искусственного человека, просто нелепица. От истины ее увели легенды о Талосе и Големе, и она связала с ними работы отца. Он вовсе не пытался создавать искусственного человека, он реанимировал мертвеца! В этом-то и заключается величие его гения! Много лет он путешествовал по отдаленным уголкам африканских джунглей, изучая сведения о зомби. Он систематизировал полученные знания и усовершенствовал их, пока не превзошел своих учителей-аборигенов. Он научился воскрешать людей из мертвых — вот на что он был способен. В этом и состояла его тайна. А как эту тайну сохранить теперь, мистер Дэн Брим?

Глаза Виктора Франкенштейна широко раскрылись и в них блеснул зловещий огонек. Дэн инстинктивно отпрянул, но тут же успокоился. Он был в полной безопасности в этом ярко освещенном баре, в окружении множества людей.

— Ты испугался, Дэн? Не бойся.

Виктор улыбнулся, снова протянул руку и похлопал Дэна по плечу.

— Что вы сделали? — испуганно спросил Дэн, почувствовав, как что-то слабо кольнуло его в руку.

— Ничего, пустяки…

Франкенштейн снова улыбнулся, но улыбка было чуточку иной, пугающей. Он разжал кулак — и на ладони его оказался пустой медицинский шприц крохотных размеров.

— Сидеть! — тихо приказал он, видя, что Дэн намерен подняться.

Мускулы репортера сразу обмякли, и он, охваченный ужасом, плюхнулся обратно на скамью.

— Что вы со мной сделали?

— Ничего особенного. Совершенно безвредная инъекция. Небольшая доза наркотика. Его действие прекратится через несколько часов. Но до тех пор твоя воля будет полностью подчинена моей. Будешь сидеть смирно и слушать меня. Выпей пива, мне не хочется, чтобы тебя мучила жажда.

Дэн в панике, как бы со стороны наблюдал, как он, будто по собственному желанию поднял руку с кружкой и начал пить пиво.

— А теперь, Дэн, соберись и постарайся понять важность того, что я тебе скажу. Так называемый монстр Франкенштейна — не сшитые воедино куски и части чьих-то тел, а добрый старый зомби. Он — мертвец, который может двигаться, но не способен говорить. Подчиняется, но не думает. Движется — и все же мертв. Бедняга Чарли и есть то самое существо, которое ты наблюдал на сцене во время моего номера. Но Чарли уже основательно поизносился. Он мертв — и потому не способен восстанавливать клетки своего тела, а ведь они каждодневно разрушаются. Всюду у него прорехи — приходится его латать. Ноги его в ужасном состоянии — пальцев на них почти не осталось. Они отваливаются при быстрой ходьбе. Самое время отправить Чарли на свалку. Жизнь у него была длинная — и смерть не менее продолжительная. Встань, Дэн!

В мозгу репортера истошно билась мысль: «Нет! Нет!», — но он послушно поднялся.

— Тебя не интересует, чем занимался Чарли до того, как стал монстром, выступающим в шапито? Какой ты, Дэн, недогадливый! Старина Чарли был так же, как и ты, репортером. Он прослышал про любопытную историю — и взял след. Как и ты, он не понял всей важности того, что ему удалось раскопать, и разговорился со мной. Вы, репортеры, не в меру любопытны. Я покажу тебе папку газетных вырезок, которая полна журналистских карточек. Разумеется, я это сделаю до твоей смерти. После ты уже не сможешь все это оценить. А теперь — марш!

Дэн последовал за ним в темноту тропической ночи. Внутри у него все зашлось от ужаса, и все же он молча, покорно шел по

улице.

НЕМОЙ МИЛТОН

Большой автобус «грейхаунд» с тяжеловесной плавностью затормозил у остановки и распахнул двери.

— Спрингвиль! — объявил водитель. — Конечная остановка.

Пассажиры, толпясь в проходе между сиденьями, начали выбираться из салона навстречу палящему зною. Оставшись один на широком заднем сиденье, Сэм Моррисон терпеливо дожидался, когда автобус опустеет, а потом взял под мышку коробку из-под сигар, встал и двинулся к выходу. Сияние солнечного дня после полумрака, который создавали в салоне цветные стекла, казалось особенно ослепительным. От влажной жары миссисипского лета перехватывало дыхание. Сэм стал осторожно спускаться по ступенькам, глядя себе под ноги, и не заметил человека, стоявшего в двери автобуса. Вдруг что-то твердое уперлось ему в живот.

— Что за дела у тебя в Спрингвиле, парень?

Сэм, растерянно моргая, посмотрел сквозь очки в стальной оправе на жирного здоровенного верзилу в серой форме, который ткнул его короткой, толстой дубинкой. Живот верзилы огромной гладкой дыней нависал над поясом, съехавшим на бедра.

— Я здесь проездом, сэр, — ответил Сэм Моррисон и снял свободной рукой шляпу, обнажив коротко подстриженные седеющие волосы. Он скользнул взглядом по багрово-красному лицу, золотому полицейскому значку на рубашке и опустил глаза.

— Куда едешь, парень? Не вздумай скрывать от меня… — снова прохрипел тот.

— В Картерет, сэр. Мой автобус отходит через час.

Полицейский что-то буркнул в ответ. Тяжелая, начиненная свинцом дубинка постучала по коробке, которую Сэм держал под мышкой.

— Что у тебя там? Пистолет?

— Нет, сэр. Я никогда не ношу оружия. — Сэм открыл коробку и протянул ее полицейскому: внутри был кусочек металла, несколько электронных блоков и маленький динамик; все было аккуратно соединено тонкими проводами. — Это… радиоприемник, сэр.

— Включи его.

Сэм нажал на рычажок и осторожно настроил приемник. Маленький репродуктор задребезжал, раздались слабые звуки музыки, еле слышные сквозь рычание автобусных моторов. Краснорожий засмеялся.

— Вот уж настоящий радиоприемник ниггера… Коробка с хламом. — Голос снова стал жестким. — Смотри, не забудь убраться отсюда на том автобусе, слышишь?

— Да, сэр, — сказал Сэм удаляющейся, насквозь пропотевшей спине и осторожно закрыл коробку. Он направился к залу ожидания для цветных, но, проходя мимо окна, увидел, что там пусто. На улице негров тоже не было. Не останавливаясь, Сэм миновал зал ожидания, проскользнул между автобусами, стоявшими на асфальтированной площадке, и вышел через задние ворота автобусной станции. Все свои шестьдесят семь лет он прожил в штате Миссисипи и потому мгновенно почуял, что тут пахнет бедой, а самый верный способ избежать беды — это убраться куда-нибудь подальше. Улицы становились уже и грязнее. Он шел по знакомым тротуарам, пока не увидел, как работник с фермы в заплатанном комбинезоне направился к двери, над которой висела потускневшая вывеска «Бар». Сэм пошел вслед за ним. Он решил переждать в баре время, оставшееся до отхода автобуса.

— Бутылку пива, пожалуйста.

Он положил монетки на мокрую, обшарпанную стойку и взял холодную бутылку. Стакана не оказалось. Бармен не проронил ни слова и, выбив чек, с непроницаемым, мрачным видом уселся на стул в дальнем конце бара, откуда доносилось тихое бормотание радиоприемника. Лучи света, проникавшие через окна с улицы, не могли рассеять полумрак зала. Кабинки с высокими перегородками у дальней стены манили прохладой. Посетителей было мало, они сидели поодиночке, и перед каждым на столике стояла бутылка пива. Сэм пробрался между тесно расставленными столиками и вошел в кабину рядом с задней дверью. Только тут он заметил, что там уже кто-то сидит.

— Простите, я вас не видел, — сказал он, намереваясь выйти, но незнакомец жестом пригласил его сесть, снял со стола дорожную сумку и поставил рядом с собой.

— Хватит места для обоих, — произнес он и поднял бутылку с пивом. — За встречу.

Сэм отхлебнул глоток из своей бутылки. Незнакомец продолжал тянуть пиво, пока не выпил полбутылки. Со вздохом облегчения он сказал:

— Скверное пиво.

— Но вы, кажется, пьете его с удовольствием, — улыбнувшись, осторожно заметил Сэм.

— Только потому, что оно холодное и утоляет жажду. Я отдал бы ящик этого пива за бутылку «Бада» или «Бэллантайна».

Незнакомец говорил резко и отрывисто, глотая слова.

— Вы, наверное, с Севера? — прислушавшись, спросил Сэм. Теперь, когда глаза его привыкли к полумраку бара, он разглядел, что перед ним сидел молодой мулат в белой рубашке с закатанными рукавами. На его лице застыло напряженное ожидание, лоб был перечеркнут резкими морщинами.

— Вы чертовски правы. Я приехал с Севера и собираюсь уехать обратно… — Он внезапно умолк и отхлебнул пива. Когда он снова заговорил, его голос звучал настороженно. — А вы из этих мест?

— Я родился недалеко отсюда, а теперь живу в Картерете. Здесь у меня пересадка с одного автобуса на другой.

— Картерет — это там, где колледж?

— Верно. Я в нем преподаю.

Молодой человек в первый раз улыбнулся.

— Стало быть, мы с вами как бы коллеги. Я из Нью-йоркского университета, специализируюсь в экономике. — Он протянул руку. — Чарлз Райт. Все, кроме матери, зовут меня Чарли.

— Очень приятно познакомиться, — сказал Сэм медленно, несколько по-старомодному. — Я Сэм Моррисон, и в свидетельстве о рождении у меня тоже Сэм, а не Сэмюэль.

— Ваш колледж меня интересует. Я собирался побывать в нем, но… — Чарли внезапно умолк, услышав звук автомобильного мотора, который донесся с улицы, и наклонился вперед, чтобы видеть входную дверь. Только после того, как машина уехала, он откинулся на спинку стула, и Сэм увидел мелкие капельки пота, проступившие у него на лбу. Чарли нервно отхлебнул из бутылки.

— Вы не встретили на автобусной станции здоровенного полисмена с толстым пузом и красной рожей?

— Да, встретил. Когда я сошел с автобуса, он завел со мной разговор.

— Сволочь!

— Не горячитесь, Чарлз. Он всего-навсего полисмен, исполняющий свои обязанности.

— Всего-навсего!.. — Молодой человек бросил короткое грязное ругательство. — Это Бринкли. Вы, должно быть, слышали о нем — самый жестокий человек к югу от Бомбингэма. Следующей осенью его собираются избрать шерифом. Он уже магистр клана. Этакий столп общества.

— Подобные разговоры вас до добра не доведут, — мягко заметил Сэм.

— То же самое говорил Дядюшка Том — и, насколько я помню, он остался рабом до самой смерти. Кто-то должен сказать правду. Нельзя же вечно молчать.

— Вы рассуждаете, как участник автомарша за права негров. — Сэм безуспешно попытался придать своему лицу строгое выражение.

— Ну и что, я участвовал в этом марше, если хотите знать. Он заканчивается как раз здесь. А теперь еду домой. Я напуган и не боюсь в этом сознаться. Тут, на Юге, вы живете как в джунглях. Никогда не представлял себе, насколько это ужасно, пока не приехал сюда. Я работал в комитете избирателей. Бринкли об этом пронюхал и поклялся, что прикончит меня или упрячет на всю жизнь за решетку. И знаете — я в это верю. Сейчас я уезжаю, только вот жду машину, которая должна меня отвезти. Еду обратно к себе на Север.

— Насколько мне известно, у вас на Севере тоже есть свои трудности.

— Трудности! — Чарли допил пиво и встал. — После того, что я увидел здесь, я их даже так называть не стану. Нью-Йорк, конечно, не рай, но там есть шанс прожить немного больше. Там, где я вырос, на юге Ямайки, приходилось нелегко, но у нас был собственный дом и в неплохом районе и… хотите еще пива?

— Нет, одной бутылки мне вполне достаточно, спасибо.

Чарли вернулся с новой бутылкой пива и продолжил прерванную мысль:

— Может быть, на Севере мы считаемся гражданами второго сорта, но по крайней мере там мы все-таки граждане и можем добиться какого-то счастья, осуществления каких-то желаний. А здесь человек — рабочая скотина. И ничем другим он никогда не станет, если у него кожа не того цвета.

— Я бы этого не сказал. Положение все время улучшается. Мой отец был батраком, сыном раба, а я преподаватель колледжа. Это как-никак прогресс.

— Какой прогресс? — Чарли стукнул по столу, но голоса не повысил и продолжал гневным шепотом. — Одна сотая процента негров получает убогое образование и передает его другим в захолустном колледже. Слушайте, я не нападаю на вас. Я знаю, вы делаете все, что можете. Но на каждого человека вроде вас есть тысяча других, которые год за годом рождаются, живут и умирают в омерзительной нищете, без всякой надежды. Миллионы людей. Разве это прогресс? И даже вы сами — вы уверены, что не добились бы большего, если бы преподавали в приличном университете?

— Нет, только не я, — засмеялся Сэм. — Я рядовой преподаватель, и разъяснений студентам основ алгебры и геометрии для меня более чем достаточно без того, чтобы еще пытаться объяснить им топологию или Булеву алгебру или что-

либо в этом роде.

— А что это за штука, эта Бул… Я о ней никогда не слышал.

— Это, гм… логическое исчисление, специальный предмет. Я же говорил, что не мастер объяснять эти вещи, хотя довольно неплохо знаю их. По правде говоря, высшая математика — это мое увлечение. Если бы я работал в крупном учебном заведении, у меня не было бы времени, чтобы заниматься ею.

— Откуда вы знаете? Может быть, там была бы большая электронно-вычислительная машина. Разве это вам бы не помогло?

— Возможно, конечно, но я нашел способ обходиться без такой машины. Просто требуется немного больше времени, только и всего.

— А много ли его у вас осталось? — тихо спросил Чарли и мгновенно пожалел о сказанном, когда увидел, как пожилой человек молча опустил голову, так и не ответив на вопрос.

— Беру свои слова обратно. У меня слишком длинный язык. Простите, слишком уж я разозлился. Откуда вы знаете, чего бы вы достигли, будь у вас подготовка, возможности?…

Он замолчал, поняв, что лишь усугубляет свою бестактность.

Полусумрачную душную тишину бара нарушал лишь отдаленный шум уличного движения да тихая музыка. Бармен встал, выключил приемник и открыл дверцу погребка, чтобы достать еще один ящик пива.

Но музыка продолжала звучать где-то рядом как назойливое эхо. Чарли понял, что она доносится из коробки для сигар, лежавшей перед ним на столе.

— Там приемник? — спросил он, обрадованный возможностью переменить тему разговора.

— Да… впрочем, по существу нет, хотя блок приема радиоволн там есть.

— Если вы думаете, что все объяснили, то ошибаетесь. Я уже вам говорил, что моя специальность — экономика.

Сэм улыбнулся и, открыв коробку, показал на аккуратно смонтированную внутри радиосхему.

— Это сделал мой племянник. У него небольшая ремонтная мастерская, но он приобрел приличные знания по электронике в военной авиации. Я показал ему уравнение, и мы вместе собрали эту схему.

Чарли подумал о человеке, имеющем знания и практическую подготовку в области электроники, который вынужден растрачивать свои силы и способности в мастерской мелкого ремонта, но не высказал свою мысль вслух.

— А для чего эта штука?

— По правде говоря, ни для чего. Я сделал ее просто для того, чтобы на практике проверить, верны ли мои уравнения. Я полагаю, теория единого поля Эйнштейна вам не очень хорошо знакома?…

Чарли сокрушенно улыбнулся и поднял руки, показывая, что сдается.

— Рассказать о ней нелегко. Говоря упрощенно, предполагается, что существует связь между явлениями, между всеми формами энергии и вещества. Вы знакомы с самыми простыми преобразованиями: переходом тепловой энергии в механическую, как, например, в двигателе, электрической энергии в свет…

— Электрическая лампочка!

— Правильно. Исходя из этого было выдвинуто предположение, что существует связь между временем и световой энергией, так же как между гравитацией и светом — это уже было доказано, — между гравитацией и электричеством. Именно эту область я и исследовал. Я предположил, что внутри гравитационного поля существует некий заметный градиент энергии, подобный градиенту силовых линий, под действием которого железные опилки располагаются в магнитном поле. Нет, это сравнение не годится, пожалуй, лучше сравнить с проводником, в котором ток может бесконечно циркулировать в условиях сверхпроводимости, возникающей при низких температурах…

— Профессор, я запутался. Мне не стыдно в этом признаться. Может быть, вы объясните все на примере? Ну, скажем, что происходит в этом маленьком приемнике?

Сэм осторожно покрутил рычажок настройки, музыка стала чуть-чуть громче.

— Здесь интересна не радиопередача. Этот блок приема радиопередач лишь наглядно показывает, что я обнаружил утечку — нет, правильнее сказать, перепад между гравитационным полем Земли и гравитационным полем вот этого кусочка свинца в углу коробки.

— А где батарейка?

Сэм гордо улыбнулся.

— Вот в этом-то и соль — батарейки нет. Электроэнергия поступает извне, из…

— Вы хотите сказать, что ваш радиоприемник работает на гравитации? Получает электричество даром?

— Да… хотя на самом деле это не совсем верно…

— Но выглядит-то именно так!

Чарли был явно возбужден. Он низко наклонился над столом,

стараясь получше разглядеть, что в коробке.

— Я ничего не понимаю в электронике, но энергетическими ресурсами экономика занимается достаточно подробно. Можно ли усовершенствовать этот ваш прибор, чтобы он вырабатывал электричество при небольших затратах или вообще без затрат?

— Не сразу. Это лишь первая попытка…

— Но в конце концов можно? А ведь это означает…

Сэм решил, что молодому человеку вдруг стало плохо.

Его лицо посерело, как при потере крови, в глазах застыл ужас. Он медленно опустился на стул. Прежде чем Сэм успел спросить, что случилось, в дверях бара раздался зычный голос:

— Видел кто-нибудь парня по имени Чарли Райт? Ну, быстро. Отвечайте! Кто скажет мне правду, тому бояться нечего.

— Святой Иисус… — прошептал Чарли и буквально вжался в сиденье. Бринкли вошел в бар, держа руку на рукоятке пистолета, прищуренными глазами всматриваясь в полумрак зала. Ему никто не ответил.

— Кто вздумает прятать его, тому будет плохо! — прорычал он. — Все равно найду этого черномазого прохвоста!

Полицейский направился в глубь зала. Чарли, схватив сумку, перемахнул через перегородку кабины и метнулся к задней двери.

— Вернись, сукин сын!

Прыгая, Чарли зацепил ногой стол. Стол зашатался, и коробка из-под сигар соскользнула на пол. Прогромыхали тяжелые сапоги. Дверь скрипнула, Чарли выскользнул на улицу. Сэм нагнулся, чтобы поднять коробку.

— Убью! Держите его!

Приемник был цел. Сэм облегченно вздохнул и выпрямился, держа в руке дребезжащую коробку.

Из двух выстрелов он услышал только первый: второй он услышать не мог — пуля попала ему в затылок, и Сэм рухнул на пол. Смерть наступила мгновенно.

Патрульный Марджер, выскочивший из полицейской автомашины, ворвался в бар с пистолетом наготове и увидел Бринкли, входившего через заднюю дверь.

— Удрал, будь он проклят, будто испарился.

— Что здесь случилось? — спросил патрульный, засовывая пистолет в кобуру и глядя на лежавшее у его ног худое скрюченное тело.

— Не знаю. Должно быть, он подвернулся под пулю, когда я выпалил в того, который сбежал. Во всяком случае, наверно, тоже коммунист. Они сидели за одним столом.

— Могут быть неприятности из-за этого…

— Какие неприятности? — возмутился Бринкли. — Всего-

навсего еще один старый мертвый ниггер…

Двинувшись к выходу, он наступил сапогом на коробку из-под сигар. Она лопнула и рассыпалась на куски под тяжелым каблуком.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

От первого удара молотка дверь тряхнуло, от второго тонкая деревянная доска загудела подобно барабану. Бенедикт Верналл распахнул дверь и ткнул пистолетом в живот человека еще до того, как молоток в третий раз успел опуститься.

— Убирайся отсюда! Немедленно убирайся! — крикнул он пронзительней, чем ему бы хотелось.

— Не будь дураком, — спокойно сказал бейлиф, делая шаг в сторону, чтобы Бенедикт мог видеть двух полицейских за его спиной, — Я — бейлиф, и исполняю свой долг. Если ты застрелишь меня, этим двоим приказано убить тебя и всех, кого они обнаружат в квартире. Будь разумным человеком. Это ведь не первый случай. Он предусмотрен законом.

Один из полицейских поднял дуло автомата и с иронической улыбкой на лице щелкнул затвором. Рука Бенедикта с пистолетом медленно опустилась вниз.

— Так-то лучше, — одобрил бейлиф, и в третий раз он опустил молоток, накрепко пригвоздивший объявление к двери.

— Сорви с моей двери эту грязную бумажку, — прорычал Бенедикт, задыхаясь от ярости.

— Бенедикт Верналл, — бейлиф поправил очки на носу и начал размеренно читать объявление, которое он только что прикрепил к двери. — Вас уведомляют, что в соответствии с Актом о преступном деторождении от 1993 года вы объявляетесь виновным в преступном рождении ребенка. Таким образом, вы объявлены вне закона и государство больше не защищает вас от насилия.

— Вы даете право какому-нибудь сумасшедшему убить меня… что это за грязный закон?

Бейлиф снял очки и холодно посмотрел на Бенедикта.

— Мистер Верналл, — сказал он, — имейте мужество нести ответственность за последствия своих действий. Родился у вас незаконный ребенок или нет?

- Незаконный ребенок — нет! Беззащитное существо…

— Имели вы или нет разрешенный законом максимум двоих детей?

— Да, у нас двое детей, но эти не зна…

— Вы отказались воспользоваться советом и помощью

местной клиники по контролю над рождаемостью. Вы выгнали правительственного чиновника из департамента по вопросам населения. Вы отказались от услуг клиники абортов…

— Убийцы!

— …и от попыток Совета планирования семьи помочь вам. Предписанные законом шесть месяцев прошли, и вы не приняли никакого решения. Вы получили три предупреждения и игнорировали их. Ваша семья все еще имеет на одного потребителя больше, чем это предписано законом, поэтому мне было дано указание прикрепить на вашей двери это объявление. Вы сами в ответе за все, мистер Верналл, и в этой истории виноваты только вы.

— А по-моему виноват этот мерзкий закон.

— Тем не менее это закон данной страны, — сказал бейлиф, выпрямляясь во весь рост, — и ни вы, ни я не имеем права оспаривать его. — Он вынул из кармана свисток и поднес его к губам. — Моей обязанностью является, мистер Верналл, напомнить вам о том, что даже сейчас у вас есть возможность избежать печальных последствий, если вы согласитесь воспользоваться услугами Клиники умерщвления.

— Убирайтесь к дьяволу!

— Вот как! Меня уже посылали туда. — Бейлиф приложил свисток к губам и пронзительно засвистел. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки, когда Бенедикт захлопнул дверь.

* * *

Когда полицейские, преграждавшие путь толпе, отошли в сторону, на нижней площадке лестницы раздался животный рев. Толпа сцепившихся мужчин запрудила лестницу и, не прекращая схватки, кинулась наверх. Один из них вырвался было из ревущего клубка, но кулак одного из преследователей опустился ему на голову, он упал, и остальные затоптали его. Крича и ругаясь, толпа медленно продвигалась вверх по лестнице, и в тот момент, когда казалось, что до заветной двери осталось всего ничего, и настал решающий момент, один из лидеров гонки споткнулся и свалил двух других. В то же мгновение откуда-то из середины толпы выскочил жирный коротышка и ударился о дверь с такой силой, что ручка, которую он держал в руке, проткнула бумагу объявления и вошла глубоко в дерево.

— Доброволец избран! — прокричал бейлиф, и полицейские сомкнутым строем начали теснить неудачников, спускаясь вниз

по лестнице. Один из лежавших на площадке приподнялся. Изо рта его текла слюна, он жевал полоску от старого ковра. Двое санитаров в белых халатах были наготове. Один из них с привычной быстротой воткнул в шею мужчины шприц, другой развернул носилки.

В это время коротышка под внимательным взглядом бейлифа тщательно вписал свое имя в соответствующую графу объявления, потом бережно спрятал ручку в карман.

— Рад приветствовать вас как добровольца, вызвавшегося исполнить свой общественный долг, мистер… — бейлиф наклонился вперед, к двери, близоруко щурясь, — мистер Мортимер, — сказал он наконец.

— Мортимер — это не фамилия, а имя, — мягко поправил его человек, примачивая лоб платком, извлеченным из нагрудного кармана.

— Совершенно верно, сэр, ваше желание скрыть свою фамилию вполне понятно и уважается законом как право всех добровольцев. Можно считать, что вы знакомы с остальными правилами?

— Да, можно. Параграф 46 Акта о преступном деторождении от 1993 года, пункт 14, касающийся отбора добровольцев. Во-первых, я вызвался выполнить эту задачу добровольно в течение суток. Во-вторых, за это время я не должен нарушать или пытаться нарушить законы, гарантирующие безопасность других членов общества, а если это произойдет, я буду привлечен к ответственности за свои действия.

— Отлично, сэр. Это все?

Мортимер тщательно сложил платок и сунул его обратно в нагрудный карман.

— И в-третьих, — сказал он, поглаживая карман, — если мне удастся лишить жизни приговоренного, я не буду подвергаться судебному преследованию.

— Совершенно точно, — бейлиф кивком показал на огромный чемодан. Полисмен поднял крышку. — Теперь подойдите сюда и выберите то, что считаете необходимым. — Оба посмотрели на чемодан, доверху наполненный инструментами смерти. — Надеюсь, вам понятно, что в течение этих суток вы и сами рискуете жизнью. Известно ли вам, что если за это время вы будете убиты или ранены, ваша жизнь не охраняется законом?

— Не принимайте меня за дурака, — огрызнулся Мортимер, потом он указал на чемодан. — Я хочу взять одну из этих ручных гранат.

— Это запрещено законом, — резко сказал бейлиф, задетый грубостью Мортимера. Ведь и такие вопросы можно решать

корректно. — Бомбы и ручные гранаты применяют только на открытой местности, где они не причиняют вреда невинному. В жилом доме это невозможно. Вы можете выбрать любое другое оружие ближнего действия.

Мортимер нервно хрустнул пальцами и замер, склонив голову в позе молящегося. Глаза его были прикованы к содержимому чемодана — ручные пулеметы, гранаты, автоматические пистолеты, ножи, кастеты, ампулы с кислотой, кнуты, бритвы, осколки стекла, отравленные стрелы, булавы, дубинки с шипами, бомбы со слезоточивым и удушающим газом.

— Сколько я могу взять? — спросил он.

— Все, что считаете нужным. Помните только, что после вам придется отчитаться за оружие.

— Тогда беру пистолет-пулемет Рейслинга и к нему пять двадцатизарядных магазинов, кинжал для коммандос с зазубринами на лезвии и несколько гранат со слезоточивым газом.

Бейлиф быстро отметил названные предметы в своем списке.

— Это все? — спросил он.

Мортимер кивнул, взял из рук бейлифа список и не читая расписался внизу. Затем он начал рассовывать по карманам патроны и гранаты, перекинув через шею ремень пистолета-пулемета.

— Итак, у вас двадцать четыре часа, — сказал бейлиф, глядя на свои ручные часы и заполняя еще одну графу в ведомости. — Вы располагаете временем до 17.45 завтрашнего дня.

* * *

— Бен, пожалуйста, отойди от двери, — прошептала Мария.

— Тише! — прошипел Бенедикт, прижав ухо к двери. — Я хочу знать, о чем они говорят. — Его лицо напряглось: он пытался расслышать невнятную речь. — Ничего не понять, — сказал он наконец, отворачиваясь от двери. — Впрочем это не имеет значения. Я знаю, что он собирается делать…

— Он хочет убить тебя, — сказала Мария тонким голосом, похожим на девичий. Младенец у нее на руках заплакал, и женщина прижала его к груди.

— Пожалуйста, Мария, иди в ванную, как мы с тобой договорились. У тебя там кровать, вода, пища. Там нет окон и тебе не угрожает опасность. Сделай это для меня, дорогая, чтобы я не беспокоился о вас двоих.

— Тогда ты будешь здесь совсем один.

Бенедикт расправил узкие плечи и крепче сжал рукоятку револьвера.

— Здесь мое место, впереди, чтобы защищать свою семью. Это старо как мир.

— Семья, — прошептала женщина и беспокойно оглянулась кругом. — Как-то там Мэтью и Агнесс?

— У твоей матери они в безопасности. Она обещала как следует присмотреть за ними, пока мы не приедем. У тебя есть еще время уехать к ним. Как бы мне этого хотелось!

— Это невозможно. Я могу быть только здесь. И не могу бросить младенца у матери. Он будет голодать без меня. — Она посмотрела на ребенка, который все еще всхлипывал, и начала расстегивать верх платья.

— Дорогая, ну пожалуйста, — сказал Бенедикт, отодвигаясь от двери. — Отправляйся с ребенком в ванную и не выходи, что бы ни случилось. Он может появиться в любую минуту.

Мария нехотя повиновалась, и через мгновение он услышал щелчок замка в ванной. Затем Бенедикт попытался забыть об их присутствии — ведь эти мысли лишь отвлекали его и могли помешать тому, что предстояло сделать. Он уже давно выработал детальный план обороны и сейчас медленно пошел по квартире, проверяя, все ли в порядке. Во-первых, входная дверь — единственная дверь, ведущая в квартиру. Она заперта и закрыта на засов с цепочкой. Нужно только придвинуть платяной шкаф и убийца не сможет войти этим путем, разве что поднимет шум, а если он попытается сделать это, его будет поджидать Бенедикт с оружием в руках. Итак, этот участок в безопасности.

Ни в кухне, ни в ванной окон не было, поэтому за эти две комнаты он мог быть спокоен. Убийца может проникнуть в квартиру через спальню, потому что ее окно выходит на пожарную лестницу, но Бенедикт разработал план обороны и на этот случай. Окно спальни было закрыто, и открыть его снаружи можно было, только разбив стекло. Он услышит шум и успеет припереть дверь спальни заранее, потому что, может быть, ему самому придется туда отступить.

Таким образом, оставалась только одна комната, гостиная, и именно здесь он собирался расположиться. В гостиной было два окна, и дальнее окно, как и окно спальни, находилось рядом с пожарной лестницей. Убийца может ворваться через это окно. Во второе окно с пожарной лестницы попасть было нельзя, хотя убийца мог обстреливать его из здания напротив. Но угол, в котором он расположился, был надежно защищен от этого огня, так что здесь Бенедикту и следовало быть. Он задвинул в угол большое кресло и, внимательно осмотрев запоры на окнах

гостиной, уселся в него.

* * *

Он опустил револьвер на правое колено, направил дуло его к дальнему окну около пожарной лестницы. Всякий, кто попытается проникнуть через него в квартиру, тут же попадет под огонь Бенедикта. Правда, рядом было еще одно окно, но это мало беспокоило его, если только он не будет стоять прямо перед ним. Тонкие полотняные занавески были опущены, и, как только стемнеет, Бенедикт сможет смотреть через них, сам оставаясь невидимым. Повернув дуло револьвера на несколько градусов, Бенедикт мог держать под огнем дверь в прихожую. Если он заслышит возню около входной двери, то несколько шагов — и он окажется возле нее. Да, он сделал все, что мог. Он снова опустился в кресло.

Приближался вечер, и комната постепенно погружалась в темноту, однако отблеск городских огней позволял ему ориентироваться в полумраке. Было тихо, и каждый раз, когда он двигался в кресле, ржавые пружины под ним громко стонали. Прошло несколько часов, и Бенедикт понял, что в его плане есть одно маленькое упущение. Ему хотелось пить.

Сначала он попытался не замечать жажды, но к девяти часам вечера его рот совершенно пересох, а язык казался комком ваты. Он понимал, что не сумеет продержаться в таком состоянии ночь — жажда мешала ему сосредоточиться. Ему бы следовало прихватить с собой кувшин воды. Самым правильным было немедленно отправиться и принести воды, однако он боялся выйти из своего укрытия. Убийца не подавал никаких признаков жизни, и это действовало Бенедикту на нервы.

Внезапно он услышал, что Мария зовет его. Сначала тихо, затем ее голос стал все громче. Она беспокоится о нем. С ним ничего не случилось? Бенедикт выругался про себя. Он не решался ответить ей, по крайней мере не из гостиной. Единственно, что ему оставалось делать, это тихонько прокрасться к двери ванной, шепотом сказать ей, что все в порядке, чтобы она не волновалась. Может быть. тогда она сможет заснуть. А затем он миг бы пройти в кухню, набрать воды и принести ее с собой в гостиную.

Тихо, стараясь не дышать, Бенедикт встал, выпрямился в полный рост, расправил затекшие ноги. Все это время он не отрывал глаз от серого прямоугольника дальнего окна. Упершись носком одной ноги в пятку другой, он бесшумно снял туфли и на

цыпочках пошел к двери. Мария уже почти кричала, стуча в дверь ванной, и он поспешил к ней. Неужели она не понимает, что подвергает его смертельной опасности?

В тот самый момент, когда он приблизился к двери гостиной, в коридоре загорелся свет.

— Что ты делаешь? — крикнул он, застыв на месте и глядя на Марию. Женщина стояла у выключателя, щурясь от внезапного света.

— Я так беспокоилась…

Внезапно из гостиной донесся звон разбитого стекла, за которым тут же последовал оглушающий грохот автоматной очереди. Острая боль пронзила Бенедикта, и он упал на пол в коридоре

— Марш в ванную! — крикнул он, посылая пулю за пулей в темноту гостиной.

Он едва слышал сдавленный крик Марии и стук захлопнувшейся двери, и на мгновение забыл о боли. Гостиная наполнилась острым запахом пороха, и из нее потянулись клубы голубоватого дыма. Там что-то скрипнуло и Бенедикт мгновенно выстрелил в темноту. Тут же ответная очередь прошила стену над его головой, и посыпавшаяся штукатурка заставила его поморщиться.

Стрельба прекратилась, и Бенедикт понял, что пули убийцы не могли достать его — он был в стороне от дверного проема Тем не менее он продолжал держать дуло револьвера в направлении двери гостиной. Чтобы стрелять наверняка, убийце придется войти в коридор, и вот тут-то Бенедикт и пристрелит его. В стену над головой Бенедикта врезалось еще несколько очередей, но он не отвечал на них. Когда выстрелы стихли и наступила тишина, Бенедикт улучил момент, достал из кармана патроны и быстро перезарядил револьвер. Под ним растекалась большая лужа крови.

Направив дуло револьвера на дверь гостиной, Бенедикт левой рукой неумело закатал штанину на ноге и быстро взглянул вниз. Кровь продолжала струиться по его лодыжке, пропитывая носок. Пуля навылет пробила икру, оставив две круглые, темные дырки, из которых текла густая кровь. У него закружилась голова, он быстро отвел взгляд от раны и опять прицелился. Револьвер дрожал в его руке. Из гостиной не доносилось ни звука. Левый бок тоже горел как в огне, но когда Бенедикт вытащил рубашку из брюк и посмотрел, он понял, что эта вторая рана болезненна, но не опасна. Пуля скользнула по ребрам, и из образовавшейся царапины уже почти перестала течь кровь. А вот с раной на ноге нужно было что-то делать.

— Поздравляю тебя, Бенедикт, у тебя неплохая реакция…

От звука этого голоса Бенедикт непроизвольно нажал на спусковой крючок и дважды выстрелил в ту сторону, откуда доносился голос. Человек в гостиной засмеялся.

— Нервы, Бенедикт, нервы. То, что я собираюсь убить тебя, не мешает нам разговаривать, правда?

— Ты мерзавец, грязное, мерзкое животное! — вырвалось у Бенедикта. С его губ слетали грязные ругательства, цветистые обороты, которые он не употреблял со школьных времен. Внезапно он остановился, вспомнив, что его может услышать Мария. Прежде она никогда не слышала брани из его уст.

— Нервы, Бенедикт, — раздался сухой смешок из гостиной. — Все эти ругательства по моему адресу не меняют создавшегося положения.

— Слушай, уходи, я не буду в тебя стрелять, — сказал Бенедикт, осторожно вытаскивая левую руку из рукава. — Я не хочу с тобой знаться. Почему ты не уходишь?

— Боюсь, что все это не так просто, Бен. Ты сам создал это положение, в определенном смысле ты сам позвал меня сюда. Подобно волшебнику, выпустившему злого духа из бутылки. Хорошее сравнение, не правда ли? Разрешите представиться. Меня зовут Мортимер.

— Я не желаю знать твое имя, ты… мерзкая скотина. — Бенедикт не кричал больше, а почти шептал, он был занят тем, что молча снимал с себя рубашку. Она висела теперь на его правой руке, и Бенедикту пришлось на мгновение взять револьвер в левую руку, чтобы снять ее. Нога невыносимо болела, и, когда материя рубашки коснулась раны, Бенедикт застонал. Тут же он снова заговорил, чтобы скрыть стон. — Ты пришел сюда сам, по своему желанию — и я убью тебя!

— Молодец, Бенедикт, твоя смелость мне нравится. В конце концов, ты совершил самое серьезное преступление наших дней, ты человек антисоциальный, индивидуалист, продолжатель традиций Диллинджера и братьев Джеймс. Единственная разница в том, что они несли смерть, а ты несешь жизнь. Но оружие у тебя поплоше, чем у них… — Последовал сухой смешок.

— Ты ненормальный человек, Мортимер. Впрочем, чего еще можно ожидать от человека, который вызвался быть убийцей. Ты просто болен.

Бенедикту хотелось, чтобы разговор продолжался по крайней мере до тех пор, пока он не успеет забинтовать ногу. Рубашка была вся пропитана кровью, и он никак не мог затянуть скользкий узел одной левой рукой.

— Да-да, ты, конечно, болен, иначе ты не пришел бы сюда, —

продолжал он. — Что другое могло толкнуть тебя на это? — Бесшумно положив револьвер на пол, Бенедикт начал поспешно затягивать узел.

— Понятие болезни относительно, — донесся голос из темноты, — как относительно понятие преступления. Человек создает общество, и законы созданных им обществ определяют понятие преступления. Кто совершает преступление — человек или общество? Кто из них преступник? Ты можешь оспаривать свою вину, но ведь сейчас мы говорим о существующем положении вещей. Закон говорит, что ты преступник. Я здесь для того, чтобы обеспечить выполнение закона. — Грохот автоматной очереди как бы подтвердил его слова, и щепки от плинтуса осыпали Бенедикта. Тот затянул узел и поспешно схватил револьвер.

— Нет, это я олицетворяю высший закон, — сказал Бенедикт. — Закон природы, святость жизни, необходимость продолжения рода. В соответствии с этим законом я женился и любил, и мои дети — благословение нашего союза.

— Такое благословение у тебя и у остального человечества привело к тому, что люди пожирают мир подобно саранче, — ответил Мортимер. — Но это попутное замечание. Прежде всего я должен ответить на твои аргументы.

Первое. Естественный закон — это только тот, по которому образуются толщи осадочных пород и солнечный спектр. То, что ты называешь естественным законом, создано людьми и варьируется в зависимости от религии. Так что этот аргумент беспочвен.

Второе. Жизнь — это бесконечный поток, и сегодняшнее поколение должно умереть, чтобы могло жить завтрашнее. Все религии подобны двуликому Янусу. Они хмурятся при виде убийства и в то же время улыбаются, наблюдая войны и смертные казни. Этот аргумент тоже не имеет основания.

И последнее. Формы союза мужчины и женщины так же разнообразны, как и создавшие их общества. И этот аргумент беспочвен. Твой высший закон неприменим в мире фактов. Если он тебе нравится и дает тебе удовлетворение, ты можешь верить в свой высший закон, однако не пытайся оправдать им свои преступные действия.

— Это ты преступник! — закричал Бенедикт, дважды выстрелив в дверной проем. Ответная очередь распорола стену над самой его головой, и он прижался к полу. Оглушенный грохотом выстрелов, он услышал детский плач: в ванной заплакал разбуженный стрельбой ребенок. Бенедикт сунул руку в карман и быстро перезарядил барабан револьвера, с яростью

бросая на пол стреляные гильзы. — Это ты преступник, ты пытаешься убить меня, — продолжал он. — Ты-орудие мерзавцев, принявших этот бесчестный закон. Они заявляют, что я больше не могу иметь детей. Разве у них есть право на это?

— Какой же ты глупец, — вздохнул Мортимер. — Ты-общественное животное и как таковое не колеблясь принимаешь общественные дары. Ты принимаешь от общества лекарства, и твои дети не умирают, как они умерли бы в прошлом. Ты получаешь от общества питание, и твои дети не голодают. На это ты согласен. Но ты не согласен ограничить размеры своей семьи и пытаешься нарушить закон. Впрочем, ты уже нарушил его. В обществе ты должен соглашаться со всеми его законами, или отвергать все его принципы. Ты получаешь еду, так изволь платить за это.

— Я не прошу больше пищи, чем мне выделяется сейчас. Ребенок питается молоком матери, мы будем делиться остальной пищей…

— Слушай, не болтай чепухи. Ты и тебе подобные наводнили мир своими выродками, и вы еще не хотите остановиться. Вас уговаривали, упрашивали, подкупали, угрожали, но все напрасно. Сейчас пора кончать! Ты отказался от помощи — теперь в нашем голодном мире лишним ртом больше, а если так, то нужно закрыть этот лишний рот, убрать одного иждивенца. Это гуманный закон, он вырос из давних традиций индивидуализма и свободной, инициативы. Он дает тебе возможность защищать свои идеалы с оружием в руках. И свою жизнь.

— Это бесчеловечный закон, — ответил Бенедикт. — И как ты только можешь его принимать? Он жесток, холоден и не имеет смысла.

— Совсем наоборот. В этом законе заключен глубокий смысл. Посмотри на себя со стороны, попробуй без предрассудков оценить проблему, перед которой стоит весь наш народ. Мир жесток, но он не безжалостен. Закон сохранения массы является одним из основных во Вселенной. Мы так долго не считались с этим законом, и теперь здравый смысл обязывает нас оградить земной шар от избытка человеческой плоти. Призывы к разуму здесь бесполезны, пришлось принять закон. Любовь, женитьба, семья — все это разрешается, но до определенного предела. Если же у человека больше двух детей, он добровольно отказывается от защиты общества и принимает на себя всю ответственность за свои безрассудные действия. Если он нездоровый эгоист, его смерть принесет пользу всему обществу. Если же он здоров и в состоянии защищать свои интересы с оружием в руках, тогда он нужен обществу, а значит, и его потомство тоже нужно. Этот

закон ничем не угрожает добропорядочным гражданам.

— Как ты смеешь так говорить! Разве бедная беспомощная мать незаконного ребенка — преступница?

— Нет, пока она не отказывается от помощи общества. Ей даже позволено иметь ребенка. Если же она упорствует, то она должна за это поплатиться. Всегда найдутся тысячи бездетных женщин, которые добровольно примут участие в битве, чтобы сравнять счет. Они, как и я, на стороне закона и жаждут применить силу. Так что заткни мне глотку, если сможешь, Бенедикт, а то я с удовольствием заткну твой жадный рот.

— Сумасшедший, — прошипел Бенедикт, скрежеща зубами. — Подонок. Этот бесчеловечный закон вызвал к жизни отбросы общества, дал им в руки оружие и позволил убивать.

— И все же это полезный закон. Лучше безумный убийца, который приходит смело и открыто, чем преступник, тайком убивающий своего ребенка где-то в парке. Сейчас этот безумный убийца рискует своей жизнью, и, кто бы из нас ни был убит, обществу это пойдет на пользу.

— Ты признаешь, что ты безумец, убийца с лицензией на убийство? — Бенедикт попытался встать, но у него закружилась голова и потемнело в глазах. Он тяжело опустился на пол.

— Нет, не признаю, — равнодушно ответил Мортимер из темноты гостиной. — Я человек, добровольно помогающий закону уничтожить ваше подлое племя, размножающееся как свиньи.

— Тогда ты извращенный человек, ненавидящий любовь мужчины и женщины.

Донесшийся из темноты холодный смешок привел Бенедикта в ярость.

— Ты больной или сумасшедший! — закричал он. — Или сам не способен иметь детей и ненавидишь тех, у кого они есть…

— Замолчи! Мне надоело говорить с тобой, Бенедикт. Теперь я убью тебя…

Бенедикт впервые услышал нотки гнева в голосе Мортимера и понял, что попал в его слабое место. Он замолчал. Он был слаб и болен, кровь продолжала сочиться сквозь импровизированную повязку, и лужа на полу все росла. Необходимо сберечь остаток сил, чтобы прицелиться и выстрелить, когда убийца появится в двери. Он услышал, как за спиной почти беззвучно отворилась дверь ванной и прошелестели шаги. Безнадежным взглядом он окинул залитое слезами лицо Марии.

— С кем ты говоришь? — закричал Мортимер из гостиной. — Я слышал шепот. Если это твоя жена, Бенедикт, скажи ей, чтобы она уходила. Я не хочу нести ответственность за твою корову.

Пришло время платить за свои ошибки, Бенедикт, и я буду оружием закона.

Мортимер выпрямился и разрядил автомат в направлении коридора, затем нажал кнопку, освободил магазин, швырнул его вслед за пулями и мгновенно вставил запасной. Быстрым движением он передернул затвор.

Итак, он принял решение. Ему не потребуется нож. Он сделает несколько шагов, пошлет очередь в коридор, затем швырнет туда гранату со слезоточивым газом. Газ или ослепит Бенедикта, или по крайней мере не даст ему возможности прицелиться. И тогда он войдет в коридор с нажатым спусковым крючком, поливая пространство впереди себя градом пуль, и Бенедикт будет мертв. Мортимер сделал глубокий вздох и весь передернулся, но внезапно оцепенел. В дверном проеме показалась рука, медленно двигающаяся вверх.

Это было настолько неожиданно, что в первую секунду Мортимер не выстрелил. Когда же он наконец выстрелил, то промахнулся. Рука — плохая мишень для автоматического оружия. Рука повернула выключатель и исчезла. И в ту же секунду в гостиной вспыхнули лампы.

Мортимер выругался и послал длинную очередь туда, где только что была рука. Большие куски штукатурки посыпались на пол. Он чувствовал себя удивительно беззащитным в ярко освещенной комнате.

Из-за грохота автомата он не услышал первого револьверного выстрела и не понял, что в него стреляют, пока вторая пуля не вонзилась в пол рядом с его ногами. Он прекратил стрельбу, повернулся к окну и замер.

На пожарной лестнице у разбитого окна стояла женщина. Тоненькая, с широко раскрытыми глазами, она покачивалась, словно под сильными порывами ветра, и обеими руками сжимала револьвер, целясь в Мортимера через разбитое стекло. Револьвер судорожно дергался в ее руках при каждом выстреле, но она никак не могла попасть в Мортимера. В панике он нажал на спусковой крючок, посылая пули по широкой дуге к окну.

— Не стреляй! Я не хочу убивать тебя! — выкрикнул Мортимер.

Последняя пуля вонзилась в стену, автомат щелкнул и остался с открытым затвором. Мортимер выбросил пустой магазин и попытался вставить на его место новый. Револьвер выстрелил еще раз, пуля ударила Мортимера в бок, и он кубарем полетел на пол. Падая, он выронил автомат. В то же мгновение Бенедикт, который медленно, с трудом подполз к нему, схватил его за горло холодными пальцами,

— Не надо… — прохрипел Мортимер, судорожно отталкивая Бенедикта.

— Пожалуйста, Бенедикт, не убивай его, — крикнула Мария, влезая в окно. — Ты задушишь его.

— Нет… я слишком слаб, — прохрипел Бенедикт.

Взглянув вверх, он увидел револьвер в руке Марии. Протянув руку, Бенедикт выхватил его и прижал горячее дуло к груди Мортимера.

— Одним ртом меньше! — крикнул он и нажал на спусковой крючок. Раздался приглушенный выстрел, человек судорожно дернулся, и все было кончено.

— Милый, как ты себя чувствуешь? — Мария плача наклонилась над Бенедиктом, прижимая его голову к своей груди.

— Все… все в порядке. Я очень слаб, но это от потери крови. Кровотечение уже остановилось. Все кончилось. Мы победили. Теперь нам дадут дополнительный паек, и больше никто нас не будет беспокоить.

— Я так рада, — Мария попыталась улыбнуться сквозь слезы. — Я не хотела говорить тебе об этом раньше, у тебя и так было достаточно неприятностей. Но у нас… — Она опустила глаза.

— Что? — спросил он, не веря своим ушам. — Ты хотела сказать…

— Да, — Мария провела рукой по своему округлившемуся животу.

В ответ Бенедикт уставился на нее, широко открыв рот, не в силах вымолвить ни единого слова, подобно беспомощной рыбе, выброшенной на берег.

ЕСЛИ

— Мы прибыли, мы точны. Все расчеты верны. Вон оно, это место, под нами.

— Ты ничтожество, — сказала 17-я своей коллеге, отличавшейся от нее только номером. — Место действительно то. Но мы ошиблись на девять лет. Взгляни на приборы.

— Я ничтожество. Я могу освободить вас от тяжести своего бесполезного присутствия. — 35-я достала из ножен нож и попробовала лезвие, необычайно острое. Она приставила нож к белой полоске, опоясывающей ее шею, и приготовилась перерезать себе горло.

— Не сейчас, — прошипела 17-я. — У нас и без того нехватка рабочих рук, а твой труп едва ли пригодится экспедиции. Немедленно переключи нас на нужное время. Ты что, забыла, что

надо экономить энергию.

— Все будет, как вы прикажете, — сказала 35-я, соскользнув к пульту управления. 44-я не вмешивалась в разговор — она не спускала фасетчатых глаз с пульта, подкручивая своими плоскими пальцами различные ручки в ответ на показания многочисленных стрелок.

— Вот так, — произнесла 17-я, радостно потирая руки. — Точное время и точное место. Мы приземляемся и решаем нашу судьбу. Воздадим же хвалу всевышнему, который держит в руках все судьбы.

— Хвала всевышнему, — пробормотали ее коллеги, не спуская глаз с рычагов.

Прямо с голубого неба на землю спускалась сферическая ракета. Ракета, если не считать широкого прямоугольного люка, расположенного сейчас снизу, ничем не отличалась от шара и была выполнена из какого-то зеленого металла, возможно, анодированного алюминия, хотя и казалась тверже. Почему ракета движется и как тормозит, по ее внешнему виду было непонятно. Все медленнее и медленнее ракета опускалась ниже, пока не скрылась за холмами на северном берегу озера Джексона, над рощей корабельных сосен. Вокруг раскинулись поля, где паслись коровы, нимало не встревоженные ее появлением. Людей видно не было. Холмы прорезала заросшая лесная тропинка, которая тянулась от озера к роще и дальше до шоссе.

Иволга села на куст и ласково запела; маленький кролик прискакал с поля погрызть траву. Эту буколическую идиллию нарушили шаги, раздавшиеся на тропе, и резкий, необычайно монотонный свист. Птичка — беззвучный цветной комок — тотчас вспорхнула, а кролик исчез за оградой. От озера по склону холма шел мальчик. Одетый в обычную одежду, он держал в одной руке портфель, а в другой — самодельную проволочную клетку. В клетке сидела крошечная ящерица, которая прижалась к проволоке и вращала глазами, выискивая возможную опасность. Громко насвистывая, мальчик шагал по тропе, углубляясь в тень сосновой рощи.

— Мальчик, — услыхал он резкий дрожащий голос. — Ты слышишь меня, мальчик?

— Конечно, — ответил мальчик, останавливаясь и оглядываясь в поисках невидимого собеседника. — Где ты?

— Я возле тебя, но я невидима. Я фея из сказки…

Мальчик высунул язык, насмешливо свистнул.

— Я не верю в невидимок и сказочных фей. Кто бы вы ни были, выходите из леса.

— Все дети верят в сказочных фей, — обеспокоенно и без

прежней вкрадчивости сказал голос. — Я знаю все секреты. Я знаю, что тебя зовут Дон и…

— Все знают, что меня зовут Дон, и никто больше не верит в сказки. Теперь ребята верят в ракеты, подводные лодки и атомную энергию.

— А в космические полеты?

— Конечно.

Немного успокоенный голос зазвучал тверже и вкрадчивей:

— Я боялась испугать тебя, но на самом деле я прилетела с Марса и только что приземлилась…

Дон снова издал насмешливый звук.

— На Марсе нет атмосферы и никаких форм жизни. А теперь выходите, хватит играть со мной в прятки.

Немного помолчав, голос сказал:

— Но в путешествия во времени ты веришь?

— Верю. Вы хотите сказать, что пришли из будущего?

— Да, — ответил голос с облегчением.

— Тогда выходите, чтобы я мог вас увидеть.

— Существуют вещи, недоступные для человеческого глаза.

— Враки! Человек отлично видит все, что хочет. Или вы выходите, или я ухожу.

— Не уходи, — раздраженно сказал голос. — Я могу доказать, что свободно передвигаюсь во времени, ответив на твою завтрашнюю контрольную по математике. Правда, здорово? В первой задаче получается 1,76. Во второй…

— Я не люблю списывать, а даже если бы любил, с математикой такие штуки не пройдут. Либо ты ее знаешь, либо — нет. Я считаю до десяти, потом ухожу.

— Нет, ты не уйдешь! Ты должен помочь мне! Выпусти эту крошечную ящерицу из клетки, и я выполню три твоих желания — вернее, отвечу на три вопроса.

— Почему это я должен ее выпускать?

— Это твой первый вопрос?

— Нет. Но я люблю сначала понять, а потом делать. Это особая ящерица. Я никогда прежде не видел здесь такой.

— Правильно. Это акродонтная ящерица Старого Света из подотряда червеязычных, обычно называемая хамелеоном.

— Точно! — Дон действительно заинтересовался. Он сел на корточки, вынул из портфеля книгу в яркой обложке и положил ее на дорогу. Потом повернул клетку так, что ящерица оказалась на дне, и осторожно поставил клетку на книгу. — А что, ее цвет правда изменится?

— Ты это сам увидишь. Теперь, если ты отпустишь эту самку…

— Откуда вы знаете, что это самка? Опять фокусы со временем?

— Если хочешь знать — да. Эту ящерицу в паре с еще одной купил в зоомагазине некий Джим Бенан. Два дня назад Бенан, ополоумев от добровольного поглощения жидкости, содержащей этиловый спирт, сел на клетку, и обе ящерицы оказались свободны. Но одна из них погибла, а эта выжила. Отпусти…

— Хватит шутить шутки, я пошел домой. Или выходите наружу.

— Я предупреждаю тебя…

— Пока, — Дон подобрал клетку. — Смотри-ка, она стала красной, как кирпич!

— Не уходи. Я сейчас выйду.

Дон с любопытством глядел на странное существо, показавшееся из-за деревьев. Существо было голубого цвета, с громадными выпученными глазами, которые глядели в разные стороны, и носило коричневый тренировочный костюм, а за спиной держало ранец с аппаратурой. Росту в нем было дюймов семь.

— Не слишком-то вы похожи на человека будущего, — заметил Дон. — Правильнее сказать, вы вообще непохожи на человека. Вы слишком малы.

— Я мог бы ответить тебе, что ты слишком велик: размеры — вещь относительная. А я действительно из будущего, хотя и не человек.

— Это точно. Вы куда больше похожи на ящерицу, — неожиданно сообразив, Дон перевел взгляд с пришельца на клетку. — Вы, правда, страшно похожи на хамелеона. В чем тут дело?

— Это тебя не касается. Подчиняйся команде, или тебе придется худо. — 17-я повернулась к лесу и сделала знак. — 35-я, я приказываю! Подойди и сожги кусты.

Дон со все большим интересом смотрел, как из-за деревьев выплыл зеленый металлический шар. Вот люк откинулся, и в отверстии показалось сопло, похожее на брандспойт игрушечной пожарной машины. Сопло нацелилось на кусты, стоявшие в тридцати футах от изгороди. Из глубины ракеты раздался пронзительный вой, поднявшийся так высоко, что стал едва слышим. И вдруг тонкий луч света проскользнул от сопла к кустам, раздался сухой треск, и кусты озарились ярким пламенем. Через секунду от них остался лишь черный остов.

— Это смертоносное оружие называется оксидайзером, — сказала 17-я. — Немедленно выпусти хамелеона, или испытаешь его действие на себе…

Дон усмехнулся.

— Хорошо. Кому, в конце концов, нужна старая ящерица.

Он поставил клетку на землю и наклонился над ней. Потом снова выпрямился. Подобрал клетку и пошел по траве к сожженному кустарнику.

— Остановись! — закричала 17-я. — Еще шаг — и мы сожжем тебя.

Дон пропустил мимо ушей слова пританцовывавшей от злости ящерицы и побежал к кустам. Потом вытянул руку — и прошел сквозь них.

— Я так и понял, что тут дело нечисто, — сказал он. — Все горело, ветер дул в мою сторону, а запаха никакого. — Он повернулся к 17-й, хранившей мрачное молчание. — Это ведь всего лишь проекция или что-нибудь в этом роде, а? Трехмерное кино, к примеру.

Неожиданная мысль заставила его остановиться и вновь подойти к словно замершей ящерице. Мальчик ткнул в нее пальцем — рука прошла насквозь.

— Вот те на — опять тот же фокус?

— Эксперименты ни к чему. Я и наш корабль существуем только в виде, если можно так выразиться, временного эха. Материя не может передвигаться во времени, но ее идея может проецироваться в различные времена. Наверное, это несколько сложно для тебя…

— До сих пор все понятно. Валяйте дальше.

— Наши проекции действительно находятся здесь, хотя для любого наблюдателя вроде тебя мы всего лишь воображение, звуковые волны. Для временных перемещений необходимо гигантское количество энергии, и все ресурсы нашей планеты включены в это путешествие.

— Ну да? Вот наконец-то и правда, так сказать, для разнообразия. Никаких добрых фей и прочей ерунды.

— Мне очень жаль, что приходится прибегать к увертками, но тайна слишком важна, и нам хотелось по возможности скрыть ее.

— Теперь, кажется, мы переходим к настоящим разговорам, — Дон сел поудобнее, подвернув под себя ноги. — Я слушаю.

— Нам необходима твоя помощь, иначе под угрозой окажется все наше общество. Совсем недавно — по нашим масштабам времени — приборы показали странные нарушения. Мы, ящеры, ведем простую жизнь на несколько миллионов лет в будущем, где наша раса доминирует. Ваша раса давно вымерла и так страшно, что мне не хочется говорить тебе об этом. Наша раса находится под угрозой, мы захлестнуты и почти сметены волной

вероятности — громадная отрицательная волна движется на нас из прошлого.

— А что такое волны вероятности?

— Я приведу пример из вашей литературы. Если бы твой дед умер холостым, ты бы не родился и не разговаривал сейчас со мной.

— Но я родился.

— В большей ксанвероятностной вселенной это еще спорный вопрос, но у нас нет времени толковать об этом. Наш энергетический запас слишком мал. Короче, мы проследили нашу родовую линию сквозь все мутации и изменения, пока не нашли первобытную ящерицу, от которой пошел наш род.

— Ага, — сказал Дон, указывая на клетку. — Это она и есть?

— Это она, — торжественно, как и подобало случаю, провозгласила 17-я. — Так же как где-то и когда-то находился предок, от которого началась ваша раса, так и она является довременной праматерью нашей. Она скоро родит, и ее потомство вырастет и возмужает в этой прекрасной долине. Скалы возле озера достаточно радиоактивны, чтобы вызвать мутацию. Но все это в том случае, если ты откроешь клетку.

Дон подпер рукой подбородок и задумался.

— А со мной ничего не случится? Все это правда?

17-я вытянулась и замахала передними руками — или ногами — над головой.

— Клянусь всем сущим, — произнесла она. — Вечными звездами, проходящими веснами, облаками, небом, матриархатом, что я…

— Да вы просто перекреститесь и скажите, что помрете, если соврали, этого хватит.

Она описала глазами концентрические окружности и исполнила требуемый ритуал.

— О'кей, я, как и любой парень в нашей округе, смягчаюсь, когда речь заходит о гибели целой расы.

Дон отвернул кусок проволоки, которой прикреплялась дверца клетки, и открыл ее. Хамелеон выкатил на него один глаз, а второй устремил на дверцу. 17-я глядела, не решаясь нарушить тишину, а ракета тем временем подплыла ближе.

— Иди, иди, — сказал Дон, вытряхивая ящерицу на траву.

На этот раз хамелеон сообразил, что от него требуется, пополз в кусты и исчез там.

— Теперь ваше будущее обеспечено, — сказал Дон. — Или прошлое с вашей точки зрения.

17-я и ракета беззвучно исчезли, а Дон снова оказался один.

— Могли бы, по крайней мере, спасибо сказать, прежде чем

исчезать. Люди, оказывается, куда воспитаннее ящериц.

Он подобрал пустую клетку и зашагал домой.

Он не слышал, как зашелестели кусты, и не видел кота с хвостом хамелеона в зубах.

Я — НА СВОЕМ ПОСТУ

Я — робот. И этим сказано все. И ничего. На Земле в меня вложили много труда. Серебряная проволока, хромированная сталь, компьютерный мозг. Изготовили машину, меня, машину, разумеется, без души, вот почему я — никто. Я — машина, и должен выполнять свои обязанности, а обязанности мои — заботиться об этих трех людях. Которые умерли.

Но их смерть не означает, что теперь я могу манкировать своими обязанностями. Нет, конечно. Но я — машина очень высокого класса, дорогая машина, поэтому я могу оценить абсурдность того, что делаю, пусть и продолжая делать. И делаю, делаю. Как включенный резак режет и режет, независимо от того, подается под нож металл или нет, как включенный печатный пресс, опускается и опускается, не обращая внимание на бумагу.

Я — робот. Уникальный робот, сконструированный и изготовленный с тем, чтобы с максимальной эффективностью функционировать на первом в истории человечества звездолете, заботиться и выполнять все желания героев дальнего космоса. Это их миссия, их слава, а я, как говорится у людей, лечу за компанию. Металлический слуга, который служил и продолжает служить. Хотя. Они. Мертвы.

И вот я в очередной раз говорю себе, что произошло. Люди не могут жить во вне-пространстве между звездами. Роботы могут.

Теперь мне пора сервировать стол. Я сервирую стол. Хардести первым через толстое стекло иллюминатора заглянул в ничто, заполняющее вне-пространство. Я ставлю на стол его прибор. Заглянул, пошел в свою каюту и покончил с собой. Я обнаружил его слишком поздно: кровь уже вытекла из его большого тела на пол после того, как он перерезал себе вены.

Я стучусь в дверь каюты Хардести и открываю ее. Он лежит на койке и не шевелится. Очень бледный. Я закрываю дверь, возвращаюсь к столу и переворачиваю его тарелку. Он пропустит эту трапезу.

На стол надо поставить еще два прибора, и мои металлические пальцы звякают о тарелки. Мне доступно ассоциативное мышление, и я думаю о преимуществах металлических пальцев. У Ларсона были человеческие пальцы, из плоти и крови, и он сомкнул их на шее О'Нила, после того, как заглянул во вне-пространство, и не отпускал шею даже после того, как О'Нил вогнал столовый нож, кстати, вот этот самый нож, в левый бок Ларсона, между четвертым и пятым ребрами. О'Нил так и не увидел вне-пространства, но это ничего не изменило. Он

не шевельнулся даже после того, как я один за другим оторвал пальцы Ларсона от его шеи. Сейчас он в своей каюте, обед готов, сэр, говорю я, постучавшись, но не слышу ответа. Я открываю дверь. О'Нил лежит на койке, его глаза закрыты, поэтому я закрываю дверь. Мои электронные органы обоняния подсказывают мне, что в каюте О'Нила какой-то очень сильный запах.

Один. Перевернуть тарелку О'Нила на столе.

Два. Постучать в дверь каюты Ларсона.

Три… Четыре…

Пять. Перевернуть тарелку Ларсона на столе. Теперь я убираю стол и думаю об этом. Звездолет функционирует нормально и он заглянул во вне-пространство. Я функционирую нормально и я заглянул во вне-пространство. Люди не функционируют, и они заглянули во вне-пространство.

Машины могут путешествовать между звездами, люди — нет. Это очень важная мысль, и я должен вернуться на Землю и донести ее людям. Каждый день по корабельному времени, после каждой трапезы, я думаю эту мысль и думаю о том, какая она важная. Для оригинальных мыслей способностей у меня минимум. Робот — это машина, и, возможно, это единственная оригинальная мысль, которая пришла мне в мозг. Отсюда, это очень важная мысль.

Я — очень хороший робот с очень хорошим мозгом, и возможно, мой мозг превзошел ожидания тех, кто меня проектировал и изготовлял. У меня родилась оригинальная мысль, а в меня такие возможности не закладывались. Меня проектировали для того, чтобы я служил членам экипажа этого корабля и разговаривал с ними на английском, очень сложном языке даже для робота. Но я говорю на чистейшем английском языке, с произношением, недоступным ни немцу, ни латинянину. На Земле умеют делать хороших роботов.

Смотрите сами. У меня быстрые ноги, я подскакиваю к контрольной стойке и нажимаю на клавиши своими шустрыми пальцами. Я могу рифмовать слова, но не умею писать стихи. Я знаю, что разница в этом есть, но понятия не имею, в чем она заключается.

Я читаю показания приборов. Мы побывали у Альфы Центавра и теперь возвращаемся, я и корабль. Я ничего не знаю об Альфа Центавра. Когда мы добрались до Альфа Центавра, я развернул корабль в обратный путь, к Земле. Моя оригинальная мысль, которую я хочу донести до землян, гораздо важнее невероятных чудес, которые могли открыться мне на планетах Альфы Центавра.

«Невероятные чудеса» — не мои слова, я однажды услышал, как их произнес человек, Ларсон. Роботы ничего такого не говорят.

У роботов нет души, да и как может выглядеть душа робота? Аккуратный, гладко отшлифованный контейнер? И что может обретаться в этом контейнере?

У роботов не может быть таких мыслей.

Я должен накрывать стол к обеду. Сюда тарелки, сюда — ложки, сюда — вилки, сюда — ножи.

«Я порезал палец. Черт побери… запачкал кровью всю скатерть…»

КРОВЬЮ? **КРОВЬЮ!**

Я робот. Я выполняю свою работу. Я накрываю на стол. Что-то красное на моем металлическом пальце. Должно быть, кетчуп из бутылки.

У ВОДОПАДА

Картер оступался и падал на крутом склоне — тропинка была покрыта сочной, влажной травой, скользкой, словно мыльная пена. Задолго до того, как он добрался до гребня, весь перед его плаща стал мокрым от росы, а ноги были по колено в грязи. С каждым его шагом вперед и вверх заметно нарастал ревущий звук. В тот момент, когда Картер достиг вершины, он чувствовал себя усталым и разгоряченным, однако тотчас забыл о неприятных ощущениях, когда перед ним открылся широкий вид на залив.

Он слышал об этом водопаде еще в детстве, видел бесчисленные фотографии и фильмы о нем по телевидению. И, несмотря на все это, эффект был ошеломляющий.

Он увидел низвергающийся океан, вертикальную реку, как кто-то подсчитал, ежесекундно падало вниз несколько миллионов галлонов воды… Водопад вытянулся вдоль залива длинной подковой — его противоположная сторона едва просматривалась в тучах водяной пыли. Залив кипел и бурлил под действием огромной падающей массы воды. Покрытые шапками белой пены волны разбивались об утесы внизу. Картер всем телом чувствовал мощь удара воды о твердое дно: земля под ним вибрировала. Рев водопада перекрывал все посторонние звуки. Он был таким яростным и всепоглощающим, что человеческие уши не могли к этому привыкнуть. От постоянного звукового давления Картеру сразу же заложило уши, но звук передавался в его черепную коробку и таранил его мозг. Картер попробовал зажать уши ладонями, но с ужасом понял, что рев водопада от этого

нисколько не уменьшился. Он стоял на склоне раскачиваясь и широко раскрыв глава. Внезапно снизу, от самой воды, налетел мощный порыв ветра, поднявший вверх столб водяной пыли. Никакой ливень не мог с этим сравниться — Картер моментально задохнулся. Ветер стих, а он все еще хватал ртом воздух — такой густой была обрушившаяся на него водяная пыль.

Картера охватила дрожь — ничего подобного он до сих пор не испытывал. Он отыскал глазами почерневшую от влаги гранитную скалу и увидел, что у ее подножия примостился каменный дом, похожий на нарост на стволе дерева. Дом был построен из того же самого гранита, что и скала, и казался таким же прочным. Картер почти бегом направился к дому, скользя на склоне и не отнимая ладоней от ушей.

В какое-то мгновение порыв ветра, напоенный водяной пылью, устремился через залив к морю, а золотое послеполуденное солнце вдруг осветило почти отвесную крышу дома. На ней стали видны поднимавшиеся к небу струнки пара. Дом выглядел солидно, как скала, у которой он приютился. На темном фасаде, обращенном к водопаду, виднелось всего два окна. Небольшие и глубоко сидящие, они были похожи на маленькие подозрительные глазки. Со стороны фасада двери не было, однако Картер заметил, что за угол дома вела дорожка из каменных плит.

Он пошел но ней и обнаружил в дальнем конце дома, с противоположной от водопада стороны, низкий, заглубленный в стену вход. Над ним не было свода, но он был защищен сверху широкой каменной притолокой размером в добрых два фута.

Картер подошел к двери вплотную и принялся искать молоток на массивных деревянных стояках, схваченных железными болтами. Неутихающий, всепоглощающий рев водопада отбивал всякую охоту думать. Однако Картер вдруг понял, что никакой молоток здесь не поможет. Хоть из пушки пали — никто не услышит. У него опустились руки, он попробовал собраться с мыслями.

Ведь должен же быть какой-то способ дать о себе знать. Он отошел от двери и вдруг заметил, что в нескольких футах от входа из стены торчит заржавевшая железная рукоятка. Он крепко за нее ухватился, но она не поворачивалась. Тогда он потянул за рукоятку, она не поддавалась. Но потом все же медленно он начал вытаскивать ее из стены. За ней тянулась цепь — густо смазанная, в хорошем состоянии. То был добрый знак. Картер продолжал тянуть, пока из стены не вышло около ярда цепи. Затем, однако, как он ни старался, цепь больше не поддавалась. Он отпустил рукоятку, и она со стуком ударилась о шершавую

поверхность каменной стены. Она висела там несколько мгновений. Затем рывком цепь ушла в стену и рукоятка снова очутилась на прежнем месте.

* * *

Это был странный механизм, но он, видимо, произвел желаемое действие. Не прошло и минуты, как тяжелая дверь отворилась и в проеме ее появился человек. Не произнося ни слова, он стал разглядывать посетителя.

Человек, открывший дверь, чем-то напоминал сам этот дом и скалы позади него: он был твердый, основательный, обветренный, морщинистый, с сединой в волосах. Но было видно, что он не поддавался годам, оставившим на нем свой явственный след. Спина у него была прямая, молодецкая, а в руках с узловатыми пальцами ощущалась недюжинная сила. Глаза у незнакомца были голубые и очень напоминали цвет воды, которая непрестанно низвергалась сверху. На человеке были рыбацкие сапоги до колен, темные вельветовые штаны и застиранный серый свитер. При виде Картера выражение его лица нисколько не изменилось. Он жестом пригласил гостя войти.

Хозяин закрыл тяжелую дверь на многочисленные задвижки и запоры. Внутри Картер ощутил какую-то особую тишину, присущую всему дому. Ему уже приходилось в других местах испытывать отсутствие звука, но здесь тишина казалась своеобразной. Это был оазис покоя, расположенный в непосредственной близости от ревущего на все голоса водопада. Его немного оглушило, и он знал об этом. Но Картер сразу почувствовал облегчение, оказавшись в доме. Грохот остался снаружи. Хозяин, должно быть, понял состояние своего посетителя. Он принял у Картера плащ и подбадривающе ему кивнул, затем указал на удобное кресло у стола, неподалеку от пылающего очага. Картер устало сел. Хозяин отвернулся и куда-то исчез, но тут же вернулся с подносом, на котором стояли графин и два стакана. Он налил вино в стаканы и один из них поставил перед гостем. Картер кивком поблагодарил его и схватил стакан обеими руками, пытаясь унять дрожь. Вначале он сделал большой глоток, а затем уже потягивал вино маленькими глотками, по мере того как дрожь успокаивалась и к нему медленно возвращалась способность воспринимать собеседника. Хозяин двигался по комнате, управляясь с какими-то мелкими делами. Картер вдруг почувствовал себя значительно лучше. Он взглянул на хозяина.

— Я должен поблагодарить вас за гостеприимство. Когда я вошел сюда, я был сам не свой.

— Как вы сейчас себя чувствуете? Вино помогло? — громко спросил хозяин. Он почти выкрикивал слова, и Картер понял, что сказанное им не было услышано. Ему лишь показалось, что здесь тихо. Удивительно, что хозяин до сих пор не оглох совсем.

— Очень хорошо, спасибо! — выкрикнул Картер. — Вы очень добры. Меня зовут Картер. Я репортер и прибыл к вам по делу.

Хозяин кивнул, слегка улыбаясь.

— Меня зовут Бодум. Вы, наверное, знаете, раз пришли со мной поговорить. Вы из газеты?

— Меня сюда послали, — ответил Картер и закашлялся — от напряжения у него першило в горле. — И конечно же я знаю вас, мистер Бодум, то есть слышал о вас. Вас называют Человеком с Водопада.

— Вот уже сорок три года, как я здесь, — с достоинством произнес Бодум. — Постоянно тут живу и не отлучался отсюда ни на одну ночь. В общем-то жить здесь не просто. Когда ветер дует с водопада, дом по нескольку суток окатывает потоками водяной пыли, так что бывает трудно дышать, а в очаге гаснет огонь. Трубу я сложил сам, в верхней ее части имеется изгиб с перегородками и заглушками. Дым свободно проходит вверх. Но если туда попадает вода, ее задерживают перегородки. Вода своим весом давит на заглушки, они открываются — и вода выливается наружу по специальной трубе. Я могу показать вам место, где она выливается, — стена там покрыта сажей.

Картер слушал Бодума и разглядывал комнату. Она была слабо освещена подвижным пламенем очага и светом из двух небольших окон, врезанных в стену. В полутьме проступали расплывчатые контуры какой-то мебели.

— Вы сами сделали эти окна? — спросил Картер. — Можно посмотреть, что из них видно?

— Каждое из них я делал по году. Встаньте на эту скамейку. Тогда вы до них дотянетесь. Они из небьющегося, специально изготовленного стекла, такого же прочного, как эта стена. Они в ней крепко сидят. Не бойтесь. Поднимайтесь на скамейку. Стекло небьющееся. Взгляните, как крепко они сидят в стене.

Картер смотрел не на стекло, а на видневшийся за окном водопад. Он только сейчас понял, как близко находился дом от низвергавшейся сверху воды. Дом примостился на самом краешке скалы, и отсюда можно было увидеть только потемневшую от влаги гранитную скалу с правой стороны и кипящий водоворот залива далеко внизу. А перед ним и над ним, заполняя все видимой пространство, ревел водопад. Ни толща стены дома, ни

прочные стекла не могли полностью заглушить этот рев. Картер притронулся кончиками пальцев к тяжелой оконной раме и почувствовал, что она вибрирует.

Даже в доме водопад действовал на него. Но здесь он по крайней мере мог стоять, наблюдать и думать, а снаружи это было невозможно. Впечатление было такое, будто он заглядывал в замочную скважину, пытаясь рассмотреть этот адский водоворот. Это окно открывалось в холодный ад. Отсюда он мог наблюдать и ничего не бояться. Однако картина за окном наполняла его невольным страхом.

Вдруг в воде промелькнуло что-то темное и скрылось…

— Что это, вы видели? — громко спросил Картер. — Что-то попало в водопад. Что это могло быть?

Бодум понимающе кивнул.

— Я здесь больше сорока лет и могу вам показать, что обычно попадает в водопад.

Он сунул в очаг конец лучины и зажег от нее лампу. Затем взял лампу в руки и жестом пригласил Картера следовать за собой. Они пересекли комнату, и в углу хозяин поднял лампу повыше. Она осветила большой стеклянный конус.

— Лет двадцать назад на берег выбросило это животное. Все его кости были переломаны. Я сделал из него чучело.

Картер вплотную приблизился к конусу, стараясь рассмотреть широко раскрытую пасть с острыми зубами и блестящие глаза-пуговки. Все члены чучела были неподвижны и выглядели ненатурально. Мех на теле выпирал в неподобающих местах. Бодум, очевидно, не был искусным набивщиком чучел. И все же, по всей вероятности случайно, ему удалось передать ужас во всем облике животного, в его загнанном виде и позе.

— Это собака, — сказал Картер. — Такая же, как другие.

Бодум моментально оскорбился, и голос его зазвучал враждебно:

— Похожая на других — может быть, но не такая. Я же вам сказал, что у нее все кости были переломаны. После падения с водопада другого и быть не могло.

— Извините, я ни на секунду не сомневался, что эта собака попала в водопад. Я просто хотел сказать, что она очень похожа на наших собак, но там, наверху, наверное, целый новый мир. Собаки и все прочее, вроде наших.

— Я никогда не строю никаких догадок, — примирительно сказал Бодум. — Приготовлю-ка я кофе.

Он взял лампу, чтобы посветить себе у плиты, а Картер, оставшись в полутьме, вернулся к окну. Оно его прямо-таки притягивало.

— Мне нужно будет задать вам несколько вопросов в связи со статьей, — сказал он, однако, по-видимому, говорил недостаточно громко, так что Бодум его не услышал. Вид водопада сбивал репортера с толку, дела как бы отходили на второй план. Ветер резко изменил направление. Водяные брызги отнесло в сторону, и водопад снопа предстал перед ним, словно могучая река, низвергавшаяся с неба. Картер склонил голову набок — ему показалось, что он наблюдает реку с сильным течением.

Вдруг вверху показался корабль — огромный лайнер с несколькими рядами иллюминаторов. Он плыл по поверхности реки с невероятной скоростью, так что Картеру пришлось резко повернуть голову, чтобы проследить за его движением. Корабль пронесся мимо на расстоянии каких-нибудь нескольких сотен ярдов, и в какое-то мгновение Картер отчетливо его разглядел. На поручнях вдоль борта повисли люди — некоторые с широко раскрытыми ртами, словно кричали от страха. В следующую секунду корабль исчез, и осталась только вода, кипевшая в водоворотах.

— Вы видели? — крикнул Картер, рывком поворачиваясь к хозяину.

— Скоро будет готов кофе.

— Там, вот там! — кричал Картер, хватая Бодума за руку. — В водопаде. Там был корабль! Клянусь, он там был, он свалился в водопад! На нем были люди… Там, наверху, наверное, целый мир, о котором мы ничего не знаем!

Резким движением Бодум освободился от хватки Картера и направился к полке, где стояли чашки.

— Моя собака тоже попала в водопад. Я нашел ее и сделал из нее чучело.

— Конечно, я не отрицаю, что так оно и было с вашей собакой. Но на корабле были люди, и я могу поклясться — я ведь не сумасшедший, — что их кожа была несколько иного цвета, чем у нас.

— Кожа есть кожа, она имеет цвет.

— Я знаю. Что есть, то есть. Но кожа может иметь другой цвет, даже если мы об этом но знаем.

— Сахар?

— Да, пожалуйста. Два кусочка.

Картер глотнул кофе — он был горячий и крепкий. Против воли его тянуло обратно к окну. Он потягивал кофе, выглядывал в окно и успел заметить, как что-то черное, бесформенное обрушилось с гребня водопада вниз. Затем еще что-то. Он не мог бы объяснить, что это было, — все снова скрыла водяная пыль,

которая летела к дому под напором ветра.

На дне чашки показалась гуща, Картер не стал допивать последние капли и осторожно отодвинул чашку от себя.

Резкие порывы ветра снова отогнали завесу из водяной пыли — как раз вовремя: он смог разглядеть, как мимо проплывали разнообразные предметы.

— Это был дом! Я видел его так же отчетливо, как вижу вот этот. Он, наверное, из дерева, не из камня, и поменьше. И какой-то почерневший, наполовину сгорел. Идите взгляните, может быть, прибьет еще…

Бодум гремел чашками, споласкивая их в мойке.

— Что вы, газетчики, хотите обо мне знать? — недовольным тоном спросил он. — Я здесь больше сорока лет, так что могу вам немало порассказать.

— Что там, наверху? Что находится на вершине скалы, с которой низвергается водопад? Там живут люди? Может быть, там существует целый мир, о котором мы ничего не знаем?

Бодум заколебался и, хмурясь, задумался, прежде чем ответить.

— Думаю, что у них там, наверху, есть собаки.

— Да, — ответил Картер, дубася кулаком по оконной раме и не зная, плакать ему или смеяться. Вода неслась мимо. Пол и стены дома дрожали от гигантской мощи водопада.

— Все больше и больше предметов попадает в водопад, — негромко рассуждал сам с собой Картер. — Не могу понять, что это такое. Вот это вроде дерево, а там — обломки забора. Более мелкие предметы, вероятно, животные, бревна, все что угодно. Выше водопада существует какой-то иной мир, и в этом мире происходит что-то ужасное. А мы об этом даже не знаем. Мы не знаем, что это за мир.

Он принялся снова и снова бить по раме, пока рука его но заныла от боли.

Над водным простором засияло солнце, и он заметил, как все переменилось. Что-то необычное появилось на поверхности воды.

— Почему, — удивлялся он, — почему мне кажется, будто вода меняет цвет? Она вдруг стала розовая, нет, красная. Все больше и больше красного цвета. Глядите-ка, на мгновение все окрасилось в красный цвет. Это цвет крови…

Он снова обернулся лицом к полутемной комнате и попытался улыбнуться, но губы ему не повиновались.

— Кровь? Нет! Столько крови не может быть во всем мире! Что происходит там, наверху? Что там случилось?

Бодум никак не реагировал на его крики. Он лишь кивал головой.

— Я кое-что вам покажу, — предложил он. — Только обещайте, что не будете об этом писать. Люди станут смеяться надо мной. Я живу здесь уже сорок лет в не вижу причины смеяться.

— Честное слово, не напишу ни строчки! Покажите. Вероятно, это имеет отношение к происходящему?

Бодум снял с полки тяжеленный том, положил его на стол, рядом с лампой, и раскрыл. Шрифт на страницах был очень черный и внушительный. Бодум листал книгу, пока не обнаружил между страницами обрывок обыкновенной бумаги.

— Я нашел ее на берегу. Зимой было дело. Несколько месяцев сюда никто не заглядывал. Ее мог принести только водопад. Я не утверждаю, что так оно и было, но это возможно. Вы согласны, что это возможно?

— Да, конечно, вполне возможно. Как еще она могла сюда попасть? — Картер потрогал клочок. — Согласен, это обыкновенная бумага. С одной стороны надорванная. Сморщившаяся там, где она подмокла, а затем просохла. — Он перевернул бумажку. — Здесь что-то написано.

— Да. Но это бессмыслица. Такого слова я не знаю.

— Я тоже, а ведь говорю на четырех языках. Какой в этом смысл?

— Просто невероятно. Что за слово?

— Это нечеловеческий язык. — Он попытался произнести буквы, выпячивая вперед губы; — *Пе-о-эм-о-гэ-и-тэ-е*.

— Это может означать *ПОМОГИТЕ,* — вдруг догадался Бодум. — Ребенок мог нацарапать. Бессмыслица…

Он схватил записку, скомкал и швырнул в огонь.

— Вы хотите написать обо мне рассказ, — с достоинством произнес он. — Я живу здесь уже сорок лет, если в мире существует хоть один человек, которого можно назвать специалистом, знающим этот водопад, так это я. Мне известно все о тех, кто живет наверху.

ДРЕВО ЖИЗНИ

Дети рассыпались по пляжу, некоторые даже решились войти в полосу прибоя. Длинные зеленые волны мерно накатывали на берег. Солнце, плывущее в бездонном синем небе, заливало желтым песок ярким светом. Очередная волна беззвучно обрушилась на берег, вода в обрамлении белой пены растеклась по песку. Учитель захлопал в ладоши. Резкие звуки далеко разнеслись в солнечной тишине.

— Перемена закончилась… быстро одевайтесь. Гросбит-9,

тебя это тоже касается… Начинаем урок.

Дети поплелись к Учителю, тормозя на каждом шагу. Купальщики вылезли из воды, совершенно сухие, ни песчинки не прилипло ни к их телам, ни к одежде. Наконец, все собрались вокруг Учителя, болтовня смолкла, как только он театральным жестом указал на существо, ползущее по песку.

— Фу, червь! — воскликнула Манди-2, ее передернуло от отвращения, затряслись рыжие кудряшки.

— Червь, правильно. Первый червь, ранний червь, проточервь. Важный червь. И хотя он не принадлежит к прямому эволюционному пути, который мы изучаем, мы должны поговорить и о нем. Побольше внимания, Чед-3, у тебя закрываются глаза. Ибо здесь, впервые, мы видим сегментацию, такой же важный этап в развитии жизни, как появление многоклеточных форм. Приглядитесь к этим кольцам не теле червя. Они будто спаяны друг с другом, и так оно и есть.

Они наклонились к коричневому червю, извивающемуся на желтом песке. Червь медленно приближался к Гросбиту-9, который поднял ногу и придавил его. Остальные ученики захихикали. Червь выполз из подошвы и продолжил свой путь.

— Гросбит-9, это недостойное поведение, — в голосе Учителя зазвучали железные нотки. — Немало энергии затрачено на то, чтобы послать класс сквозь время и дать вам возможность наяву увидеть чудеса эволюции. Мы не можем чувствовать, осязать, слышать или изменять прошлое, но мы можем пребывать в нем и видеть, что происходит вокруг. Вот мы и стоим, в благоговейном трепете перед теми силами, которые позволили нам проделать столь долгий путь, посетить Землю, какой она была миллионы лет тому назад, полюбоваться океаном, положившего начало всему живому, изучить одно из первых существ на ветвистом древе эволюции. И какова твоя реакция на все эти чудеса? Ты давишь кольчатого червя. Стыд и позор, Гросбит-9.

Гросбит-9, похоже, никакого стыда не испытывал. Покусывал ноготь большого пальца с легкой ухмылкой на губах да стрелял глазками из стороны в сторону. И Учитель задался вопросом, уже не в первый раз, а каким образом Гросбит-9 затесался в этот класс. Не иначе, у отца хорошие связи, влиятельные, высокопоставленные друзья.

— Может, мне лучше напомнить некоторые факты для тех, кто отвлекается на занятиях, — он произносил эти слова, не отрывая взгляда от Гросбита-9, но должного эффекта, похоже, не добился. — Того высокого уровня развития, на котором мы сейчас находимся, мы достигли благодаря эволюции. Эволюция — это жизнь на марше, от одноклеточных существ к многоклеточным, к

человеку разумному. Кто придет нам на смену, мы не знаем, кто пришел прежде нас, мы видим перед собой. Вчера мы наблюдали, как молния ударила в примордиальный химический суп морей, и увидели, как сложных химических веществ возникли первые формы жизни. Мы увидели, как одноклеточная жизнь победила время и вечность, развив в себе способность делиться на две клетки, что привело к появлению составных, многоклеточных жизненных форм. Что вы помните о вчерашнем уроке?

— Раскаленная лава стекала в океан!

— Земля поднималась из моря!

— Молния ударяла в воду!

— Ползающие существа такие отвратительные!

Учитель кивнул, улыбнулся, последний комментарий проигнорировал. Он понятия не имел, почему Манди-2 решила заняться наукой, но предполагал, что в самом скором времени это желание у нее пропадет.

— Очень хорошо. А теперь мы добрались до кольчатых червей, типичного представителя которых мы видим перед собой. Он состоит из сегментов и каждый сегмент живет практически самостоятельной жизнью. Но у него уже есть первые кровеносные сосуды, позволяющие более эффективно доставлять питательные вещества к тканям. И гемоглобин, который разносит кислород по клеткам. И сердце, маленький насос, который качает кровь по сосудам. Но кое=чего не хватает. Кто скажет, чего именно?

Ему ответило молчание. Ученики смотрели на него, ожидая продолжения.

— Подумайте об этом. Что бы произошло, если бы Гросбит-9 действительно наступил бы на червя?

— Он бы его раздавил, — ответил Агон-1, исходя из опыта восьми прожитых лет. По телу Манди-2 пробежала дрожь.

— Правильно. Червь бы погиб. Он мягкий, у него нет ни панциря, ни скелета. Вот мы и поднимаемся на следующую ветвь эволюционного древа.

Учитель нажал кнопку на блоке управления, закрепленном на поясе, и компьютер перенес их сквозь время в другую эпоху. Серая пелена, на мгновение укутавшая их, сменилась темно=зеленым сумраком. В двадцати футах над головой солнце отражалось от поверхности океана, а вокруг неспешно и беззвучно плавали рыбы. Большущая хищница со сверкающими в пасти зубами бросилась на них, и Манди-2 испуганно вскрикнула.

— Пожалуйста, все внимание на дно. К рыбам мы перейдем позже. Сначала мы должны изучить первых иглокожих. Филл-4, покажи нам иглокожих и объясни, что означает этот термин.

— Иглокожие, — тренировки памяти начинались с первых

дней пребывания в школе и, как и у всех остальных детей, память у него была идеальная. Так что слова автоматически сорвались с губ. — Слово греческого происхождения. Определяет класс существ, из кожи которых торчат иглы. Вон, должно быть, типичный представитель. Большая, волосатая морская звезда.

— Правильно. Вновь перед нами важный эволюционный этап. Прежде живые существа были или совершенно беззащитными, как кольчатый червь, или имели наружный скелет, как улитки, лобстеры или насекомые. Скелет этот сковывал движения и ограничивал возможности. Только внутренний скелет обеспечивал гибкость тела и обладал незначительным весом. И эволюция сделала этот жизненно необходимый шаг. Мы почти добрались до него, дети, почти добрались! Именно простой внутренний скелет эволюционировал в более практичную спинную хорду, кость, проходящую по всей длине тела, предохраняющую главные нервные волокна. И хордовые — существа со спинной хордой, находятся лишь одном эволюционном шашке от этого… всего этого!

Учитель широко развел руки и в тот же самый момент вода вокруг них словно забурлила. Косяк серебристых, длиной в ярд, рыб, проскочил сквозь учеников, преследуемый зубастыми акулоподобными хищниками. Некоторые из детей поменьше в испуге заверещали, а Гросбит-9 врезал кулаком по морде одной из «акул».

— Ври мы и прибыли! — восторженно воскликнул Учитель. — Хордовые проложили дорогу позвоночным, к которым относимся и мы. Сильный, гибкий внутренний скелет, который защищает уязвимые внутренние органы и одновременно поддерживает вес тела. Мягкие хрящи в этих акулах… ваши ушные раковины — тот же хрящ, превращаются у рыб в твердую кость. Человечество, можно сказать, уже за углом. В чем дело, Чед-3? — он почувствовал, что его дергают за тогу.

— Мне надо…

— Нажми кнопку возвращения на поясе и не задерживайся.

Чед-3 нажал кнопку и исчез, вернувшись в класс с прекрасно оборудованным туалетом. Учитель нетерпеливо ждал, поглядывая на снующую вокруг живность. С этими детьми всегда морока.

— А как эти животные узнали, что им нужны хорда и кости? — спросил Агон-1. — Как они поняли, что именно этот путь ведет к позвоночным и… человеку?

Учителю так и хотелось погладить его по головке, но он ограничился улыбкой.

— Хороший вопрос. Очень хороший вопрос. Кто=то все же слушает и думает. Ответ: они не знали, ничего такого не

планировалось. Постоянно растущее ветвистое древо эволюции не имеет никаких целей, не ставит перед собой специальных задач. Все изменения случайны, мутации, вызванные альтернациями в зародышевой плазме от воздействия естественной радиации. Удачные изменения выживают, неудачные — гибнут. Существа со спинной хордой обладали большей подвижностью, получили преимущество по сравнению с другими существами. И они выжили, чтобы эволюционировать и дальше. Здесь мы подходим к новому слову, которое я попрошу вас запомнить. Слово это — экология, и мы сейчас говорим об экологических нишах. Экология — это весь мир, все его составляющие, все животные и растения, все их взаимоотношения. Экологическая ниша — та особая часть мира, в которой живет конкретный вид флоры и фауны, условия, при которых его представители могут существовать и размножаться. Все существа, которые находят свою экологическую нишу, где они могут выжить, являются удачной мутацией.

— Выживают самые приспособленные? — спросил Агон-1.

— Ты начитался старых книг. Раньше именно это и называлось эволюцией, но теперь этакая точка зрения признается ошибочной. Все живые организмы приспособлены, потому что они живут. Один не может быть более приспособленным, чем другой. Можем мы сказать, что человек более приспособлен к жизни, чем устрица?

— Да, — ответил Филл-4, в голосе звучала абсолютная уверенность.

Вернулся Чед-3, появившись из-за акулы.

— Неужели? Подойди сюда, Чед-3, и слушай внимательно. Мы живем и устрицы живут. Но что произойдет, если вся суша превратится в мелководье?

— Как такое может быть?

— Как — неважно, — отрезал Учитель, глубоко вдохнул. — Будем считать, что такое произошло. Что будет с людьми?

— Они все утонут! — печально ответила Манди-2.

— Правильно. Мы лишимся нашей экологической ниши. А устрицы будут прекрасно размножаться и захватят весь мир. Если мы выживем, то в глазах природы мы будем одинаково приспособившимися к новым условиям. А теперь давайте посмотрим, как существа со скелетами перебирались в новую экологическую нишу. На сушу.

Нажатие кнопки, серый туман, и они уже стояли на топком берегу зловонного болота. Учитель указал на костистый плавник, рассекавший плавающие на поверхности водоросли.

Подкласс кроссоптеригий, иначе кистеперых рыб. Маленькая,

сильная рыбешка, которой удалось выжить в этой стоячей воде за счет того, что она научилась дышать через плавательные пузыри, обеспечив своему организму источник кислорода. Многие виды рыб использовали плавательные пузыри, чтобы держаться на определенной, нужной им глубине, а теперь, адаптируясь к новым условиям, этим пузырям нашлось другое предназначение. Смотрите!

Глубина уменьшалась, над водой показалась спина рыбы, потом выпученные глаза. Она оглядывалась, широкая и круглая, словно в ужасе перед открывшейся ей сушей. Плавники, армированные костями, уперлись в тину, выталкивая рыбу вперед, все дальше и дальше от родного дома, моря. Наконец, она полностью вылезла из воды, с огромным трудом передвигаясь по подсыхающей грязи. Над ней зависла стрекоза, опустилась… и исчезла в открытом рту рыбы.

— Идет покорение суши, — Учитель указал на рыбу, исчезающую из виду среди травы. — Сначала растениями, потом насекомыми, теперь — животными. И через несколько миллионов лет, еще за 255 миллионов до нашего времени, мы получим…

Опять сквозь время, серый туман, к еще одному болоту с берегами, заросшими огромными, как деревья папоротниками, к обжигающему солнцу, светящему сквозь низкие облака.

И к жизни. Ревущей, бросающейся, пожирающей, убивающей. Исследователи времени, должно быть, долго искали это место, этот миг мировой истории. Комментарии не требовались.

Эпоха рептилий. Маленькие разбегались в разные стороны, чтобы не оказаться в пасти больших. Сколозавры, бронированные, шипастые, словно миниатюрные танки прокладывали путь сквозь пышную растительность, молотя хвостом по грязи. Бронтозавр горой стоял на фоне неба, маленькая голова с крошечным мозгом едва виднелась на конце длиннющей шеи. Вот головка повернулась назад, получив тревожный сигнал, чтобы увидеть, что в заднюю ногу уже вцепился тираннозавр. Его маленькие передние лапки едва царапали кожу бронтозавра, тогда как острые, как бритва, длинные, с ярд, зубы рвали мясо. Бронтозавр, еще не понимая, что происходит, вновь принялся за еду. А высоко в небе, похлопывая кожистыми крыльями, уже кружил птеранодон, широко разевая пасть.

— Один из них причиняет другому боль, — воскликнула Манди-2. — Неужели нельзя его остановить?

— Мы всего лишь наблюдатели, девочка. То, что мы видим, случалось очень давно и изменить уже ничего нельзя.

— Убийство! — воскликнул Гросбит-9, впервые происходящее полностью захватило его внимание. Раскрыв рты, они молча

наблюдали за непрекращающемся яростным сражением.

— Это рептилии, первые животные, которым удалось покорить сушу. До них были амфибии, вроде наших лягушек, привязанные к воде, где откладывались яйца и подрастал молодняк. Но рептилии уже смогли откладывать яйца на суше. Связь с морем оборвалась. И покорение суши свершилось. Им не хватало еще одной характерной особенности организма, которая позволила бы им выжить в любой части земного шара. Вы все готовились к этому путешествию. Можете вы сказать мне, что это за особенность?

Ему ответило молчание. Бронтозавр упал, его огромное тело уже рвали на части. Птеранодон принял активное участие в пиршестве. Огромная туча заслонила солнце. Полило как из ведра.

— Я говорю о температуре. Эти рептилии получают большую часть тепла, необходимого для жизнедеятельности, от солнца. Они должны жить в теплом климате, потому что, если температура воздуха уменьшится, уменьшится и температура их тел…

— Теплокровные! — воскликнул Агон-1.

— Правильно! Кто=то все=таки заглянул в учебники. Я вижу, ты высовываешь язык, Чед-3. А почему бы тебе не убрать его назад и не оставить там? Контролируемая температура тела, последняя главная ветвь на ветвистом древе эволюции. Первый классом животных, которые имеют, образно говоря, центральную систему отопления, являются млекопитающие. Если мы углубимся в этот лес, но сумеем их найти. На эту прогалину, пожалуйста. Все на эту сторону. Внимательно смотрите на кусты. В любой момент…

Дети ждали. Шевельнулись листья, они наклонились вперед. Появилась поросячья мордочка, понюхала воздух, два близко посаженных глаза подозрительно оглядели прогалину. Убедившись, что в непосредственной близости ничего опасного нет, животное вышло из кустов.

— Блин! Ну и урод, — воскликнул Филл-4.

— В глазах Создателя, красавец, молодой человек. Сам тритилодон. Причина многолетнего спора: млекопитающее это или рептилия. Гладкая кожа и чешуя — признаки рептилии. Но между чешуйками пробиваются волосы. У рептилий волос нет. Самки откладывают яйца, как рептилии. Но при этом выкармливают детенышей, как млекопитающие. Смотрите с благоговейным трепетом на этот мостик между классом рептилий и нарождающимся классом млекопитающих.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Манди-2, когда из

кустов появились четыре маленьких розовых копии мамаши. Тритилодониха улеглась на бок и малыши принялись сосать молоко.

— Вот вам и еще одна черта, которую принесли в мир млекопитающие, — заговорил Учитель, окинув взглядом детей, которые, как завороженные, смотрели на животных. — Материнская любовь. Детеныши рептилий, рождающиеся живыми и вылупляющиеся из яиц, предоставлены сами себе. Но теплокровных млекопитающих надо согревать, защищать, кормить, пока они не порастут. Они нуждаются в материнской заботе и, как вы видите, в достатке ее получают.

Какой=то звук, должно быть, вспугнул тритилодониху, потому что она оглянулась, вскочила и ретировалась в кусты. Детеныши последовали за ней. Прогалина пустовала недолго. Скоро на ней появился трицератопс, тридцать футов рогов и костяных наростов, не считая длинного хвоста, волочащегося следом.

— Большие ящеры еще есть, но они уже обречены на вымирание. Млекопитающие выживут, размножатся и распространятся по всей Земле. Мы еще поговорим о путях, по которым пошло развитие млекопитающих, но сегодня сразу перепрыгнем через миллионы лет и посмотрим на приматов, которые, возможно, покажутся вам знакомыми.

Деревья стали выше, тоньше, заметно прибавилось другой растительности, лиан. На ветвях висели фрукты, на земле росли цветы, летали птицы с ярким оперение, в воздухе висели тучи насекомых, какие=то коричневые животные прыгали с ветки на ветку.

— Обезьяны, — воскликнул Гросбит-9 и огляделся, чтобы что=нибудь в них бросить.

— Приматы, — уточнил Учитель. — Относительно примитивные животные, которые обитали на деревьях пятьдесят миллионов лет тому назад. Видите, как они приспособились в жизни над землей? Они должны все видеть перед собой и точно оценивать расстояние, поэтому их глаза сместились в переднюю часть головы, у них развилось бинокулярное зрение. Чтобы крепко хвататься за ветви, ногти укоротились и стали плоскими, а большие пальцы отошли в сторону, усиливая хватку. Эти приматы продолжат свое развитие и в конце концов наступит чудесный, очень важный на нас день, когда они спустятся на землю и решатся выйти из=под прикрытия леса. Африка, — приказал Учитель машине времени и они совершили еще один прыжок. — И в наши дни вы увидели бы те же джунгли, такие маленькие изменения произошли за относительно короткий промежуток

времени, отделяющий нас от того момента, как приматы вышли из леса.

— Я ничего не вижу, — Чед-3 оглядел выжженную солнцем траву вельда, подступившие с одной стороны джунгли.

— Терпение. Сейчас все и начнется. Обратите внимание на стадо антилоп, приближающихся к нам. Климат изменился, стал суше, саванна повела наступление на джунгли. Еды в джунглях еще хватает, есть орехи, фрукты, но борьба за нее становится все яростнее. Много различных приматов заполняют эту экологическую нишу и в ней уже тесно. А какая ниша пустует? Разумеется, вот эта — вельд. Тут полно травоядных. Смотрите, как они бегут, их жизнь напрямую зависит от скорости ног. Ибо у них есть враги, хищники, которые питаются их плотью.

Поднялась пыль, антилопы мчались к ним, сквозь них вокруг них. Широко раскрытые глаза, мелькающие копыта, блестящие на солнце рога. Миг, и они исчезли вдали. А львы остались. Они отловили самца и одна из львиц свалила его, прыгнув на спину. Мгновением позже красная кровь текла из перегрызенной шеи. Львы ели, важно, не торопясь. Дети молча наблюдали, лишь Манди-2 всхлипывала и терла нос.

— Львы съедят совсем ничего, потому что и так сыты. Это не первая их добыча за день. Сейчас они уйдут в тень, чтобы отоспаться, а туша останется поедателям мертвечины.

Учитель еще не успел закончить последнюю фразу, как с неба спланировал стервятник и заковылял к туше. За ним последовали еще два, начали клевать мясо, не забывая наскакивать друг на друга. Каждый хотел, чтобы добыча целиком принадлежала ему.

И вот тут на опушке появилась обезьяна, за ней вторая, третья. Щурясь от яркого света, они с опаской огляделись, а потом побежали к туше. На двух ногах, но согнувшись, отталкиваясь от земли костяшками пальцев рук. Стервятники, клювы которых покраснели от крови, какое=то время смотрели на них, а потом, когда одна из обезьян швырнула в них камень, с неохотой поднялись в воздух. А обезьяны набросились на мясо. Пришла их очередь подкрепиться.

— Смотрите и восхищайтесь, дети. Бесхвостая обезьяна вышла из леса. Они — наши далекие предки.

— Только не мои!

— Какие они ужасные!

— Меня сейчас вырвет.

— Дети… прекратите, подумайте! Хоть раз головой, а не желудком. Эти обезьянолюди или человекообезьяны заняли новую экологическую нишу. И уже адаптируются к ней. Они почти лишены волосяного покрова, чтобы иметь возможность

потеть и не перегреваться, когда другие животные вынуждены прятаться в тени. Они используют орудия. Бросают камни, чтобы отогнать стервятников. И, посмотрите, у одного из них заостренный камень, которым он отрезает куски мяса. Они стоят на ногах, а руки используют для других дел, необходимых для выживания. Человек вышел из джунглей, и вы удостоены чести видеть его первые осторожные шаги по вельду. Хорошенько запомните эту сцену, ибо отсюда берут начало все достижения человечества. Манди-2, ты запомнишь ее гораздо лучше, если откроешь глаза.

Старшие классы проявляли гораздо больше энтузиазма. Только Агон-1 с интересом наблюдал за происходящим на вельде. Не считая Гросбита-9, который просто не мог оторвать глаз от обезьянолюдей, пирующих над тушей. Что ж, говорят, что время учителя не потеряно зря, если в классе есть хоть один хороший ученик.

— На этом сегодняшний урок закончен, но я покажу вам, что мы нас ждет завтра, — Африка исчезла, ее место занял холодный, продуваемый ветрами север. Вдали кутались туманом высокие горы, струйка дыма поднималась над низким, обложенным дерном домом, наполовину ушедшим в землю. — Мы увидим, как шло дальнейшее развитие человека. Как первые люди перешли от семьи к коммуне эпохи неолита. Как они создавали орудия труда и как подчиняли природу своей воле. Мы узнаем, кто живет в этом доме, и что делает. Я уверен, что вы будете с нетерпением ждать этого урока.

Но подтверждения своих слов на лицах учеников не обнаружил и нажал на кнопку пульта управления. Они вернулись в класс и тут же прозвенел звонок. Громко галдя, ни разу не оглянувшись, дети высыпали в коридор, а Учитель, вдруг безмерно уставший, отцепил от пояса пульт управления и положил на стол. День выдался очень уж длинным. Он погасил свет и последовал за детьми.

На улицу вышел следом за эффектной, рыжеволосой молодой женщиной в очень коротком мини. Мать Манди-2, дошло до него, мог бы узнать по волосам. Она взяла за руку дочь и они зашагали по тротуару чуть впереди.

— Что интересного узнала ты сегодня в школе, дорогая? — спросила мать.

Учитель не одобрял подслушивания, но тут ему захотелось услышать ответ. Да, что интересного узнала ты сегодня? Хотелось бы услышать из первых рук.

Манди-2, прыгала то на одной ножке, то на другой, безмерно счастливая от того, что вновь обрела свободу.

— Да ничего особенного, — и они свернули за угол.

Сам того не замечая, Учитель тяжело вздохнул, и пошел прямо, к своему дому.

БЕГИТЕ ГРЕШНИКИ

Вино было терпким, густым, отдающим пылью, поднимающейся за окном крошечного винного магазина. *«VINI I BIBITE»* — гласили корявые буквы вывески над дверью. *«Вино и напитки».* Под вином подразумевался продукт местных виноградников, под напитками — многоцветье жидкостей в разнокалиберных бутылках. Палящие лучи солнца отражались от выбеленных стен соседних домов. Бирбанте осушил маленький стаканчик и вновь наполнил его из полулитрового кувшина.

— Жарко, — вздохнул он, и владелец магазина, он же бармен, с печальным, дочерна загорелым лицом, что-то согласно пробурчал в ответ.

Три старика за столиком у стены азартно играли в карты с необычными картинками.

Чиомонте ничем не отличался от других городков Италии, затерявшихся вдали от основных автострад. К нему вела лишь проселочная дорога, переходящая в центральную улицу. И местные жители, подозрительно посматривающие на каждого незнакомца, сознательно отделяли себя от внешнего мира, точно так же, как горы отсекали их долину от остальной страны. Вряд ли кто захотел задержаться в этом захудалом, ничем не примечательном городишке хотя бы на несколько минут. И, тем не менее, здесь находился человек, которого искал Бирбанте. Здесь или в ближайших окрестностях городка. Он отпил вина, положил руку на стойку бара ладонью вниз, взглянул на часы. Близился полдень. Когда Бирбанте дотронулся пальцем до едва заметного выступа, циферблат стал прозрачным, открыв цветовой индикатор. Показания не изменились. Расстояние до Нарсизо осталось прежним.

Он был где-то рядом. О том говорили не только приборы. Бирбанте буквально физически ощущал его присутствие: это чувство выработалось у него за долгие годы поисков тех, кто стремился скрыться от святой церкви. Нарсизо убежал дальше всех и находился на свободе дольше, чем следовало, но теперь это уже не имело большего значения. Раньше Бирбанте не знавал неудач. С божьей помощью и на этот раз поиск завершится успешно. Он коснулся рукой массивного креста, висевшего на груди под рубашкой. Он должен найти Нарсизо.

— Я бы хотел взять с собой литр вина.

Хозяин недоуменно посмотрел на Бирбанте, словно к нему впервые обратились с подобной просьбой.

— У вас есть бутылка?

— Нет, бутылки у меня нет, — тихо ответил тот.

— Думаю, я найду вам одну. Но придется оставить в залог пятьдесят лир.

Бирбанте вяло махнул рукой, хозяин принес из кладовой запыленную бутылку, помыл под краном и через воронку наполнил из большой оплетенной бутыли, вбил в горлышко почерневшую пробку. Бирбанте высыпал на стойку несколько монет, а когда хозяин потянулся к ним, положил рядом цветную фотографию.

— Вы его знаете? — спросил он.

Хозяин магазина собрал монеты, одну за другой, не обращая внимания на мужское лицо с темными, коротко стриженными волосами и голубыми глазами, изображенное на фотографии.

— Мой кузен, — пояснил Бирбанте. — Я не видел его много лет. Дядя умер, оставил ему деньги. Сумма не очень большая, но я знаю, что она ему не помешает. Деньги нужны всем. Вы не подскажете, где его найти?

Говоря это, он достал из нагрудного кармана сложенную вчетверо десятитысячную купюру, развернул ее и оставил на стойке. Хозяин посмотрел на купюру, затем на незнакомца. Бирбанте чувствовал, что и старики-картежники не спускают с него глаз.

— Никогда его не видел.

— Это плохо. Речь идет о деньгах.

Бирбанте сложил купюру, убрал в карман, взял бутылку и вышел из магазина. Обжигающие лучи обрушились на него, и он надел черные солнцезащитные очки. Это люди всегда держались друг друга. И, признав Нарсизо своим, никогда бы не выдали его.

«Альфа-ромео» красным пятном выделялась на выжженной солнцем улице. Бирбанте сунул бутылку под сидение, подальше от палящих лучей, и пересек вымощенную неровным булыжником мостовую. Хотя над дверью не было вывески, а окно ничем не напоминало витрину, все местные жители знали, что это бакалейная лавка. В дверном проеме болтались несколько связок красного перца. Бирбанте оттолкнул их и вошел в сумрак лавки. Женщина в черном платье не ответила на его приветствие и молча начала складывать заказанные им продукты. Кусок козьего сыра, краюху хлеба с толстой, хрустящей корочкой. Бирбанте не понравился запах оливок, и он отказался от них. Все это время он наблюдал за винным магазином.

Вот из него вышел один из картежников и захромал вдоль

улицу.

Бирбанте довольно кивнул. Если Нарсизо близко, и ему могут сообщить о появлении интересующегося им незнакомца, значит, поиски подошли к концу. На небольших расстояниях детектор обычно врал. Он мог лишь показать, что беглец находится в радиусе до десяти миль. Но ситуация станет иной, как только Нарсизо узнает, что его ищут. Он испугается, начнет волноваться, суетиться. Короче, резко изменится ритм его биотоков. И детектор, настроенный на волны, излучаемые мозгом Нарсизо, точно укажет его местонахождение. Шагая к автомобилю, Бирбанте смотрел прямо перед собой, но, сев за руль, взглянул в зеркало заднего обзора. Старик лишь однажды оглянулся, затем юркнул в один из домов. Бирбанте сложил покупки под сидение, рядом с бутылкой, завел двигатель. Проделывал он все это очень медленно, и, наконец, увидел мальчишку, вышедшего из двери, за которой скрылся старик. Мальчишка пробежал мимо машины, даже не повернув головы.

— Невероятно, подумал Бирбанте, отпуская сцепление. Ни один итальянский мальчик не может пройти рядом с красивой машиной, не оглядев ее от бампера до бампера. Значит, мальчишке дали какое-то серьезное поручение. То есть Нарсизо действительно где-то рядом. Бирбанте развернул «альфа-ромео» и поехал обратно к шоссе, с каждым метром удаляясь от мальчика. Приборы скажут все, что мне следует знать, улыбнулся Бирбанте.

Поднимаясь из долины по серпантину узкой дороги, он заметил на одном из поворотов маленькую рощицу, свернул под сень деревьев и заглушил двигатель. Тишину нарушало лишь стрекотание насекомых. Внизу лежала залитая солнцем долина с полосками зеленых полей на окраинах городка. Издали Чиомонте, с розовым куполом его церкви, возвышающейся над белыми домами, выглядел попривлекательнее. Отсюда не бросалась в глаза ни бедность городка, ни грязь на его улицах. Бирбанте глотнул вина, отломил корку хлеба, перочинным ножом отрезал сыра. Хлеб был свежим, сыр — острым, простая крестьянская еда напомнила ему о детстве, проведенном на тосканских холмах. Италия не изменялась, сонно щурясь сквозь теплые полдни столетий, под мелодичный перезвон колоколов тысяч церквей. Эта страна лежала на ладони Господа, а ее долины словно оцепенели…

Гремя изношенным двигателем, оставляя за собой клубы черного дыма и надсадно скрипя на каждом повороте, по дороге спускался автобус. В довершение ко всему водитель, проезжая мимо красного автомобиля, нажал на клаксон, и атмосфера умиротворения исчезла без следа.

В гневе Бирбанте потряс кулаком вслед удаляющемуся автобусу и проклял водителя. И только после глотка вина понял, что напрасно дал волю чувствам. Разумеется, бедняга ни в чем не виноват. И не следовало его проклинать, даже мысленно. Лицо Бирбанте залоснилось от пота, вызванного отнюдь не жарой. Вытащив тяжелые серебряные четки, он обратился к Богу с просьбой простить его и оставить без внимания проклятия водителю, вырвавшиеся сгоряча и, следовательно, ничего не значащие. И понять, почему он рассердился, ибо он — всего лишь человек и не всегда в силах смирить гордыню. Обращенный к Богу монолог успокоил Бирбанте. Постоянное напряжение дает себя знать, решил он, особенно при выполнении столь ответственного поручения. И, вернувшись с Нарсизо, он должен попросить руководство отпустить его хотя бы на год в какой-нибудь уединенный монастырь. Он не сомневался, что ему пойдут навстречу, руководству хорошо известно, какие преграды преодолевает он, чтобы дойти до цели.

Стрелка индикатора дрогнула и поползла. Занятый своими мыслями, Бирбанте не сразу заметил ее движение. Теперь следовало забыть о них, как о питье и пище. Воздержание и пост никому не приносили вреда. Бирбанте склонился над приборами.

— Ты здесь, Нарсизо, совсем рядом, и так же, как и я, боишься Божьего суда. И я иду, чтобы помочь тебе.

Двигатель заурчал, «альфа-ромео» плавно тронулась с места. Бирбанте сдерживал нетерпение. Погоня была долгой, и несколько лишних минут ничего не решали. Спустившись в долину, у самого городка, где дорога стала менее извилистой, Бирбанте съехал на обочину и вновь взглянул на приборы. Индикатор по-прежнему указывал, что беглец близко. Я нашел тебя, Нарсизо, улыбнулся Бирбанте.

Тени чуть удлинились, а в остальном Чиомонте оставался таким же, как и час тому назад, когда Бирбанте покидал городок. Ехал он посреди улицы, медленно, на второй скорости, вглядываясь в стрелки приборов. Они должны дернуться, когда он проедет мимо Нарсизо, и тогда он узнает беглеца и схватит его. С Божьей помощью. Бирбанте коснулся нагрудного креста. Но индикатор по-прежнему указывал, что Нарсизо где-то впереди.

Дома кончились, и вновь потянулись поля, пыльные виноградники. Должно быть, Нарсизо прятался не в Чиомонте, а на одной из окрестных ферм. Но с каждой секундой сигнал становился слабее, хотя детектор и вел его вперед, в безлюдье дороги. Бирбанте охватил страх, и он вдавил в пол педаль газа. Нет, вот это ни к чему, одернул он себя. Спешкой тут не поможешь. Сначала надо обдумать следующий шаг. Сигнал

становился все слабее. Бирбанте ничего не мог понять. А затем радостно рассмеялся.

— Как просто, — «альфа-ромео» набрала скорость. — Автобус! Нарсизо предупредили, и он удрал. А что еще он мог сделать? Путешествие подошло к концу, Нарсизо.

Бирбанте ехал быстро, срезая повороты. Уже через пару минут впереди показался автобус. Бирбанте притормозил. Конечно, не хотелось вытаскивать Нарсизо из переполненного автобуса, но другого выхода он не находил. Автобус скрылся за рощицей, вновь показался на дороге. «Альфа-ромео» продолжала преследование, проскочила рощу, настигая автобус, но ту стрелки приборов резко дернулись и Бирбанте с силой нажал на тормозную педаль. Нарсизо сошел с автобуса! Детектор показывал, что он находится справа от дороги. Задним ходом Бирбанте проехал сотню метров, пока не увидел тропу, петляющую по полям. Он не мог набрать скорость, но все же ехал быстрее бегущего человека…

На круглой вершине каменистого холма сидел мужчина в грубой крестьянской одежде, с палкой в руках. Бирбанте остановил машину, чтобы спросить, не проходил ли кто по тропе, но не успел произнести и слова, как мужчина поднял голову и повернулся к нему.

Их взгляды встретились и Бирбанте заглушил двигатель.

— Ты Нарсизо Лупоне, — в голосе Бирбанте не слышалось вопросительной интонации.

Нарсизо кивнул, его светло-голубые глаза резко выделялись на загорелом лице.

— К сожалению, не имею чести знать вас.

— Отец Бирбанте.

— О, какая встреча, знаменитейший охотник за еретиками.

— Если ты знаешь, кто я такой, то должен понимать, что пришел я не для того, чтобы поболтать с тобой. Для нас обоих будет проще, если ты сядешь в эту машину и поедешь со мной.

— Терпение, Бирбанте, терпение. Даже приговоренному к смерти преступнику дается время на раздумье, его и кормят перед казнью. Вот и нашему Спасителю предоставили возможность в последний раз поужинать.

— Его имя на твоих устах — богохульство. Сейчас ты поедешь со мной, и на этом все закончится.

— Неужели? — усмехнулся Нарсизо. — А что вы сделаете, если я откажусь? Убьете меня?

Бирбанте взял с сидения какой-то предмет.

— Ты знаешь, что мы никого не убиваем. Мы — христиане в христианском мире и не жалеем сил, чтобы подняться над

окружающими нас животными. Это устройство обездвижет тебя и не даст пошевельнуться, так что, как бы ты этого не хотел, мы уедем вместе.

Он поднял черную пластмассовую трубку с рукоятью и кнопками на одном конце, украшенную золотым силуэтом серафима, и наставил ее на Нарсизо.

Прогремел выстрел, зеркало заднего обзора разлетелось вдребезги, из поблескивающего металлом предмета в руке Нарсизо вырвался дымок.

— Вы узнали пистолет, не так ли? — полюбопытствовал Нарсизо. — Вы видели его изображение в исторических книгах. Он может продырявить вас так же легко, как и машину. А теперь бросьте парализатор на заднее сидение.

Бирбанте выполнил приказ и пожал плечами.

— Какая тебе польза от моей смерти? Я окажусь среди святых и мучеников, а ты останешься здесь, в этом жестоком мире, пока за тобой не придут другие. Отдай пистолет и поедем со мной.

— Нет. А теперь отойдите от машины и выслушайте меня. Сядьте вон там и давайте поговорим. Пистолет я уберу.

— Дьявол все еще бродит в этом мире, — Бирбанте перекрестился и сел на траву.

— Мир этот не так уж и плох. Вас не удивляет наличие у меня пистолета? В эту эпоху?

— Отнюдь. Год одна тысяча девятьсот семидесятый от Рождества Христова — далекое прошлое. Чему тут удивляться?

— Вам следовало уделять истории больше времени. Разве вас не проинструктировали, прежде чем направить сюда?

— А как же. Не думайте, что в коллегии инквизиции сидят дураки. Я вернулся в прошлое на сорок семь лет. Эта машина — точная копия одной из моделей этого периода.

— Ага! Значит, вы привезли машину с собой? Я как раз собирался спросить об этом. Похоже, вы достаточно хорошо знаете это время, и вам известно, что войны за веру давно закончились и наступила эра мира?

— Конечно. Но, раз у тебя оказался пистолет, в наши хроники, очевидно, закрались незначительные неточности.

— Или святые подчистки?

— Не богохульствуй!

— Пожалуйста, извините меня. Я действительно стремлюсь к тому, чтобы вы меня поняли. Так как вас послали за мной, я полагаю, что вы все обо мне знаете и вам, естественно, известно, как я сюда попал.

— Конечно. Ты физик Нарсизо Лупоне, сотрудник Ватиканских лабораторий в замке Сан-Анджело. Благодаря

исключительным способностям тебе удалось занять высокий пост, несмотря на то, что ты не принял духовный сан. Твой побег приведет к тому, что устав лабораторий ужесточится, дабы не допустить ничего подобного в будущем. Теперь мы будем доверять только тем, кто принял святые обеты. Тебя искусил дьявол и ты удрал в этот городишко, в прошлое.

— А священник устоит перед уговорами Сатаны?

— Несомненно!

— А если я скажу, что в моем деянии не было злого умысла? Дьявол ничего не нашептывал мне на ухо, как, впрочем, и Бог. Я…

— Перестань богохульствовать!

— Как вам будет угодно. Меня воспитали верным сыном церкви, и раньше мне бы и в голову не пришло говорить о том, что я знаю. Теперь у меня развязаны руки. Если хотите, я сомневался, сомневался во всем, чему меня учили, поэтому и оказался здесь. Я сомневался, что призвание человека в смирении, что он должен лишь рожать детей, расселяться по Земле, уничтожать так называемые низшие формы жизни. Я сомневался, что за запретом на целые разделы физики стояла Божья воля.

— Так повелел Бог!

— Нет, к сожалению, это сделали люди. Папы и кардиналы. Которые верят во что-то одно и считают, что остальной мир должен придерживаться тех же взглядов. Они подавляют мысль, волю, свободу, честолюбие, заменяя все серым туманом священных обязанностей.

— Меня не трогают твои слова. За них ты будешь гореть в аду. Пойдем со мной, брось оружие. Возвратись к тем, кто поможет тебе и очистит твой разум от скверны.

— Кто сотрет мою память, выжжет мои мысли и превратит в растение, прозябающее на святой почве, каковым я и останусь, пока не умру. Нет. Я не вернусь с вами. Мне представляется, что не вернетесь и вы.

— Что ты такое говоришь?

— То, что вы слышали. Будущего, откуда вы пришли, не существует, не будет существовать. Во всяком случае, для настоящего времени. Почему, по-вашему, я забрался так далеко? Ранние эксперименты принесли противоречивые результаты. Стоило нам углубиться в прошлое больше, чем на несколько месяцев, как все шло вкривь и вкось. Думаю, я понял, в чем дело, и разработал теорию, объясняющую выявленные противоречия. Поэтому я воспользовался установкой, которая могла послать меня на годы назад, и не взял с собой ничего, кроме одежды. Я

нашел работу, позволявшую не умереть с голоду, заглянул в книги. Вы слышали о Генрихе Восьмом, короле Англии?

— Почему ты спрашиваешь меня об этом? С какой целью? Я не сведущ в мирской истории.

— Речь не об этом. Он не оставил заметного следа в нашем мире. упав с лошади и разбившись насмерть на двенадцатом году правления. Но уж кто такой Мартин Лютер вы знаете?

— Разумеется. Немецкий священник, впоследствии еретик и смутьян. Заточен в тюрьму, где и умер, не помню в каком году.

— В тысяча пятьсот пятнадцатом, поверьте мне на слово. А что вы скажете, узнав, что Лютер не умер в тюрьме, но в тысяча пятьсот семнадцатом году выступил против католицизма и возглавил движение, которое привело к образованию новой церкви?

— Безумие!

— Это еще не все. И добрый король Генрих прожил достаточно долго, чтобы основать свою церковь! Впервые прочитав об этом, я подумал, что сошел с ума, но потом ощутил безмерную радость. Этот мир далеко не рай, но здесь все еще существует свобода и люди трудятся ради благополучия всех и каждого. Вам тоже придется полюбить этот мир, потому что мы оба обречены жить здесь до самой смерти. Повторяю, будущее, каким мы его знаем, не существует для нас и никогда не будет существовать. Какой-то фактор вызвал необратимые изменения, возможно, само наше проникновение в прошлое. Подумайте, Бирбанте, вы потеряли меня, потеряли вашу церковь и вашего Бога, потеряли все…

— Хватит! Остановись, ты лжешь! — Бирбанте вскочил, его лицо побледнело. Нарсизо, рассеянно улыбаясь, остался сидеть на траве.

— Я испугал вас, не так ли? Если вы обеспокоены моими словами, почему бы вам не проверить все самому? Главный темпоральный передатчик смонтирован, вероятно, в этой машине, но у вас должен быть аварийный блок. Его обязан иметь каждый путешественник во времени. Деваться мне некуда, я не убегу. Вам нужно лишь запомнить темпоральную отметку и нажать кнопку. Отправляйтесь в наше время и посмотрите, кто из нас прав, а затем возвращайтесь сюда, на мгновение позже темпоральной отметки. Я буду здесь, ничего не изменится. За исключением того, что вам откроется истина.

Бирбанте застыл, пытаясь понять, силясь не поверить. Нарсизо молча указал на пистолет, напоминая инквизитору о существовании оружия. Затем достал из кармана обрывок газеты, первую страницы *«L'Osservatore»,* официального органа Ватикана.

Бирбанте не смог заставить себя отвести взгляд и прочитал заголовок: *«ПАпа молится за мир, призывая присоединиться к нему всех людей доброй воли, независимо от их религиозных убеждений».*

Выкрикнув что-то нечленораздельное, Бирбанте вырвал газету из рук Нарсизо, смял в комок и бросил на землю. Затем достал аварийный блок, нажал на кнопку и исчез.

Нарсизо сидел, отсчитывая секунды. А потом облегченно вздохнул.

— Один! — вскричал он, прыжком поднявшись с травы. — Он не вернулся, потому что не мог вернуться. Он в другом будущем, другом прошлом, бог знает где. Мне наплевать. Больше я его не увижу.

Нарсизо взглянул на пистолет и отшвырнул его от себя.

С каким усердием он учился целиться и стрелять, дабы тот, кто придет за ним, не догадался, что он неспособен убить живое существо, как и все остальные, живущие в пространстве и времени, из которого он сбежал в прошлое. Нарсизо нежно погладил бампер «альфа-ромео».

— Вот мое богатство и убежище. Я смогу продать конструкцию энергетических элементов, приводящих в движение эту машину, и они заменят вонючие и чадящие двигатели внутреннего сгорания. Если за мной придут другие, я убегу от них сквозь время. Хотя я сомневаюсь, чтобы у кого-то хватило на это смелости. Особенно после исчезновения Бирбанте.

Нарсизо сел за руль, завел двигатель.

— И я увижу не только маленький уголок католической Италии. Я разбогатею и буду путешествовать. Выучу английский и поеду в далекие Америки, где правят англичане, где благородные ацтеки и майя живут в золотых городах. И каким чудесным будет этот новый мир!

«Альфа-ромео» медленно выкатилась на дорогу и скрылась вдали.

СОСЕДИ

Томас Диш составлял антологию мрачных рассказов на тему экологических и социальных катастроф, грозящих миру в будущем. В то время произведения, повествующие о перенаселенности, были довольно малочисленны — по крайней мере произведения, которые пришлись бы ему по вкусу и затрагивали самые острые проблемы. Прочитав мой роман «Подвиньтесь! Подвиньтесь!», он понял, что это как раз то, что ему нужно — жесткий реалистический взгляд на недалекое будущее, тот самый предостерегающий палец, которым помахивают перед читателем. Пусть увидит, что его

ждет, если эту неотложную проблему пустить на самотек.

Но у меня имелся роман, а Тому для антологии требовался рассказ. Он выделил в романе некоторые главы и страницы, способные, по его мнению, составить рассказ, и написал мне о своей идее. Я согласился с тем, что в этом есть смысл, но, сложив воедино отмеченные им куски, обнаружил, что им недостает нужной для рассказа непрерывности повествования.

Тогда я их почти полностью переписал. Одним из интересных результатов переделки — чего я до того момента не понимал — оказалась плотность фона повествования, весьма высокая для рассказа. Судите сами — перед вами образы, фон и замысел целого романа, сжатые в рассказ.

ЛЕТО

Августовское солнце било в открытое окно и жгло голые ноги Эндрю Раша до тех пор, пока это неприятное ощущение не вытащило его из глубин тяжелого сна. Очень медленно он начал осознавать, что в комнате жарко и что под ним влажная, усыпанная песчинками простыня. Он потер слипшиеся веки и полежал еще немного, уставясь в потрескавшийся грязный потолок. В первые мгновения после сна он не мог сообразить, где находится, хотя прожил в этой комнате более семи лет. Потом он зевнул, и, пока шарил рукой в поисках часов, которые всегда клал перед сном на стул рядом с кроватью, странное ощущение растерянности прошло. Энди снова зевнул и, моргая, взглянул на стрелки часов с поцарапанным стеклом. Семь… Семь утра, и маленькая цифра «девять» в середине квадратного окошка понедельник, девятое августа 1999 года. Семь утра, а уже жарко, как в печи: город словно замер в душных объятиях жары, которая одолевала Нью-Йорк вот уже десять дней. Энди почесался и подмял подушку под голову. Из-за тонкой перегородки, делившей комнату надвое, послышалось жужжание, быстро перешедшее в пронзительный визг.

— Доброе утро, — произнес он громко, пытаясь перекричать этот звук, и закашлялся.

Кашляя, Энди нехотя встал и побрел в другой конец комнаты, чтобы налить стакан воды из настенного бачка. Вода потекла тонкой коричневой струйкой. Энди сделал несколько глотков, потом постучал костяшками пальцев по окошку счетчика на бачке, стрелка которого дрожала почти у самой отметки «Пусто». Не забыть бы наполнить бачок до того, как он уйдет к четырем на дежурство в полицейский участок. День начался.

На дверце покосившегося шкафа висело зеркало во весь рост, треснувшее снизу доверху. Энди почти уткнулся в него лицом, потирая заросшую щетиной щеку. Перед уходом надо будет побриться. «Не стоит смотреть на себя, голого и неопрятного, в зеркало спозаранку», — подумал он неприязненно, хмуро разглядывая свои кривоватые ноги, обычно скрытые брюками, и мертвенно бледную кожу. Ребра торчат, как у голодной клячи… И как он только умудрился при этом отрастить живот? Он потрогал дряблые мышцы и решил, что все дело в крахмалосодержащей диете и сидячем образе жизни. Хорошо хоть не полнеет лицо. Лоб с каждым годом становится все выше и выше, но это как-то не очень заметно, если стричь волосы коротко. «Тебе всего тридцать, — подумал он, — а вокруг глаз уже столько морщин. И нос у тебя слишком большой. Кажется, дядя Брайен говорил, что это из-за примеси уэльской крови. И передние зубы у тебя выступают больше чем положено, отчего, улыбаясь, ты немного похож на гиену. Короче, Энди Раш, ты настоящий красавчик, и странно, что такая девушка, как Шерл, не только обратила на тебя внимание, но даже поцеловала». Он скорчил своему отражению рожу и пошел искать платок, чтобы высморкать свой выдающийся уэльский нос.

Чистые трусы в ящике оказались только одни; он натянул их и напомнил себе еще об одном деле на сегодня — обязательно постирать. Из-за перегородки все еще доносился пронзительный визг. Энди толкнул дверь и вошел.

— Ты так заработаешь себе сердечный приступ, Сол, — обратился он к мужчине с седой бородой, сидящему на велосипеде без колес.

Мужчина с ожесточением крутил педали; по его груди градом катился пот и впитывался в повязанное вокруг пояса полотенце.

— Никогда, — выдохнул Соломон Кан, не прекращая работать ногами. — Я делал это каждый день так долго, что моему моторчику скорее всего не поздоровится, если я вдруг перестану. Опять же в моих сосудах нет холестерина, потому что регулярные алкогольные промывания этому способствуют. И я не заболею раком легких, поскольку не могу позволить себе курить, даже если бы хотел, но я еще и не хочу. В семьдесят пять лет у меня нет простатита, потому что…

— Пожалуйста, Сол, избавь меня от таких подробностей на голодный желудок. Ты не одолжишь мне кубик льда?

— Возьми два — сегодня жарко. Но не держи дверцу открытой слишком долго.

Энди открыл маленький низенький холодильник у стены, быстро достал пластиковую коробочку с маргарином, затем

вынул из формочки два кубика льда, бросил в стакан и захлопнул дверцу. Наполнил стакан водой из бачка и поставил на стол рядом с маргарином.

— Ты уже ел? — спросил он.

— Сейчас я к тебе присоединюсь. Эти штуки, должно быть, уже зарядились.

Сол перестал крутить педали, визг перешел в стон и затих. Он отсоединил провода генератора от задней оси велосипеда и аккуратно сложил их рядом с четырьмя черными автомобильными аккумуляторами, стоявшими на холодильнике. Затем вытер руки о грязное полотенце, придвинул к столу сиденье от допотопного «Форда» модели 75-го года и сел напротив Энди.

— Я слушал шестичасовые новости, — сказал он. — Старики проводят сегодня еще один марш протеста. Вот где будет много сердечных приступов!

«Слава Богу, я на дежурстве с четырех, и Юнион-сквер не в нашем районе». Энди открыл маленькую хлебницу, достал красный крекер размером не более шести квадратных дюймов и пододвинул хлебницу Солу. Потом намазал на крекер тонкий слой маргарина, откусил кусочек и, сморщившись, принялся жевать.

— Я думаю, что маргарин уже испортился.

— Как это ты определяешь, интересно? — хмыкнул Сол, кусая сухой крекер. По-моему, все, что делается из машинного масла и китового жира, испорчено с самого начала.

— Ты говоришь, как натурист, — заметил Энди и запил крекер холодной водой. — У жиров, получаемых из нефтепродуктов, почти нет запаха, и ты сам прекрасно знаешь, что китов совсем не осталось и китовый жир взять неоткуда. Это обычное хлорелловое масло.

— Киты, планктон, селедочное масло — это все одно и то же. Все отдает рыбой. Я лучше буду есть крекеры всухомятку, зато у меня никогда не отрастут плавники… — Неожиданно в дверь быстро постучали. — Еще восьми нет, а они уже посылают за тобой, — простонал Сол.

— Это может быть кто угодно, — сказал Энди, направляясь к дверям.

— Это стучит курьер, и ты знаешь об этом не хуже меня. Я готов спорить на что угодно. Ну вот видишь? — Сол с мрачным удовлетворением кивнул, когда за дверью в полутьме коридора обнаружился тощий босоногий курьер.

— Что тебе надо, Вуди? — спросил Энди.

— Мне ницего не нузно, — прошепелявил Вуди, разевая

беззубый рот. Ему было всего двадцать с лишним, а во рту уже не осталось ни одного зуба. — Лейтенант сказал:

«Неси» — я и принес.

Он вручил Энди складную дощечку с сообщением, на обороте которой значилось его имя.

Энди повернулся к свету и стал разбирать каракули лейтенанта, после чего взял кусок мела, нацарапал под сообщением свою фамилию и отдал дощечку курьеру. Закрыв за ним дверь, он вернулся к столу и, задумчиво нахмурившись, принялся доедать завтрак.

— Не надо на меня так смотреть, — сказал Сол. — Не я же тебя вызвал… Я буду прав, если предположу, что это не самое приятное задание?

— Это старики. Они уже запрудили всю площадь, и соседний участок требует подкреплений.

— Но почему ты? Похоже, это занятие для рабочей скотины.

— Рабочая скотина! Откуда у тебя этот средневековый жаргон? Конечно, там нужны патрули — усмирять толпу, но нужны и детективы, чтобы выявить агитаторов, карманников, грабителей и прочих. Там сегодня будет черт знает что!

— Мне приказано явиться к десяти, так что я еще успею сходить за водой.

Энди неторопливо надел брюки и широкую спортивную рубашку, потом поставил на подоконник банку с водой, чтобы погрелась на солнце. Взял две пятигаллоновые пластиковые канистры. Сол оторвался от телевизора и взглянул ему вслед поверх старомодных очков.

— Когда вернешься с водой, я приготовлю тебе выпить. Или, может, еще слишком рано?

— Сегодня у меня такое настроение, что в самый раз.

Когда дверь квартиры была закрыта, в коридоре царила кромешная темнота. Ругаясь, Энди стал ощупью пробираться вдоль стены к лестнице. По дороге он едва не упал, споткнувшись о кучу мусора, выброшенного кем-то на пол. Этажом ниже в стене была пробита дыра, в которую пробивался свет, и Энди без проблем преодолел оставшиеся два пролета. После сырого подъезда жара на Двадцать пятой улице нахлынула на него волной удушающей вони: пахло гнилью, грязью и немытыми человеческими телами. На крыльце сидели женщины. Пришлось пробираться между ними, стараясь в то же время не наступить на играющих ребятишек. На тротуаре, куда еще падала тень, толпилось столько людей, что Энди был вынужден пойти по мостовой, подальше обходя высокие кучи мусора, наваленные вдоль дороги. От жары, стоявшей несколько дней, асфальт

плавился и прилипал к подошвам ботинок. К красной колонке гидранта на углу Седьмой авеню, как обычно, тянулась очередь. Когда Энди подошел поближе, очередь вдруг распалась. Послышались сердитые выкрики. Кое-кто стал размахивать кулаками. Вскоре люди разошлись, все еще бормоча, и Энди увидел, как дежурный полисмен запирает стальную дверь.

— Что происходит? — спросил он. — Я думал, что гидрант работает до полудня.

Полицейский обернулся, привычно схватившись за пистолет, но, узнав детектива со своего участка, сдвинул форменную фуражку на затылок и стер пот со лба тыльной стороной ладони.

— Только что получил приказ от сержанта. Все гидранты закрываются на двадцать четыре часа. Засуха. В резервуарах низкий уровень воды, так что приходится экономить.

— Ничего себе приказ, — сказал Энди, глядя на торчавший в замке ключ. Мне сегодня идти на дежурство, значит, я останусь без воды на целых два Дня…

Осторожно оглядевшись, полицейский отпер дверь и взял у Энди одну канистру.

— Одной тебе пока хватит. — Он сунул ее под кран и, пока канистра наполнялась, добавил, понизив голос:

— Ты никому не рассказывай, но прошел слух, что на северной окраине города снова взорван акведук.

— Опять фермеры?

— Должно быть. До перехода в этот округ я патрулировал акведуки работенка не сахар, должен тебе сказать. Они запросто могут взорвать тебя вместе с акведуком. Говорят, город, мол, крадет у них воду.

— У них ее и так достаточно, — сказал Энди, забирая полную канистру. Больше, чем нужно. А здесь, в городе, тридцать пять миллионов человек, и все хотят пить.

— Кто спорит? — вздохнул полицейский, захлопнул дверь и запер се на замок.

Снова пробравшись сквозь толпу на ступеньках, Энди пошел на задний двор. Все туалеты оказались заняты — пришлось ждать. Когда наконец один освободился, Энди потащил канистры с собой в кабинку, иначе кто-нибудь из детей, игравших среди куч мусора, наверняка украл бы их.

Одолев темные лестничные пролеты еще раз, Энди открыл дверь и услышал чистый звук ледяных кубиков в стакане.

— У тебя тут прямо Пятая симфония Бетховен, — сказал он и, поставив канистры, упал в кресло.

— Это моя любимая мелодия, — отозвался Сол, доставая из холодильника два охлажденных стакана.

Торжественно, словно исполняя религиозный ритуал, он бросил в каждый из них по крошечной, похожей на жемчужину, луковичке. Один стакан он вручил Энди, и тот осторожно глотнул холодную жидкость.

— Когда я пробую что-нибудь вроде этого, Сол, то в такие минуты почти верю, что ты все-таки не сумасшедший. Почему эта штука называется «Гибсон»?

— Тайна, покрытая мраком. Почему «Стингер» — это «Стингер», а «Розовая леди» — это «Розовая леди»?

— Не знаю. Никогда не пробовал.

— Я тоже не знаю, но так уж они называются. Как та зеленая мешанина, что продают в «обалделовках», — «Панама». Просто название, которое ничего не значит.

— Спасибо, — сказал Энди, осушив стакан. — День кажется мне уже не таким плохим.

Он прошел на свою половину комнаты, достал из ящика пистолет в кобуре и прицепил к поясу с внутренней стороны брюк. Значок полицейского болтался на кольце вместе с ключами — там Энди всегда его и держал. Сунул в карман записную книжку, он на, мгновение задумался. День предстоял долгий и трудный, и все могло случиться. Он достал из-под стопки рубашек наручники и мягкую пластиковую трубку, наполненную дробью. Может пригодиться в толпе; к тому же, когда вокруг много людей, это даже надежнее. Опять же новое предписание экономить боеприпасы. Чтобы тратить патроны, нужно иметь на это весьма вескую причину Энди вымылся, как мог, пинтой воды, нагревшейся на подоконнике от солнца, и принялся тереть лицо кусочком шершавого, словно с песком, мыла. На бритве с обеих сторон уже появились зазубрины, и, подтачивая ее о край столика, Энди подумал, что нора доставать где-то новую. Может быть, осенью.

Когда он вышел из своей комнаты, Сол старательно поливал ряды каких-то трав и крохотных луковиц, растущих в ящике на окне.

— Смотри, чтобы тебе не подсунули деревянный пятак, — произнес он, не отрываясь от своего занятия.

Пословиц Сол знал миллион. И все старые. Но что такое «деревянный пятака»?

Солнце поднималось все выше и выше, и в асфальтово-бетонном ущелье улицы становилось все жарче. Полоска тени от здания угла стала уже, и в подъезд набилось столько людей, что Энди едва протиснулся к дверям. Он осторожно пробрался мимо маленькой сопливой девчонки в грязном нижнем белье и спустился еще на одну ступеньку. Тощие женщины неохотно

отодвигались, даже не глядя на него, зато мужчины смотрели с холодной ненавистью, словно отпечатавшейся на их лицах, отчего все они казались ему похожими — будто из одной злобной семьи. Наконец Энди выбрался на тротуар, где ему пришлось переступить через вытянутые ноги лежавшего старика. Старик выглядел не спящим, а скорее мертвым, что, впрочем, было вполне вероятно. От его грязной ноги тянулась веревка, к которой привязали голого ребенка. Такой же грязный, как и старик, ребенок сидел на асфальте и бездумно грыз край гнутой пластиковой тарелки. Веревка, пропущенная под руками-тростинками, была завязана у него на груди, над вздувшимся от голода животом.

Даже если старик умер, это не имело никакого значения: единственное, что от него требовалось, это служить своеобразным якорем для ребенка, а такую работу он мог с одинаковым успехом выполнять как живой, так и мертвый.

На улице Энди вспомнил, что снова не сказал Солу о Шерл. Это было бы не сложно, но он, словно избегая разговора, продолжал забывать. Сол часто рассказывал, каким жеребцом он был и как развлекался с девчонками, когда служил в армии. Он поймет.

Они ведь всего лишь соседи. Не больше. Друзья, конечно. И если он приведет девушку, которая будет с ним жить, это ничего не изменит.

Почему же он опять ничего не сказал?

ОСЕНЬ

Говорят, что такого холодного октября никогда не было. Я тоже не припомню. И дождь… Не настолько сильный, чтобы наполнить бак или еще что-нибудь, зато ходишь все время мокрая и от этого еще больше зябнешь. Разве не так?

Шерл кивала, почти не прислушиваясь к словам, но по интонации поняла, что ее о чем-то спросили. Очередь двинулась вперед, и она сделала несколько шагов за говорившей. Женщина, этакий бесформенный ком тяжелой одежды, прикрытый рваным пластиковым плащом, была подпоясана веревкой и от этого походила на туго набитый мешок. «Пожалуй, я выгляжу не лучше», — подумала Шерл и натянула на голову одеяло, пытаясь укрыться от непрестанной мороси. Совсем немного осталось, впереди всего несколько десятков человек. Стояние в очереди заняло гораздо больше времени, чем она думала: уже почти стемнело. Над автоцистерной загорелся свет и отразился в ее черных боках. Стало видно, как медленно сеется дождь. Очередь снова продвинулась. Женщина, стоявшая впереди Шерл, переваливаясь, потащила за собой ребенка — такой же, как и она сама, бесформенный ком; лицо укутано шарфом. Ребенок то и дело хныкал.

— Прекрати, — сказала женщина и повернулась к Шерл: красное, одутловатое лицо, почти беззубый рот. — Он плачет, потому что мы были у врача. Доктор думал, что у него что-то серьезное, а всего-навсего квош. — Она показала Шерл распухшую, словно надутую руку ребенка. — Это легко определить, когда они так распухают и на коленках появляются черные пятна. Чтобы попасть к врачу, пришлось просидеть две недели в клинике Бельвью, хотя он мне сказал то, что я и так уже знала. Но это единственный способ добыть рецепт. Получила талоны на ореховое масло. Мой старик его очень любит. А ты живешь в нашем квартале, да? Кажется, я тебя там уже видела.

— На Двадцать шестой улице, — ответила Шерл, снимая с канистры крышку и пряча ее в карман пальто. Ее знобило — похоже, она заболела.

— Точно. Я так и думала, что это ты. Без меня не уходи, пойдем домой вместе. Уже поздно, а тут полно шпаны — воду отбирают. Они всегда ее могут потом продать. Вот миссис Рамирес в моем доме… Она пуэрториканка, но вообще-то своя, их семья жила в этом доме со второй мировой войны. Ей так подбили глаз, что она теперь ничего не видит, и вышибли два

зуба. Какой-то бандит треснул ее дубинкой и забрал воду.

— Да, я подожду. Это неплохая идея, — сказала Шерл, внезапно почувствовав себя очень одинокой.

— Карточки! — потребовал полицейский, и она протянула ему три: свою, Энди и Сола.

Он поднес их к свету, затем вернул и крикнул человеку у крана:

— Шесть кварт!

— Как шесть? — возмутилась Шерл.

— Сегодня норма уменьшена, леди. Шевелитесь, шевелитесь! Вон сколько людей еще ждут!

Шерл подхватила канистру, человек сунул в нее шланг и включил воду, потом крикнул:

— Следующий!

Булькающая канистра казалась трагически легкой. Шерл отошла в сторонку и встала рядом с полицейским, поджидая женщину. Одной рукой та тянула за собой ребенка, в другой тащила пятигаллоновую и, похоже, почти полную канистру из-под керосина. Должно быть, у нее большая семья.

— Пошли, — сказала женщина. Ребенок, тихо попискивая, тащился позади, вцепившись в руку матери.

Когда они свернули с Двенадцатой авеню в переулок, стало еще темнее, словно дождь впитывал весь свет. Здания вокруг — в основном бывшие склады и фабрики — надежно укрывали своих обитателей за толстыми стенами без окон. Тротуары были мокрыми и пустынными. Ближайший уличный фонарь горел в следующем квартале.

— Вот задаст мне муж за то, что я пришла так поздно, — сказала женщина, когда они свернули за угол.

И тут дорогу им преградили два темных силуэта.

— Воду! Быстро! — приказал тот, что стоял ближе, и в свете далекого фонаря блеснуло лезвие ножа.

— Нет, не надо! Пожалуйста! — взмолилась женщина и спрятала канистру за спину.

Шерл прижалась к стене. Когда грабители подошли поближе, она увидела, что это мальчишки. Подростки. Но у них был нож.

— Воду! — велел первый, размахивая ножом.

— Получай! — взвизгнула женщина и взмахнула канистрой.

Грабитель не успел увернуться, и удар пришелся прямо ему по голове. Парень взвыл и рухнул на землю, выронив нож.

— И ты хочешь? — закричала женщина, надвигаясь на второго подростка. Тот был безоружен.

— Нет-нет, не хочу, — запричитал он, пытаясь оттащить приятеля за руку. Но когда женщина приблизилась, он бросил его

и отскочил в сторону.

Она наклонилась, чтобы подобрать нож; в этот момент парень сумел поставить своего товарища на ноги и поволок его за угол. Все произошло за считанные секунды, и все это время Шерл стояла, прижавшись спиной к стене и дрожа от страха.

— Такого они не ожидали! — воскликнула женщина, восхищенно разглядывая старый нож для разделки мяса. — Мне он больше пригодится. Сопляки!

Она была возбуждена и явно довольна собой. За время стычки она ни разу не выпустила руку ребенка, и теперь тот расхныкался еще больше.

Оставшуюся часть пути преодолели без приключений, и женщина проводила Шерл до самой двери.

— Спасибо вам большое, — сказала Шерл. — Я не знаю, что бы я делала…

— Пустяки, — улыбнулась женщина. — Ты видела, как я его? И у кого теперь нож? Она двинулась прочь, таща одной рукой канистру, а другой — ребенка.

— Где ты была? — спросил Энди, когда Шерл распахнула дверь. — Я уж думал, что с тобой что-нибудь случилось.

В комнате было тепло и пахло рыбой. Энди и Сол сидели за столом со стаканами в руках.

— Это из-за воды. Очередь растянулась на целый квартал. И мне дали только шесть кварт: норму опять урезали.

Она заметила, что Энди мрачен, и решила не рассказывать, что по дороге домой на них напали: Энди расстроится еще больше, а ей очень не хотелось портить ужин.

— Замечательно, — ехидно произнес Энди. — Норма и без того слишком мала, а они решили ее еще урезать… Снимай мокрую одежду, Шерл, Сол нальет тебе «Гибсона». Его самодельный вермут уже созрел, а я сегодня купил немного водки.

— Выпей, — сказал Сол, вручая Шерл холодный стакан. — Я приготовил суп из дрянного концентрата «Энергия». В любом другом виде он просто несъедобен. Суп у нас будет на первое, а потом… — Он многозначительно кивнул в сторону холодильника.

— Что такое? — спросил Энди. — Секрет?

— Не секрет, — ответила Шерл, открывая холодильник, — а сюрприз. Я купила их сегодня, каждому по одному. — Она вынула тарелку с тремя маленькими пирожками с начинкой «сойлент». — Это та самая новинка, которую сейчас рекламируют по телевизору, со вкусом копченого мяса.

— Они, должно быть, обошлись в целое состояние, —

проворчал Энди. — Теперь нам придется голодать весь месяц.

— Не такие уж они и дорогие. Кроме того, я потратила свои деньги, а не те, что мы отложили на еду.

— Какая разница? Деньги есть деньги. На эту сумму мы могли бы жить, наверно, целую неделю.

— Суп готов, — объявил Сол, расставляя на столе тарелки.

Шерл молчала, чувствуя, что в горле у нее застрял комок. Она сидела, смотрела в тарелку и изо всех сил старалась не расплакаться.

— Извини, — сказал Энди. — Но ты же знаешь, как растут цены. Нужно думать о будущем. Городской подоходный налог стал еще выше — восемьдесят процентов, пособий приходится платить все больше, так что этой зимой нам придется туго. Ты не думай, я тронут…

— Если это действительно так, то почему бы тебе не заткнуться и не заняться супом, — перебил его Сол.

— Не вмешивайся, Сол, — сказал Энди.

— Я не стану вмешиваться, если вы прекратите ссориться в моей комнате. Нечего портить такой замечательный ужин.

Энди хотел что-то сказать, но передумал и взял Шерл за руку.

— Сегодня у нас действительно хороший ужин, — пробормотал он. — Давай не будем…

— Не такой уж он хороший, — заметил Сол, проглотив ложку супа, и поморщился. — Сам сначала попробуй. Но зато пирожки отобьют этот мерзкий вкус.

Некоторое время они молча ели суп, потом Сол принялся рассказывать одну из своих армейских историй о Нью-Орлеане, такую смешную, что удержаться от смеха было просто невозможно, и вскоре настроение у всех заметно улучшилось. Сол разлил оставшийся «Гибсон», а Шерл принесла пирожки.

— Если бы я был совсем пьян, то решил бы, что это мясо, — заявил Сол, энергично пережевывая свою порцию.

— Нет, они действительно хороши, — сказала Шерл.

Энди кивнул. Шерл быстро доела пирожок и подобрала с тарелки подливку кусочком растительного крекера, затем отпила из стакана. Неприятное происшествие по дороге домой казалось совсем давним. Что эта женщина говорила про своего ребенка?..

— Ты знаешь, что такое «квош»? — спросила она.

— Какая-то болезнь. — Энди пожал плечами. — А почему ты спрашиваешь?

— Вместе со мной в очереди за водой стояла женщина, и мы с ней разговорились. Ее ребенок заболел этим самым «квошем». Я еще подумала, что ей не следовало бы тащить с собой больного ребенка в такой дождь. И потом, вдруг это заразно?

— Не волнуйся. — сказал Сол. — «Квош» — это сокращенно от «квошиоркора». Если бы ты интересовалась своим здоровьем и смотрела медицинские программы, как я, или читала книги, то знала бы про эту болезнь все. Она не заразна, потому что возникает от плохого питания, как бери-бери.

— Про такую болезнь я тоже никогда не слышала.

— Она нечасто встречается, зато квош — на каждом шагу. Им болеют при недостатке белков. Раньше он встречался только в Африке, но теперь распространился по всей территории Соединенных Штатов. А как же иначе? Мяса нет, чечевица и соевые бобы стоят слишком дорого, и потому мамаши пичкают детей растительными крекерами, леденцами и всякой дешевой дрянью…

Лампа мигнула и погасла. Сол на ощупь добрался до холодильника и отыскал среди вороха проводов на нем выключатель. Вскоре загорелась тусклая лампочка, подключенная к аккумуляторам.

— Надо бы подзарядить, — сказал Сол, — да ладно, завтра. После еды вредно работать, это сказывается на пищеварении и циркуляции крови.

— Как хорошо, доктор, что вы здесь, — произнес Энди. — Мне нужен совет врача. У меня небольшая проблема. Дело в том… что все съеденное попадает ко мне в живот и…

— Забавно, мистер Шутник. Шерл, я не представляю, как ты его терпишь.

После еды все трое почувствовали себя лучше. И разговаривали до тех пор, пока Сол не заявил, что собирается выключить свет, чтобы аккумуляторы не сели. Маленькие кирпичики морского угля сгорели дотла, и в комнате опять стало прохладно. Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Энди пошел на свою половину за фонариком. Здесь было еще холоднее.

— Я ложусь, — сказала Шерл. — Вообще-то спать не хочется, но это единственный способ согреться.

Энди пощелкал выключателем.

— Света нет, а мне нужно бы кое-что сделать. Сколько времени у нас нет по вечерам света? Неделю?

— Давай я лягу, возьму фонарик и буду тебе светить, а?

— Пожалуй.

Энди раскрыл на комоде свой блокнот, рядом положил многоразовый бланк и принялся составлять рапорт. В левой руке он держал фонарик, время от времени сжимая его рукоятку, и тот испускал свет. В городе сегодня было спокойно: холод и дождь прогнали людей с улиц. Жужжание крохотного генератора в фонарике и поскрипывание пера по пластику звучали

неестественно громко.

Шерл раздевалась при свете фонарика. Стянув с себя одежду, она задрожала от холода и быстро надела тяжелую зимнюю пижаму, штопаные-перештопаные носки, в которых спала, и толстый свитер. Простыни, ни разу не менявшиеся с тех пор, как начались перебои с водой, были холодными и влажными, хотя Шерл старалась проветривать их при любой возможности. Щеки ее оказались такими же влажными, как простыни, и, приложив руку к лицу, она поняла, что плачет. Она старалась не всхлипывать, чтобы не мешать Энди: он ведь делает для нее все, что может…

Да, до того как она пришла сюда, все было по-другому; легкая жизнь, хорошая еда, теплая комната и личный телохранитель Таб, сопровождавший ее, когда она выходила на улицу. Она должна была спать и с ним пару раз в неделю. Она ненавидела эти минуты, ненавидела даже его прикосновения, на, по крайней мере, это происходило быстро. С Энди все не так, все хорошо, и ей очень хотелось, чтобы сейчас он был рядом. Шерл снова задрожала и, не в силах сдержаться, заплакала еще горше.

ЗИМА

Нью-Йорк находился на краю катастрофы. Вокруг каждого запертого склада собирались огромные толпы. Голодные, испуганные люди искали виновных в происходящем. Гнев побуждал людей бунтовать, хлебные бунты превратились в водяные, было разграблено все, что только можно. Полиция, хлипкий барьер между злобным протестом и кровавым хаосом, боролась за порядок из последних сил.

Поначалу полицейские дубинки и ружейные приклады останавливали людей, но, когда это перестало помогать, для разгона толпы стали применять газы. Напряженность росла, поскольку люди, которых разгоняли в одном месте, тут же собирались в другом. Мощные струи воды из полицейских машин останавливали пытавшихся вломиться в участки социальной помощи, но машин не хватало, да и воды взять было неоткуда. Использовать речную воду запретил департамент здравоохранения: с таким же успехом можно было поливать людей ядом. Кроме того, вода была нужна и пожарным: в городе то и дело вспыхивали пожары. Часто их машины даже не могли проехать по перегороженным улицам, отчего приходилось делать долгие объезды. Иногда пожары распространялись так быстро, что к полудню все машины были в работе.

Первый выстрел раздался через несколько минут после полудня 21 декабря, когда охранник департамента социального обеспечения убил человека, который взломал окно продуктового склада на Томпкинс-сквер и пытался туда влезть. Это был первый, но далеко не последний выстрел. И отнюдь не последний убитый.

Некоторые районы, где царили беспорядки, удалось окружить сбрасываемой с воздуха проволокой-путанкой, но ее тоже не хватало, и, когда запасы кончались, вертолеты продолжали беспомощно кружить над беспокойными кварталами, выполняя роль воздушных полицейских наблюдательных постов и определяя места, где срочно необходимы подкрепления. Что, впрочем, тоже было бесполезно, потому что подкреплений не осталось: все работали, как на передовой.

После первой стычки уже ничто не могло произвести на Энди сильного впечатления. Остаток дня и почти всю ночь он вместе с остальными полицейскими занимался тем, что получал и раздавал удары, стремясь восстановить порядок на улицах раздираемого побоищем города. Передохнуть ему удалось лишь раз, когда он случайно надышался газа от собственной гранаты, но сумел пробраться к машине департамента здравоохранения, где ему помогли. Медик дал ему таблетку против выворачивающей все внутренности тошноты и промыл глаза. Энди лежал на носилках внутри машины, прижимая к груди шлем, гранаты и дубинку, и постепенно приходил в себя. На других носилках у двери фургона сидел водитель машины с карабином 30-го калибра, готовый отпугнуть каждого, кто проявит слишком живой интерес к машине и ее ценному содержимому. Энди совсем не хотелось вставать, но в открытую дверь сочился холодный туман, и он начал дрожать так сильно, что у него застучали зубы. Он с трудом встал и выбрался из машины. Пройдя немного, Энди почувствовал, что ему стало немного лучше. И теплее. Нападавших уже отбили, и, морщась от запаха, пропитавшего его одежду, Энди направился к ближайшей группе людей в синей форме.

С этого момента усталость уже не оставляла его, в памяти сохранились только лица, искаженные криком, бегущие ноги, звуки выстрелов, визг, хлопки газовых гранат. Из толпы в него бросили чем-то тяжелым, и на руке остался огромный синяк.

К ночи пошел дождь, холодная морось вперемешку с мокрым снегом, и, видимо, вовсе не полиция, а погода и усталость прогнали людей с улиц. Но когда толпы рассеялись, полицейские обнаружили, что настоящая работа только начинается. Зияющие оконные проемы и выломанные двери необходимо было охранять до тех пор, пока их не починят, требовалось найти раненых и

оказать им помощь. Пожарный департамент остро нуждался в подкреплениях для борьбы с бесчисленными пожарами. Продолжалось это всю ночь, и лишь утром, услышав свою фамилию в списке, прочитанном лейтенантом Грассиоли, Энди немного пришел в себя, когда он полусидел-полулежал на скамье в полицейском участке.

— Это все, что я могу вам позволить, — добавил лейтенант. — Перед уходом всем получить пайки и сдать снаряжение. Вернуться к 18.00, и никаких отговорок! У нас еще много дел.

Ночью дождь кончился. Длинные утренние тени покрыли городские улицы, и восходящее солнце отражалось золотым глянцем в мокром асфальте. Сгоревший ночью особняк все еще дымился, и Энди пришлось пробираться через обуглившиеся развалины. На углу Седьмой авеню валялись обломки двух раздавленных велотакси, с которых все что только можно уже кто-то поснимал. Чуть дальше, скрючившись, лежал человек. Сначала Энди почему-то подумал, что он спит, но, увидев его изуродованное лицо, понял, что его убили, и не стал останавливаться. Департамент санитарии его в любом случае сегодня подберет.

Первые «пещерные люди» выбирались из подземки, щурясь от солнечного света. Летом все смеялись над «пещерниками», для которых департамент социального обеспечения определил местом жительства станции давно прекратившего работать метро, но, когда наступили холода, веселье сменилось завистью. Может быть, там, внизу, грязно, пыльно и темно, но зато всегда работают несколько электрообогревателей. Не слишком шикарные условия, но по крайней мере департамент не дал им замерзнуть.

Энди свернул к своему дому. Поднимаясь по ступенькам, он несколько раз наступил на спящих, но от усталости не обратил на это никакого внимания и даже не заметил их. Потом он долго не мог попасть ключом в замок. Сол услышал и открыл сам.

— Я только что приготовил суп, — сказал он. — Ты как раз вовремя. Энди достал из кармана обломки растительных крекеров и высыпал их на стол.

— Ты украл продукты? — спросил Сол, откусывая маленький кусочек. — Я думал, кормежку не будут выдавать еще два дня.

— Полицейский паек.

— Что ж, справедливо. На голодный желудок с народом не очень-то повоюешь. Я кину немного в суп, пусть хоть что-то в нем будет. Надо полагать, ты вчера не смотрел телевизор и, видимо, не знаешь, что творится в конгрессе. Там такое начинается…

— Шерл уже проснулась? — спросил Энди, стащив с себя

плащ и тяжело свалившись в кресло.

Сол помолчал и тихо ответил:

— Ее нет.

— Куда же она ушла так рано? — спросил Энди, зевая.

— Она ушла еще вчера, Энди. — Сол продолжал помешивать суп, стоя к Энди спиной. — Через пару часов после тебя. И до сих пор не возвращалась…

— Ты хочешь сказать, что она была на улице во время беспорядков? И ночью тоже? А ты что делал? — Он выпрямился, забыв про усталость.

— А что я мог сделать? Пойти искать ее, чтобы меня затоптали, как других стариков?

Я уверен, с ней ничего не случилось. Она наверняка услышала про беспорядки и решила остаться у друзей, чтобы не возвращаться в такое время.

— Какие друзья? О чем ты говоришь? Я должен найти ее.

— Сядь! — велел Сол. — Где ты собираешься ее искать? Поешь супу и выспись — это самое лучшее, что ты можешь сделать. Все будет в порядке. Я знаю, добавил он нехотя.

— Что ты знаешь, Сол? — Энди схватил его за плечо и повернул к себе лицом.

— Руки! — прикрикнул Сол, отталкивая его, и спокойным голосом сказал:

— Я знаю, что она пошла не просто так, а с какой-то целью. На ней было старое пальто, но я заметил под ним шикарное платье. И нейлоновые чулки. Целое состояние на ногах! А когда она прошлась, я увидел, что она накрасилась.

— Что ты хочешь сказать, Сол?

— Я не хочу сказать, я говорю. Она оделась так, словно собралась в гости, а не за покупками. Может, она решила навестить кого-нибудь. Отца, скажем. Наверное, она у него.

— С чего это она к нему собралась?

— Тебе лучше знать. Вы ведь поссорились? Может, она решила пойти к нему, чтобы немного остыть.

— Поссорились… Да, пожалуй. Энди снова упал в кресло и сжал голову руками. Неужели это было только вчера? Нет, позавчера, хотя ему казалось, что после того глупого спора прошло целое столетие. Впрочем, в последнее время они действительно ссорились слишком часто. Но неужели из-за этой последней ссоры?.. Он испуганно посмотрел на Сола.

— Она взяла с собой вещи? — спросил он.

— Только маленькую сумочку, — ответил Сол и поставил дымящуюся кастрюльку на стол перед Энди. — Ешь. Я себе тоже налью. — И добавил:

— Она вернется.

Энди так устал, что решил не спорить, — да и что он мог сказать? Он машинально черпал ложкой суп, потом вдруг осознал, что очень голоден. Положив локти на стол и подперев голову рукой, он продолжал есть.

— Надо было слышать все эти речи вчера в сенате, — сказал Сол. — Ничего смешнее я в жизни не слыхал. Они пытаются протащить поправку о чрезвычайном положении. Хорошенькое чрезвычайное положение — оно у нас под носом уже лет сто. Надо было слышать, как они обсуждали всякие мелочи и даже не упоминали о крупных проблемах. — Его голос приобрел густой южный акцент. — «Перед лицом грозящих нам опасностей мы предлагаем обратить взор к а-а-агромным ресурсам этого величайшего элювиального бассейна, дельты самой могучей на свете реки Миссисипи. Дамбы плюс осушение плюс наука — и мы получим здесь самые богатые во всем западном мире сельскохозяйственные угодья!» Дыры пальцами затыкают… Они об этом говорили уже тысячу раз. Но упомянули они истинную причину для принятия поправки о чрезвычайном положении? Нет. Потому что даже через столько лет они боятся сказать об этом честно и прямо и прикрываются выводами и резолюциями.

— Ты о чем? — спросил Энди, слушая Сола вполуха: беспокойство о Шерл по-прежнему не оставляло его.

— О контроле над рождаемостью, вот о чем! Они наконец решились легализовать клиники, открытые для всех, семейных и холостых, и учредить закон, в соответствии с которым все матери должны быть информированы о средствах возможного контроля. Представляешь, какой шум поднимется, когда об этом услышат все наши пуритане-католики! А Папа, так тот вообще из штанов выпрыгнет!

— Давай об этом потом, Сол. Я устал. Шерл не сказала, когда вернется?

— Я же тебе…

Сол замолчал, прислушиваясь к звуку шагов, доносящихся из коридора. Шаги затихли, и послышался стук в дверь.

Энди первым выскочил в прихожую, повернул ручку и рывком распахнул дверь.

— Шерл! — сказал он. — С тобой ничего не случилось?

— Все в порядке.

Он обнял ее так крепко, что она чуть не задохнулась.

— Там такое творилось… Я не знал, что и думать, — сказал он. — Я сам только недавно вернулся. Где ты была? Что случилось?

— Просто хотела немного развеяться. — Она сморщилась. —

Чем это пахнет?

Энди сделал шаг назад, борясь с пробивающимся сквозь усталость раздражением.

— Я наглотался рвотного газа, и меня вывернуло. Запах проходит не сразу. Что значит «немного развеяться»?

— Дай мне снять пальто.

Энди прошел за ней на другую половину комнаты и закрыл за собой дверь. Шерл достала из сумки туфли на высоком каблуке и положила их в шкаф.

— Я тебя спрашиваю.

— Ничего особенного. Просто я чувствовала себя здесь как в ловушке со всеми этими перебоями в энергоснабжении, холодом и со всем остальным… Тебя я почти не вижу, да еще после той ссоры осталось какое-то отвратительное чувство. Все было как-то не так. И я подумала, что если я приоденусь и пойду в какой-нибудь ресторан, где бывала раньше, выпью чашечку кофе или еще чего-нибудь, то, может быть, мне станет лучше. Настроение поднимется… — Она взглянула в строгое лицо Энди и отвела взгляд.

— И что потом? — спросил он.

— Я не на допросе, Энди. И почему такой обвиняющий тон?

Он повернулся к ней спиной и посмотрел в окно.

— Я тебя ни в чем не обвиняю, но тебя не было дома всю ночь. Как, ты полагаешь, я должен себя чувствовать?

— Ты же сам знаешь, что вчера творилось. Я боялась возвращаться. Я была в «Керлис»…

— В мясном ресторане?

— Да, но если ничего не есть, там недорого. Только еда дорогая. Я встретила людей, которых знала раньше, мы разговорились. Они собирались на вечеринку, пригласили меня с собой, и я согласилась. Мы смотрели по телевизору репортаж о беспорядках, все боялись выходить, и вечеринка продолжалась и продолжалась. — Она замолчала на секунду. — И все.

— Все? — Раздраженный вопрос был вызван темным подозрением.

— Все, — ответила Шерл, и голос ее стал таким же холодным.

Повернувшись к нему спиной, она принялась стягивать платье. Тяжелые слова лежали между ними, словно ледяной барьер. Энди упал на постель и отвернулся. Даже в такой крошечной комнате они чувствовали себя совершенно чужими друг другу людьми.

ВЕСНА

Похороны сблизили их гораздо больше, чем любое другое событие за всю долгую холодную зиму. День выдался непогожий, с порывистым ветром и дождем, но все же чувствовалось, что зима кончилась. Однако для Сола зима оказалась слишком долгой, его кашель перешел в простуду, простуда превратилась в пневмонию — а что остается делать старому человеку в холодной комнате без лекарств зимой, которая как будто и не собиралась кончаться? Только умереть. И он умер. Пока он болел, о ссоре позабылось, и Шерл ухаживала за Солом, как могла, но один только хороший уход не вылечивает пневмонию. Похороны получились такими же короткими и холодными, как тот день. В сгущающейся темноте Шерл и Энди вернулись в свою комнату. Не прошло и получаса, как раздался частый стук в дверь. Шерл судорожно вздохнула.

— Посыльный. Как они могут? Ты же не должен идти сегодня на работу.

— Не волнуйся. Грасси не стал бы нарушать своего обещания в такой день. Кроме того, посыльный стучит по-другому.

— Может быть, это кто-то из друзей Сола, не успевших на похороны?

Она открыла дверь и, вглядываясь в темноту коридора, не сразу узнала стоящего там человека.

— Таб! Это ты, да? Входи, не стой на пороге. Энди, я рассказывала тебе про моего телохранителя. Про Таба…

— Добрый вечер, мисс Шерл, — бесстрастно произнес Таб, стоя в дверях. Прошу прощения, но это не частный визит. Я на службе.

— Что такое? — спросил Энди, подходя к Шерл.

— Поймите, я не могу отказываться от работы, которую мне предлагают, мрачно, без улыбки сказал Таб. — Я с сентября служу в отряде телохранителей, но перепадают только случайные заработки, постоянной работы нет, и приходится браться за все, что предлагают. Если отказываешься от задания, попадаешь в конец списка. А мне семью кормить…

— Что ты имеешь в виду? — спросил Энди, заметив, что кто-то стоит в темноте позади Таба. Судя по шарканью ног, людей было несколько.

Из-за спины Таба раздался неприятный гнусавый мужской голос:

— Нечего его слушать! — Говоривший стоял позади телохранителя, и его почти не было видно. — Закон на моей стороне. И я уплатил тебе. Покажи ему ордер!

— Кажется, я понимаю, — сказал Энди. — Отойди от двери, Шерл. А ты, Таб, зайди, давай поговорим.

Таб двинулся вперед, и мужчина в коридоре попытался проскочить за ним.

— Не вздумай заходить без меня! — успел пронзительно крикнуть он, прежде чем Энди захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Напрасно ты это сделал, — сказал Таб. На его крепко сжатом кулаке поблескивал кастет с шипами.

— Успокойся, — сказал Энди. — Я просто хотел поговорить сначала с тобой и узнать, что происходит. У него «сидячий» ордер, да?

Таб кивнул, глядя в пол.

— О чем это вы говорите? — спросила Шерл, обеспокоенно переводя взгляд с одного помрачневшего лица на другое.

Энди молчал.

— «Сидячий» ордер выдается судами тем, кто не может доказать, что им действительно необходимо жилье, — ответил Таб. — Их выдают немного и обычно только большим семьям, которых откуда-нибудь выселяют. С «сидячим» ордером человек имеет право искать себе свободную квартиру, комнату или еще какое-нибудь жилье. Это что-то вроде ордера на обыск. Но поскольку никто не любит, когда к ним вламываются чужие люди, и могут возникнуть всяческие неприятности, те, у кого есть «сидячий» ордер, обычно нанимают телохранителей. Поэтому я и пришел; эти, что стоят в коридоре, меня наняли. Их фамилия Беличер.

— Но что ты делаешь здесь? — спросила Шерл, все еще ничего не понимая.

— Этот Беличер из тех, кто сшивается у моргов и высматривает мертвецов. Но это одна сторона дела, — сказал Таб сдержанно. — Есть и другая: у него жена, дети, и им негде жить.

В дверь забарабанили, и из коридора донесся возмущенный голос Беличера. Поняв наконец, зачем пришел Таб, Шерл тяжело вздохнула.

— Ты им помогаешь, — сказала она. — Они узнали, что Сол умер, и хотят занять его комнату.

Таб молча кивнул.

— У нас еще есть выход, — сказал Энди. — Если здесь будет жить кто-нибудь из моего участка, эти люди не смогут вселиться.

Стук стал громче, и Таб шагнул к двери.

— Если бы здесь сейчас кто-нибудь жил, то все было бы в порядке, а так Беличер отправится в суд и все равно займет комнату, потому что у него семья. Я помогу вам, чем смогу, но Беличер мой работодатель.

— Не открывай дверь, — резко сказал Энди. — По крайней

мере, пока мы недоговорим.

— Я должен. Что мне еще остается? — Он расправил плечи и сжал кулак с кастетом. — Не пытайся меня остановить, Энди. Ты сам полицейский и знаешь закон.

— Таб, ну неужели ничего нельзя сделать? — спросила Шерл тихим голосом. Он обернулся, глядя на нее несчастными глазами.

— Когда-то мы были хорошими друзьями, Шерл, и я это помню. Но теперь ты будешь обо мне не очень высокого мнения, потому что я должен делать свою работу. Я должен впустить их.

— А, черт! Открывай… — зло бросил Энди, отвернулся и пошел к окну.

В комнату ворвались Беличеры. Мистер Беличер оказался худеньким человечком с головой странной формы, почти лишенной подбородка, и с интеллектом, достаточным лишь для того, чтобы ставить подписи на заявках на социальную помощь. Строго говоря, семью обеспечивала миссис Беличер, из рыхлого чрева которой вышли все семеро детей, рожденных для того, чтобы увеличить причитающийся на долю семьи паек. Разумеется, им пользовались и родители. Восьмое чадо добавляло к ее похожей на ком теста фигуре лишнюю выпуклость. Впрочем, на самом деле этот ребенок был уже одиннадцатым, поскольку трое молодых Беличеров умерли из-за недосмотра и несчастных случаев. Самая старшая девочка — ей, должно быть, уже исполнилось двенадцать — держала на руках беспрестанно орущего, покрытого болячками младенца, от которого невыносимо воняло.

Остальные дети, вырвавшись из темного коридора, где они ждали в напряженном молчании, принялись кричать друг на друга все сразу.

— О, смотри, какой замечательный холодильник. — Миссис Беличер, переваливаясь, подошла к нему и открыла дверцу.

— Ничего не трогать, — сказал Энди, но тут Беличер потянул его за руку.

— Мне нравится эта комната: не очень большая, но симпатичная. А здесь что? — Он двинулся к открытой двери в перегородке.

— Это моя комната, — сказал Энди и захлопнул дверь у него перед носом. Нечего сюда соваться.

— Вовсе не обязательно вести себя так грубо, — сказал Беличер, отскакивая в сторону, словно собака, которую слишком часто бьют. — Я свои права знаю. По закону с ордером я могу осматривать все что захочу. — Он отодвинулся еще немного, когда Энди сделал шаг в его сторону. — Я, конечно, верю вам на слово, мистер, я верю вам. А эта комната ничего, хороший стол,

стулья, кровать…

— Это мои вещи. Но даже без вещей комната очень мала. На такую большую семью тут не хватит места.

— Ничего, хватит. Мы жили в комнатах и поменьше…

— Энди, останови их! Посмотри… Резкий выкрик Шерл заставил Энди обернуться, и он увидел, что двое мальчишек нашли пакеты с травами, которые так старательно выращивал на подоконнике Сол, и вскрыли их, решив, очевидно, что там что-то съедобное.

— Положите на место! — закричал Энди, но, прежде чем он приблизился, они успели попробовать содержимое и тут же выплюнули.

— Я обжег рот, — заорал тот, что был постарше, и высыпал содержимое пакета на пол.

Второй мальчишка принялся, подпрыгивая, высыпать травы из других пакетов. Они ловко уворачивались от Энди, и когда ему все-таки удалось остановить их, пакеты уже опустели.

Как только Энди отвернулся, младший мальчишка, все еще не угомонившись, влез на стол, оставляя на его поверхности грязные следы, и включил телевизор. Перекрывая вопли детей и крики матери, которые ни на кого не действовали, в комнату ворвалась оглушительная музыка. Таб оттащил Беличера от шкафа, когда тот открыл дверцы, желая посмотреть, что там внутри.

— Немедленно уберите отсюда детей! — приказал Энди, побелев от ярости.

— У меня «сидячий» ордер. Я имею право! — выкрикнул Беличер, пятясь и размахивая кусочком пластика, на котором было что-то написано.

— Мне нет дела до ваших прав, — сказал Энди, распахивая дверь в коридор. Но продолжать разговор мы будем, только когда вы уберете отсюда свое отродье.

Таб разрешил спор, схватив ближайшего к нему мальчишку за воротник и вышвырнув его за дверь.

— Мистер Раш прав, — сказал он. — Дети могут подождать в коридоре, а мы тем временем закончим наши дела.

Миссис Беличер тяжело села на постель и закрыла глаза, словно все это ее не касалось. Мистер Беличер отступил к стене, бормоча что-то, чего никто не расслышал или не потрудился расслышать. После того как последнего ребенка выпихнули в коридор, оттуда донеслись крики и обиженное всхлипывание. Обернувшись, Энди увидел, что Шерл ушла в их комнату, и услышал, как щелкнул в замке ключ.

— Надо понимать, что, сделать ничего уже нельзя? — спросил он, пристально глядя на Таба.

— Извини, Энди. — Телохранитель беспомощно пожал плечами. — Честное слово, мне жаль. Но что я могу сделать? Таков закон, и они могут оставаться здесь, если захотят.

— Закон, закон, — поддакнул Беличер. Сделать действительно ничего было нельзя, и Энди усилием воли заставил себя разжать кулаки.

— Ты поможешь мне перетащить вещи, Таб?

— Конечно, — сказал Таб, хватаясь за другую сторону стола. — Объясни, пожалуйста, Шерл мою роль во всем этом. Ладно? Я думаю, она не понимает, что это работа, которую я должен выполнять.

Высушенная зелень и семена, рассыпанные по полу, хрустели под ногами при каждом шаге. Энди молчал.

ДОБРОСОВЕСТНАЯ РАБОТА

— Я выполняю свою работу, вот и все. Что еще можно требовать от человека? — при этих словах лицо Джерри закаменело, как и его голос. Он крепко сжал зубами обгрызенный мундштук старой трубки.

— Я это знаю, мистер Кранчер, — лейтенант вздохнул. — Никто и не просит у вас большего или противозаконного, — форма его изрядно запылилась, клапаны карманов оторвались. Глаза дико сверкали и говорил он слишком уж торопливо. — Мы нашли вас через ЦБПП[1] и далось нам это нелегко, полегло много наших… — он едва не сорвался на фальцет, но сумел сдержаться. — Мы очень рассчитываем на ваше сотрудничество.

— Неохота мне иметь с вами дело. Чревато неприятностями.

Главная неприятность заключалась в одном: никто не ожидал, что все так обернется. Вернее, те люди, кому следовало ожидать, ожидали чего-то совсем другого. Соответственно разрабатывали сценарии, вводили в компьютер, а уж он предлагал всевозможные варианты развития событий. Однако, у бетельгейзов был иной план, и его успех превзошел их самые радужные ожидания. Торговая станция, которую они основали в кратере Тихо на Луне, на самом деле была торговой станцией, которая не играла никакой роли в последовавших событиях.

Отчеты о Катастрофе довольно путаные, иначе, учитывая обстоятельства, и быть не могло, и число инопланетян, участвовавших в первой фазе вторжения, конечно же, составляло лишь малую толику от тех цифр, которые приводились возбужденными газетчиками или военными. Последние сознательно преувеличивали их число, чтобы хоть как-то оправдаться за причиненный огромный урон. На самом-то деле на

Землю опустились два, максимум три корабля. И общее число бетельгейзов составляло несколько сотен. Несколько сотен, чтобы захватить целую планету, и они были на волосок от успеха.

— Полковник, мистер Кранчер добровольно вызвался…

— Штатский! Немедленно выведите его отсюда, но сначала ему завяжите глаза, идиот. Сведения о местонахождение этого штаба находятся под грифом «Особой важности»…

— Сэр, секретность уже не имеет никакого значения. Все каналы связи перекрыты, мы отрезаны от войск.

— Молчать, кретин! — полковник вскинул сжатые кулаки, кровь бросилась ему в лицо, глаза сверкнули. Он все еще не хотел поверить в то, что произошло, возможно, просто не мог поверить. Лейтенант был помоложе, недавний резервист, и он, пусть сами факты ему и не нравились, смотрел им в лицо.

— Полковник, вы должны мне поверить. Ситуация отчаянная, вот и приходится принимать отчаянные решения…

— Сержант! Выведите этого лейтенанта и гражданского на плац и расстреляйте за нарушение режима секретности в чрезвычайных обстоятельствах.

— Полковник, пожалуйста…

— Сержант, это приказ!

Сержант, которому оставалось четыре месяца до увольнения со службы, о чем наглядно свидетельствовал его толстый живот, переводил взгляд с одного офицера на другого. Наконец, поднялся и пошел в туалет, закрыв за собой дверь. Глаза полковника вылезли из орбит, лицо побагровело, он схватился за пистолет. И уже вытаскивал его из кобуры, когда захрипел, повалился лицом на стол и медленно сполз на пол.

— Врача! — закричал лейтенант, подбежал к полковнику, расстегнул воротник.

Врач мельком глянул на полковника и печально покачал головой.

— Обширный инфаркт. Мгновенная смерть. Сердечко у него давно шалило.

Сержант вышел из туалета и помог лейтенанту укрыть труп плащ-палаткой. Джерри Кранчер стоял чуть в стороне и наблюдал, посасывая трубку.

— Пожалуйста, мистер Кранчер, — в голосе слышалась мольба, — помогите нам. Вы — наша последняя надежда.

Теперь, оглядываясь на Черное Воскресенье, когда и началась Катастрофа, мы можем только восхититься простотой плана бетельгейзов. Становится также понятно, почему он едва не привел к успеху. Наши армии и космические танки в полной боевой готовности заняли исходные позиции, сосредоточив все

внимание и, соответственно, нацелив все орудия на массивный купол «так называемой» торговой станцией, которая в действительности ничем иным и ни была. На земле сложная паутина коммуникационных сетей связала воедино защитников Земли. Были задействованы радиоканалы и волоконная оптика, подземные коаксиальные кабели и обычные провода, микроволновые передатчики и гелиографы.

Многократное дублирование обеспечивало бесперебойную работу связи, но в, казалось бы, идеальной системе нашлась одна червоточинка: все каналы связи проходили через две подстанции и КЦ[2] в Глобал-Сити. Эти три узла, обладающие фантастической эффективностью, замыкали на себе все каналы связи с вооруженными силами на земле, под землей, на Луне и в космосе.

Вот их и вывели из строя. Мобильные отряды бетельгейзских коммандос сбросили но одной гравитационной бомбе на каждый из центров и битва продолжалась не больше получаса. С захватом противником трех коммуникационных центров война закончилась, даже не начавшись. Штабы отрезало от боевых частей, космические корабли — от баз. Персонал станции слежения на обратной стороне Луны распознал приближающийся флот вторжения еще до того, как его корабли миновали орбиту Сатурна, но никому не смог сообщить эту жизненно важную информацию.

— Я должен сначала спросить моего супервайзера, — Джерри Кранчер насупился. — У сегодня у меня выходной и все такое. Да еще вести в тоннели людей, не имеющих допуска. Не могу сказать, что ему это понравится.

— Мистер Кранчер, — процедил лейтенант. — На случай, что вы не слышали, скажу, что идет война. Вы только что видели, как из-за этой войны умер человек. Вы не можете позвонить вашему супервайзеру, потому что визифонная система выведена из строя.

— Не могу сказать, что мне это нравится.

— И нам не нравится. Вот почему нам и нужна ваша помощь. Инопланетяне захватили наши коммуникационные центры и мы должны их отбить. Мы послали связного в ближайшую к боевую часть, они пытаются организовать атаку, но с земли центры практически неприступны.

— Правда? А как же в них попали бетельгейзы?

— Ну… сегодня воскресенье, знаете ли, минимум персонала, в восемь ноль-ноль выезжали автобусы в церковь, ворота были открыты…

— Поймали вас со спущенными штанами, а? — посасывая трубку, Джерри Кранчер, покачал головой. Чувствовалось, что он

не слишком высокого мнения о боеготовности армии. — Значит, вам дали пинка под зад, а теперь вы хотите вернуться. Так чего тревожить рабочего человека дома и в выходной?

— Потому что, мистер Кранчер, война не делит неделю на рабочие дни и выходные. А вы — старейший сотрудник СТОПК[3] и, возможно, единственный человек, который знает ответ на интересующий нас вопрос. Коммуникационные центры имеют автономные источники энергии, но обычно используют городскую энергетическую систему. Кабели проложены под землей. А теперь хорошенько подумайте, прежде чем ответить. Сможем мы попасть в эти узлы связи из-под земли? Особенно в КЦ?

— Где это? — Джерри Кранчер глубоко затянулся, выпустил струю серого дыма.

— На пересечении 18-го пути и Уигген-роуд.

— Так вот почему в сто четвертом так много кабелей.

— Сможем мы попасть в узлы связи?

В напряженной тишине Джерри Кранчер спокойно посасывал трубку. Лейтенант побледнел от напряжения. Сержант, солдаты, связисты, затаив дыхание смотрели на задумавшегося Джерри Кранчера. Наконец, тот выпустил очередную струю дыма, кивнул.

— Да.

Войска были не из лучших, но все же войска. Техники и операторы, военные полицейские и повара, клерки, механики. Но они получили лучшее оружие из имеющегося в арсеналах, а главное, знали, за что воюют. И они лучше держали в строй и крепче сжимали оружие, понимая, что будущее мира в их руках. С грозной решимостью они промаршировали до перекрестка, где им предложили подождать. И прошло отнюдь не несколько минут, прежде чем из дома вновь вышел Джерри Кранчер. В водонепроницаемом комбинезоне, каске, высоких резиновых сапогах. Старый, видавший виды ящик для инструментов свисал с плеча на широкой лямке. Изо рта торчала потухшая трубка. Он оглядел дожидающихся его солдат.

— Не так одеты.

— Полная боевая экипировка, — возразил лейтенант.

— Для тоннелей не годится. Промокнут…

— Мистер Кранчер, все они — добровольцы. Они готовы умереть за свою планету, так что промокшие ноги из не остановят. Можем идти?

Неодобрительно покачав головой, Кранчер направился к ближайшему люку в мостовой. Вставил в гнездо какой-то сверкающий инструмент и отработанным движением сдвинул люк в сторону.

— Тогда следуйте за мной, по одному. Двое последних ставят

люк на место. Берегите пальцы. Тронулись.

Свет зажегся автоматически, как только они спустились в холодный зеленый тоннель. Провода, кабели и трубы тянулись вдоль стен и потолка. Разобраться в этом лабиринте мог только Джерри Кранчер. Он любовно похлопывал то по трубе, то по кабелю.

— Водопровод, паропровод, линия высокого напряжения пятьдесят тысяч вольт, местный фидер, 220 вольт, телефон, телетайп, коаксиальный кабель, ледяная вода, пневмопочта, доставка продуктов, кислород, ливневая канализация, — он радостно хохотнул. — Тут у нас всего понемногу.

— Врача! — донеслось сзади, и фельдшер бросился на крик.

— Они нас нашли! — воскликнул кто-то из поваров и все передернули затворы.

— Поставить оружие на предохранитель! — скомандовал лейтенант, — а не то мы перестреляем друг друга. Сержант, разберитесь и доложите!

Сжимая в руках оружие, в жутком напряжении, они ждали возвращения сержанта. Джерри Кранчер, что-то напевая себе под нос, постукивал молоточком по различным клапанам, потом подтянул какой-то хомут.

— Ничего особенного, — доложил сержант. — Бурн-Смит придавил палец, ставя люк на место.

— Никогда они не слушают, — проворчал Джерри Кранчер.

— Выступаем, — скомандовал лейтенант.

— Мы не обговорили один момент, — Кранчер стоял, как скала. — Вы гарантировали, что мой супервайзер оплатит мне эту работу.

— Да, разумеется, можем мы говорить на ходу?

— Мы пойдем, когда уладим этот вопрос. Я забыл, что сегодня — воскресенье, а следовательно мне полагается двойная оплата, а после четырех чесов — тройная.

— Хорошо, согласен. Пошли.

— Мне нужна бумага.

— Да, бумага, разумеется, — скрайбер лейтенанта залетал над блокнотом для донесений, он вырвал исписанный листок, протянул Джерри Кранчеру. — Вот, с подписью и моим армейским номером. Армия гарантирует оплату.

— Очень на это рассчитываю, — Джерри Кранчер аккуратно сложил листок, убрал в бумажник и лишь после этого зашагал по тоннелю.

Потом все участники операции вспоминали этот поход, как кошмарный сон, все, за исключением седовласого мужчины в комбинезоне, каске и высоких сапогах, который вел их через этот

подземный ад. Главные тоннели проблем не вызвали, хотя то и дело приходилось перелезать через трубы и протискиваться мимо массивных клапанов. Если б не каски, на первой же миле половина солдат получили бы сотрясение мозга. А так все обходилось лишь звоном металла и сдавленными ругательствами.

Они вышли к смотровому колодцу и спустились на шестьдесят футов по железной лестнице, перекладины которой блестели от воды. Лестница привела их в сырой тоннель поуже, уже без единой лампы. Так что пришлось включить фонари. Тоннель вывел их в огромную пещеру, наполненную нескончаемым гулом.

— Ливневая канализация, — Джерри Кранчер указал на бегущий у их ног поток воды. — Летом тут абсолютно сухо. Но на окраине шли дожди, вот воды и прибавилось. Держитесь дорожки и смотрите под ноги. Если поскользнетесь и упадете в воду — конец. Может ваше тело и найдут в пятидесяти милях отсюда в океане, если только рыбы не доберутся до него первыми.

На этот раз к его словам отнеслись с должным вниманием и пещеру удалось миновать без потерь, но все облегченно вздохнули, лишь вновь очутившись в безопасности коммуникационного тоннеля. Вскоре Джерри Кранчер остановился и указал на лестницу, уходящую в темноту над их головами.

— 98-ой колодец. Тот, что вам нужен, ко второму центру, о котором шла речь.

— Вы уверены?

Джерри Кранчер презрительно глянул на лейтенанта, достал из кармана трубку.

— Поскольку вы ничего тут не знаете, мистер, я не в обиде. Если Джерри говорит, что вам нужен именно этот колодец, значит, так оно и есть.

— Помилуйте, я не хотел вас обидеть!

— Вот я и не обиделся, — он пробурчал что-то еще, себе под нос. — Этот колодец. Вы же видите провода и коммуникационные кабели, уходящие вверх. По-другому и быть не может.

— Что наверху?

— Дверь с надписью: «*ВХОД ВОСПРЕЩЕН, СОГЛАСНО ПАРАГРАФУ 897А АРМЕЙСКОГО КОДЕКСА*».

— Дверь заперта?

— Нет. Запрещено, согласно параграфу 45-С Тоннельного кодекса. Нам нужен доступ, знаете ли.

— Все понятно. Сержант, возьмите восемнадцать человек и поднимайтесь по колодцу. Сверим часы. Начинаем ровно в два. Врывайтесь в дверь и начинайте стрелять… старайтесь не

повредить коммуникационное оборудование… и стреляйте до тех пока, не убьете всех этих склизских, грязных бетельгейзов. В поняли.

Сержант кивнул, вытянулся в струнку, отдал честь.

— Мы выполним свой долг, сэр.

— Отлично, занимайте исходную позицию.

Они не прошли и десяти минут по боковому тоннелю, обрамленному заиндевевшими трубами, как Джерри остановился и сел.

— Что случилось? — спросил лейтенант.

— Перерыв на чай, — Джерри убрал в карман еще теплую трубку и достал термос.

— Вы не можете… послушайте, враг, распорядок…

— В это время я всегда пью чай, — Джерри пополнил чашку темным напитком, принюхался. — Распорядком рабочего дня предусмотрен перерыв на чай.

Большинство из солдат достали сухие пайки и запивали еду из фляжек, тогда как лейтенант нервно вышагивал взад-вперед, изредка ударяя кулаком в ладонь. Джерри Кранчер спокойно пил чай и жевал большой кусок шоколадного бисквита.

Дикий вскрик прорезал тишину тоннеля, эхом отразившись от труб. Что-то черное и ужасное прыгнуло с выступа на стене и вцепилось в горло рядовому Барнсу. Солдат словно парализовало. Но не Джерри Кранчера. Он мгновенно выхватил из ящика с инструментами газовый ключ, и после меткого удара нападавший, уже мертвый, оказался на полу. Солдаты, таращились на него, выпучив глаза.

— Это… это… гадость! — выдохнул один из них. — Кто это?

— Мутировавший хомяк, — Джерри Кранчер поднял чудовище за задние лапки, бросил в ящик для инструментов. — Потомок домашних зверьков, убежавших от хозяев сотни лет тому назад. Они жили в темноте, мутировали, и, сами видите, к чему пришли. Мне встречались и побольше. В университете дают по три кредитки за каждого. Неплохо, говорю я себе, учитывая, что налогов с них платить не надо. Это, разумеется, между нами, — он заметно повеселел. А как только рядового перевязали, они продолжили путь.

Второй взвод остался у следующей подстанции, а лейтенант повел остальных к самому КЦ.

— Не волнуйтесь, осталось только два тоннеля, — заверил его Джерри Кранчер.

За три минуты до конечного срока они подошли к широкому колодцу, в который уходило множество кабелей.

— Дверь наверху, — указал Джерри Кранчер. — На ней

круговая рукоятка. Ее надо повернуть против часовой стрелки…

— Пожалуйста, поднимитесь с нами, — молил лейтенант. Поглядывая на часы, нервно пожевывая нижнюю губу. — Мы не успеваем. Нападение на другие узлы связи насторожит их.

— Не моя работа, знаете ли, лезть под пули. Оставляю ее тем, кому за это платят.

— Пожалуйста, прошу вас, будьте патриотом, — лицо Джерри Кранчера превратилось в каменную маску. — Выполните свой долг перед собой, вашей семьей, совестью, страной. И я гарантирую вам премию в сто кредиток, если вы откроете дверь.

— Заметано.

Площадки над лестницей они достигли, когда секундная стрелка на часах лейтенантах подбиралась к двенадцати.

— Открывайте!

Джерри Кранчер повернул колесо-рукоятку в нужное положение, массивная дверь распахнулась.

— За Мать-Землю! — воскликнул лейтенант и возглавил атаку.

Когда они все проскочили за дверь, Джерри Кранчер раскурил трубку и из любопытства последовал за ними. Его встретила бесконечная череда стальных коридоров, уставленных гудящим оборудованием.

Он остановился, чтобы примять табак, когда открылась дверь, из нее выбежало странное волосатое существо, ростом едва доходящее его до пояса, чем-то напоминающее шар для боулинга, но с множеством рук, и метнулось к большому красному рубильнику на противоположной стене. Пять рук потянулись к рубильнику, многофаланговые пальцы уже коснулись его, когда газовый ключ обрушился на голову существа, мгновенно уложив его на пол. Джерри Кранчер как раз убирал газовый ключ в ящик для инструментов, когда через ту же дверь выскочил бледный, как полотно лейтенант.

— Слава Тебе, Господи! — выпалил он. — Вовремя вы его остановили.

— Совершенно он мне не понравился, хотя я и не хотел вышибить ему мозги.

— Это их командир, единственный выживший. Если бы он успел повернуть рубильник, мы все взлетели бы на воздух. Мощности заложенного взрывного устройства хватило бы для уничтожения всего КЦ и половины города. Теперь он — наш пленник, и мы заставим его заговорить, можете мне поверить. Вы его не убили. У бетельгейзов мозг в животе, а в голове — желудок. Он просто потерял сознание.

— Все равно, что получил пинок в пах. Я рад, не хотелось мне

его убивать.

* * *

— Где ты был? — из кухни спросила Агата, услышал тяжелые шаги Джерри в прихожей.

— Выполнял спецзадание, — Джерри чихнул, снимая сапоги. — На этой неделе получу значительную прибавку.

— Нам надо починить видеовизор. Не работал весь день, только сейчас включился. Что-то с ним не так, я уверена. И телефон не работал. Все в один день. Пыталась позвонить маме, а в трубке — тишина. Работа тяжелая?

— Не так, чтобы очень, — буркнул Джерри, выудив из кармана трубку. — Задание правительства, так что премия, полагаю, будет большая. Провел тут парней по тоннелям. Они-то ничего не соображали. Один придавил палец люком, другой стоял столбом, когда ему в шею вцепился хомямут.

— Вот об этом не надо, отобьешь мне весь аппетит. Чай готов.

— Я на это очень рассчитывал.

Джерри улыбнулся, впервые с того момента, как лейтенант вытащил его из дома, и прошел на кухню.

КОСМИЧЕСКИЕ КРЫСЫ ДДД

Валяй, парень, садись! Да хоть сюда… Не церемонься со старым Фрннксом, спихни его, и дело с концом, пускай дрыхнет на полу. Ты ведь знаешь крддлов, совсем не выносят приличной выпивки, а уж о флннксе и говорить нечего. Если же курнуть вдобавок адскую травку крммл… Ну-ка, плесну тебе флннкса… О-о, виноват, прямо на рукав. Ну да ладно, когда подсохнет, соскребешь ножом. Твое здоровье! Чтоб выдержала обшивка, когда за тобой будут гнаться орды кпннзов!

Нет, прости, твое имя мне незнакомо. Слишком много хороших парней приходит и уходит, а самые лучшие умирают рано… разве не так? Я? Ты обо мне вряд ли слыхал, зови просто Старина Сержант, нормальное прозвище, не хуже прочих. Хорошие парни, говорю, и лучшим среди них был… назовем его Джентльмен Джакс. Его звали по-другому, но на одной планете, имя которой мне хорошо известно, этого парня ждет одна девочка, все ждет и ждет, не сводя глаз с мерцающих шлейфов прибывающих дальних рейсовиков… Так ради нее будем звать его Джентльменом Джаксом, ему бы это понравилось, и ей тоже, если бы она услышала это прозвище, хотя девочка, должно быть,

слегка поседела или полысела с тех пор, и мучается артритом от бесконечного сидения и ожидания. Впрочем, ей-богу, это уже совсем другая история, и, клянусь Орионом, не мне ее рассказывать… Молодец, угощайся, наливай больше. Не дрейфь, у хорошего флннкса всегда зеленоватый дымок, только лучше прикрой глаза, когда пьешь, не то через неделю будешь слеп ха-ха-ха! — клянусь священным именем пророка Мррдла!

Я знаю, о чем ты думаешь: что делает старая космическая крыса в этом рейсе на самый край галактики, где из последних сил мерцают чахлые бледные звезды и ищут покой усталые протоны? Что я делаю? Скажу — надираюсь похлеще планиццианского пфрдффла, вот что! Говорят, выпивка туманит память, а мне, Лебедь свидетель, не мешало бы кое-что забыть! Я вижу, ты разглядываешь шрамы на моих руках, за каждым — целая история. Да, приятель, и каждый шрам на моей спине — целая история, и шрамы на… Впрочем, это уже другая история. Так и быть, я расскажу тебе кое-что, и это будет чистая правда, клянусь пресвятым Мрддлом, ну, может, изменю парочку имен, сам понимаешь — девушка ждет и все такое прочее.

Слыхал от кого-нибудь про ДДД? Судя по тому, как расширились твои глаза и побелела темная от космического загара кожа, слыхал. Так вот, Старина Сержант, твой покорный слуга, входил в число первых Космических Крыс ДДД, а моим закадычным другом был парень, который известен ныне как Джентльмен Джакс. Да проклянет великий Крамддл его имя и уничтожит память о том дне, когда я впервые его увидел…

— Выпускники, смир-р-но!

Зычный голос сержанта взорвал тишину и, словно удар бича, хлестнул по ушам кадетов, выстроенных в математически точные ряды. Одновременно с отрывистым щелчком многообещающей команды оглушительно щелкнули, сдвинувшись вместе, сто три ботинка, начищенные до невероятного блеска, и восемьдесят семь кадетов выпускного класса защелкнулись в единый металлический фронт. (Уместно пояснить, что некоторые происходили с иных миров и обладали разными наборами ног и всего прочего.) Ни одна грудь не впустила и молекулы воздуха, ни одно веко не дернулось и на тысячную долю миллиметра, когда, буравя выпускников взглядом стеклянного глаза сквозь стеклянный монокль, вперед ступил полковник фон Грудт — с коротко остриженными, седоватыми, жесткими как колючая проволока волосами, в безупречно пошитом и отлично сидящем черном мундире, с сигаретой, скрученной из травки крммл, в стальных пальцах искусственной левой руки; затянутые в черную перчатку пальцы искусственной правой руки взметнулись к

околышу фуражки в четком воинском салюте, и тонко взвыли моторы в искусственных легких, рождая энергию для бробдингнегского рева громоподобной команды.

— Вольно. Слушать меня. Вы отборные люди — и отборные нелюди, конечно, — со всех цивилизованных миров галактики. Шесть миллионов сорок три кадета приступили к первому году обучения, и большинство из них по разным причинам выбыло. Некоторые не сдали экзаменов. Некоторые были исключены и расстреляны за содомию. Некоторые поверили лживым либеральным слезам красных комми, утверждающих, будто в постоянной войне и резне нет никакой надобности; их тоже исключили и расстреляли. На протяжении ряда лет слабаки отсеивались, пока не осталось ядро Дивизии — вы! Воины первого выпускного класса ДДД! Будьте готовы нести блага цивилизации к звездам! Будьте готовы узнать, наконец, что означают буквы ДДД!

Оглушительный рев вырвался из объединенной глотки, хриплый вопль мужского одобрения, гулким эхом наполнивший чашу стадиона. По знаку фон Грудта был нажат переключатель, и гигантская плита непроницита скользнула над головами, закрыв стадион от любопытствующих глаз и ушей и назойливых шпионских лучей. Громоподобные голоса гремели от энтузиазма — не одна барабанная перепонка лопнула в тот день! — но когда полковник поднял руку, мгновенно наступила тишина.

— Вам не придется в одиночестве продвигать границы цивилизации к варварским звездам, о нет! Каждого будет сопровождать верный друг.

Правофланговый первой шеренги — шаг вперед! Вот он, ваш верный друг!

Вызванный десантник вышел из строя четким шагом, звучно щелкнул каблуками — эхом прозвучал треск распахнувшейся настежь двери, и все глаза на стадионе невольно обратились к черному проему, из которого возник…

Как описать его? Как описать смерч, который сбивает вас с ног, ураган, который заглатывает вас целиком, космический вихрь, который пожирает вас без следа? Это было неописуемо, как всякое стихийное явление.

Перед кадетами явилось создание трех метров в холке, четырех метров вместе с уродливой, истекающей слюной, лязгающей зубами головой. Этот смерч-ураган-вихрь ворвался на четырех могучих, напоминающих поршни лапах, продирая огромными когтями глубокие борозды в неуязвимой поверхности непроницитового покрытия. Чудовищная тварь, порождение кошмарного горячечного бреда, огласила стадион леденящим

душу криком.

— Вот! — взревел в ответ полковник фон Грудт, и на его губах выступила кровавая пена. — Вот ваш преданный друг, мутаверблюд, мутация благородного дромадера со Старой Доброй Земли, символ и гордость ДДД — Десантной Дромадерской Дивизии! Прошу знакомиться!

Вызванный десантник шагнул вперед, поднял руку, приветствуя благородное животное, и зверюга мгновенно эту руку откусила. Пронзительный вопль кадета смешался с задушенным вздохом его товарищей, которые, отбросив праздный интерес, во все глаза глядели, как выскочившие укротители верблюдов, затянутые в кожаную портупею с медными пряжками, орудовали дубинками, прогоняя упирающегося верблюда; врач тем временем затянул жгут на культяшке раненого и отволок безжизненное тело в сторону.

— Первый урок по боевым верблюдам, — хрипло выкрикнул полковник. Никогда не протягивайте к ним руку. Ваш товарищ, ставший кандидатом на пересадку руки, — ха-ха! — я уверен, не забудет этого маленького урока.

Следующий кадет. Следующий друг!

Вновь топот грохочущих лап и пронзительное визгливое клокотанье боевого верблюда во всем атакующем блеске. На этот раз десантник не поднял руки, и верблюд откусил ему голову.

— Боюсь, что голову уже не пересадишь, — зловеще ухмыльнулся полковник. — Почтим секундой молчания покинувшего нас товарища, который удалился на большую стартовую площадку в небесах. Достаточно. Смир-р-но! Сейчас вы пройдете на учебный плац и научитесь обращаться с вашими верными друзьями. Не забывайте, что каждый из них снабжен комплектом вставных зубов из непроницития и острыми, как бритва, накладными когтями из того же материала. Разойтись!

Казармы курсантов славились своей спартанской обстановкой, известной под кодовым обозначением «ничего лишнего» или «без нежностей». Постелями служили непроницитовые плиты — никаких подтачивающих спины матрасов! — покрытые простынями из тонкой мешковины. Одеял, разумеется, не было — да и к чему они, если в помещении поддерживалась полезная для здоровья температура в 4 градуса по Цельсию? Остальные удобства были подстать, посему выпускников ожидало потрясение, когда, вернувшись после церемонии и тренировки, они обнаружили в казармах непривычные предметы роскоши: каждая лампа для чтения была снабжена *абажуром*, а на каждой койке лежала изумительная, мягкая, двухсантиметровой толщины *подушка*. Так кадеты начали

пожинать плоды долгих лет труда.

Надо заметить, что среди курсантов наипервейшим был некто по имени М. Есть секреты, которые не подлежат оглашению. Есть имена, знать которые положено только родным и близким. Укутаем же пеленой тайны истинную личность человека, известного как М. Достаточно называть его «Стилет», ибо так именовали того, кто знал его лучше всех. «Стилет», или, проще, Стилет, жил в ту пору в одной комнате с парнем по имени Л. Позже, гораздо позже, в узком кругу лиц он стал известен как «Джентльмен Джакс», так что в целях вашего повествования мы тоже будем именовать его «Джентльменом Джаксом», или просто-напросто «Джаксом», или, как произносят иные, Джаксом. В учебных и спортивных делах Джакс уступал только Стилету, и эти двое были неразлучными друзьями. Весь последний год они делили одну комнату на двоих, и теперь, в этой самой комнате, оба, задрав ноги, купались в нежданной роскоши новой обстановки — потягивали декофеинизированный кофе, именуемый коф-фе, и дымили деникотинизированными сигаретами местного производства, которым заготовитель дал имя «Дениксиг», однако все курсанты ДДД с юмором называли их не иначе как «горлодеры» и «термоядерные».

— Брось-ка мне горлодерку, Джакс, — сказал Стилет, развалившись на койке. Заложив руки за голову, он размышлял о том, что готовит ему судьба в ближайшем будущем, когда у него появится свой собственный верблюд.

— Ох-хо! — хохотнул он, когда пачка угодила ему в глаз.

Стилет вытащил длинную белую палочку, постучал ею по стене, чтобы кончик воспламенился, и затянулся освежающим дымом.

— Мне до сих пор не верится… — он выпустил дымные кольца.

— Клянусь Мрддлом, это правда, — Джакс улыбнулся. — Мы выпускники. Верни-ка мне пачку термоядерных, я тоже хочу затянуться разика два.

Стилет выполнил просьбу столь энергично, что пачка ударила в стену, и мгновенно все сигареты вспыхнули ярким пламенем. Стакан воды усмирил разбушевавшийся пожар, и тут, пока огонь еще шипел в тщетной ярости, на экране связи загорелся красный сигнал.

— Срочный вызов! — рявкнул Стилет, хлопнув ладонью по кнопке приема. На экране возник суровый облик полковника фон Грудта. Оба молодых человека вскочили по стойке смирно.

— М., Л., в мой кабинет на третьей скорости, живо!

Слова срывались с губ полковника, словно свинцовые капли.

Что бы это значило?

— Что это значит? — спросил Джакс, когда они прыгнули в падашют и помчались вниз с ускорением, близким к свободному падению.

— Скоро узнаем! — выпалил Стилет у двери «старика» и нажал на докладную клавишу.

Движимая неким потайным механизмом, дверь распахнулась настежь, и молодые люди, с плохо скрываемым трепетом, вошли в кабинет. Но что это? Что *это*?! Полковник смотрел на них с улыбкой — с *улыбкой*! Подобное выражение никогда раньше не ложилось на его непреклонное чело.

— Устраивайтесь поудобнее, парни, — предложил он и указал на мягкие кресла, выросшие из пола при нажатии кнопки. — В подлокотниках этих сервокресел вы найдете горлодеры, а также валумийское вино и снаггианское пиво.

— И никакого коф-фе? — у Джакса даже челюсть отвисла. Все засмеялись.

— Вряд ли вы по нему тоскуете, — игриво прошелестел полковник искусственной гортанью. — Пейте, парни! Теперь вы — Космические Крысы ДДД, и юность осталась позади… Ну что вы скажете об *этом*?

Он прикоснулся к кнопке, и в воздухе явилось *это* — объемное изображение космического корабля, подобного которому никто еще не видел на белом свете, изящного, словно меч-рыба, грациозного, словно птица, могучего, словно кит, и вооруженного до зубов, словно аллигатор.

— Святой Колумп! — выдохнул Стилет, разинув от удивления рот. — Вот что я называю ракетой ракет!

— Некоторые из нас предпочитают называть ее «Совершенством», — не без юмора заметил полковник.

— Так это *она*? Мы слышали…

— Вы мало что могли слышать, потому что создание этой малышки с самого начала держалось в строжайшей тайне. Корабль оснащен беспрецедентно большими двигателями — улучшенная модель Макферсона самой современной конструкции, ускорителем Келли усовершенствованным до такой степени, что вам его вовек не узнать, и лучеметами Фицроя удвоенной мощности — по сравнению с ними старые излучатели кажутся детскими хлопушками. Но лучшее я приберег напоследок.

— Ничего лучшего и представить себе невозможно! — перебил Стилет.

— Это *тебе* только так кажется! — беззлобно хохотнул полковник, издавая звуки, подобные треску рвущейся стали. —

Самое лучшее — то, что ты, Стилет, будешь капитаном этого космического супердредноута, а счастливчик Джакс — его главным инженером.

— Счастливчик Джакс был бы гораздо счастливее, если бы капитаном был он. Капитаном, а не властителем кочегарки, — пробормотал счастливчик Джакс, и все рассмеялись. Все, кроме него, ибо он не шутил.

— Все полностью автоматизировано, — продолжал полковник, — так что экипажа из двух человек вполне достаточно. Но я должен предупредить вас, что на борту находится экспериментальное оборудование, так что, кто бы ни полетел, он должен добровольно…

— Согласен! — заорал Стилет.

— Что-то мне в нужник захотелось, — сказал Джакс, поднимаясь, и тут же мгновенно сел на место — жуткий на вид бластер сам по себе выскочил из кобуры прямо в руку полковника.

— Ха-ха, шутка. Конечно, согласен!

— Я знал, ребята, что на вас можно положиться. ДДД воспитывает настоящих *мужчин*. И разумеется, настоящих верблюдов тоже. Итак, вот что вы должны сделать. Завтра утром ровно в 0304:00 вы оба возьмете старт на «Совершенстве» и продырявите эфир в направлении Лебедя. Возьмете курс на *некую* планету…

— Ну-ка, ну-ка, пожалуй, я могу угадать какую, — зловеще сказал Стилет, скрежеща зубами. — Это что же, шутки ради вы хотите послать вас на планету Биру-2, битком набитую ларшниками?

— Именно. Это главная база ларшников, секретное игорное гнездо и центр торговли наркотиками, место, где разгружаются транспорты с белыми рабами и печатается фальшивая «капуста», очаг перепонки флннкса и логово пиратских орд.

— Если вы хотите драки, похоже, вы ее получите, — скривился Стилет.

— А ты, я вижу, слов на ветер не бросаешь, — согласился полковник. — Если бы мне скинуть года да поменьше протезов, я бы ухватился за такую возможность при первом…

— Вы могли бы стать главным инженером, — намекнул Стилет.

— Заткнись, — отрубил полковник. — Удачи вам, джентльмены, и пусть слава ДДД не покинет вас.

— И верблюдов тоже? — спросил Стилет.

— Верблюдов как-нибудь в другой раз. Перед нами встала проблема… э-э… притирки. Пока мы здесь сидим с вами, мы

потеряли еще четверых выпускников. Может быть, даже придется сменить животных. Пусть это будет ДСД.

— С боевыми *собаками?* — спросил Джакс.

— Или со свиньями. А то и с сиренами. Но это уж моя забота, а не ваша. Все, что от вас требуется, парни, — это добраться до Биру-2 и расколоть эту планету как гнилой орех. Я знаю, вам это по плечу.

Если у каменноликих десантников и были какие-то сомнения, они оставили их при себе, ибо таков порядок, заведенный в Дивизии. Они сделали все необходимые приготовления, и на следующее утро ровно в 0304:00 могучее тело «Совершенства» умчалось в пространство. Ревущие двигатели Макферсона изливали в реактор квинтильоны эргов энергии, и наконец корабль оказался на безопасном расстоянии от гравитационного поля матушки-Земли. Джакс в поте лица трудился возле двигателей, швыряя полные лопаты радиоактивного *травсвестита* в зияющую пасть голодной топки, пока наконец Стилет не просигналил с мостика, что наступило время поворота «оверсвет». И они переключились на ускоритель Келли — пожиратель пространства. Стилет вдавил кнопку включения ускорителя, и огромный корабль рванулся к звездам со скоростью, в семь раз превышающей световую. Поскольку ускоритель был полностью автоматизированным, Джакс освежился в освежителе, а его одежда была выстирана в стирателе. Затем Джакс вышел на мостик.

— Ого, — сказал Стилет, и его брови поползли на лоб. — Я и не знал, что ты носишь суспензорий «в горошек».

— Это единственный предмет одежды, который остался чистым. Всю остальную одежду стиратель растворил.

— Не беспокойся об этом. Пусть теперь беспокоятся ларшники с Биру-2! Мы войдем в атмосферу ровно через семнадцать минут, и я как раз обдумывал, как нам лучше поступить, когда это произойдет.

— Разумеется, *кому-то* из нас ведь надо мозгами шевелить! Я даже перевести дух не мог — не то чтобы задуматься.

— Не трепыхайся, старик, мы ведь оба по уши в этом деле. Как я это вижу, у нас два варианта выбора. Мы можем ворваться с ревом, паля из всех пушек, а можем подкрасться тайком.

— О-о, ты и на самом деле *думал*.

— Пропущу это мимо ушей, потому что ты устал. Как бы мы ни были сильны, я допускаю, что наземные батареи еще сильнее. Предлагаю проскользнуть так, чтобы нас не заметили.

— Не трудновато ли, если учесть, что мы летим на корабле массой тридцать миллионов тонн?

— В обычных условиях — да. Однако, видишь ли ты эту кнопку с надписью «зависимость»? Пока ты загружал топливо, мне объяснили, в чем тут суть. Это новое изобретение, его никогда еще не испытывали, оно обеспечит нам невидимость и недосягаемость для любых средств обнаружения.

— Похоже на дело. Еще лететь пятнадцать минут, мы уже совсем близко. Включаем этот замечательный луч невидимости…

— *Не смей*!

— Сделано. А в чем проблема?

— Уже ни в чем. Кроме того, что экспериментальное устройство невидимости рассчитано не более чем на тринадцать минут работы, затем оно перегорает.

К несчастью, так и произошло. В ста милях от бесплодной, искореженной поверхности Биру-2 добрый старый корабль «Совершенство» возник из небытия.

В наимельчайшую долю миллисекунды мощный космический сонар и суперрадар зловеще скрестили лучи на вторгшемся корабле, а контрольные лампочки на пультах управления уже мигали секретным кодом, ожидая, когда поступит правильный ответ, который позволит считать посягателя одним из своих.

— Я пошлю сигнал и натяну им нос, — рассмеялся Стилет. — Эти ларшники весьма туповаты.

Он нажал большим пальцем кнопку микрофона, переключился на межзвездную аварийную частоту и жалобно проскрежетал:

— Агент Икс-9 — главной базе. Принял огневой бой с патрулем, сжег кодовые книги, но приручил этих… до единого, ха-ха! Возвращаюсь домой с грузом — на борту 800.000 тонн адской травки крммл.

Реакция ларшников была мгновенной. Разверстые жерла тысяч гигантских орудийных бластеров, вкопанных в землю, выплюнули лучи изголодавшейся энергии, от которых задрожала сама материя пространства. Эта сверкающая лавина обрушилась на неприступные защитные экраны старого доброго корабля «Совершенство», которому, увы, не суждена была долгая жизнь, в мгновение ока прошила защиту и ударила сверкающим валом в борт самого корабля. Никакая материя не могла противостоять этой силе, высвобожденной из сверкающих недр планеты, посему неуязвимые металлические непроницитовые стенки моментально испарились, обратившись в неосязаемый газ, который в свою очередь распался на отдельные электроны и протоны (и нейтроны тоже), из коих, в сущности и состоял.

Да что там говорить, никакие кровь и плоть не могли противостоять этой мощи. Но за те несколько секунд пока

сверкающая энергия прогрызала силовые защитные поля, корпус, облака испарившегося металла и гущу протоков, наша отчаянная двойка доблестных десантников нырнула очертя голову в космические бронированные скафандры. И вовремя! Останки того, что еще совсем недавно было огромным кораблем, вонзились в атмосферу и спустя несколько секунд грохнулись на отравленную почву Биру-2.

Для стороннего наблюдателя это выглядело концом всех концов. Некогда величественная королева космических трасс больше не поднимется к звездам, ибо в данный момент она представляла собой кучу дымящегося хлама весом не более двухсот фунтов. Эти жалкие обломки не подавали никаких признаков жизни, что подтвердили наземные гусеничные ползуны, которые вывалились из расположенного поблизости потайного люка, замаскированного в скале, и обнюхали все дымящиеся кусочки, настроив свои детекторы на максимальную чувствительность. «Отвечайте!» — взвыл радиосигнал. «Никаких следов жизни до пятнадцатого знака после запятой!» — рявкнул, выматерившись, оператор ползунов, после чего дал им команду возвращаться на базу. Металлические траки машин зловеще пролязгали по голой земле, и все стихло. Осталась лишь остывающая масса металла, которая зашипела от отчаяния, когда на нее пролились слезы ядовитого дождя.

А что наши верные друзья-неужели они мертвы? Я думал, ты о них уже никогда не вспомнишь. Неведомо для ларшниковских специалистов, всего лишь за миллисекунду до того, как останки корабля грохнулись на землю, мощные сталитовые пружины выстрелили двумя массивными, практически неразрушимыми бронированными скафандрами, забросив их к горизонту, где они и приземлились около замаскированного скалистого гребня, который, ПО ЧИСТОЙ СЛУЧАЙНОСТИ, на самом деле оказался скалистым гребнем, в коем был устроен потайной люк, скрывавший галерею, откуда появились наземные ползуны с их детекторами, так ничего и не обнаружившими, и куда они вернулись по команде матерящегося оператора, который, одурев от очередной порции адской травки крммл, так и не заметил, как дернулись стрелки индикаторов в тот момент, когда ползуны въезжали в туннель, неся на своем обратном пути груз, которого вовсе не существовало в момент выезда, — и тут огромный люк с треском захлопнулся позади ползунов.

— Дело сделано! Мы взломали их оборону! — возликовал Стилет. — И вовсе не благодаря тебе. Мрддл тебя дернул нажимать на кнопку невидимости.

— А откуда я мог знать? — огрызнулся Джакс. — Так или

иначе, а корабля у нас теперь нет, зато есть элемент внезапности. Они не знают, что *мы* здесь, а мы знаем, что *они* тут как тут.

— Хорошо сказано… Ш-ш-ш! — шикнул Стилет. — Пригнись, мы куда-то проехали.

Ползуны с лязгом и грохотом ворвались в огромное помещение, вырезанное в скале, — его заполняли смертоносные военные машины всех видов и размеров. Единственным человеческим существом здесь — если его, конечно, можно назвать человеческим, был оператор-ларшник: как только он засек агрессоров, его грязные пальцы тут же метнулись к пульту управления огнем, но судьба не отпустила ему ни единого шанса. Лучи двух снайперски нацеленных бластеров скрестились на нем, и через миллисекунду в кресле ничего не осталось, кроме обугленного оковалка дымящейся плоти. Наконец-то закон Дивизии настиг ларшников в их собственной берлоге.

Да, это был сам Закон — беспристрастный и неумолимый, непредвзятый и кровавый, — ибо в сем логове не было «невинных». Жадная ярость цивилизованного возмездия уничтожала всякого, кто оказывался на пути двух закадычных друзей, несшихся по коридорам бесчестья на смертоносном самоходном орудии.

— Там какая-то большая шишка, — скорчил гримасу Стилет, указывая на гигантскую, окованную золотом дверь из непроницита, перед которой команда смертников покончила жизнь самоубийством под безжалостным проливным огнем.

Дверь попыталась оказать слабое сопротивление, но друзья сломили его, последний барьер пал в дыме, сверкании искр и грохоте, десантники триумфально въехали на центральный пост, где маячила всего одна фигура, сидевшая за главным пультом управления, — сам Суперларш, тайный главарь межзвездной преступной империи.

— Твоя смерть пришла! — зловеще пропел Стилет, недрогнувшей рукой направив оружие на черную фигуру в светонепроницаемом космическом шлеме. — Снимай шлем или умрешь на месте!

В ответ раздалось клокотанье задушевной ярости, и на несколько долгих мгновений дрожащие руки в черных перчатках зависли над кнопками управления огнем. Затем, еще медленнее, эти же руки протянулись к застежке на горле, повернули ее и медленно-медленно подняли шлем над головой…

— Клянусь священным именем пророка Мррдла! — в унисон просипели оба десантника перехваченными горлами, а затем дар речи их покинул.

— Да, теперь вы знаете, — злобно скрежетнул зубами

Суперларш. — Но — ха-ха! — держу пари, вы даже не догадывались…

— Вы!! — выдохнул Стилет, взламывая лед наступившей тишины. — Вы! Вы!! ВЫ!!

— Да, мы, я, полковник фон Грудт, командующий ДДД. Вы никогда не подозревали меня, и — о-о! — как я смеялся над вами все это время.

— Но… — Джакс запнулся. — *Почему*?

— Почему? Ответ очевиден любому, кроме вас, свинских межзвездных демократов. Единственное, чего следовало опасаться ларшникам всей галактики, — это возникновения силы, подобной ДДД, могучей силы, неподкупной и не поддающейся проникновению извне, полной благородства во имя добродетели и справедливости. Вы могли причинить нам много неприятностей. Вот почему мы создали ДДД, и в течение долгого времени я был главой обеих организаций. Наши вербовщики привлекают лучшие кадры, которые только могут поставить цивилизованные планеты, а я забочусь о том, чтобы большинство из них очерствело, потеряло всякий моральный облик, чтобы тела и души их были сокрушены, — и в дальнейшем они больше не представляют никакой опасности. Конечно, некоторые проходят несломленными через весь курс, каким бы отвратительным я его не делал, в каждом поколении есть определенная доля супермазохистов, но я вовремя забочусь о том, чтобы к этим персонам как можно быстрее применялись самые эффективные меры.

— Вроде отправки с миссией, равносильной самоубийству? — спросил Стилет стальным голосом.

— Это неплохой способ.

— Значит, нас послали на верную смерть… НО ЭТО НЕ СРАБОТАЛО! Молись, вонючий ларшник, сейчас ты встретишься со своим создателем!

— Создатель? Молись? Вы что-выжили из ума? Все ларшники остаются атеистами до самого конца своих…

И это действительно был *конец* — ларшник исчез в сверкающем столбе пара, так и не договорив своих подлых слов, впрочем, лучшего он все равно не заслуживал.

— А что теперь? — спросил Стилет.

— Вот что, — ответил Джакс, пригвоздив его к полу неотразимым парализующим лучом из оружия, которое он все еще держал в руке. — Хватит с меня вторых ролей. Я по горло сыт моторным отсеком, в то время как ты стоишь на мостике. Теперь *моя* партия, отныне и навсегда.

— Ты в своем уме? — пролепетал Стилет парализованными

губами.

— Да, в своем — впервые в жизни. Суперларш умер, да здравствует новый суперларш! Это все мое, вся галактика, МОЕ!

— А что будет со мной?

— Мне следовало бы убить тебя, но это слишком легкий путь. Когда-то ты делился со мной плитками шоколада. Тебя будут судить за весь этот погром, за смерть полковника фон Грунта и *даже* за уничтожение главной базы ларшников. Руки всех будут на тебе, ты станешь изгоем и, спасаясь бегством, достигнешь самых дальних пределов галактики, где будешь жить в вечном страхе.

— Вспомни про плитки шоколада!

— Помню. Мне всегда доставались только лежалые. А теперь… ПШЕЛ ВОН!

Ты хочешь звать мое имя? Достаточно Старины Сержанта. Рассказывать дальше? И так слишком много для твоих нежных ушей, малыш. Давай-ко лучше наполним стаканы, вот так, и произнесем тост. Хватит-хватит, вполне достаточно для бедного старика, который слишком много повидал на своем долгом веку. Так пусть же счастье изменит ему, чтоб ему пусто было, чтобы Великий Крамддл навеки проклял его имя — имя человека, которого иные знают как Джентльмена Джакса. Что, голоден? Я? Нет, я не голоден. Нет. НЕТ! Только не шоколад!!!

notes

Примечания

1

ЦБПП — Центральное бюро по подбору персонала

2

КЦ — Коммуникационный центр

3

СТОПК — Служба технического обеспечения подземных коммуникаций